

Барнаульский государственный педагогический университет
Лаборатория исторического краеведения
Управление архивного дела администрации Алтайского края
Российский государственный гуманитарный университет
Международное историко-просветительное и правозащитное общество «Мемориал»

Устная история (Oral History): теория и практика

*Материалы всероссийского
научного семинара
25–26 сентября 2006 г.*

Барнаул • 2007

ББК
УДК

Научный редактор –
д-р ист. наук *Т. К. Щеглова*

Устная история (oral history): теория и практика: Материалы всерос. науч. семинара 25–26 сентября 2006 г. / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. — 374 с.

ISBN

В сборнике опубликованы материалы всероссийского семинара, в рамках которого прошла конференция «Устная история (oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, научная интерпретация», мастер-классы «Устная история и документалистика: из опыта работы государственных архивов» и «Междисциплинарные возможности устной истории», а также круглые столы «Интервью в социогуманитарных исследованиях» и «Устный исторический источник: проблемы создания, документирования и интерпретации». В самостоятельный раздел выделены материалы презентации российских центров устной истории, характеризующие основные научные направления и проекты устной истории.

В публикациях российских исследователей рассматриваются проблемы источниковедения новейшей истории России; теории и методологии устной истории; методического и научного обеспечения интервью, взаимоотношения и взаимодействия рассказчика и респондента. Обобщается опыт работы зарубежных и отечественных исследователей по сбору, хранению, интерпретации и публикации устных исторических источников, адаптации зарубежного опыта в отечественной практике. Самостоятельное звучание приобрело обсуждение проблем микроистории и опыта работы с устными источниками в школе и вузе а также взаимодействия государственных архивов и устных архивов образовательных учреждений. Конкретно-исторический характер носят публикации по использованию методов устной истории в изучении проблем истории России XX в.: репрессии и раскулачивание, социальная дистанция в советской деревне, повседневная жизнь города, архипелаг «ГУЛАГ» и др. В обсуждении приняли участие историки, социологи, этнографы, фольклористы, лингвисты, музеологи, архивисты.

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ-Регион
(проект 06-01-60182 Г/Т)

ISBN 5-0000-000-00

© Барнаульский государственный педагогический университет, 2006

© Лаборатория исторического краеведения, 2006

1. ЦЕНТРЫ И ПРОЕКТЫ УСТНОЙ ИСТОРИИ В РОССИИ

Е. Мельникова

Центр устной истории. Европейский университет в Санкт-Петербурге

Центр был создан в 2001 г. при поддержке института «Открытое общество» (фонд Сороса), Европейского университета в Санкт-Петербурге и Центра устной истории университета Индианы, США. Деятельность центра направлена на развитие исследований и подготовку специалистов в области анализа устных воспоминаний. Основная задача Центра заключается в организации и поддержке академических ресурсов, способствующих использованию устных данных. Направления деятельности:

- запись и транскрибирование интервью;
- информационная поддержка;
- подготовка специалистов;
- исследовательские проекты;
- создание архива устных материалов;
- работа музея устной истории (совместно с центром «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге)

Научные проекты

2006–2007. *Повседневность эпохи позднего социализма в памяти последнего советского поколения.* Реализуется в рамках «городской экспедиции» Центра устной истории. Проект ориентирован на анализ восприятия прошлого теми людьми, кто родился и начал свою карьеру в эпоху так называемого позднего социализма. Основные темы проекта:

- (а) Адаптация дискурса о «перестройке-переломе» в личных биографиях.
- (б) «Переработка советского прошлого» — реакция представителей последнего советского поколения на обсуждение советского прошлого в СМИ.
- (в) А была ли перестройка? «Перестройка» сквозь призму повседневности.
Участники: Е. А. Мельникова (руководитель), аспиранты ЕУСПб.

2006–2007. *«Бамовцы» о БАМе: история последней стройки социализма.* Поддержан Американским советом научных сообществ ACLS). Участники: Т. Ю. Воронина (руководитель), В. В. Календарова (Международный Мемориал, Москва), О. А. Ткач (ЦНСИ), Е. А. Богданова (ЦНСИ).

Проект рассматривает социально-культурные последствия строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, ее роль в судьбах строителей и жителей региона. В ходе реализации проекта планируется взятие интервью у строителей БАМа. Нас интересуют основополагающие проблемы существования человека в условиях «социализма на периферии», вопросы влияния пропаганды на население, проблемы внутренней миграции в СССР и т. п. В методическом отношении проект предполагает комплексное междисциплинарное исследование с применением широкого круга источников.

2001–2004 *Блокада в судьбах и памяти ленинградцев.*

Поддержан ЕУСПб (внутри университетский грант 2001 г.). Руководитель — доцент факультета истории ЕУСПб канд. ист. наук Е. И. Кэмпбелл. Проект посвящен исследованию взаимодействия и трансформации коллективной и индивидуальной памяти о блокаде на протяжении жизни нескольких поколений ленинградцев.

2001–2002. Образовательный проект *«Создание учебного центра подготовки специалистов в области устной истории».* Поддержан институтом «Открытое общество» (фонд Сороса). Руководитель — доцент факультета истории ЕУСПб канд. ист. наук Е. И. Кэмпбелл. Особенность проекта заключались в том, что теоретический курс освоения устной истории как метода сопровождался полевой и исследовательской практикой. Большое внимание уделялось принципам источниковедческого анализа интервью, а также сопоставлению устных источников с другими типами источников; важное место в программе занимало обучение современным технологиям записи, обработки и архивирования аудио- и видеoinформации.

Мероприятия

Постоянно действующий семинар по устной истории.

Весна 2007 г. — тренинг по устной истории в рамках работы работы Nordic-Baltic-Russian Network при поддержке фонда Norden (программа Nordplus Neighbour 2006–2007).

21–22 мая 2004 г. — конференция «Вторая мировая война в устных свидетельствах».

14 мая 2003 г. — Круглый стол «Блокада и память. Блокада и история»

29–31 января 2002 г. — международная зимняя школа «Устная история: теория и практика».

13–15 июня 2002 г. — международный научный семинар «Война и память».

Публикации

Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / Под ред. М. В. Лоскутовой. М.: Новое издательство, 2006. 392 с. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 2).

Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Северного Приладожья и Карельского перешейка. СПб, ЕУСПб, 2005.

Хрестоматия по устной истории / Сост. М. В. Лоскутова. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003.

Блокада глазами очевидцев. Интервью с жителями Ленинграда 1940-х гг. // Нестор. № 6 (2001, № 2). Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Человек и война. Источники, исследования, рецензии.

Лоскутова М. В. Устная история: Метод. рекомендации по проведению исследования. СПб: Европейский Дом, 2002.

Блокада в судьбах и памяти ленинградцев / Ред. М. Лоскутова. М.: Новое изд-во, 2005.

«Голоса блокадного поколения». CD, ориентированный на преподавателей средних школ и младших курсов университетов.

Л. В. Занданова

Социокультурная история Байкальской Сибири в исторической памяти народа (опыт деятельности НИИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ»)

Братск — довольно молодой город, в 2006 г. ему исполнилось 50 лет. Братский государственный университет еще моложе, он существует лишь 25 лет. Долгое время это был технический вуз, однако необходимость развития гуманитарного цикла в образовательной сфере повлекла за собой открытие научно-исследовательской лаборатории гуманитарных исследований, которой в этом году исполнился ровно год.

То, что город вырос не на пустом месте (на этой земле в 1636 г. преодолев труднейшие пороги Ангары, единственной реки, вытекающей из Байкала, казацкие отряды основали Братский острог), определило в качестве основного направления научных исследований сотрудников лаборатории социокультурную историю края. Основная цель этой работы — восстановление и сохранение социокультурной истории Байкальской Сибири, главным образом Приангарья, уникальной по своей региональной специфике территории, посредством фиксации как индивидуальной, так и коллективной памяти населения. Дело в том, что ключевыми факторами складывания социокультурного ландшафта Прибайкалья, в том числе и Приангарья, были миграции населения, его слияние с местными, коренными народами, что привело к образованию самобытных этнокультурных групп, тесному пере-

плетению различных культур. Основным предметом нашего изучения стали устные повествования жителей Приангарья на исторические темы: о заселении региона, создании населенных пунктов, их развитии в XVII–XX вв., основных событиях в жизни страны, таких как революция, Гражданская война, установление советской власти, коллективизация и раскулачивание, массовые репрессии, Великая Отечественная война и т. д. Важное место в формировании научного знания с привлечением устной истории занимают рассказы старожилов об их повседневной жизни, практиках выживания, культурных традициях, распределении ролей в гендерном плане, особенно-стях менталитета сибиряков.

Река Ангара стала вначале главной дорогой для первопроходцев, идущих в Восточную Сибирь, а впоследствии — и главным энергоносителем. Во второй половине XX в. на ней были построены всемирно известные Иркутская, Братская и Усть-Илимская гидроэлектростанции. Активное индустриальное освоение региона привело к ликвидации большого количества населенных пунктов по Верхней и Средней Ангаре, в результате чего был утрачен значительный пласт веками формировавшегося хозяйственного уклада, традиционной культуры, опыта выживания, во многом был разрушен особый тип и менталитет коренного сибирского населения.

Строительство на Ангаре еще одной ГЭС — Богучанской, пуск которой намечен на ближайшие 2–3 года, приведет к окончательной утрате остатков памятников материальной культуры ангарских старожилов, которых, увы, становится все меньше и меньше. Все это и определяет основное направление деятельности нашей лаборатории: мы стремимся собрать как можно больше разного рода источников и устных свидетельств, которые позволят воссоздать картину реальной жизни сибирского социума в XX в. посредством их фиксации на аудио-, видео- и цифровые носители.

В 2004–2005 гг. сотрудники лаборатории стали участниками комплексной экспедиции «Сохранение и изучение русского фольклора Приангарья в зоне затопления Богучанской ГЭС», проведенной по гранту РГНФ, что позволило им частично реализовать задуманное. С помощью самостоятельно разработанных методик нами были проведены полевые исследования в селах Усть-Илимского района Иркутской области и Кежемского района Красноярского края, расположенных в средней и нижней части Ангары. На электронных носителях были зафиксированы не только произведения различных жанров фольклора (этим в основном занимались филологи Иркутского государственного университета), но и устные повествования на исторические темы. Кроме того, в Кежемском районном центре — г. Кодинске — были сфотографированы и записаны на видео предметы прикладного искусства, традиционного быта, архивные документы, музейные экспозиции и т. д. В целом проведенная экспедиция показала настоятельную потребность в дальней-

ших полевых изысканиях. В 2006 г. была осуществлена еще одна экспедиция по Средней и Верхней Ангаре. Огромная работа по выявлению и фиксации источников о прошлом с помощью еще живых свидетелей была проведена в селах, готовящихся к затоплению, и тех, которые были перенесены ранее.

Собранный материал еще находится в стадии обработки, однако уже сейчас можно констатировать, что он подтверждает имеющиеся сведения о самобытности и уникальности местности, уходящей в скором времени под воду, и живущего там населения. Особенно четко на общем историческом фоне выделяются и поступательно прослеживаются социокультурные трансформации, происходившие в данном регионе на протяжении XX и в начале XXI в. под влиянием модернизационных процессов в стране в целом. В ходе полевых исследований выяснялось, что бабушки и дедушки, с которыми мы встречались, являются носителями ценнейшей информации о переменах в повседневной жизни народа, его взаимоотношениях с властью, государством, о ментальности сибирского населения. Этих сведений нет ни в архивах, ни в музеях, ни в каких иных хранилищах свидетельств о прошлом. Наши аудио-видео-цифровые записи, скорее всего, станут последним, а возможно, и единственным свидетельством о последних переменах, происходящих сейчас в селах, которые мы обследовали, — Кежма, Паново, Фролово, Едорма, Селенгино и др.

В промежутке между летними экспедициями сотрудники лаборатории провели ряд встреч с жителями города Братска — коренными сибиряками и первостроителями города. Это позволило создать небольшой архив, включивший рассказы переселенцев из сел, ушедших под воду в результате создания Братского водохранилища. Среди них те, кто добровольно переселился в город из близлежащих деревень, а также молодые люди, прибывшие на всесоюзную ударную стройку и своими глазами увидевшие столкновение и взаимовлияние двух миров — старого и нового, а также члены экспедиции, исследовавшей ложе будущего Усть-Илимского моря.

Материалы полевых исследований, собранные участниками экспедиций (а среди них не только зрелые исследователи, кандидаты наук, аспиранты, но и студенты-историки) частично внедрены в учебный процесс в качестве регионального компонента. Изучением истории своего края «заразились» многие сотрудники вуза и студенты гуманитарно-педагогического факультета Братского государственного университета. Остается пожелать им удачи в их начинаниях и продолжения исследований.

А. Козлова

«Узницы АЛЖИРа» и «Дочки АЛЖИРа»: проекты НИПЦ «Мемориал»

Нарушения прав людей в СССР, достигшие апогея в 1937–1938 гг., в период массовых политических репрессий, приобрели столь повседневный и повсеместный характер, что перестали быть чем-то необычным и чрезвычайным. Репрессиям подвергались не только за какие-либо слова или действия, но и за принадлежность к той или иной группе, которую власть в данный момент объявляла враждебной, причем жертвой мог стать любой, независимо от социальной принадлежности, возраста и пола.

Одной из таких групп стали женщины. Получившие в советское время равные права с мужчинами, они «удостоились» той же участи — быть репрессированными и изолированными от общества. Им полагались те же статьи обвинения, что и мужчинам, но была одна статья Уголовного кодекса, по которой осуждались только женщины. Эта статья касается ЧСИР — членов семей изменников родины. Не совершив никакого преступления, женщины должны были отбывать наказание только за то, что являлись матерями, женами, сестрами и дочерьми тех, кого обвинили в измене родине. Для таких женщин были созданы специальные лагеря, и аналога этому не было ни в одной стране мира.

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» более 15 лет занимается увековечением памяти жертв тоталитарного режима. С момента своего создания в 1988 г. «Мемориал» начал «борьбу за прошлое», сопротивление официальной версии истории, которая создавалась не самим обществом, а особо уполномоченными на то партийными идеологами. В условиях замалчивания и сознательного искажения информации о репрессиях государственными инстанциями всех уровней, полной недоступности архивных источников и глубоком сомнении в том, что наше общество получит эту информацию из официальных рук при жизни нашего поколения, «Мемориал» обратился к другой важнейшей источниковой базе — семейным архивам.

В 2003 г. Международный Мемориал и Фонд имени Генриха Бёлля начали совместную работу по освоению темы «Судьбы женщин в сталинское время» в рамках женской программы фонда им. Генриха Бёлля.

Первым шагом в этой большой и важной работе стало издание Книги памяти «Узницы АЛЖИРа», в которую вошли биографические справки о 7 257 женщинах, находившихся в заключении в 1937–1946 гг. в специально созданном по приказу НКВД СССР 3 декабря 1937 г. в Казахстане недалеко от Караганды Акмолинского лагеря жен изменников родины. «АЛЖИР», так полшутя называли лагерь его узницы, принял первый этап в январе

1938 г. и скоро превратился в самый большой женский политический лагерь страны. Книга объемом более 60 печатных листов, снабженная предисловием, иллюстрациями и необходимым справочным аппаратом, была издана тиражом 1 000 экземпляров и представлена широкой общественности в октябре 2003 г. на Франкфуртской книжной ярмарке и в декабре 2003 г. на выставке интеллектуальной книги «Non-fiction» в Москве. Оргкомитет московской выставки выбрал это издание для экспонирования на стенде Top-list, где были представлены самые красивые, наиболее достойно изданные книги 2003 г.

Огромный резонанс имело представление книги «Узницы АЛЖИРа» 28 ноября 2003 г. в Московском государственном литературном музее. На вечере присутствовали дети женщин, чьи имена вошли в наше издание, представители Международного общества «Мемориал», Фонда имени Генриха Бёлля, Ассоциации жертв незаконных репрессий г. Астаны и Акмолинска, посольства Республики Казахстан в России, прессы. Выход книги и отклики на нее показали, что тема не только не исчерпана — в ней открываются неожиданные пласты уникального материала, требующего собирания и осмысления.

В архив Мемориала стали звонить и приходиться родственники женщин, чьи имена опубликованы в книге. Большинство приходящих — дочери узниц АЛЖИРа, бережно хранящие память о трагической жизни своих матерей. Они приходят не только для того, чтобы познакомиться с книгой, — велика потребность рассказать то, что сохранила память. Так возникла идея записать их рассказы, проследить, как судьба матерей, попавших в ГУЛАГ, сказалась на жизни детей, что вылилось в проект «Дочки Алжира», в котором предполагается соединить две памяти — память самих узниц, как правило, сохранившуюся в письменных и документальных свидетельствах, и то, что помнят о своих матерях их дочери. Это позволит по-новому оценить посттравматический семейный опыт, проследить, как история матерей, переживших ГУЛАГ, сказалась на судьбах их дочерей, как прошлое повлияло на конструкцию и состав семьи, насколько мифологизирована память «дочерей АЛЖИРа».

Согласно приказу 00486 от 15 августа 1937 г. дети арестованных женщин должны были быть отданы на воспитание родственникам или отправлены в детдома. Дети до трех лет отправлялись вместе с матерями в тюрьму и в лагерь, для рожденных в лагере действовал специальный Дом малютки. После трех лет их тоже либо забирали родственники, если они были, либо их передавали в детские дома.

Идея создания детдомов специально для детей врагов народа была, но не успела осуществиться. Они попадали в обычные детдома, а то, относились ли к ним более строго, чем к остальным, зависело от персонала. Такие

случаи бывали. Но обычно их просто воспитывали в советском духе. Ребята должны были знать, какая советская власть прекрасная, работать на нее, любить ее и защищать. Это считалось гуманным — дети попадали не в тюрьму, а в детдом.

В первые полтора года после его создания АЛЖИР был лагерем особого режима. Это означает, что его заключенным было отказано в праве переписки. Узницы вообще ничего не знали ни о своих детях, ни, тем более, о мужьях. Они не имели права работать по специальности, все были заняты на общих работах. Их не смешивали с осужденными по другим статьям — соблюдалась строгая изоляция ЧСИР. Только в 1939 г., когда его перевели со спецрежима на общелагерный, запреты были сняты, разрешены переписка и свидания. Правда, надо помнить, что вскоре началась война. Конечно, все свидания прекратились. С оккупированными районами переписка тоже прервалась. И если срок освобождения матери попадал на военные годы, то ее не выпускали. Как правило, узницы оставались в лагере до конца войны или жили на поселении рядом с лагерем. Период разлуки матери с ребенком растягивался иногда до 10 лет. И всегда, когда была возможность, они старались писать друг другу. Конечно, больше всего матери беспокоятся, живы ли дети, что с ними, но мы часто видим и стремление к культурному влиянию: что читать, как себя вести. Много, что родители дома могут и не обсуждать, но показывают примером, здесь стало темой писем.

Самое замечательное — письма самих детей. Они обо всем, что составляет их жизнь. У нас собрано более 500 листов подлинных писем. Письма матерей терялись, их в каких-то случаях боялись хранить и уничтожали, а матери берегли письма детей как самое дорогое, привозили домой — поэтому они так хорошо сохранились, и именно они составляют основу нашей коллекции. Основная часть собрания — письма девочек. Во-первых, мальчики не очень охотно пишут письма; почему — это отдельная тема. Во-вторых, по нашему опыту, именно женщины оказываются хранительницами семейного архива. Обычно к нам приходят дочери, а не сыновья. (Хотя надо помнить, что мальчиков и дожило до сегодняшнего дня в три раза меньше.) Третий важный момент — возвращаясь после освобождения, мать в 90% случаев жила в семье дочери. Это позволяет проследить отношения матерей и дочек в течение долгого времени, в том числе после лагеря.

Сотрудники общества «Мемориал» записали более 150 часов интервью в Москве, Санкт-Петербурге, Харькове, Перми, Челябинске, Тбилиси. Откликнулись дети бывших узниц, живущие в Латвии, Америке, Германии, Польше. В данном случае особое значение имеют устный характер беседы и форма интервью. В разговоре человек может коснуться и таких болезненных и тяжелых тем, которые он не решился бы передать на бумаге. Кроме того, устная форма гораздо лучше фиксирует разговорную лексику, а со-

циолингвистика дает ключ к пониманию гулаговской проблематики на более глубоком уровне.

В архив передан редчайший документ — подлинный дневник из детского дома, а также документы и фотографии из семейных архивов, детдомовские фотографии. Отдельные жанры — «фотографии маме в лагерь» с письмом на обороте и фотографии матерей, сделанные в ссылке. Сложился комплекс официальных документов об опеке и передаче детей в детприемники и детские дома. Всего собрано более 3 000 листов документов и почти 1 000 фотографий. Особенное место в музее «Мемориала» займут вышитые в лагере детские рубашечки, закладки, салфетки, наволочки, которые, как бесценная память о матери, сохранялись в семьях долгие годы.

Открывшиеся сегодня архивные источники по истории ГУЛАГа не только не умаляют, но, наоборот, подтверждают необычайную важность такого источника, как семейная память. Документы, хранящиеся в государственных архивах, недостаточно говорят о судьбе отдельного человека, попавшего в мясорубку государственного террора. Человек в этих документах словно исчезает, он как будто и в самом деле превращается в «лагерную пыль». Официальные документы порой словно пытаются завершить то, что не удалось до конца сделать репрессивной машине, — уничтожить человеческую индивидуальность, оставив лишь безымянного заключенного.

Даже в том случае, когда наконец начнется подробное исследование архивов ГУЛАГа, в которых зафиксированы регламент жизни заключенных женщин, определены нормы питания, санитарные нормы (а до сих пор этим подробно российские исследователи фактически не занимались), это не уменьшит ценность мемуарных источников. Ведь все эти данные по совершенно понятным причинам не совпадают с тем, что сохранила память заключенных. Таким образом, для наших знаний о ГУЛАГе мемуары остаются очень важным, хоть и субъективным, источником.

Сочетание и сравнение архивных и личных источников необходимо для того, чтобы понять, с одной стороны, как функционировала система ГУЛАГа и какое место занимали в системе в ней заключенные-женщины, а с другой стороны — какими видели эту систему и свое место в ней сами женщины. При этом необходимо учитывать и то, что система ГУЛАГа в большой степени являлась, особенно с конца 1930-х гг., доведенным до самых острых, жестких и абсурдных форм продолжением общей советской системы. Поэтому данный проект дает возможность взглянуть не только на место женщины в системе заключения, но и вообще на то, что реально происходило за фасадом сталинской пропаганды.

Многие из тех, с кем мы встречались, говорили, что им очень хочется увидеть те места, где столько лет находились разлученные с ними матери, куда они нетвердым детским почерком писали письма, выводя на конверте

«Казахстан, Акмолинск, п. 26». Вспоминали рассказы матерей о губительных буранах, высоком небе, бескрайней раскаленной летней степи, жгучем морозе, ярких весенних цветах и серебристых океанах ковыля, потрясающих закатах над озером. А еще об изнурительной, изматывающей работе по заготовке камыша и изготовлению саманных кирпичей, о тополевых аллеях, садах и арыках, в создание которых вложены здоровье и жизни узниц, их отчаяние, тоска по взрослеющим без них детям и надежда на встречу.

Летом 2004 г. Международный Мемориал и Рязанское городское историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» организовали экспедицию в Казахстан. Член Союза фотохудожников России Николай Середа побывал в местах расположения бывшего Акмолинского лагеря. Его работы – свидание с АЛЖИРом для тех детей, кто был там с родителями почти полвека назад, для тех счастливых, кто смог приехать сюда на свидание с мамой, для тех, кто никогда не видел этих мест, но всю жизнь помнит названия: Малиновка, Долинка, Карабас...

В Малиновке ничего не осталось от бывшей здесь в 1930-е гг. зоны. На месте лагерных барачков стоят обычные «хрущевские» пятиэтажки. Поселок сильно разросся и совсем не похож на бывшее здесь когда-то лагерное отделение № 26 – печально знаменитый лагерь АЛЖИР. Однако природа этих мест совсем не изменилась. Все та же бескрайняя степь окружает поселок, так же бездонно небо над ней и так же красивы восходы на озере Жалын-наш. Живы и тополя, посаженные узницами вдоль арыков на полях АЛЖИРа. Немым свидетелем тех времен стоит огромное, построенное на века, здание Главного управления КАРЛАГа. Здание заколочено – в маленьком поселке Долинка, бывшей столице КАРЛАГа, никому не по средствам содержать такое здание. Осталась еще колючая проволока на заброшенных каменоломнях близ ворот КАРЛАГа – станции Карабас. С той страшной поры прошло немного времени – колючая проволока еще не сгнила.

В ближайших наших планах – провести большую выставку «Дочки-матери ГУЛАГа» и подготовить электронный «семейный альбом» на сайте или на CD. Есть идеи создать пособие к школьному уроку по истории репрессий и хрестоматию с фотографиями и рисунками. Их можно было бы использовать как материал по архивной педагогике, ярко показывающий, как история оставляет следы в семейном архиве. В следующем году мы планируем провести примерно 30 интервью с «мальчиками АЛЖИРа». Словно услышав наши мысли, в архив недавно пришел мужчина и принес около 100 писем, опровергнув наше представление о том, что писали одни девочки. Я думаю, крайне важно услышать и зафиксировать то, что помнят мужчины.

Историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Московский Мемориал» продолжает собирать свидетельства о судьбах, прошедших под знаком «ЧСИР», и мы будем бесконечно благодарны

всем, кто поможет нам в этом, всем, кто передаст в музей и архив подлинные вещи и произведения искусства из мест заключения, фотографии и документы. Уходит время, гибнут уникальные документы и свидетельства. Вместе с вами мы должны их сохранить.

И. Р. Такала, А. В. Голубев, А. Ю. Осипов

**Российско-белорусский научно-исследовательский проект
«Предвоенное и послевоенное десятилетия: трансформация
культуры сквозь призму повседневных адаптивных практик (БССР,
КФССР)»¹**

Предвоенное и послевоенное десятилетия являются уникальными периодами в истории СССР, в ходе которых происходит серьезная трансформация повседневной культуры советского общества, возникают новые адаптивные практики и механизмы взаимодействия населения с властью, другими культурами, этническими и социальными группами. Эти процессы получили широкое освещение в научной литературе, но практически все исследования велись методами политической истории, основываясь на изучении воздействия, которое власть оказывала на общество. Внимание историков привлекали прежде всего такие вопросы, как преодоление экономического кризиса, общественно-политическое устройство страны и международные отношения. При такой постановке исследовательской проблемы нераскрытыми оставались целые пласты исторической реальности, такие, например, как восприятие власти в сознании общества, особенности и эволюция этого восприятия, специфика мировоззрения людей изучаемого периода, наконец, повседневные адаптивные практики, изучение быта людей.

Устная история, методы которой уже хорошо разработаны на теоретическом уровне, дает возможность расширить исследовательское поле, вводя в научный оборот такие уникальные источники, как интервью очевидцев, отражающие субъективное восприятие, эмоции «маленького» человека, особенности ментальности советских людей того времени.

Источники и материалы, полученные при помощи методов устной истории, могут существенно скорректировать представления о советском обществе до- и послевоенного десятилетий, а также позволят выявить новые исследовательские задачи. Таким образом, задачи коллектива ученых следующие.

1. Сформировать и ввести в научный оборот комплекс источников, освещающих повседневную жизнь и культурные практики населения Республики

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант РГНФ 06-01-90104а/Б)

ки Беларусь и Республики Карелия в предвоенное и послевоенное десятилетия.

2. Осуществить сравнительно-историческое изучение культурных трансформаций и межкультурного взаимодействия в приграничных регионах СССР, где постоянно нараставшие в изучаемый период миграционные процессы (в силу разных причин) весьма активно воздействовали на формирование новых межкультурных диалогов и адаптивных практик.

В аналитической части исследования предполагается синтез синхронического (изучение параллельных событий в Карелии и Белоруссии) и диахронического (сравнительный анализ предвоенного и послевоенного десятилетий) подходов к изучаемой проблеме, а также совмещение двух исследовательских методик: исследование повседневной картины мира советского гражданина в предвоенное и послевоенное десятилетие с помощью культурно-семиотического подхода и сравнительно-исторический анализ полученных данных. Подобная комбинация исследовательских методик позволит обеспечить наиболее точную реконструкцию механизмов трансформации повседневной культуры в 1930-е и 1945–1956 гг.

Важную роль в успешном осуществлении проекта играет использование возможностей сайта Центра устной истории ПетрГУ (Oralhist.karelia.ru). Данный сайт был создан в 2004 г. и изначально планировался как «точка входа», обобщающая информационные ресурсы Интернет по устной истории, а также как средство электронной публикации материалов сотрудников центра и воспоминаний, собранных в рамках проектов центра. На страницах сайта можно найти также материалы по Великой Отечественной войне, Зимней войне и финской оккупации Карелии.

Несколько направлений работы центра привели к необходимости разработки системы веб-управления содержанием. В основе сайта лежит модульная структура, при этом основными разделами являются раздел администрирования и пользовательский раздел (раздел отображения информации), каждый из которых делится на соответствующие модули ввода, редактирования и просмотра содержания. Система управления содержанием сайта написана на языке программирования Perl с использованием СУБД MySQL.

В настоящее время основной функцией сайта является координация работ по проекту «Предвоенное и послевоенное десятилетия: трансформация культуры сквозь призму повседневных адаптивных практик». Основными задачами в рамках данной работы являются: хранение и представление единой базы данных для российских и белорусских участников проекта; использование системы автоматического структурирования текстов интервью; наличие полнотекстового поиска и системы оповещения участников проекта о научных мероприятиях.

Для автоматического структурирования текстов интервью используется их предварительная разбивка по рассказу респондента и по ответам на вопросы (при сборе воспоминаний используется унифицированный список вопросов). В результате работы модуля исследователь может получить корпус ответов всех респондентов по определенному вопросу, разделу или теме интервью.

Оптимальное представление материалов сайта предполагает использование полнотекстового поиска по текстам интервью. Модуль поиска не возвращает результатов, если искомое слово или сочетание слов встретилось в самом вопроснике, однако дополнительные (уточняющие) вопросы используются в качестве источника данных наряду с самим рассказом или ответами респондента. Модуль поиска использует алгоритм псевдо-морфологического поиска. Данный алгоритм был выбран в качестве альтернативы использованию полного морфологического поиска, основывающегося на базе словаря А. А. Зализняка, как излишне ресурсоемкого для целей данного проекта. Необходимость введения алгоритма псевдо-морфологического поиска обусловлена морфологическим богатством русского языка: у существительного имеется до 12 словоформ, у глагола, если считать причастия, свыше 100. Возможности сайта предполагают также применение контент-анализа при изучении интервью, используя различные программы по статистической обработке смысловых единиц электронных текстов (ТАСТ, Word Tabulator).

Поскольку Карелия – многонациональная республика, основным принципом для создания выборки респондентов является представительство разных этнических и региональных групп. К основным группам относятся финно-угорские народы (карелы, финны, вепсы) и славянские народы (белорусы, украинцы, русские, среди которых следует выделить и поморов, и население Заонежья, и коренных жителей Петрозаводска, и русское население, переехавшее в Карелию в довоенное и послевоенное десятилетия). Кроме того, в Карелии проживали литовцы, латыши, евреи, цыгане и представители других национальностей. Дополнительным критерием отбора респондентов является дата рождения – не ранее 1930 г.

Сама беседа с респондентом предполагает комбинацию двух основных подходов: «life story» и работу по вопроснику. В рамках первой части беседы мы просим респондента рассказать то, что он помнит о предвоенном периоде (как правило, детстве) и о послевоенной жизни до 1956 г. Вторая часть интервью ведется по вопроснику. Во время подготовки проекта мы разработали заведомо большой вопросник (120 вопросов), разбив его на тематические блоки: детство, учеба, работа, семья, общество и власть. В зависимости от этнического, культурного или социального статуса респондента исследователь сосредотачивается на определенных блоках, не стремясь ох-

ватить весь вопросник. Так, например, при работе с бывшими сотрудниками правоохранительных органов основной упор сделан на блок «Общество и власть».

Данный научно-исследовательский проект осуществляется силами российских (карельских) и белорусских (минских) исследователей. Участниками проекта являются ученые из Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), Карельского научного центра РАН, а также из Белорусской академии наук. Руководителем проекта выступает И. Р. Такала, заведующая кафедрой истории стран Северной Европы ПетрГУ. Проект рассчитан на два года, и в настоящее время можно говорить только о промежуточных итогах. К таким можно отнести сбор и транскрибирование 20 интервью, собранных в Петрозаводске, а также в ходе двух экспедиций в населенные пункты Чална (место компактного проживания финнов) и Шелтозеро (место компактного проживания вепсов). Сбор первых интервью привел также к исправлению и уточнению вопросника.

Следующим этапом работы исследовательской группы станет сбор недостающих интервью, их анализ, а затем сопоставление полученных материалов с результатами работы белорусских коллег.

Т. К. Щеглова

Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа, документирование устных исторических источников и их интерпретация

В 1991 г. при кафедре отечественной истории БГПУ была создана лаборатория исторического краеведения (зав. — д-р ист. наук М. А. Демин). Ее организационная структура сформировалась в течение нескольких лет на основе самостоятельных направлений исследовательской деятельности ее сотрудников. Одним из подразделений является сектор этнографии и устной истории (зав. — д-р ист. наук Т. К. Щеглова).

Сектор этнографии и устной истории ЛИК — это прежде всего научный центр Алтайского края. Он был образован первоначально с целью изучения исчезнувших и исчезающих сел Алтая. Алтайский край является аграрным регионом. Начиная с 1990 г. начали проводиться первые порайонные экспедиции для опроса жителей исчезнувших и малых сел. Уже в 1991 г. на конференции по проблемам устной истории СССР, проведенной Всероссийским обществом устной истории в г. Кирове были обобщены первые результаты по формированию коллекции устных источников по истории исчезнувших сел Солонешенского и Павловского районов [1], а с сентября того же года была начата стационарная работа в Барнауле. Первым городским проектом стало интервьюирование жителей правобережья р. Барнаулки

(район тюрьмы), бывших заключенных и сотрудников барнаульской тюрьмы с целью восстановить картину массовых репрессий в 1930-е гг. и выявить границы захоронений на месте расстрелов. Это была хоздоговорная работа по заказу городской администрации, когда наряду с традиционными археологическими методами по установлению границ захоронений использовался опрос очевидцев. Проведенная работа позволила не только создать самостоятельный фонд устных исторических источников, но и восстановить черту массовых казней и захоронений, установить мемориальные границы территории, получившей статус городского кладбища, и вывести данную территорию из зоны застройки.

В результате работы над этими проектами сформировались исследовательские программы «Города и села Алтайского края: историческое наследие» (с 1994 г. — «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие») и «Депортации народов и репрессии на территории Алтайского края». Дальнейшая трансформация программного обеспечения работы сектора происходила за счет тематического расширения и углубления изучения деревенского информационного пространства, которое стало рассматриваться не только как духовное наследие, но и как памятники крестьянской культуры. Так появилась в 1994 г. новая программа «Этнография Алтайского края (с 1998 г. — «Этнография Алтая и сопредельных территорий)». Центр устной истории преобразовался в сектор этнографии и устной истории, полем деятельности которого было определено деревенское информационное пространство с его материальными и духовными следами прошлой жизни и культуры, с мыслительными конструктами деятельности этнокультурных и этносоциальных групп алтайского села. Эти программы в соответствии с интересами исследователей, аспирантов, магистрантов и студентов, занимающихся научно-исследовательской работой, позволяют составлять индивидуальные подпрограммы, например «История села в период советских государственных и партийных кампаний XX в.», в том числе «Деревня в период единоличного хозяйствования», «Коллективизация, раскулачивание и репрессии в алтайской деревне в 1930-е гг.», «Война 1941–1945 гг. и село: женская судьба и детство в военных условиях»; «Село в период реорганизаций 1940–1980-х гг.: укрупнение колхозов; ликвидация неперспективных сел и развитие поселковой инфраструктуры».

В целом универсальность метода устной истории позволяет развернуть проект устной истории на любую проблему XX в. Есть вопросники, с которыми можно работать в любом населенном пункте Алтайского края, например проект «История снизу: оценки рядовыми участниками государственными и партийными деятелями СССР и РФ (1920–1990-е гг.)», «Постсоветские миграции из Центральной Азии в 1990-е г.: участники и очевидцы».

Есть исторические сюжеты, связанные с конкретной территорией, например, опрос по теме «Роговщина Причумышья: народная интерпретация» (антисоветские выступления), «Казачество Чарышской станицы: белые и красные» (Чарышский район).

На сегодняшний день находятся в работе несколько проектов по устной истории со своими комплектами вопросников.

Основной программой стационарной работы в городе с 2005 г. является программа «Этническая мозаика Барнаула», главной целью которой является изучение этнической истории и этнической культуры этнокультурных групп города Барнаула.

На сегодняшний день при лаборатории исторического краеведения создан архив устных исторических источников: количество аудиокассет – более 1 000; количество часов цифровой звукозаписи – 72; количество часов видеозаписи – 7; количество часов звукозаписи – более 1,5 тыс. Главным хранителем устного архива является директор историко-краеведческого музея БГПУ Н. С. Грибанова. Под ее руководством при его формировании, хранении и работе с устными историческими источниками были выработаны следующие принципы.

Создание и архивирование источника

в полевых условиях:

- 1) аудиозапись интервью с одновременным стенографированием;
- 2) аннотирование аудиозаписи интервью;
- 3) присвоение номера аудиокассете;
- 4) передача на хранение в архив аудиозаписи и стенограммы.

в стационарных условиях (в архиве):

- 1) составление описи аудиокассет согласно нумерации;
- 2) составление списка информаторов;
- 3) транскрибирование (расшифровка) интервью: рукописный вариант, печатный вариант;
- 4) подшивка печатных текстов интервью;
- 5) внесение нового документа в опись.

Хранение

- 1) аудиозаписей с рукописным или печатным текстом интервью;
- 2) дубликатов интервью на цифровом носителе;
- 3) текстовых документов – меморатов.

Доступ к источнику

- 1) до расшифровки – ограниченный доступ к аудиозаписи;
- 2) после расшифровки – свободный доступ к текстовому документу, по требованию – к аудиозаписи;

С целью актуализации устной истории в академической среде по инициативе ЛИК БГПУ в 2001 г. на IV конгрессе этнографов и антропологов России (Нальчик) и в 2003 г. на V конгрессе этнографов и антропологов России (Омск) была организована секция «Устная история: источники и метод» (рук. — д-р ист. наук, профессор М. А. Демин, д-р ист. наук, профессор Т. К. Щеглова). Наконец, приобретенный опыт, а также необходимость консолидации исследователей, работающих в области устной истории, позволили ЛИК принять участие в конкурсе грантов РГНФ (2005 г.), результатом которого стало проведение 25–26 сентября 2006 г. на базе БГПУ всероссийского семинара «Устная история: теория и практика».

Сектор этнографии и устной истории ЛИК — это образовательный центр. Барнаульский государственный педагогический университет является системообразующим учреждением образовательного пространства Алтайского края. Историческое краеведение имеет богатые традиции как в школах, так и в вузе. Сельской школе устная история для дает много преимуществ. При недоступности для сельского учителя и сельского школьника богатейших коллекций государственных архивов и библиотек именно историческая коллективная и индивидуальная память являются для них важнейшим источником информации. Развитие устной истории в школах является самостоятельным направлением работы сектора этнографии и устной истории лаборатории исторического краеведения. В 1991 г. была разработана программа «Организация краеведческой работы в школе». Для руководства устноисторическими исследованиями в разное время были подготовлены и изданы методические рекомендации [2]. В том числе благодаря методической работе со школами в рамках ежегодной краевой историко-краеведческой конференции школьников (КИККШ) и Барнаульской историко-краеведческой конференции школьников (БИКШ), проводимых ЛИК БГПУ с 1992 г., появился блок школьных работ по истории населенных пунктов, по городской и семейной истории, использующих устные исторические источники. Подобная работа ведется и в районах, где по результатам историко-этнографических экспедиций, проводятся конференции и/или издаются при финансировании районных администраций сборники научно-практических материалов по истории и культуре сельских регионов Алтайского края с включением работ краеведов, учителей и школьников [3].

Для развития исторического краеведения в вузе большое значение имеют такие формы работы, как ежегодные летние комплексные историко-этнографические экспедиции, тематические экспедиции, стационарная работа в городе. Комплексные экспедиции проводятся большой группой студентов, магистрантов, аспирантов на территории конкретного сельского района. Для охвата всех населенных пунктов района в экспедиционном коллективе формируются исследовательские группы (4–6 человек), которые выез-

дами на территории сельских администраций охватывают все поселения района и формируют коллекции устноисторических источников. К сентябрю 2006 г. было проведено 17 комплексных экспедиций (рук. Т. К. Щеглова) на территориях Солонешенского, Павловского, Третьяковского, Смоленского, Алтайского, Усть-Калманского, Усть-Пристанского, Тальменского, Залесовского, Заринского, Мамонтовского, Кытмановского, Зонального, Бийского, Чарышского, Шелаболихинского, Тогульского районов. По каждой из них в архиве ЛИК БГПУ сформирован самостоятельный фонд устных исторических источников.

Тематические экспедиции проводятся круглогодично небольшими группами (2–6 человек). Обычно они связаны с углублением выявленной в летней экспедиции научной проблемой. Например, в 1994–1995 гг. были организованы выезды в Алтайский район для работы со старообрядческой поморской общиной в с. Куяча и старообрядцами белокрыницкого согласия в селах Ая и Каянча, в 1998 г. – в с. Думчево Залесовского района для обследования культового памятника – срубной церкви с фресковой росписью 1915 г., в 2004 г. – в Чарышский район для исследований по истории казачества и т. д. В последнее время получили распространение тематические выезды аспирантов и магистрантов кафедры отечественной истории в соответствии с научными темами: изучение этнографических групп русского населения Алтайского края (рук. – Б. Б. Пушкарев: Поспелихинский район, август 2003 г., Целинный район, июль 2003 г., Кулундинский район, октябрь 2003 г., Каменский район, май 2003, 2004 гг., Шипуновский район, июль 2004 г. и др.), изучение мордвы Алтайского края (рук. – М. А. Овчарова: Залесовский район, август 2003 г., март 2004 г.), изучение коллекций муниципальных музеев и истории краеведческого движения (рук. – Н. С. Грибанова: Третьяковский район, август 2004 г., Усть-Калманский район, август 2003 г., Заринский район, май 2003 г., Мамонтовский, апрель 2003 г. и др.). Самостоятельным результатом исследовательской работы студентов является подготовка ими публикаций по материалам историко-этнографических экспедиций с введением в научный оборот новых источников. За последние годы было издано по материалам полевых исследований более 100 публикаций студентов и аспирантов, в том числе и в изданиях ежегодных форумов: «Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция» (РАЭСК), «Международная научная студенческая конференция» (МНСК) и др.

Сектор этнографии и устной истории ЛИК – это общественный центр. Он реализует социальную функцию истории. Особенно это актуально для современного российского общества, живущего в эпоху перемен. Николай Бердяев писал: «Эпохи, столь наполненные событиями и изменениями, принято считать интересными и значительными, но это же эпохи несчастные

и страдальческие для отдельных людей, для целых поколений». Пересмотр прошлого сопровождается в том числе и мощным идеологическим воздействием. Перехлесты в оценках исторических событий и эпох, во многом благодаря СМИ, способствуют разрыву поколений, негативному отношению молодого поколения к прошлому, в том числе советской истории, носителями информации о которой являются представители старшего поколения. Образовавшийся разрыв между поколениями можно ликвидировать только через диалог. В этом отношении важное значение имеет общение респондента и рассказчика во время опроса и интервьюирования. В диалоге интервьюеры из школьников и студентов имеют возможность самим разбираться в прошлом, по-своему взглянуть на жизнь предшественников. Это способствует уважению к поколению «отцов и дедов», формирует бережное отношение к истории своей страны, воспитывает патриотизм. Например, формированию толерантности, уважения и терпимости способствует работа студентов БГПУ в рамках проекта «Этническая мозаика Барнаула». Искоренить чувство неприязни между народами можно только просвещением, познанием истории народов и пониманием их культуры, в том числе поведенческой. Опрос и интервью помогают понять народы, которых на Алтае по переписи 2002 г. насчитывается около 140. От невежества идет неприятие людей других национальностей и нелюбовь к Родине. С целью профилактики и оздоровления общественного микроклимата заключено соглашение между ЛИК БГПУ, администрацией города Барнаула и Ассоциацией национально-культурных объединений Алтайского края. Сотрудники лаборатории разработали вопросники по этнической самоидентификации и самосознанию, по этнической истории и культуре, формируют коллекции устных исторических источников, фотоархив и одновременно помогают администрации города общественно значимые мероприятия, например круглый стол «», научно-практический семинар «Россия и Башкирия: 450 лет вместе», работают тесно с культурными центрами, общинами, диаспорами, которых в Барнауле зарегистрировано более 23 объединения.

Литература и источники

1. Щеглова Т. К. Значение устных источников для изучения истории исчезнувших сел // Проблемы устной истории в СССР. Киров, 1991. С. 38–44; Щеглова Т. К. Устная история как объект краеведческой деятельности // Проблемы устной истории и современность. Калининград, 1992. С. 17–21.
2. Методика сбора устных исторических источников: Метод. пособие / Сост. Т. К. Щеглова. Барнаул, 1992. 23 с.; Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников // Школьное краеведение. М., 1993. С. 3–24; Щеглова Т. К. Устная история и краеведение // Преподавание истории в школе. 1998. № 5. С. 60–66; Историческое и культурное наследие алтайской деревни: Материалы для полевых

исследований по этнографии и устной истории: Метод. пособие. Вып. 1 / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: БГПУ, 2006. 108 с. (Этнография и устная история); Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников: Метод. пособие. Вып. 2. Изд. 3-е, испр. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. 22 с. (Этнография и устная история).

3. Города и села Алтайского края: историческое наследие. Павловский район. Павловск, 1993; Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры / Степанская Т. М., Щеглова Т. К. (науч. ред.). Барнаул—Тальменское, 1997. 280 с.: ил.; В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул—Алтайское, 1998; Нижнее Причумышье. Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова Барнаул—Усть-Пристань, 1999. 136 с., ил.; Павловский район: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул—Павловск, 2000. 338 с.: ил.; Нижнее Причумышье. История и судьбы / Под ред. Г. А. Кубриной, Т. К. Щегловой и др. Барнаул, 2001. 320 с.; Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Упр. архив. отд. администрации Алтайского края, 2003. Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. 532 с.; Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материалов / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. 532 с.: ил.; Бийский район: история и современность / Отв. ред. Т. К. Щеглова: В 2 т. Т. 1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. 524 с.: ил.; Т. 2. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. 532 с.

2. УСТНАЯ ИСТОРИЯ В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Д. В. Банников

Молодежная политика в Горном Алтае: взгляды участников

История государственной молодежной политики в Республике Алтай начинается с принятия ряда законопроектов о молодежной политике, к которым относятся постановление Правительства Республики Алтай «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» от 25 марта 1993 г., закон Республики Алтай «О государственной молодежной политике в Республике Алтай» от 24 января 1997 г.

Под государственной молодежной политикой в Республике Алтай понимается деятельность органов государственной власти, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий, гарантий для самореализации личности молодого человека, развитие молодежных объединений, движений и инициатив. Участниками молодежной политики в Горном Алтае являются со стороны государства органы власти, занимающиеся разработкой и реализацией соответствующих законопроектов (министерства, комитеты), со стороны самой молодежной общественности – различного рода молодежные объединения, движения. Главным государственным участником молодежной политики с 1993 по 2006 гг. являлся Комитет по делам молодежи Республики Алтай. Основным в осуществлении молодежной политики, по мнению сотрудников КДМ РА, является активное вовлечение молодежи в процесс социализации и развития, для чего в республике этот орган власти организовывал различного рода мероприятия (акции по воспитанию патриотизма и гуманности у молодежи, различного рода молодежные концерты; поощрялось путем присуждения премий и наград интеллектуальное и спортивное самосовершенствование молодежи).

Постоянно проводятся конференции, посвященные разработке молодежной политики. Так, 25 июня 1999 г. в рамках месячника молодежи состоялась республиканская конференция «Положение молодежи в Республике Алтай». На конференции присутствовали делегаты от различных моло-

дежных организаций из Усть-Канского, Шебалинского, Турочакского, Кош-Агачского, Онгудайского, Чемальского, Улаганского, Майминского районов и г. Горно-Алтайска. Участниками конференции было принято решение о создании Национального совета молодежи при главе республики, о выделении дополнительных ассигнований на финансирование республиканской программы «Молодежь Алтая», являющейся механизмом реализации закона Республики Алтай «О государственной молодежной политике в Республике Алтай».

Каждое молодежное объединение, исходя из основных направлений своей деятельности, затрагивает те или иные проблемы молодежи, которых, без сомнения, немало. Так, например, участники общественно-политических организаций («Молодежное единство» — Ольга Матросова, «Российский коммунистический союз молодежи» — Михаил Савенко и т. д.) считают, что основой государственной молодежной политики является формирование политически грамотной молодежи, готовой проявить себя в процессах становления и развития современного гражданского общества. Члены национальных молодежных организаций («Молодежное общественной объединение коренных малочисленных народов Республики Алтай», «Ирбисту» Кош-Агачского района и др.) активно участвуют в процессах сохранения и развития национальных культур народов Горного Алтая.

В апреле 2006 г. по указу главы Республики Алтай Комитет по делам молодежи прекратил существование, и вся инициатива в реализации молодежной политики перешла к Министерству образования, науки и молодежной политики, что, по мнению практически всех «негосударственных» участников молодежной политики, является неблагоприятным явлением. Из частной беседы с С. Н. Черезовым (руководителем Дома молодежи и руководителем «Российского аграрного молодежного союза» Республики Алтай) следует, что когда ликвидируются органы государственной власти, ответственные за формирование государственной молодежной политики, говорить о ее взвешенном сбалансированном развитии нет смысла. По мнению бывшего заместителя председателя Комитета по делам молодежи Республики Алтай И. В. Гришкова, состояние молодежной политики является прямым выражением отношения действующей власти к молодому поколению: «Государственная молодежная политика в Горном Алтае оставляет желать лучшего».

Таким образом, молодежная политика в Горном Алтае — это комплекс нескольких факторов, таких как законодательная инициатива и внедрение законопроектов государственными органами, целенаправленная деятельность ответственных органов исполнительной власти различного уровня, разнообразные, охватывающие практически все стороны жизни молодежи, объединения и организации.

В. А. Бердинских

Проблемы устной истории и русское крестьянство в XX в.¹

В конце 1980-х гг. стало очевидным, что кризис современной историографии требует качественно новых исследовательских схем. Перспективная молодежь это остро ощущала, и эти поиски были «колумбовым комплексом» для людей, которые пытались вырваться из традиционных форм работы профессиональных историков.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Вятке, в нашем вузе, мы собирали первые конференции по устной истории. Кружок устной истории в историко-архивном институте вела тогда еще аспирантка Дарья Хубова. Некоторые кружковцы сохранили эту профессиональную ориентированность. Очень интересной была работа Юрия Костяшова из Калининградского университета. Я до сих пор вспоминаю записи рассказов, которые он собирал в Кенигсберге-Калининграде. Центры были довольно разнообразными. Такой центр возник и на Алтае, и не случайно, так как интерес к «проточной», с моей точки зрения, культуре, к проходящим народам, здесь всегда был.

Русское крестьянство в XX в., безусловно, завершило свое существование как традиционная, тысячелетняя и в определенном смысле малоподвижная культура. И, конечно, уход животворящего, культуuroобразующего слоя русской нации вызвал очень много эмоций, мыслей, чувств, много явлений в нашей культуре. Нынешнее сельское население европейской части России — это уже не крестьянство. Это в значительной мере либо сельский пролетариат, либо маргинальная часть нашего общества. И поколение 1900-х и 1910-х гг. рождения, которое нам удалось опросить в 1980-е гг., было уже последним вагоном последнего поезда, тем, что невосстановимо в принципе. Ментальность, отношения людей — это та живая вещь, на которой строилась наша работа в области устной истории. Наши музеи полны «мертвечины», поскольку соха, которой пахал крестьянин, никогда не расскажет, как реально это делалось, что говорил хозяин и т. д. Ценности прошлого мира — это затонувшая Атлантида, они невосстановимы, но они достаточно велики. Если уйти от сугубо позитивистских рассуждений о прогрессе, регрессе, то я уверен, что современный мир очень много потерял с уходом крестьянства, и не только русского, но и народов Сибири. Мне кажется, что процессы идут относительно равномерно, где-то быстрее, где-то медленнее, во всяком случае, в одну сторону. Негативные явления, связанные с уходом из нашей культуры крестьянства, сейчас очень велики и не вполне осмысливаются.

---

¹ На основе стенограммы выступления на Всероссийском научном семинаре «Устная история: теория и практика» (Барнаул, 26 сентября 2006 г.).

Я бы хотел прежде всего обратиться к научной молодежи. Надо ясно представлять себе, что 12 поколений историков, которые жили в России за триста лет до вас, оставили разнообразное историографическое наследие, но у каждого поколения профессионалов-историков были свои конфликты с предыдущим поколением. Проблема отцов и детей характерна для всего пути русской историографии. И здесь вы должны явно или неявно отказаться от созданного вашими предшественниками и попытаться создать что-то новое, свежее. Качественно новые вещи можно создать, с одной стороны, впитав наследие предшественников, а с другой стороны, что-то в нем критически отвергнув. Мы в конце 1980-х гг. ощущали это очень остро. Советскую историческую науку можно критиковать за «мертвечину», схематизм, традиционализм, идеологизм и пр., хотя, безусловно, заслуги там значительны. В этой связи я рекомендую книгу «Русская провинциальная историография», где есть моя статья «Блеск и нищета советской историографии».

Возвращаясь к устной истории, хочу напомнить, что это — во-первых, метод, а во-вторых, исследование. Здесь нужна некоторая гармония. Увлечение методикой не должно приводить к творческой импотенции. Нарботанные источники не должны лежать мертвым грузом. Они должны обобщаться, обрабатываться, востребоваться обществом, потому что главный грех академической науки — это уход от живой, реальной, плотной ткани современного бытия. И здесь у нас, провинциальных историков, при всей нашей порой вторичности в тематике, проблематике, есть очень серьезные козыри перед флагманами отечественной науки. Российская провинция, в том числе сибирская, — это очень интересное поле для новаторских исследований, которые невозможны ни в Москве, ни в Петербурге, ни в других европейских центрах. Невозможно перенести западные методики в Россию, поскольку условия жизни, быта, менталитет населения США и Западной Европы крайне отличны от российских. Мы должны понимать, что все эти методики требуют очень мощной творческой переработки, и сделать это можем только мы. Тем более, что для большинства западных историков устная история — это небольшой этап в их профессиональной жизни, который они прошли и оставили, развиваясь дальше, поскольку на сегодняшний день есть и другие, гораздо более смелые, интересные, новаторские методики.

В чем же заключалась устная история у нас? В том, что миллионам советских людей было разрешено свободно говорить. В том, что некие старушки в исповедальном ключе повествовали о вещах, совершенно невысказанных за пять до этого. Как мне говорила одна бабушка: «Ты мой адрес не пиши — эти сведения в ГПУ пойдут», в котором она, кстати, бывала.

Сейчас совсем другая обстановка, другие условия жизни и качественно другие речи людей. Рассказы крестьян 1960-х и 1980–1990-х гг. совершенно различны. И мы как историки должны отчетливо представлять себе, что

создаем качественно новые источники, историзуя прошлое. История — это прежде всего историки и историзация прошлого, которое мы производим. Мы, конечно, от кого-то зависим, но являемся важным ключевым моментом в историзации прошлого.

Молодежи очень важно профессионально состояться, найти свою тему, самореализоваться. Индивидуальность в исторической науке не менее, а может быть, даже более важна, чем начитанность, хорошие учителя и т. д. В советской науке практиковалась «обезличка», полное отсутствие субъективности, то есть то, за что «били» Зими́на. Помните, как он писал: «Я ощутил себя настоящим человеком и историком только после того, как написал „Слово о полку Игореве“» (за которое его, собственно, и били). Поэтому стоит смелее избирать смежные, пограничные темы, например историческую демографию, историческую географию, сексологию и др. Это всегда плодотворно, потому что омертвление исторической науки идет, вероятно, от центра, а на границе со смежными областями всегда много живых тем, проблем и т. д. Безусловно, наше поколение людей во многом обязано поколению историков-шестидесятников, для которых характерна некоторая свобода мысли, свобода реализации в разрешенных рамках.

Важнейшая проблема истории России XX в., который уже ушел в прошлое, — это раскрестьянивание страны, то есть создание своеобразной промежуточной культуры, когда старая крестьянская культура рухнула, а новое городское население не приноровилось к городской культуре. Понятно, что в век мощного индустриального прыжка все эти промежуточные культуры создаются одновременно с падением интеллектуальной культуры.

У нас невероятно богатое поле для исследований, замечательная благодаря своим коллизиям история страны, и надо отчетливо представлять себе, что значительная часть письменных источников является малодостоверной, фальсифицированной, и это требует кардинального критического подхода. Написание советской истории исключительно по письменным источникам является делом чрезвычайно порочным, и устная история — «живая вода» историографии, которая нам очень нужна. Таким образом, я призываю к максимальному проявлению «колумбова комплекса», к стремлению разрушить старое, омертвевшее, создать что-то новое, обратиться к явлениям, которые лежат не на поверхности, а на стыках различных наук.

М. Л. Бережнова

Неустные формы устной истории

Феномен устной истории, с моей точки зрения, заключается в том, что уже в названии этого научного направления дается его характеристика: знание, которое получает исследователь, имеет изуственный характер. Отсюда

и очевидное развитие этой мысли: задача «устного историка» — зафиксировать сказанное респондентом. Остальное становится в определенной мере технической или методической проблемой: как фиксировать сказанное, как вести интервью. При этом на собранный материал влияет техническое оснащение интервьюера, сам ход интервью, а также способы хранения и использования собранного материала. По этим проблемам существует значительная литература методического характера [8; 15].

Другое направление теоретических изысканий в области устной истории — осмысление ее целей. Есть методологически наполненные тексты по этой тематике [10; 13], работы, в которых анализируются возможности использования материалов интервью в разных науках: истории, социальной, культурной, исторической антропологии, фольклористике, социологии, этнографии. Историки науки и техники убеждены, что исследования подобного рода были инициированы в их среде [5; 9; 14]; историки возводят методику и практику устной истории к Фукидиду и Геродоту [1; 3; 11]. Лейтмотивом этих статей может быть такая фраза: «...Признавая бесспорность существования длительной традиции получения знаний, передаваемых изустно, представители устной истории вместе с тем обозначают собственные методологические основания исторических исследований» [11].

Эти основания уводят нас в обсуждение возможностей микроистории. П. В. Крылов проводит параллели между двумя новаторскими научными школами второй половины XX в. — исследованиями коллективной памяти (направление, появившееся после публикации книги М. Хальбвакса «Коллективная память» в 1950 г.) и устной историей. «Обе дисциплины роднит установка на субъективность. Пересечение областей интереса совершенно закономерно вызвало концентрацию внимания на тех проблемах, которые являются общими: мифологизации истории, использовании мифологизированной истории при формировании идентичностей и т. п.». Он же, анализируя проблемы устной истории, пытается найти социально обусловленную подоплеку популярности устной истории: «...По сей день для устной истории в западноевропейских странах характерны... принадлежность большинства специалистов к левому крылу политического спектра... и их оппозиция официальным институтам исторической науки. Напротив, в странах, освободившихся на протяжении XX в. от колониальной зависимости, устная история приобретает официальный статус и даже получает некий социальный заказ: сформировать новую источниковую базу, которая заполнила бы лакуны в письменных источниках, исходящих от колонизаторов, и была бы свободна от европоцентристских установок последних. Вполне успешное проникновение „устной истории“ в отечественную университетскую науку выглядит одной из своеобразных черт ситуации, сложившейся в российском интеллектуальном сообществе, которое... рассматривает ее (уст-

ную историю. — М. Б.) как естественное средство по заполнению лакун в письменных источниках последних десятилетий — лакун, которые появились под воздействием официальной советской идеологии...» [7].

Очень часто, указав на общую направленность устноисторических исследований, авторы статей по теории и методологии устной истории к теме изустности интервью уже не возвращаются. Причина тут, видимо, в том, что «устная история» понимается не как форма документа, с которым работает историк, а как метод получения фактов. Можно не только предположить, но и доказать, что часть исследователей, пользуясь «устноисторическими» документами, знает их только в обработанном, далеко не устном виде [6]. Ряд исследователей, обычно те, кто сам собирает интервью, уделяют изустности материалов определенное внимание. Можно выделить несколько аспектов сравнения устных и письменных источников.

Во-первых, устные воспоминания часто воспринимаются как спонтанные, более «независимые», чем письменные. При этом уточнение может носить такой характер: «...Когда человек берется за перо, в нем невольно начинают работать и редактор, и цензор (при этом цензура может быть не только политической, но и этической); у него возникает стремление выдержать свои воспоминания в определенном жанре, и он отказывается от многих „боковых“ подробностей, между тем как одна такая деталь может очень ярко высветить эпоху» [4]. Собственно, этот тезис более чем спорен. Существует множество ситуаций, когда устная речь контролируется не менее строго, чем письменная. Кстати, многие полагают, что сам процесс письма организует, потому что пишущий человек следит за правильностью построения фраз, орфографией, лексикой, синтаксисом. Я думаю, что есть как минимум две ситуации, при которых письмо не организует: когда человек пишет, как говорит, свободно, не задумываясь (видимо, редкий вариант), и когда пишет как бог на душу положит (встречается сплошь и рядом). Кроме того, устные интервью даже в формате устной истории могут быть не только тщательно спланированы, причем с обеих сторон, но и пропетированы [5].

Сама изустность высказывания отнюдь не является свидетельством неофициальности. Доклады на партийных съездах и других общественных мероприятиях, лекции, выступления артистов (а кто доказал, что мастера «речевого жанра», которые встречаются в народной среде и часто становятся нашими респондентами, не репетируют, не повторяют тексты, оттачивая их от рассказа к рассказу?), исполнения фольклорных произведений (песен, анекдотов, быличек и т. п.) очень строги по форме. Одни корректируются социальными, другие — научными, третьи — творческими причинами, но все они более чем несвободны (как говорят, «из песни слова не выбросишь»).

Еще одним поворотом этой темы является вопрос о соотношении письменного и устного источника. С. О. Шмидт в докладе на международном семинаре по устной истории еще в 1989 г. говорил следующее: «В век недостаточного распространения грамотности устная речь (в частности, чтение написанного) оставалась главным источником собственно исторической информации. Теснейшая связь устного и письменного слова в развитии культуры самоочевидна, даже для тех слоев населения, где свободно владели языком письменности. Тем более, что письменные памятники могут воспроизводиться устно и восприниматься через устную речь» [16, с. 102].

Мне кажется, что это высказывание вообще все запутывает. Действительно, соотношение «письменный—устный» очень условно. Сам доклад, который я процитировала, был, видимо, написан, затем произнесен («озвучен», в соответствии с новоязом наших дней), а потом напечатан. Отсюда вопрос: этот текст письменный или устный? Вообще же мы сейчас перешли к обсуждению главного кошмара собирателей интервью. Я думаю, все собиратели сталкивались с ситуацией, когда респондент не может что-то вспомнить или сформулировать, мучается, отлучается на минутку и возвращается с книгой или газетой в руках: «Да вот, тут же написано!» — говорит он разочарованному (хотя тут, конечно, нужно другое слово) интервьюеру. Отметим, что некоторые собиратели смотрели на подобные ситуации спокойно. Например, известно, что создатель одного из первых архивов фондо документов в СССР В. Д. Дувакин записывал и отрывки из неопубликованных мемуаров, которые зачитывали авторы (например, так построено интервью с художником В. П. Комарденковым) [12].

Другой причиной возрастания роли устного слова называют «утрату коммуникативных функций письменной информации (в частности, переписки) под влиянием развития научно-технического прогресса» [11]. Текст, из которой я взяла эту цитату, будучи с ней полностью согласна, к сожалению, не содержит расшифровки этого тезиса. Но я думаю, что речь, видимо, идет о телефонных переговорах, возможно, SMS-ках, которые хоть и пишутся, но отличаются от писем более чем существенно. Поскольку чуть позже я выскажу свою идею по этому же поводу, то продолжать за автора не буду; жаль, что пояснения нет, а вдруг мы единомышленники?

Есть и третья причина, которая довольно часто упоминается и одновременно включается в методику сбора интервью: «...в устных свидетельствах есть такое новое — вокальное — качество, которое позволяет воспринимать и оценивать характер личности свидетеля. Темп речи, ее неровность и паузы, звуковая ирония и обескураженность отражают душевное состояние и добавляются к „юридическому“ содержанию свидетельства. <...> Поэтому транскрипт звукозаписи — просто ее письменный текст — не имеет... самостоятельного значения...» [5]. Об этом говорил также и С. О. Шмидт:

«Возможность слышать голос говорящего позволяет улавливать и, соответственно, истолковывать его интонацию, понять его состояние и момент фиксирования речи, шире привлекать к работе собственно историка, социологов и психологов» [16, с. 102].

Отмечу и еще одну проблему: воздействие на респондента со стороны интервьюера. «Он может направлять ход повествования вопросами, которые он ставит. Он задает эмоциональный тон опроса, может сознательно провоцировать своего контрагента или же увести его в сторону от каких-то тем. Своими высказываниями и даже выражением лица он способен задать эмоциональную оценку того, что он слышит, что заставит рассказчика либо ориентироваться на нее, либо попытаться опровергнуть. И то, и другое неизбежно нарушает объективность рассказа. Поэтому устная история обязательно становится в какой-то мере продуктом совместной деятельности рассказывающего и того, кому рассказывают» [14].

Резюмируя эту сводку данных, попробуем выявить существенные характеристики устного интервью как источника (о части характеристик выше уже говорилось, часть даже не упоминалась).

1. *Цель интервью:* а) получение сведений о чем-то или о ком-то, которые не отражены в документальных источниках; б) уточнение деталей уже известного исторического факта, которые, как и в случае (а), не могут быть получены из других источников. По этому поводу есть и альтернативные мнения, хотя, может быть, и частные; в) «Особый интерес устного источника (и, соответственно, каждого отдельного интервью. — М. Б.) для исследователя может заключаться не столько в его соответствии реальным фактам, сколько в его отклонениях от них, в них проявляются человеческое воображение, желания, символы» [10, с. 41]; г) интервью должно содержать какой-то факт, заметно отклоняющийся от результатов реконструкции случившегося методами традиционной исторической науки. Фактически это мнение восходит еще к идее П. Томпсона о том, что противоядием от официальной версии прошлого является устная история; д) соответственно, интервью можно считать неудавшимся, если респондент выдает за свое мнение, переживание или личное свидетельство стандартный, чуть ли не официальный текст, который он усвоил и считает собственным мнением (как называет его А. И. Филюшкин, «матричный текст») [14].

2. *Особенности респондента:* а) человек, переживший сам какое-то событие, знающий о нем из своего опыта; б) человек, интересующийся прошлым, цитирующий рассказы, известные ему из другого устного источника — от родственников, друзей, знакомых. Комментируя такую ситуацию, А. И. Филюшкин писал, что «устная история... обеспечивает трансляцию систем ценностей и культурно-семантического кода от поколения к поколению» [14]; в) респондент должен быть назван, то есть следует собрать та-

кие сведения о нем, чтобы они подтверждали, что он может знать рассказанное из личного опыта. Пункт довольно сложный. В последнее время исследователи все чаще выступают за защиту респондентов от общественного мнения, полагая, что они могут оставаться анонимными: «По этическим соображениям мы сочли необходимым не только не называть имен и фамилий наших информантов, но и не давать сокращений и индексов, по которым... можно... „вычислить“... человека» [2, с. 8].

3. *Эмоциональные особенности интервью.* Бесспорно, пожалуй, одно: а) эмоции респондента (паузы, вздохи, смех и т. п.) должны быть зафиксированы как часть текста. И все же пункт противоречивый, так как есть как минимум две точки зрения организацию беседы; б) интервью должно быть «спонтанным», когда человек может следовать ассоциациям, возникающим у него в ходе рассказа, и передавать когда-то пережитые эмоции [4]; в) интервью должно быть подготовлено, продуман его ход и вопросы. Нужно подготовить респондента так, чтобы самые первые эмоциональные оценки остались за рамками записанного интервью [5].

4. *Роль интервьюера.* Более или менее бесспорный пункт: интервьюер должен быть незаметен, его задача — получить свидетельство, как можно точнее передающее точку зрения и знания респондента.

Подведя итоги, спросим себя: а где указано, что текст должен быть устным? Пожалуй, тут главное — не изустность, а диалогичность. Диалог, как свидетельствуют словари, — это форма устной речи, разговор двух или нескольких лиц; речевая коммуникация посредством обмена репликами; в переносном смысле — переговоры, свободный обмен мнениями. Именно диалог позволяет уточнять, акцентировать, обсуждать, опровергать, формулировать какие-то мнения. Другими словами, факт в устной истории должен иметь особое качество — он свободен. Устноисторический факт — это чье-то личное свидетельство, часто густо замешанное на личном отношении говорящего к описываемому событию, что, однако, позволяет освободить это свидетельство от рамок, заданных пропагандой, политическими соображениями, общепринятой этикой поведения. Но такой факт свободен и от принятой в академической науке системы доказательств, что делает его уязвимым, тем, что даже ученые зачастую называют «ОБС» — «одна бабка сказала».

Полученные в ходе интервью свидетельства не должны быть результатом профессиональной деятельности и изучения специальных источников. То есть если некий профессор в беседе, например на кафедральном чаепитии, вспоминает о своих студенческих годах, то это ситуация интервью, и она может рассматриваться как устноисторический документ (при условии фиксации, конечно). Если кто-то из присутствовавших на том чаепитии передаст этот рассказ третьему лицу, то респондентом будет уже он.

А если профессор, оттолкнувшись от этой беседы, начнет подготовку мемуаров, перечитывая собственные бумаги и, может быть, обращаясь к другим архивам, то он выступит в роли мемуариста или, при несколько ином раскладе, — историка.

Но к чему отнести, например, такие написанные документы, как записки, которые пишут на уроке школьники (вопрос—ответ, фактически записанный диалог), дневники, написанные в минуты сильных эмоциональных потрясений не для чтения в будущем, а как не переданный никому рассказ (кстати, иногда говорят сами с собой)? Фактически все это документы, близкие по природе к устноисторическим: спонтанные, специально не продуманные, написанные без подготовки, по сути своей устные, перенесенные на бумагу по разным причинам (чтобы не шуметь, чтобы сохранить тайну и т. д.). Подобные записки сохраняются крайне редко. Дневники, как правило, уничтожают сами авторы, их роль, как у тростника в сказке, — сохранить тайну; записки выбрасывают, как только истекает время, когда говорить нельзя, или заканчивается лист, на котором пишут.

Но благодаря современным коммуникативным возможностям появился еще один источник, который хоть и пишется, но ближе всего к школьным запискам: пишут, потому что сказать не могут. Это — форумы в Интернете. В последние несколько лет они стали довольно популярными. На них свободно обсуждаются проблемы политики, истории, культуры и, наверное, много еще чего. Я по роду занятий интересуюсь такими, где обсуждаются проблемы, близкие к этнографии. Участники этих дискуссий отличаются друг от друга по уровню образования, политическим убеждениям, умению доказывать свою точку зрения. Очень часто беседа заходит в некоторый тупик, потому что не все участники форума знают какие-то конкретные факты или явления, которые вдруг попадают в центр дискуссии. Это интересные с точки зрения исследователя ситуации, потому что наиболее сведущие вынуждены давать объяснения. Чего тут только не узнаешь! Чтобы не быть голословной, приведу несколько таких бесед (на форумах больше всего меня интересовали обсуждения темы челдонов) и попробую охарактеризовать их с точки зрения устной истории. В материалах с форумов я сохраняю написание слова «челдон», принятое участниками, но исправляю орфографию и пунктуацию. Начнем с относительно простой для анализа беседы людей, чьи судьбы связаны с Сибирью¹:

В. А. Лоханкин
10.11.2004–22:52:49
Ракша!

---

¹ <http://forum.tv6tut.info/forum/index.php?s=35e7b450c54d47232d21731b21b80fe3&showtopic=2077&st=1120>

Не имею малейшего понятия, кто такие чалдоны.

(Мои. — М. Б.) бабушка с дедушкой и четырьмя маленькими дочками переехали в Москву перед войной. До этого жили в Туве, в верховьях Енисея, а остальные родственники — на юге Красноярского края. Сам в Сибирь так и никогда не съездил, но многочисленные родственники всегда любили останавливаться именно у нас и много рассказывали про те края. Помню рассказы бабушки про то, как вертели они эти пельмени на зиму — типа консервов, ранней зимой резали скотину и садились всем семейством делать из них пельмени — хватало до весны.

Ракша

10.11.2004–23:03:23

Слово «чалдоны» — это самоназвание сибиряков, бытующее, правда, скорее в Восточной Сибири. Более того, бабушка моего мужа (уроженка Сибири Западной) упорно называла «Россией» землю, лежащую за Уралом, а на мои вопросы твердо отвечала: «Мы — не Россия, мы — Сибирь». И про то, как лепили пельмени на зиму, все правильно твоя бабушка рассказывала. Сибирская зима без оттепелей, пельмени мешками висели в холодном чулане. Но для гостей и по торжественным случаям все равно лепили свеженьких.

Как видно из этого текста, в форуме состоялся диалог, прошедший в быстром темпе (всего 11 минут). Мы же получили информацию о местах, где бытовало слово «челдон», о длительности его сохранения в памяти поколений как этнонима (слово помнит представитель третьего поколения, но смысл уже утрачен), о его трансляции в поколениях (естественно, москвич себя челдоном уже не считает), о культурных фактах, которые в определенной мере можно назвать этнодифференцирующими (челдон должен есть пельмени). Самое привлекательное в этой беседе то, что интервьюер в реальном мире вряд ли бы ее записал: как отыскать москвича — потомка челдонов и опросить его? Этот случай, на мой взгляд, простой, и достоинств в нем больше, чем спорных «устноисторических» проблем.

В следующей беседе¹ были затронуты не только вопросы происхождения челдонов, но и особенности их культуры.

Mad

25.09.2003 — 20:50

У меня дядька (на 10 лет меня старше) все время говорил: «За день до смерти (женюсь. — М. Б.)», — а потом довольно рано женился на нерусской (не будем о грустном), развелся по суду (дочку ей оставил), а теперь взял бабу с пацаном (кержачку-разведенку, что само по себе странно, не правда ли?)... и живут душа в душу уже лет пять... Самое главное — найти существо, с которым тебе будет о чем говорить (ну и, конечно, симпатичное существо), а все остальное — лирика...

---

¹ <http://forum.clubbar.ru/index.php?s=c40c11ab26dc577b5dfafcb178117b71&showtopic=647&st=15>

Бошка

26.09.2003 – 0:46

А кто такая баба-кержачка? И что странного, что она разведенка?

PuoPuta

26.09.2003 – 1:59

...и баба-чалдонка (разведенная) тоже странно... и баба-кузячка... Вот такие они, бабы!

Mad

26.09.2003 – 6:59

Литературу надо читать... Кержак – старовер. Насколько я знаю этих людей, разводы у них достаточно большая редкость. Встречный вопрос: а кто такие баба-чалдонка и баба-кузячка?

PuoPuta

26.09.2003 – 18:32

Чалдон – так зовутся (одно из названий) сибиряки. Кузюки – выходцы с Южного Урала (горнозаводская зона). Прозванья весьма-весьма старые. Как и правила, в которых не значился развод ни у тех, ни у других... Только вперед ногами.

Newman

27.09.2003 – 7:23

Так ведь баба, а не мужик. Почему чалдонка или кузячка не могут быть брошенными? Чалдон, я читал, происходит от ЧЕЛовек с ДОНа – т. е. ведущие происхождение от первых землепроходцев, которыми были казаки. Все остальные русские – в Сибири вторая волна. Хотя есть факты, что еще Хубилай селил славян-русичей (не путать с русскими) в Сибири, Монголии и Китае. Но те, наверное, давно растворились между местными, если их не уничтожили. Кузики – наверное, от кузнецов. Тогда они должны были появляться в 19 веке.

Dumdum

27.09.2003–11:09

«Горнозаводская зона» – это средний Урал. Кузюки точно не наши... Может, на юге такие и жили, но точно не у нас. А община староверов до сих пор сохранилась. И они на самом деле почти никогда не разводятся.

Эта беседа длиннее, прошла в более медленном темпе (около двух суток). Интерес к теме поддерживался за счет вопросов и ответов, что придало беседе стройный характер – все обращались друг к другу, обмениваясь мнениями и отвечая на вопросы. Беседа очень эмоциональная, что видно даже из отредактированного текста, – использованы смайлики и различные знаки препинания, указывающие на интонации. Для примера привожу только одну фразу в ее оригинальном написании: «...и баба-чалдонка (разведенная)... тоже странно... и баба-кузячка – ахтунг... Вот такие они, бабы».

Эта беседа, прошедшая на форуме одного из уральских городов, ценна тем, что в ней названы группы русского населения Урала – широко извест-

ные кержаки и не встречавшиеся мне в литературе «кузики». Пожалуй, в наши дни «матричным» является текст о деяниях Хубилая по заселению Сибири русичами, этот сюжет знают многие пользователи, общающиеся на сходных по тематике форумах.

Необычным как по информации, так и по составу беседующих является следующий текст¹.

Мэри Энн

2003-03-21–15:22:00

К слову о словах.

Не дает мне покоя песня советского цыгана, исполненная седьмого дня дуэтом из папы русского радио в Нью-Йорке Сева Каплана и автора культовой песни 70-х «Мой папа – Жан Марэ», человека и порнографа от бога, Бориса Жердина. Оба заявили, что песня цыгана – аутентична, годов с 30-х, что похоже на правду.

Некий цыган скитается по голодным совдепам, питаюсь «гнилой картошечкой и побегам юрги». Натывается на еврейскую свадьбу, ворует кусок мяса, за что избиваем до полусмерти и брошен в овраг, где встречает молодую «чалданку», с которой и живет 25 лет, вследствие чего умирает, допевая эту самую песню.

«Чалдане, – повествовал мне Сева Каплан, – есть северный народец, живущий под лодками. Сначала они рыбу в них ловят, а затем выходят на берег, лодки переворачивают, и под ними, натурально, живут».

«Юрга, – продолжил Сева Каплан, – есть варево в котле. Варят снесь (любого характера), воду ж – сливают. Всегда в одно и тоже место. То, что по весне на заветном месте всходит – есть питательные побег юрги».

Сева Каплан – страшно милый и обходительный, поет тоже чудно. Но отчего-то я ему не верю. Поисковые службы ничем Севу не опровергли. Но и не подтвердили. Вадимодус небрежно заявил, что по его, Вадимодуса, сведениям, «чалдане» – каста неприкасаемых в Индии. Но источник не предоставил.

Все это мне подозрительно.

Кто ж скажет, кто подскажет?

uglydog

2003-03-21–13:02

Скорее всего, они – чалдоны.

uniquum

2003-03-21–13:04

И...?

stickshift

2003-03-21–13:23

Чалдон – коренной сибиряк (в одном из значений). Вообще же создается впечатление, что чалдан/чалдон есть обозначение невысокого социального статуса...

---

¹ <http://www.livejournal.com/users/uniquum/63168.html>

uglydog

2003-03-21–13:36

«...Народная этимология термина «чалдоны» связывает носителей этого этнонима с реками Чал и Дон. Е. Ф. Фурсова считает, что «для части чалдонов убеждение о связи их происхождения с донским казачеством имеет под собой основание». По ее мнению, это связано с тем, что среди первых жителей исследуемой ею территории — Приобья — могли быть служилые люди, пешие и конные казаки донского происхождения. Но, исходя из этих данных, термин «чалдоны» должен быть самоназванием только части сибирских старожилов. Иного мнения придерживается П. Е. Бардина, которая считает, что этот этноним не был самоназванием русских сибиряков, так как, исходя из словаря В. Даля, это слово обозначало беглого человека, бродягу и было монгольского происхождения. С точки зрения П. Е. Бардиной, этим термином старожилов называли более поздние переселенцы из Европейской России, представляющие себе Сибирь как место ссылки и каторги...» (<http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=545>).

labas

2003-03-21–13:52

Ага, все поймали эту ссылку.

labas

2003-03-21–13:56

Каста неприкасаемых называется чандалы (http://www2.vuw.ac.nz/asian_studies/publications/quarterly/98julyd.html). Также в результате раскопок в поисковиках извлечены: чалда (др.-рус.) — келья, чалда, чалд (cialde, ит.) — молотый кофе, спрессованный в таблетку, и крылатое, по-видимому, выражение «Кытай чалда уйку жок».

(Anonymous)

2003-03-21–23:15

Из болгарского языка (в Болгарии живет много цыган, которых болгары, мягко говоря, недолюбливают):

чалда — примитивная попсовая музыка, обработанная в народном стиле,
юрга(н) — стеганое теплое одеяло.

Вот.

isidora

2003-03-22–04:31

Цитата: ...брошен в овраг, где встречает молодую «чалданку», с которой и живет 25 лет...

Боюсь, в этой песне «чалданка» не есть коренная жительница Сибири. Сибирские старожилы — чалдоны — народ вольный, зажиточный, сильно нравственный. Мне кажется маловероятным нахождение в овраге девицы из такой общины. Это, скорее всего, была именно беглая каторжница (определение чалдонов по Далию), которая пряталась в овраге от злых людей.

Приведенная здесь беседа немного сокращена. Судя по опущенным мной отдельным фразам, на сайте LiveJournal беседовали хорошо знакомые

между собой люди, московские интеллектуалы, свободно использующие такие, например, выражения: «...все показали себя с самой не лучшей — извращенно-постмодернистско-элитарной — стороны». Для беседы о группах русского населения Сибири — аудитория наименее подходящая из всех возможных. И, самое главное, несмотря на характер беседы, стилистически последовательно выдержанный, текст изобилует отсылками на различные источники информации. Таких примеров в интернет-беседах немало. С другой стороны, устноисторическая практика, как уже рассматривалось, тоже знает случаи различных внутренних цитирований.

Подведем некоторые итоги. Информация, которую можно получить из бесед на Интернет-форумах, похожа на ту, что мы получаем в ходе бесед с респондентами при записи воспоминаний (для меня это связано с этнографическими экспедициями и полевой работой). Но, как мне кажется, в ряде случаев она более достоверна, так как излагается не по просьбе постороннего человека, а по собственной инициативе людям, чьим мнением выступающий в той или иной мере дорожит. Поэтому представленные в сети тексты более эмоциональны, сопровождаются обилием деталей, которые нам далеко не всегда передают респонденты в полевых условиях. Когда возникает дискуссия, выступающие начинают аргументировать свое мнение, припоминая множество деталей. Еще одно достоинство этих бесед — широкая аудитория участников как в географическом, так и в социальном плане, чего практически невозможно достичь при работе в реальном мире.

Самое главное, здесь нет интервьюера в том смысле, что при традиционной методике. Конечно, в беседе чаще всего бывает лидер — наиболее сведущий или инициатор разговора, но он «свой». Кстати, вызвать на беседу интернет-пользователей, задав интересующую тему, сложно; труднее, чем взять интервью в поле.

Есть, конечно, и сложности. Участники форума остаются фактически анонимными, хотя в большинстве случаев так или иначе их слова, или имена, или ники (псевдонимы в сети) указывают на их личность. По мере сообщения сведений проявляются географические, хронологические рамки повествований, становится ясной связь с теми людьми, о которых говорят собеседники (родственники, знакомые). В форумах, как правило, остаются электронные адреса участников форума, так что можно с ними связаться, но довольно трудно представить себе, что у них спросишь. Хотя это, наверное, зависит от личности исследователя. И еще соображение: выше приво-дилось современные взгляды на анонимность респондентов. Интернет-анонимность, конечно, отличается — ни пола, ни возраста, ни иных сведений в Интернете чаще всего не получишь, но, с моей точки зрения, различия эти не принципиальны.

Другая сложность заключается в том, что беседу невозможно направить в нужное русло, она развивается стихийно, сворачивает в сторону от интересующих исследователя вопросов. Кроме того, беседы, по большей части, обнаруживаются после их завершения, когда в сети остаются только их «руины»: форум пуст, собеседники разошлись.

Существенны и этические вопросы изучения интернет-бесед. Исследователь в определенной мере «подслушивает». С одной стороны, участники форумов достаточно защищены никами, причем меру анонимности каждый определяет себе сам. С другой стороны, посетители форумов знают, что их высказывания являются публичными. Возможно, здесь есть и иные этические аспекты.

Завершая рассмотрение вопроса о возможности и такой формы устной истории, мне хотелось бы подчеркнуть, что это только один из возможных путей расширения современной источниковой базы. Однако время идет быстро, Интернет очень динамичен и, не изучая его, мы теряем материалы, характеризующие наше время.

Литература и источники

1. «Verba volant...?» Устная история: Программа курса для специальностей «Историко-архивоведение», «История», «Политология» / Сост. Д. Н. Хубова. М., 1995.
[http:// science.rsuh.ru/7-p.html](http://science.rsuh.ru/7-p.html).
2. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004.
3. Вопросы к экзамену по устной истории // Сайт Российского государственного гуманитарного университета, каф. истории науки (<http://science.rsuh.ru/7-e.htm>).
4. Герасимова Н. Собирая устные свидетельства... (Профессора и студенты 1960-х) // Корни травы: Сб. ст. молодых историков. М., 1996.
<http://www.memo.ru/library/books/korni/Chapter16.htm>.
5. Горелик Г. Е. Устная история, история науки и искусство истории // Эхолот : Материалы Первой всерос. науч.-практ. конф. по аудиокультурологии, аудиоархивистике и новым технологиям. М., 22–25 мая 2001 г.
http://www.echo-net.ru/2002/rus_str/paper2.doc.
6. Кан Г. И. Устная история: проблемы метода // Публикации Центра документации новейшей истории Томской обл. <http://cdnito.tomsk.ru/index.php?sectionid=6031>.
7. Крылов П. В. Обретение исторического слуха: парадигмы изучения неофициальной памяти // Нов. лит. обозрение. 2005. № 74.
(<http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/kry27-pr.html>).
8. Лоскутова М. В. Устная история : Метод. рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002.
9. Мокрова М. В. «Устная история» и источниковедение истории науки // Сайт Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова.
<http://www.ihst.ru/events/youth/mokrova.htm>.
10. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 32–51.

11. Селунская Н. Б. Новые методологические подходы: историк и его методологический выбор // Селунская Н. Б. Проблемы методологии истории : Учеб. пособие «Методологические проблемы исторических исследований». М., 2003. С. 36–59.
12. Споров Д. Живая речь ушедшей эпохи: собрание Виктора Дувакина // Новое литературное обозрение. 2005. № 74 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/sp28-pr.html>).
13. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М., 2003.
14. Филюшкин А. И. Методические указания по проведению исследований по устной истории // Публикации сайта «Наш Политех» (www.nashpolytech.ru/index.php?id=73).
15. Хрестоматия по устной истории / Под общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб., 2003.
16. Шмидт С. О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С. О. Путь историка: Избр. тр. по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 98–108.

П. И. Гришанин

Устная история Гражданской войны: объективная необходимость или дань моде?

Понятие «Oral History» вошло в словарь западных гуманитариев уже с середины XX в., а начиная с 1990-х гг. оно все более уверенно используется и российскими исследователями. В отличие от Запада, где это понятие стало обозначать самостоятельное научное направление, в России термин «Oral History» используется в разных областях социальных наук, что не случайно, ведь это междисциплинарное исследование, находящееся на стыке истории, социологии, этнологии, социальной психологии, антропологии. Это все более и более социально ориентированная область истории, которая и методологически, и концептуально дает представление о новых перспективах социального познания. И востребованность ее закономерна: это история, построенная вокруг людей. Она наполняет жизнью историческую науку как таковую, расширяет ее масштаб. Она позволяет найти героев не только среди вождей, но и среди безвестного большинства народа. Большинство существующих архивных документов отражает точку зрения властей, и неудивительно, что суд истории чаще всего выносит решения в пользу сильных мира сего. Устная история создает условия для более справедливого суда, анализирующего воспоминания намного большей группы людей. Все это позволяет более реалистично и объективно воссоздавать исследователям прошлое, подвергать сомнению «официальную версию», тем самым оказывая радикальное влияние на социальные цели исторической науки в целом. Как писал М. К. Лавабр, «память... славится умением тихо, но искренне сопротивляться тогда, когда политические власти грубо обращаются с историей и манипулируют прошлым». Это искреннее сопротивление памяти, не вошедшей в официальную память, а соответственно в официальную историю общества, стало широко востребовано в наше время переписывания идеологий. Перестройка российского общества, самой госу-

дарственной системы и идеологии открыла архивы, сформулировала политический заказ на новые национальные идеи, заодно либерализовала и отношение к ущемленным в истории социальным группам, коллективная память которых стала оформлять собственные дискурсы. С этой точки зрения история Гражданской войны в России еще долго будет предметом жарких споров и многочисленных дискуссий как зарубежных, так и отечественных историков.

Гражданская война была закономерным явлением развития российской государственности, особенно для тех ее переходных этапов, когда противоречия между традиционалистским и рациональным типами сознания российского социума достигали кульминации. Диапазон ее восприятия был беспредельным, в зависимости от способности каждого адаптироваться к условиям политической нестабильности и экономической непредсказуемости. Поэтому поиски ответов на существенные проблемы понимания феномена Гражданской войны в России лежат в оценочных характеристиках современников революционных событий начала XX в., их воспоминаний, которые так или иначе связаны с определением государственной самоидентификации. Атмосфера социокультурного кризиса, следствием которого была Гражданская война, остро ставит проблему достоверности солидного документального массива, имеющегося в распоряжении современного исследователя. При этом нельзя забывать и о специфике политической культуры в России революционного лихолетья первой трети XX в., когда сознание человека в оценке происходящего оперировало особым, присутствующим только этому времени категориальным аппаратом.

Самыми интересными и одновременно крайне сложными являются материалы личного происхождения (дневники, мемуары, переписка и пр.) участников и современников Гражданской войны. Воспоминание — стартующее прежде всего как индивидуальное — впоследствии конструируется через институционализированный процесс организации таким образом, что становится чисто коллективным воспоминанием. Историческое доверие является продуктом не телепатии или спиритизма, а так называемой разумной экономии. Как известно, историк устанавливает достоверность подобного рода источника, сравнивая его с другими записями, проверяет надежность и добросовестность свидетеля. Отсюда проистекает активное неприятие искажений и извращений исторической критикой, равно как и ее приверженность достоверным свидетельствам, а также разделение прочих сведений на недостоверные, вероятные, весьма вероятные, которые могут иногда пойти в ход за неимением более надежных. Выяснив происхождение или природу «достоверных» свидетельств, исследователь получает ответ и на вопрос об их предназначении. Оно, разумеется, заключается не в том, чтобы создавать или подменять подлинную историю, а в том, чтобы сохра-

нить для потомков даже малозначительные подробности. С другой стороны, такого рода свидетельства — стимул покопаться в самих себе, дополнение к тому, что можно обнаружить в результате этих размышлений и самоанализа.

Поскольку факт является историческим в той мере, в какой он осмыслен, и ничто не существует вне мысли, вопрос, какие факты являются историческими, а какие нет, не имеет смысла. Поэтому логического критерия для отбора документов личного происхождения при изучении Гражданской войны не существует. Критерий состоит в самом отборе, обусловленном, как любое экономическое предприятие, знанием ситуации, практическими и научными нуждами определенного момента. Эти практические соображения являются субъективными. Разделение фактов на «достойные» и «не достойные» того, чтобы войти в историю, на «исторические» и «неисторические» — дело воображения исследователя, его лексик и риторики.

В истории Гражданской войны есть проблемы, но нет проблемы выбора между двумя или многими фактами. Незначительные факты — это тоже факты, вернее, следы фактов, сведений, документов и памятников, которые следует рассматривать как отдельный класс. Факты же неисторические (или неосмысленные), если поставить их рядом с историческими (осмысленными), позволят более глубоко исследовать те или иные аспекты Гражданской войны. Последнее обстоятельство особенно важно с учетом тематической специфики почти всех документов личного происхождения. Их составляющими обязательно были выяснение и объяснение причин Гражданской войны именно как национальной катастрофы, прогнозирование результатов политического развития, напрямую связанного с военным противостоянием красных и белых; поиски аналогичных политических событий во всемирной и отечественной истории; оценочные характеристики деятельности того или иного политического деятеля эпохи Гражданской войны; идеализация русского народа и его проблем; ностальгия по «порядку и законности», довольно часто ассоциируемых с романовской Россией; описание повседневных дел и забот.

Почти все материалы личного происхождения несли на себе отпечаток революционной эпохи, характеризуемой крушением прежних стереотипов жизни. Но, так или иначе, все эти воспоминания позволяют исследователям собрать информацию о Гражданской войне — отражение реального мира, которое очень разнообразно по своим проявлениям. Критерии поиска и учета информационных данных тесно связаны с характером исследования. Однако обязательные (стандартные) условия сводятся к тому, чтобы эти исторические документы были многообразны, содержательны и конкретны.

Современный уровень развития отечественной исторической науки характеризуется разработкой нового источниковедческого инструментария,

использование которого позволит обогатить изучение Гражданской войны открытиями не только фактологического, но и методологического характера. Своеобразную триаду базовых средств анализа документальных материалов по истории Гражданской войны составляют: количественный контент-анализ (стандартизированные процедуры подсчета выделенных категорий); качественный контент-анализ (содержательное изучение текстового материала); ивент-анализ (метод анализа событийных данных, который направлен на обработку информации, показывающей, кто говорит или делает, что говорит или делает, по отношению к кому и когда говорит или делает); когнитивное картирование (графическое изображение причинных связей между переменными, когда переменные изображаются в виде точки, а связи между ними – в виде стрелки).

Использование этих методов позволяет поднять изучение истории Гражданской войны до уровня моделирования политических, экономических и социальных процессов в России 1917–1920 гг. В рамках первой стадии этой работы определяется объект моделирования и информационное обеспечение исследования, в рамках второй – операционализация имеющейся информации, варианты которой постоянно совершенствуются. В зависимости от целей и задач исследования можно построить три класса моделей: содержательные (традиционная практика, в ходе которой исследователь, используя знания, логику и интуицию, создает модель изучаемой ситуации); формализованные (графическая форма представления материала и повышение его компактности путем отображения явлений (объектов) с помощью символов); квантифицированные (разложение моделируемой ситуации на ряд более простых ситуаций с их обязательным изучением).

Только совокупность таких подходов позволит разобраться в сложных перипетиях Гражданской войны и тем самым приблизиться к пониманию особенностей данного феномена российской государственности.

В. А. Зверев, Е. И. Косякова

Услышанное прошлое. Опыт создания и использования историко-биографической коллекции в педагогическом университете

На кафедре отечественной истории Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета (ИИГСО НГПУ) уже около 20 лет существует обширное собрание биографических материалов, основная часть которых, несмотря на различия обстоятельств возникновения и оформления, по-видимому, может именоваться устными историческими источниками. Постепенно накапливается опыт структурирования материалов коллекции, применения

собранных материалов в научной и образовательной деятельности. Нами уже публиковались сообщения, кратко характеризующие коллекцию для региональной аудитории — ее происхождение, состав, наши взгляды на перспективы использования и организацию хранения [3; 4]. Однако время идет, совершенствуется методика сбора новых источников, но одновременно возникают и связанные с функционированием коллекции историко-методологические, методико-педагогические, организационные вопросы. В настоящей статье ставится задача 1) ознакомления широкой, всероссийской аудитории специалистов с опытом создания и использования нашей коллекции; 2) обсуждения вариантов решения актуальных проблем, которые, по-видимому, сходны у различных групп энтузиастов, взявшихся в последнее время за сбор, хранение и интерпретацию устных источников с целью их применения в научно-исследовательской и образовательной практике.

Происхождение и содержание коллекции

Коллекция историко-биографических материалов, о которой идет речь, возникла, можно сказать, спонтанно. В середине 1980-х гг. один из авторов настоящей статьи (В. А. Зверев), преподававший тогда на историческом факультете НГПУ курс истории Сибири, стал давать задание студентам-заочникам на межсессионный период: выявить, инициировать самозапись или собственноручно записать воспоминания своих пожилых родственников, знающих «о жизни в старое время». Мемуарный текст нужно было сопроводить своим предисловием, содержащим словесный портрет рассказчика и описание методики записи, а также заключением с комментариями, помогающими потенциальному читателю — вузовскому преподавателю либо студенту — лучше понять содержание воспоминаний и корректно их использовать в научной или учебной работе. Задание это, по замыслу, должно было помочь студентам организовать изучение истории в психологически обоснованной логике: «история личности (своей, близкого человека) — история семьи, рода — локальная история (села, города, области) — региональная история Сибири — национальная история (русская, российская) — глобальная история человечества». Конечно, имело место и методическое устремление разнообразить формы учебных заданий.

Неожиданно для преподавателя большинство студентов очень заинтересованно и творчески выполняли это задание. Тогда круг привлекаемых к записи воспоминаний студентов был расширен: задание многократно давалось не только будущим историкам, но и студентам других факультетов (естественно-географического, педагогики и психологии детства, культуры и дополнительного образования, филологического), обучающимся как на заочном, так и на очном отделениях. Итоги своей межсессионной деятельности студенты представляли в виде письменной работы и сопровождающих

ее материалов на зачеты по истории Сибири, этнологии или традиционной педагогике преподавателям В. А. Звереву, Н. Н. Родигиной, Е. И. Косяковой.

Студенческие работы сохранялись на кафедре, и к середине 2000-х гг. накопилось более 1 000 единиц хранения. Историческая информация, которая содержится в этих материалах, по хронологическому охвату относится к концу XIX – началу XXI в., по территориальному – в основном к Сибири, преимущественно к Новосибирской области и прилегающим к ней регионам – Алтайскому и Красноярскому краям, Томской, Омской, Кемеровской областям, Республике Хакасия. По содержанию она в основном отражает индивидуальную и групповую (родовую, деревенскую) память информантов о реалиях семейной, локальной и региональной истории, народной культуры, быта и повседневности, а также свидетельствует об особенностях восприятия, отражения этих реалий в ментальности наших земляков. Такие материалы вполне могут стать основой для исследовательской работы по региональной этнографии, социальной антропологии, микроистории и историческому краеведению.

Однако в числе собранных нами источников есть и уникальные по содержанию материалы, относящиеся к «большой истории», которые могли бы заинтересовать специалистов по истории России. Укажем здесь только на два сюжета – один из них активно разрабатывается в науке, другой еще ждет своих исследователей.

Ряд драматичных и образных воспоминаний, способных вызвать глубокое сочувствие, посвящены сплошной коллективизации и жизни крестьян на спецпоселении – это большое место еще живой исторической памяти сибиряков. Взгляд на эти события «снизу», «изнутри» представляет огромную ценность. Вот фрагмент одного из источников: «В ссылке мы прожили шесть лет. Отец поначалу был бригадиром. Но он не смог выполнять эту работу. На один район давали мешок муки. Отец прилюдно делил муку: сначала каждому по одной чашке, потом по стакану, наконец выгребли все из мешка и остатки собрали в наперсток. Отец решил отдать этот наперсток двум старикам. Но люди закричали, подняли бучу – мол, дед с бабкой свое отжили, и мука нужнее молодым. Отец не выдержал, заплакал и отказался делить муку» (из воспоминаний В. И. Чапкиной, Новосибирск, 2004). Интересный комплекс составляют тексты о репатриации русскоязычного населения из Казахстана и Средней Азии в Сибирь. Воспоминания относятся к началу 1990-х гг., информаторами являются вынужденные переселенцы, пережившие после распада СССР потерю работы, голод и другие лишения. Думается, что содержание таких текстов имеет не только научно-историческую, но и общественную значимость.

При знакомстве с коллекцией историко-биографических материалов мы обнаруживаем типологически весьма неоднородные материалы. По спо-

собу фиксирования информации их традиционно следовало бы разделить на три типа: письменные, визуальные и устные.

Письменные источники при этом предстают в виде самих текстов зачетных студенческих работ. Такие тексты состоят, как правило, из трех частей: введения (написанной собирателем аннотации, содержащей словесный портрет информанта и описание методики записи), заключения с комментариями собирателя и основной части, где и содержится собственно историческая информация. По обстоятельствам создания этой информативной части письменные материалы можно разделить на следующие основные группы: 1) копии оригинальных текстов мемуарного или дневникового характера, хранящихся много лет в некоторых семьях родственников или знакомых студентов; 2) копии воспоминаний, собственноручно написанных пожилыми людьми в последнее время по просьбе студентов; 3) дословные письменные расшифровки — полные или частичные — содержания своих интервью или бесед историко-биографического характера, сделанные студентами-собирающими; 4) пересказ содержания нескольких таких бесед, сделанный в свободной форме и обобщенном виде; 5) фрагментарное изложение слышанных когда-то студентами рассказов теперь уже умерших предков о тех или иных исторических реалиях.

Визуальные источники в данном случае представлены, во-первых, подлинниками или, чаще, ксерокопиями фотографий, которые приложены ко многим письменным мемуарным текстам. Фотографии, как правило, снабжены подписями, которые либо иллюстрируют некоторые сюжеты воспоминаний, либо информационно дополняют их. Вторую группу визуальных источников составляют видеозаписи проведенных студентами интервью или бесед, которые подверглись затем письменной расшифровке. Видеокассеты (в последнее время появились и оптические электронные диски — CD-ROM, DVD) тоже прилагались к письменным зачетным работам, но только к небольшой их части.

В контексте темы семинара «Устная история: теория и практика» наибольший интерес представляют устные источники, входящие в состав коллекции. Одинаково верно и то, что коллекция в основном состоит из таких источников, и то, что их здесь пока совсем немного — все зависит от того, какого определения устных источников придерживаться.

Устные источники в коллекции, специфика их атрибуции

В современной исторической науке нет общепринятого определения устных источников. В западной историографии таковыми обычно считаются только звукозаписи интервью и бесед, всевозможных выступлений, репортажей с места событий, а также радиопередачи [14, р. 36]. Отцы устной истории Дж. Эварте Эвансе, П. Томпсон, А. Портелли подчеркивали особую

важность именно звучания устных источников, полагая, что от формы фиксации и хранения информации принципиально зависят эпистемологические особенности работы с источником. Отечественные специалисты бывают не столь строги, очерчивая круг устных источников. С. О. Шмидт, например, включает сюда «разговорную речь, каким-либо образом зафиксированную, фольклор... звукозаписи, аудиовизуальные источники» [12, с. 99]. При столь широком определении всякое историческое свидетельство, прозвучавшее в живой речи, высказанное информантом во время интервью, беседы или наблюдения, проведенного собирателем, зафиксированное последним и хранящееся в любом формате — в виде текста на бумаге, аудио- или видеозаписи, электронного ресурса (оптический диск, ресурс удаленного доступа), — может считаться устным источником. В нашей коллекции таких источников абсолютное большинство, ибо ее основу как раз и составляют зафиксированные студентами преимущественно в письменной форме, но иногда также в аудио-, видео- или электронном формате устные воспоминания и рассказы, интервью их пожилых родственников и знакомых.

Однако есть сравнительно небольшая группа материалов, которые могут быть атрибутированы как устные источники в узком смысле. Во-первых, это аудиозаписи некоторых бесед и интервью студентов с их информаторами. Зафиксированная здесь звучащая речь затем расшифрована и в письменном изложении представлена в зачетных работах, аудиокассеты являются лишь приложениями к ним. Но в 1998–2006 гг. Е. И. Косяковой в ходе работы над кандидатской диссертацией была осуществлена специальная аудиозапись бесед и интервью с группой старожилов и информантов среднего возраста из разной социальной среды, которые рассказывали о повседневной жизни Новосибирска 1920–1930-х гг., опираясь на собственную память или на рассказы своих родителей, других старших современников. Сбор этой информации производился с помощью созданной диссертанткой примерной анкеты.

Если согласиться с «широким» определением устных источников (С. О. Шмидт), в научно-исследовательской работе следовало бы объединить в одну группу наши аудиозаписи бесед с жителями Новосибирска и письменные тексты записей интервью, взятых студентами у пожилых людей. Однако очевидна разница между этими двумя типами источников. В первом случае мы имеем дело с предельно точной фиксацией информации, во втором случае нужно учитывать неизбежную авторскую переработку и редакцию устных свидетельств, осуществленную собирателем. В звукозаписях устных воспоминаний важны оговорки, интонации рассказчиков, «уходы» от основной темы, даже особенности построения фраз. Устные рассказы хороши непосредственностью изложения мыслей информаторами. Для исследователя важны суждения респондентов, их

субъективные представления о фактах и их оценки. Конечно, память человека — не отлаженный механизм. Рассказы информаторов часто обрывочны и не всегда точны. Это обстоятельство, с одной стороны, дает исследователю пищу для размышления: почему человек забыл тот или иной интересный нам сюжет, с другой стороны, осложняет работу, ведь на некоторые частные вопросы из истории повседневной жизни сегодня могут ответить лишь старожилы.

Устная история в образовательной практике вуза

В настоящее время мы активно работаем над пополнением нашей коллекции. Студенты различных специальностей продолжают записывать воспоминания пожилых людей. Новацией последних лет являются попытки строить работу студентов по записи воспоминаний, опираясь на методологические разработки устной истории. Пионерами в этих начинаниях стали студенты филологических специальностей. На семинарских занятиях по истории Сибири им предлагалось ознакомиться с теоретическими основами «oral history»: с происхождением и этапами эволюции данного методологического направления, с его «идеологией», с конкретными рекомендациями его «отцов-основателей» по фиксации интервью и проведению бесед с информантами. Знакомство с устной историей осуществлялось на основе комплекса дидактических материалов, в который мы включили фрагменты работ специалистов: Р. Перкса, А. Портелли и П. Томпсона. После самостоятельного ознакомления с дидактическими материалами студентам предлагалось обсудить следующие проблемы: значение для науки записей устных воспоминаний пожилых людей; специфика записей устных воспоминаний как исторических источников; особенности методики интервьюирования респондентов и др.

Вторым этапом работы над созданием устных источников стала совместная подготовка ориентировочной анкеты для опроса старожил по какой-либо общей для группы студентов теме. Целесообразным методическим приемом организации второго занятия оказалось «проигрывание» и обсуждение в студенческой аудитории пилотного и биографического интервью, которые обычно являются предварительными этапами исторического интервью. Полезным методическим приемом стало также прослушивание уже имеющихся в коллекции аудиозаписей устных воспоминаний с последующим совместным анализом работы интервьюеров. После этого студенты самостоятельно выбирали респондентов, опрашивали их по заранее оговоренной в группе теме общего проекта, фиксировали интервью при помощи магнитофона. Это задание студенты выполняли как индивидуально, так и объединившись в пары. При другом варианте организации работы один из студентов проводил интервью и обеспечивал его запись на ау-

дионоситель, другой вел протокол, т. е. конспектировал интервью, отмечал его проблемные моменты, а также принимал участие в диалоге.

К итоговому занятию студенты готовили презентации результатов своей работы. Презентации содержали фрагментарное представление записанных интервью, рефлексию студентов над содержанием состоявшихся бесед и качеством проведения интервью. При подготовке презентации студенты делали выводы о том, какие новые сведения из истории нашего региона и малой родины им удалось выяснить, каково значение этих сведений для краеведческой работы, какие сюжеты в рассказах разных информаторов совпали, а какие оказались уникальными и почему, размышляли о степени достоверности полученных ими из рассказа респондента сведений, пытались объяснить ошибки, заблуждения и забывчивость респондентов. Кроме того, студенты рассказывали об эмоциях, с которыми информант вспоминал о прошлом, объясняли его настроение. Говорили о собственных впечатлениях от общения, о методических сложностях, возникавших в ходе работы, и делали выводы об освоении новых полезных умений в процессе выполнения предложенного задания.

Стоит отметить, что выполнение этого задания позволило студентам не только получить новые, зачастую неожиданные по содержанию знания о «близкой» им истории, но и проникнуться некоторыми методологическими установками современной антропологически ориентированной гуманитарной науки. Наиболее удачной в этом смысле стала работа над проектом, получившем название «Юность моей мамы: интересы, идеалы и досуг советской молодежи 1970–1980-х гг.». Удачный выбор темы обеспечил успешность выполнения этого задания. Группа собирателей состояла из девушек-пятикурсниц, по личным мотивам живо заинтересовавшихся предложенной темой. Беседы с родителями и близкими родственниками, построенные с опорой на общие для группы анкеты, приоткрыли для студенток выпускного курса дверь в прежде мало известный им мир девичества старшего поколения. Подчас рассказы о комсомоле, «старинной» моде, приоритетах в любви и дружбе удивляли девушек, которые, казалось бы, хорошо знают своих родителей и их биографии. На основе полученных сведений студенты пытались выявлять общие характеристики интересов, идеалов, бытовых и иных реалий жизни молодежи 20–30-летней давности. Важно, что у молодых людей возникло искреннее желание понять своих близких.

Студенты пытались интерпретировать воспоминания с точки зрения психологии и с позиции известных им общеисторических контекстов. Сопоставление фактов, о которых вспоминали информанты, вызвало оживление, студенты пожелали «проверить» услышанные рассказы по другим источникам: по журналам мод, художественным произведениям. Многие осознали собственное непонимание хорошо известных выражений и фраз

из недавнего прошлого: «купить помаду у цыганки», «исключить из комсомола», «работать в стройотряде» и др. Эти беседы с родителями помогли студентам расширить и уточнить их представления по отечественной и региональной истории XX в. Многие вызывало искреннее недоумение «неофитов» устной истории. Девушки удивлялись тому, что некоторые респонденты, «жившие в то время», не могли толком объяснить, что такое, скажем, комсомол, тому, что одни люди ностальгируют, говоря о прошлом, другие вспоминают его с ожесточением и негативными эмоциями.

В итоге занятия студенты самостоятельно пришли к важным теоретическим выводам, которые базировались на их собственном эмпирическом опыте. Эти выводы прозвучали в следующих формулировках: «Нет никакой «правильной» истории, история вариативна — у каждого очевидца событий прошлого своя правда, достойная внимания и уважения»; «Любые воспоминания, посвященные даже самым заурядным вопросам, могут содержать важную для исследователя информацию»; «Оказывается, обыденные вопросы тоже важны для понимания истории»; «Даже наименее отдаленное от сегодняшнего дня прошлое отличается от настоящего и не может быть до конца изучено и осмыслено»; «Я узнала себя в своих родителях, поэтому теперь хочу знать больше об их поколении»; «Аудиозаписи передают не только содержание беседы, но и ощущение атмосферы в которой она прошла, это интригует и вызывает желание слушать». Наконец, многие студенты говорили о том, что после состоявшихся бесед стали лучше понимать своих родителей, их поступки и слова, произносимые в настоящем. Отмечалось и то, что выполнение и анализ качества этой работы побудили многих студентов задуматься над проблемой культуры диалога в широком смысле этого понятия, над профессиональной необходимостью освоения коммуникативной культуры педагога.

Полученные таким образом аудиозаписи дополнили нашу коллекцию. Но будет преувеличением сказать, что в настоящее время мы полностью переориентировались на новые методы записи воспоминаний. Не каждая студенческая группа достаточно подготовлена интеллектуально и технически к погружению в проекты по устной истории, далеко не все мотивированы к подобной работе. Поэтому мы продолжаем собирать и традиционные «бумажные» записи воспоминаний. Конечно, часто студенты просто вольно пересказывают то, что услышали раньше от пожилых родственников и знакомых; такие тексты не обладают высокой степенью достоверности, источниковой «чистоты». Другие (особенно будущие филологи) представляют объемные, подробные, почти дословные записи диалогов со своими информаторами. Некоторым собирателям и на письме удается передать специфику разговорной речи — ее прерывистость, сбивчивость, нелогичность и живость. Иные, наоборот, допускают существенную литера-

турную обработку услышанных воспоминаний, что, безусловно, искажает содержание, но за этой редакторской работой скрывается позиция студента, который записал материал. Некоторые мемуаристы создают самозаписи, особая ценность которых очевидна. Наша коллекция содержит источники разных типов и видов; на наш взгляд, это обстоятельство лишь повышает ее значимость.

Перспективы развития и использования коллекции

Не только в создании коллекции, но и в ее использовании мы находим новые смыслы и возможности. До недавних пор разбор материалов, их систематизацию, отбор и подготовку источников для публикации осуществлял профессор В. А. Зверев практически в одиночку. К сегодняшнему дню опубликовано около двух десятков текстов источников из нашей коллекции — полностью или частично. С ними можно познакомиться в двух учебных пособиях, предназначенных для самостоятельной работы студентов с историческими источниками по народной педагогике и истории образования [5; 11], в сборниках научных трудов, выпущенных кафедрой отечественной истории НГПУ [6; 7], в ряде сборников материалов научно-практических конференций [2; 9; 13], в юбилейном, посвященном 110-й годовщине Новосибирска, выпуске журнала «Сибирская горница» [8]. Некоторые материалы коллекции использованы в научных, научно-методических публикациях преподавателей и аспирантов кафедры отечественной истории НГПУ, в дипломных и курсовых сочинениях студентов ИИГСО. Но все же систематическое и полное применение в практике научно-исследовательской и педагогической (образовательной и воспитательной) деятельности всего комплекса собранных материалов сильно затруднено тем, что коллекция до сих пор не оформлена в качестве таковой и не подготовлена в должной степени к хранению и использованию.

Однако два года назад для студентов-историков стала обязательной архивная практика, и теперь появилась не только возможность, но и необходимость привлечения группы студентов к работе с нашим собранием историко-биографических материалов. Одновременно с посещением государственных архивов эта группа (она в основной своей части сменяется ежегодно, но начинает складываться и устойчивое ядро) трудится над тематической и хронологической систематизацией текстов, отбирает и готовит лучшие тексты для печати.

Имеющийся опыт публикации устных источников обозначил одну важную проблему: в каком виде лучше их печатать? Дело в том, что при письменной расшифровке звучащей речи и последующем даже осторожном редактировании текста искажается его первоначальная форма, меняется авторский язык. Получается, что мы создаем на основе аудиозаписей новые

источники другого типа (письменные), информативность и достоверность которых, безусловно, снижается по сравнению с исходными устными источниками. Многое в содержании информации утрачивается, и в то же время присоединяется нечто не предусмотренное информантом. Однако по традиции считается, что такая правка необходима при подготовке любой рукописи к печати: без нее напечатанные воспоминания едва ли будут иметь общественно значимый характер, покажутся читателям небрежно составленными и т. д.

Последовательная реализация установок устной истории как научного направления в данном случае, вероятно, предусматривает следующее решение. «Звучащая речь» должна в идеале и сохраняться, и транслироваться именно как звучащая: устные источники лучше всего публиковать, тиражировать не в виде книг, а в формате аудио- и видеокассет, электронных оптических дисков, размещать в Интернете в виде «говорящих» сайтов. Такая «звучащая» публикация обязательно должна сопровождаться устной или письменной аннотацией и комментариями специалистов, где содержались бы сведения, необходимые для адекватного понимания и корректного использования данного источника. Обозначившийся сейчас глобальный сдвиг от письменной культуры к культуре, основанной на электронных носителях информации, современное интенсивное развитие информационных технологий, по-видимому, будут в перспективе стимулировать и облегчать хранение, тиражирование и трансляцию устных исторических источников в их аутентичном формате.

Однако возможен и компромиссный подход, предусматривающий все же письменную расшифровку и публикацию устных источников, при условии максимально возможного сохранения их типовых особенностей и преимуществ. Совершенствованию методики расшифровки аудиозаписей бесед и интервью в нашем опыте в значительной степени помогли контакты Е. И. Косяковой со специалистами Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Этим центром выпущен компакт-диск «Голоса блокадного поколения» и опубликованы две книги, где представлены расшифровки устных интервью преимущественно с пожилыми людьми на темы блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и «жизни на границе» России с Финляндией [1; 10]. Принципы, положенные авторами этих сборников в основу расшифровки и транскрибирования аудиозаписей (максимальное сохранение логики интервью и особенностей речи как информантов, так и собирателей, отказ от корректировки синтаксиса и орфографии разговорной речи, избегание сокращений материала) представляются нам плодотворными и целесообразными. В дальнейшем мы планируем работать с опорой на данную методику расшифровки, транскрибирования и публикации устных источников.

В перспективе нашу коллекцию хотелось бы превратить в архив, доступный более широкому кругу исследователей и педагогов. Однако на пути создания архива предстоит преодолеть немало финансовых, организационных, методических трудностей. Вот только некоторые профессионально-исторические вопросы, требующие решения: по какому принципу (хронологическому, тематическому, территориальному) выделить фонды? Важна ли типологическая принадлежность источников (письменные, устные, визуальные) при создании различных фондов? Следует ли хранить источники только в том виде, в каком их сдали в свое время собиратели, или при подготовке к хранению их следует «довести до кондиции», например, дополнив обязательной расшифровкой звукозапись устного источника?

В любом случае расширение и усовершенствование имеющейся коллекции, возможное создание на ее основе архива историко-биографических материалов — дело весьма полезное. Для гуманитарной науки, образовательной и воспитательной практики создается массив уникальных источников информации. Общество получает еще один, совсем не лишний, канал восстановления «распавшейся связи времен», уточнения своей цивилизационной идентичности, сохранения исторической и культурной преемственности.

Литература и источники

1. Граница и люди : Воспоминания переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка / Под ред. Е. А. Мельниковой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 2005. (Studia Ethnologica. Вып. 2).
2. «Есть родина твоя...» : Материалы междунаrod. науч. конф. «Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX — начало XX в.)» : секция «Молодые историки — сибиреведы и краеведы» / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 2002.
3. Зверев В. А. Коллекция биографических материалов на кафедре отечественной истории НГПУ: происхождение, содержание, перспективы использования / В. А. Зверев, Е. В. Конева // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 2004. С. 53–56.
4. Зверев В. А. Коллекция биографических материалов на кафедре отечественной истории НГПУ: программа подготовки к хранению и использованию / В. А. Зверев, Е. В. Конева // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 2005. Т. 3. С. 19–22.
5. Красен человек учением : Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX — начало XX в.) / Сост., предисл., примеч. К. Е. Зверевой, В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 1995.
6. Между прошлым и будущим : Вopr. истории и ист. образования / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 2000.
7. Моя Сибирь: вопросы регион. истории и ист. образования / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 2002.

8. Народная летопись / [Сост., ред., примеч. В. А. Зверева] // Сибирская горница : Журн. для семейн. чтения. 2003. № 4 : Новониколаевск-Новосибирск: любовь и память. С. 81–99.
9. Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 2006.
10. Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / Под ред. М. В. Лоскутовой. СПб. : Нов. изд-во, 2006.
11. Традиционная педагогика : учеб. программа, хрестоматия и практикум (для студентов ист. фак.) / Авт-сост. и отв. ред. В. А. Зверев. Новосибирск : НГПУ, 2005.
12. Шмидт С. О. Путь историка: Избр. тр. по источниковедению и историографии / С. О. Шмидт. М. : РГГУ, 1997.
13. Этнография Алтая и сопредельных территорий / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щерловой. Барнаул : БГПУ, 2003. Вып. 5.
14. Parks R. Listening to the past / R. Parks // History today. 2000. № 11. P. 36–37.

Е. И. Косякова

Городская повседневность межвоенных лет глазами очевидцев: специфика письменных и устных воспоминаний

«Родственная» связь, существующая между такими антропологически ориентированными методологическими подходами исторической науки, как «история повседневности» и «устная история», неоднократно подчеркивалась западными и отечественными учеными. К примеру, немецкий историк А. Людтке отмечает, что «история повседневности» имеет дело с людьми, которые если и оставили после себя источники в обычном понимании этого термина, то очень мало [6, с. 89]. Поэтому фиксация, обработка и интерпретация устных свидетельств пожилых людей является для историка, изучающего повседневность XX в., важным этапом исследования. Не менее важны с точки зрения изучения вопросов повседневной истории и опубликованные воспоминания, работа с которыми имеет свою специфику. Устные и письменные воспоминания «о повседневности» людей, живших в одно время, приблизительно в одном и том же месте, часто сходны по содержанию. Однако воспоминания, зафиксированные в письменной форме и на аудиопленке, являются источниками разных типов, поэтому актуальны характеристика и сопоставление их источникового своеобразия, методологических и методических особенностей работы с ними.

Эмпирической основой источниковедческих и методологических рассуждений и выводов автора данной статьи является работа с воспоминаниями старожилов города Новосибирска, которая велась в 1998–2005 гг. Следует отметить, что наше внимание было обращено к воспоминаниям «письменным», в числе которых группа опубликованных и группа неопубликованных текстов, а также к группе «устных» воспоминаний, которые появились в результате биографических интервью, проведенных и зафиксиро-

ванных на аудиопленке автором данной работы. Специфика каждой из указанных групп источников определяется их происхождением: авторством, временем, местом и обстоятельствами возникновения, техническими особенностями фиксации. Эти традиционно выделяемые историками критерии внешнего анализа различных исторических источников являются в данной статье основными параметрами сопоставления групп мемуарных источников. Однако их внутренний анализ — не менее важная проблема. Поскольку внутренний анализ источника существенно зависит от объекта исследования, важно уточнить, что подразумевается под понятием «повседневность».

На протяжении трех последних лет наш исследовательский интерес был сконцентрирован на проблеме развития городской повседневности Новосибирска в период конца 1919 — первой половины 1941 г. Поскольку в историографии не существует универсального представления о содержании понятия «повседневность», потребовалась авторская концептуализация этого понятия. В нашем понимании «городская повседневность» представляет собой взаимодействие населения с городской средой («обжитым» городским пространством, системой коммуникаций и «узлов» — общественных мест) для реализации различных потребностей. Автором изучались преимущественно вопросы удовлетворения биологических потребностей (в питании, отдыхе, тепле и безопасности, в сохранении здоровья и гигиене) в условиях городской среды Новосибирска межвоенного периода [3]. Вопросы, адресовавшиеся воспоминаниям как источникам изучения этой проблематики, были направлены на выявление особенностей развития городской среды Новосибирска между войнами, на определение форм и способов взаимодействия населения с городской средой в целях реализации их биологических потребностей, на выяснение отношения представителей различных слоев городского населения к указанной сфере городской повседневности. Безусловно, мемуары, имеющие различную типологическую и групповую принадлежность (мы выделяем три группы: опубликованных письменных, неопубликованных письменных и устных источников), по-разному «отвечают» на вопросы, которые формулирует исследователь. Это касается и содержания информации, заключенной в источнике, и специфики способов взаимодействия исследователя с различными группами источников.

Значение и ценность мемуарных источников для изучения вопросов городской повседневности едва ли можно переоценить. Вспоминая прошлое, старожил говорит от собственного лица и выражает обывательскую позицию «человека повседневного». Мемуары крайне субъективны, но именно эта субъективность и представляет ценность. По мемуарам можно реконструировать не только черты городской среды и повседневности. Вспоминая, человек «реанимирует» свои прежние чувства, вновь переживает прошлое.

Именно свежее переживание мемуаристом (или рассказчиком) прошлого дает нам ключ к пониманию того, как воспринимались и оценивались горожанами межвоенных лет среда их жизнедеятельности и качество повседневной жизни. В мемуарах, пусть и неявно, обычно проявляется глубоко личностное, интимное, поскольку человек рассказывает о городе своего детства, а детские впечатления, как известно, имеют принципиальное значения для формирования личности. В памяти человека оседают только значимые для личности эпизоды, поэтому рассказ о городе, дворе, доме, где прошло детство, — это повествование о тех условиях, в которых сформировалась личность рассказчика. Совокупность таких «личных» воспоминаний позволяет выявлять важные особенности и черты внешних условий личностного формирования довоенного поколения новосибирцев.

Образ Новониколаевска-Новосибирска в мемуарах пожилых горожан — не просто перечень характеристик и описаний, это и некий душевно-духовный комплекс. Философ Ю. М. Шор считает, что на современном этапе развития краеведения исследователи выходят на новый уровень осмысления своих задач, не смотрят на город глазами антиквара, скрупулезно собирающего мельчайшие факты из прошлого, а учатся экзистенциальному взгляду — «вплотную», «лицом к лицу» [12, с. 158]. Именно проникновение в содержание мемуарных источников позволяет исследователю достичь экзистенциального взгляда на городскую среду и повседневность, прочувствовать переживания рассказчиков, ощутить настроения людей ушедшей эпохи и более адекватно интерпретировать их.

Безусловно, в мемуарах мы не увидим прямого отображения переживания обывателями 1920–1930-х гг. городской среды и городской повседневности Новосибирска. Это переживание опосредовано временным разрывом между прошлым и настоящим. В случае с письменными источниками переживание автора опосредовано текстом, в котором воспоминания зафиксированы, в случае с устными источниками оно опосредовано, во-первых, речью рассказчика, во-вторых — аудионосителем записи. Подчас человеку бывает трудно точно описать образы воспоминаний и чувства, которые возникают при их появлении. Нужно обладать литературным талантом, чтобы адекватно выразить словами свое настроение и свои впечатления. Кроме того, «время и память нас обманывают, а мы этого даже не замечаем», — эта справедливая мысль Н. А. Бердяева характеризует любые мемуары [1, с. 503].

Большинство опубликованных воспоминаний, хронологически соответствующих межвоенному периоду в истории нашего города и отвечающих задачам изучения повседневности тех лет, включены в два сборника, вышедшие под названиями «Мой Новосибирск. Книга воспоминаний» [7] и «Память сердца» [8]. Авторами воспоминаний являются преимущественно об-

разованные люди, чьи судьбы тесно связаны с Новосибирском. В их числе — академик Н. Н. Амшинский, школьный учитель Р. А. Бриллиантова, заслуженная артистка России З. Ф. Булгакова, инженер А. Ф. Гутов, радист Г. М. Кобзева, кандидат биологических наук Ю. П. Коршунов, доктор биологических наук Г. В. Крылов, инженеры И. Я. Сушков и Г. И. Телегина, бухгалтер А. С. Тростнецкий и др. Безусловно, на письменное оформление текстов как их авторами, так и редактором повлияло неизбежное следование общему замыслу сборников воспоминаний. Сборникам присущ патриотический и ностальгический пафос. В этом смысле важно, что книга «Память сердца» вышла в краеведческой серии «Будаговская библиотека», которая издается в память об инженере Г. М. Будагове, участвовавшем в конце XIX в. в строительстве железнодорожного моста через Обь, открывшем первую школу и библиотеку в Новониколаевске. Обе книги представляют собой научно-популярные издания мемуаров, собранных, подготовленных к печати и изданных непрофессиональными историками. Составителем книги «Мой Новосибирск» является журналист Т. И. Иванова. Над составлением сборника «Память сердца» трудился коллектив журналистов и литературных редакторов издательства «Сибирская горница» во главе с писателем М. Н. Щукиным.

На наш взгляд, появление этих книг связано с общими тенденциями развития сибирской региональной исторической науки, которая все более ориентирована антропологически, все чаще обращается к локальным историческим сюжетам, к повседневной жизни общества и человеческой субъективности. В центре внимания современных краеведов сегодня — также не революция и не другие эпохальные события XX в., а истории «маленьких людей». Показательна в этом смысле фраза редактора М. Н. Щукина из вступительного слова к сборнику «Память сердца»: «Ни один архивный документ, ни одна газета либо книга той эпохи не смогут никогда заменить живое ощущение времени, которое подвластно только очевидцу» [8, с. 3]. По мнению американского историка Д. Лоузенталя, сегодняшнее повсеместное ностальгирование — это яркая черта постмодернистского состояния культуры. Человек, живущий в постмодернистской среде, ощущает разрыв традиции, болезненное непонимание прошлого, которое притягательно и одновременно чуждо. Поэтому он ностальгирует, навязчиво «ищет корни», собирает раритеты и семейные реликвии [5, с. 19–20]. Упомянутые сборники проникнуты подобным настроением. К примеру, составитель сборника «Мой Новосибирск» Т. И. Иванова пишет в предисловии: «И пусть не во всех рассказах отражена напрямую городская история, зато в них повествуется о том, какжилось здесь людям, какими интересами они руководствовались, какие ценности считали для себя приоритетными...» [7, с. 7]. Составители сборников не претендовали на полноту освещения городской истории, для них важнее было передать через тексты воспоминаний атмосферу

ушедших лет, побудить читателей к сопереживанию людям, каждый из которых является центром своей небольшой истории, преломляющей в себе историю всей страны.

Авторы мемуаров вспоминают о детских годах и периоде юности. Повторяющимися сюжетами являются описания того, как выглядели улица и двор, дом, где жила семья, как был устроен домашний быт. Нередко встречаются описания состояния городского благоустройства. Часто говорится о карточной системе снабжения населения продуктами. Мемуаристы рассказывают о том, какими они запомнили общественные места Новосибирска, вспоминают об отношениях в семье, в школе. Часто говорится о том, как мемуарист вместе с родителями приехал в Новосибирск и какое впечатление произвел на него этот город. Если в мемуарах, публиковавшихся в советскую эпоху, доминирующим сюжетом обычно являлось какое-нибудь историческое событие, фигура вождя, то в центре воспоминаний, объединенных названными сборниками, находятся личные впечатления, переживания мемуаристов. О полной достоверности мелких фактов из жизни города, описанных в этих текстах, судить трудно. Еще труднее судить об истинных чувствах, возникавших у авторов в процессе припоминания прошлого. Все рассказы написаны в довольно сдержанной манере. Авторы говорят о детстве и юности со светлой грустью, с нежностью, даже если в детстве, юности и молодости они пережили горести и лишения. Показательна фраза И. Я. Сушкова: «И когда Сталин в 1936 г. сказал, „Жить стало лучше, жить стало веселей“, он не кривил душой. Были отменены карточки, полки новосибирских магазинов стали стремительно наполняться товарами и продуктами» [7, с. 48]. Авторы воспоминаний, представленных в сборниках, тепло вспоминают поколение своих отцов. Эта корректная позиция заметно отличается от той, которая была присуща мемуарам советского периода. К примеру, в советском автобиографическом романе новосибирского писателя и актера И. М. Лаврова «Мои бессонные ночи» выражено совсем иное отношение к родителям — как к людям иной формации, более «темным» носителям устаревших взглядов и уже негодных нравственных ориентиров [4]. Едва ли все мемуаристы, чьи воспоминания представлены в этих сборниках, в действительности с одинаковыми чувствами вспоминают прошлое. Очевидна работа составителей и редакторов не только над стилем этих текстов, но и до некоторой степени над их содержанием.

Иначе выглядит группа неопубликованных мемуарных источников, записанных студентами Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ) и хранящихся в коллекции биографических материалов кафедры отечественной истории этого вуза [2]. Вопрос об авторстве этой группы источников проблемный. Авторами целесообразно считать как самих респондентов, с которыми проводились интервью, так и студен-

тов, которые выполняли задания преподавателя (профессора В. А. Зверева) по записи воспоминаний пожилых людей. К числу востребованных нами источников этой группы относится более 30 текстов воспоминаний, записанных в период с 1995 по 2004 г. Чаще всего в качестве мемуаристов выступают пожилые женщины, чье детство и юность прошли в Новосибирске. Есть в этой группе и несколько воспоминаний мужчин. Среди мемуаристов — люди самого разного социального происхождения, представители различных профессиональных групп. Чаще всего это пенсионеры, в прошлом рабочие и служащие советских учреждений. Записи производились студентами и очной, и заочной формы обучения. Безусловно, содержание записей зависит от жизненного опыта и характера мотивации интервьюера к выполнению этого задания. Тексты, записанные заочниками (в их числе нередко встречаются школьные учителя, с интересом относящиеся к краеведению) часто бывают содержательнее тех, что записаны первокурсниками очной формы обучения.

Студенты опрашивали преимущественно своих родственников, реже — знакомых по заранее составленным спискам вопросов, касавшихся истории семьи, домашнего быта, школы, восприятия политических событий людьми близкого окружения и т. п. Качество записи, адекватность передачи содержания бесед между интервьюерами и респондентами, содержательность полученных источников зависела от работы конкретного студента, который мог организовать интервью по своему усмотрению, более или менее грамотно задать вопросы, отобрать «достойные» записи сюжеты, проигнорировать или «отбросить» фрагменты диалога, с его точки зрения менее интересные, что-то изменить в языке респондента и содержании его рассказа. Некоторые студенты ограничились скухими обобщенными записями формально проведенных интервью, другие оказались более старательными и стремились записывать воспоминания детально, дословно, сохраняя разговорный стиль речи респондента, не всегда логичный ход его мыслей.

Источники этой группы обычно невелики по объему, далеко не всегда имеют сюжет, часто недостаточно продуманы по композиции, в таких текстах редко отражена глубокая рефлексия автора над собственными словами. Объектом воспоминаний в неопубликованных мемуарах чаще выступают события, нежели личные переживания автора, оценки событий часто вообще отсутствуют, а если и имеются, носят по большей части консервативный характер. Это объясняется тем, что воспоминания собирались студентами, впервые выполнявшими подобное учебное задание. Информаторы далеко не всегда были готовы самозабвенно отдаться процессу воспоминания и осмысления своего прошлого. Однако такова специфика этой группы источников, которые обладают и качествами, позволяющими считать их

достаточно информативными. Это свободный, не ограниченный определенной темой поток сознания мемуариста, отсутствие редакторской переработки текста, большое разнообразие мелких фактов из будничной жизни, о которых нередко говорится в мемуарах. Мемуаристы описывают Новосибирск, каким они его запомнили с детских лет, свой родной дом и двор, говорят о повседневной одежде, пище, занятиях, о довоенной морали, взаимоотношениях и т. п. В этих воспоминаниях, пусть и опосредованно, все-таки обычно звучит «живая речь» людей, способных относительно свободно рассказать об ушедшей эпохе с позиции очевидцев. Часто респонденты вспоминали «на свободную тему»; в этом случае мы имеем дело с довольно непредсказуемыми и непростыми для интерпретации источниками.

Переходя к устным источникам изучения городской повседневности Новосибирска межвоенного периода, стоит отметить, что разграничение этой группы источников с оформленными в письменный текст воспоминаниями несколько условно. В современной исторической науке нет общепринятого представления о том, что можно считать именно устным источником. В западной историографии под устными источниками подразумевают только звукозаписи интервью, всевозможных речей, выступлений, событий и радиопередачи [13]. Отцы «устной истории» Дж. Эварте Эвансе, П. Томпсон, А. Портелли подчеркивали особую важность именно звучания устных источников, полагая, что от формы хранения информации принципиально зависят эпистемологические особенности работы с источником. Многие отечественные специалисты не так строги в определении круга устных источников. С. О. Шмидт называет устными источниками «разговорную речь, каким-либо образом зафиксированную, фольклор, памятники письменности, звукозаписи, аудиовизуальные источники» [11, с. 99]. По нашему мнению, такая предельно широкая и размытая трактовка понятия «устный источник» осложняет систематизацию всего круга использованных нами источников и не позволяет выделить специфику именно «звучащей речи» рассказчиков.

Согласно представлениям отечественных источниковедов о специфике устных источников, следовало бы объединить в одну группу аудиозаписи наших бесед со старожилами Новосибирска и тексты записей интервью, взятых студентами у пожилых людей. Однако очевидна разница между этими двумя группами источников. В первом случае мы имеем дело с предельно точной фиксацией интервью, во втором случае неизбежна переработка и редакция устных свидетельств теми, кто их зафиксировал. В звукозаписях устных воспоминаний важны оговорки, интонации респондентов, «уходы» от основной темы, даже особенности построения фраз. Устные рассказы хороши непосредственностью изложения мыслей информаторами. Для исследователя важны суждения респондентов, их субъективные представ-

ления о фактах и их оценки. Конечно, память человека — не отлаженный механизм. Рассказы информаторов часто обрывочны и не всегда точны. С одной стороны, это обстоятельство дает исследователю пищу для размышления над проблемой, почему человек забыл тот или иной интересный нам сюжет, с другой стороны — осложняет работу, ведь на некоторые частные вопросы из истории повседневной жизни сегодня могут ответить только старожилы. Устные источники обладают рядом важных достоинств: это и неисчерпаемый резерв содержащихся в них ненамеренных свидетельств, и возможность повторения беседы, уточнения сведений. Иными словами, устный источник, в отличие от письменного, может корректироваться автором при желании исследователя, «подстраиваться» под цель и задачи работы историка.

Нами были проведены и зафиксированы беседы с Т. К. Вахновым, 1932 г. р. (в прошлом рабочий), А. Г. Дзюба, 1930 г. р. (в прошлом работница), В. Г. Дугалоковым, 1928 г. р. (полковник в отставке), Т. Р. Дугалоковой, 1932 г. р. (в прошлом медицинская сестра), Е. А. Карымовой, 1925 г. р., и М. П. Клок, 1930 г. р. (в прошлом работницы), А. Н. Колоусовой, 1913 г. р. (из крестьянской семьи, работала сторожем), В. К. Лобановой, 1934 г. р. (работала в сфере обслуживания), А. А. Пятковым, 1925 г. р. (в прошлом рабочий), Н. П. Рубаковой, 1924 г. р. (работала в сфере обслуживания), М. А. Якименко, 1913 г. р. (в прошлом работница), Н. А. Якименко, 1925 г. р. (инженер). Детство и юность этих людей пришлось на довоенный период.

Мы опрашивали и новосибирцев, представляющих более молодое поколение; они отвечали на поставленные вопросы о городской среде и городской повседневности, опираясь на сведения, которые слышали ранее от родителей. В числе таких респондентов — В. Г. Саченко, 1948 г. р. (инженер), В. С. Кукуева, 1947 г. р. (экономист), Л. В. Петрова, 1957 г. р. (преподаватель вуза), Н. Б. Астанина, 1957 г. р. (школьный учитель). Все беседы проводились в Новосибирске в период между 1998 и 2005 гг. Аудиозаписи бесед хранятся на кафедре отечественной истории НГПУ.

Стоит отметить, что общение с респондентами проходило по-разному, в зависимости от внешних обстоятельств диалога и характера собеседника. Некоторые беседы складывались стихийно, другие были подчинены логике составленного нами опросника. Методические особенности проведения интервью, конечно, сказались на содержании созданных источников. Источники, появившиеся в результате свободных бесед, малопредсказуемы и разнообразны по содержанию. Источники, возникшие в результате диалога, центром которого являлась анкета, куда более предсказуемы. Уже имея некоторую осведомленность из других источников о предмете диалога, мы ожидали вполне конкретных ответов, которые либо подтверждали, либо в чем-то опровергали сложившиеся у нас представления. Учи-

тывая эту особенность устных источников, важно признать значимость собственной доли участия в создании источников этого типа. Устные источники, появляющиеся в ходе изучения историком какой-либо проблемы, нестандартны и, строго говоря, не являются простыми свидетельствами о прошлом. В сиюминутных устных воспоминаниях прошлое и настоящее неразделимы. Беседы и опросы могут «переигрываться» и повторяться. Результаты опросов одного и того же лица могут принципиально не совпадать. Один и тот же респондент может по-разному интерпретировать один и тот же факт, высказывать разное отношение к одним и тем же реалиям. Фактически устные источники показывают бесконечность интерпретаций даже, казалось бы, самых «заурядных» картин прошлого их очевидцами. Письменная речь обычно сопровождается более существенной, самостоятельной рефлексией автора над текстом. Автор думает, как построить фразу, как точнее высказать свою мысль и быть «честным». Живой, динамичный диалог часто не оставляет времени на глубокомысленные рассуждения, все происходит «здесь и сейчас», сильно зависит от конкретных обстоятельств. Поведение интервьюера в этом смысле играет очень важную роль, ведь именно он обычно «строит» диалог: предлагает тему и задает вопросы.

А. Портелли, видный итальянский приверженец устной истории, констатирует, что устные источники не только необъективны по своей природе, но и искусственны, изменчивы, пристрастны [9, с. 45–46]. Однако все эти характеристики устных исторических источников вовсе не дискредитируют их как таковые. Портелли считает, что «недостовверных» устных источников не существует. Просто, как говорит историк П. Томпсон, работа в рамках устной истории предполагает осуществление «новых форм анализа» источников, которые он подробно описывает в книге «Голос прошлого» [10, с. 263–303]. Нарративный метод и его вариации, охарактеризованные Томпсоном, предполагают работу с информатором, который более ли менее свободно и самостоятельно рассказывает о том, что интересует исследователя. Искать подтекст рассказа, работать с позицией информатора, размышлять о влиянии жанра рассказа на его содержание оказалось для нас трудной, а в ряде случаев и бесплодной задачей, поскольку, как показывает практика «хождений в народ», далеко не все представители «бесмолвствующего большинства» старожилов Новосибирска охотно открываются диалогу. Поэтому более эффективным на практике оказалось использование реконструктивного способа анализа устных источников. Применение этого метода при работе с биографическими интервью предполагает воссоздание в деталях процесса изменения социального контекста, в данном случае — городской повседневности. Для этого не обязателен подробный, последовательный рассказ. Используя этот метод, исследователь может стро-

ить выводы на материалах кратких рассказов, отдельных фраз и суждений респондента на разные темы.

Для опроса респондентов мы использовали заранее заготовленную анкету, содержащую разнообразные конкретные вопросы, касающиеся разных проблем городской повседневности: питания населения, жилищных и бытовых условий, здоровья членов семьи и городского населения в целом, гигиены, внешнего облика города и его благоустройства. При сборе материалов мы пробовали разнообразные формы интервьюирования: беседовали с респондентами индивидуально, опрашивали одновременно супружескую пару, повторяли беседы. Различные респонденты подтверждали, опровергали или корректировали ответы своих предшественников и собеседников. Эмоции, владевшие респондентами во время интервью, были самыми разнообразными: от ностальгии до обиды за «тяжелое, потерянное детство». Возможность воочию видеть настроение рассказчиков облегчало интерпретацию их слов. Для облегчения дальнейшей работы по интерпретации устных воспоминаний мы выполняли письменные расшифровки интервью, которые использовались как источники наряду со звукозаписями.

Все три охарактеризованные выше группы источников дополняют друг друга, обладая специфичными достоинствами. Опубликованные воспоминания отличаются логичностью, подробностью и богатым фактологическим содержанием; неопубликованные письменные тексты менее подробны, более стихийны, искренни; устные воспоминания по своей сути динамичны и содержательно неисчерпаемы: интервью можно многократно возобновлять, выясняя все новые данные. Наличие значительного количества текстов и записей воспоминаний позволяет сопоставлять их содержание, определять его достоверность. Как показывает опыт, воспоминания «оживляют» исследование, которое строится и на основе других видов источников, более традиционных — таких, как законодательство, делопроизводство, пресса, статистика, художественная литература. Именно мемуарные источники позволяют судить об отношении городского населения межвоенного периода к собственной повседневности. Очевидность типичных сюжетов в воспоминаниях (о карточном снабжении населения, очередях за продуктами, об одежде с чужого, более взрослого плеча, которую пришлось носить детям, и др.) говорит об особой важности этих реалий для довоенного поколения новосибирцев.

Литература и источники

1. Бердяев Н. А. Самопознание // Судьба России: самопознание. Ростов н/Д: Феникс, 1997. С. 308–536. (Выдающиеся мыслители).
2. Зверев В. А. Коллекция биографических материалов на кафедре отечественной истории НГПУ / В. А. Зверев, Е. В. Конева // История и культура Сибири в исследова-

- тельском и образовательном пространстве (К юбилею проф. Е. И. Соловьевой). Новосибирск : Новосибирск. пед. ун-т, 2004.
3. Косякова Е. И. Городская повседневность Новониколаевска-Новосибирска в конце 1919 – первой половине 1941 г. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Омск. пед. ун-т. Омск, 2006. 23 с.
  4. Лавров И. М. Мои бессонные ночи. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1977. 688 с.
  5. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна : Пер. с англ. М. : Владимир Даль ; СПб.: Рус. остров, 2004. 523 с.
  6. Людтке А. Что такое история повседневности: ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история : Ежегодник, 1998/99. М. : РОССПЭН, 1999. С.77–100.
  7. Мой Новосибирск : Кн. воспоминаний / Сост. Т. И. Иванова. Новосибирск: СО «Дет. лит.», 1999. 363 с.
  8. Память сердца : воспоминания новониколаевцев / ред. М. Н. Шукин. Новосибирск: Фонд «Новосибирск, XXI в.» ; Изд. дом «Сиб. горница», 2003. 94 с. (Будаговская библиотека).
  9. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003.
  10. Томпсон П. Голос прошлого : Устная история : Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.
  11. Шмидт С. О. Путь историка : Избр. тр. по источниковедению и историографии. М.: РГТУ, 1997. 612 с.
  12. Шор Ю. М. Культура как переживание : гуманитарность культуры. СПб.: СПбГУП, 2003. 220 с.
  13. Parks R. Listening to the past // History today. 2000. № 11. P. 37.

И. В. Куприянова

Роль устных источников в изучении старообрядчества XX в.

Исследователи старообрядчества XX в. располагают в целом небольшим количеством письменных источников, значительная часть которых фрагментарна, не вполне точна и носит ярко выраженный субъективный характер, что, конечно, не является препятствием к их использованию, но создает определенные трудности в освещении событий. Поэтому главная роль устных источников здесь состоит в том, что они дают важный исторический материал, который нельзя найти в архивных документах, и тем самым отчасти заполняют информационные лакуны. По существу, письменные и устные источники по истории староверия дополняют друг друга, поскольку достаточно редко пересекаются в характере затрагиваемых вопросов.

Отложившиеся в архивах письменные источники, как правило, неполны. Фактически они не позволяют исследователям решить такие задачи, как определение хотя бы приблизительной численности старообрядцев на Алтае в какую бы то ни было эпоху. Можно с уверенностью утверждать лишь, что количественные данные в этих источниках, как правило, занижены, поскольку они охватывают далеко не все старообрядческие общины, а лишь самую незначительную их часть. Выявление этих общин на

территории Алтая во всей полноте возможно только путем сбора устных источников.

Архивные данные по истории старообрядчества советского периода отражают ограниченный круг тем, которые замыкаются на выполнении (или невыполнении) общинами законодательства о культурах. В письменных источниках отразились преимущественно те данные, которые староверы сообщали сами о себе, — причем члены только тех общин, которые пошли на контакт с властью, согласившись выполнить ее требование и зарегистрироваться в органах исполнительной власти, чтобы избежать закрытия. Это были в основном такие общины, которые имели на руках общественное культовое имущество, хотя и в большинстве случаев предельно скромное — богослужебные книги, иконы, кресты, купели и т. д., и для осуществления своей религиозной жизни нуждались в молитвенных помещениях — церквях или моленных домах. Сохранение культовых зданий и культового имущества означало для данных общин возможность самосохранения, то есть продолжения религиозной жизни. Эти общины объединялись вокруг священников и наставников — лиц вполне официальных, известных всем, в том числе представителями власти.

Общины, которые совершали религиозные обряды на дому и для молеций собирались на квартирах наставников (к ним же приходили исповедаться, приглашали их к себе крестить, венчать, причащать, отпевать умерших), не носили таких явных признаков принадлежности к религиозной общине. Доказать сам факт наличия общины в таких случаях можно было не всегда: не было молитвенного здания, общественного культового имущества, которое можно было внести в опись, а затем передать верующим на хранение и следить за его сохранностью. Без этих признаков община как бы не существует, хотя у представителей власти есть подозрение или уверенность в ее наличии, и постепенно, уже с помощью репрессивных мер, они находят способы ее уничтожить.

Собственно, и те данные, которые староверы соглашались сообщить о себе властям, выглядят предельно лаконичными. Это минимум сведений, необходимый для того, чтобы власти оставили их в покое. Содержание регистрационных документов включает в себе списки членов общин, членов приходских советов, краткие протоколы общих собраний. Обнаруживать же специфику внутренней, так называемой религиозно-общественной жизни без дополнительного давления извне и даже в случае такого давления старообрядцы отказывались.

Таким образом, внутренняя жизнь общин тщательно скрывалась от посторонних. Современный исследователь может попытаться раскрыть некоторые ее особенности, такие, как история старообрядческих семей и отдельных старообрядцев, на которых отразились социальные катаклизмы

XX в.; способы сохранения основ вероисповедания в условиях атеистического государства; особенности мировоззрения староверия, взаимоотношения его с окружающим миром, с атеистической властью, последователями Русской православной церкви, других старообрядческих согласий. Интересными и важными темами здесь являются также семейно-родственные связи староверов, родословия, книжная культура, традиционный бытовой уклад.

Первоначальные сведения, которые необходимо получить в ходе предварительного опроса информаторов, — наличие в прошлом в данном населенном пункте старообрядческого населения, к какому согласию (или соглашениям) оно принадлежало, как себя называло, являлось ли здесь преобладающим или, напротив, составляло меньшинство, имели ли место массовые миграции староверов, куда именно и когда. Далее можно попробовать установить характер контактов староверов с «никонианами», если таковые имели место: например, имелись ли в селе так называемый «кержацкий край» (где именно) и отдельное старообрядческое кладбище; существовали ли запреты на общение с никонианами в быту — совместное времяпрепровождение и принятие пищи, хозяйственную взаимопомощь, смешанные браки, игры детей; какова была степень этих запретов, имело ли место наказание за их нарушение. Важно также установить наличие в селе старообрядческой церкви или моленного дома, выяснить его название.

Роль руководителей — священников и наставников — в старообрядческих общинах была значительной, но в то же время строго не регламентировалась и могла зависеть от личности и авторитета конкретных людей. Поэтому очень важно установить, как далеко распространялось их влияние на верующих, выходило ли оно за рамки узкорелигиозных вопросов, затрагивало ли область социально-экономических и морально-нравственных отношений; с другой стороны, какова была степень духовно-нравственного подчинения им членов общин. Представляет интерес и механизм утверждения наставников у беспоповцев: имел ли место выбор, или назначение их по определенным критериям, или же эта роль передавалась по наследству.

После арестов священников и закрытия церковей религиозная жизнь старообрядцев-поповцев зачастую не прекращалась, а принимала другие формы. Исследователь может попытаться выявить эти формы, в частности установить, кто и в какой мере мог заменить репрессированного священника в старообрядческой общине и менялся ли вследствие этого характер собраний верующих: заключался ли он в совместных молитвах и чтении Священного Писания, или же делались попытки проведения богослужений — в тех его частях, которые могли проводиться без священника; могли ли лица, заменявшие священников, совершать религиозные требы; допустимо ли было выполнение этой роли женщинами.

Роль женщин в руководстве старообрядческими общинами особенно возрастает в 1930-х гг., когда активные верующие-мужчины большей частью были подвергнуты репрессиям либо разъехались в более глухие и отдаленные районы Сибири. Несмотря на то, что ряд церковных установлений староверов запрещал привлечение женщин к этой деятельности, задачи сохранения религиозно-общественной жизни порой требовали нарушить их, и в отдельных случаях, если не было приемлемой кандидатуры мужского пола, женщины брали на себя руководство общинами. При этом возникает много вопросов, которые исследователь, столкнувшийся с подобным фактом, может попытаться решить, в частности, какие качества требовались от таких женщин — грамотность, начитанность в духовной литературе, родство с бывшим наставником и др.; имел ли значение возраст; были ли эти женщины официально уполномочены общиной, или же их приход к руководству совершался сам собой, «силой вещей», и др.

Среди задач, осуществление которых тщательно скрывалось староверами от властей с целью избежать преследований со стороны закона, важнейшими являлись проблемы религиозного воспитания и особенно образования: речь здесь идет о старообрядческих школах, в которых дети кержаков получали так называемое «домашнее» образование. При советской власти эти школы отступали от традиционной классно-урочной системы и принимали тайную форму. Подобные «школы» могли состоять в том, что ученики, по одному или по два, чтобы не привлекать к себе внимания посторонних, навещали учителя на его квартире, где и осуществлялось обучение. Фактов наличия таких школ на Алтае пока выявлено очень немного, однако логика поведения алтайских староверов подсказывает, что подобная система обучения была повсеместной, поэтому нужно и можно искать подтверждения этому в устных источниках.

Семейно-родственные связи старообрядцев носили (и носят в настоящее время) по сути конфессиональный характер. Эти связи у староверов Алтая в территориальном отношении были довольно обширными: они охватывали Урал, Казахстан, Восточную Сибирь, Дальний Восток и, возможно, еще более отдаленные регионы: Европейскую Россию и зарубежье. Тем не менее эти связи в настоящее время изучены недостаточно.

Мы наметили лишь некоторые аспекты истории старообрядчества XX в., которые трудно, а порой практически невозможно осветить на базе имеющихся документальных источников. В то же время память выходцев из старообрядческих семей может хранить факты, позволяющие раскрыть эти и многие другие обстоятельства внутренней жизни старообрядческих общин указанного периода и внести тем самым неоценимый вклад в их изучение.

А. В. Голубев, А. Ю. Осипов, А. А. Савицкий

Региональная и этническая идентичность населения Карелии в первое послевоенное десятилетие (1945–1956 гг.)

В 1920 г. часть территории бывшей Олонецкой губернии получила особый статус в составе РСФСР и стала называться Карельской трудовой коммуной (КТК). В 1923 г. этот статус был закреплен постановлениями ВЦИК и СНК СССР, повысившим статус КТК до автономной республики [1, с. 59]. Создание Автономной Карельской Советской Социалистической Республики — так тогда называлась Карелия — стало возможным благодаря национальной специфике края: когда создавалась КТК, большую часть ее населения составляли карелы, значительным было и представительство других финно-угорских народов: вепсов и финнов. В дальнейшем экономическое развитие Карелии потребовало присоединения районов с преобладанием русского населения, к тому же широкая сеть лагерей ОГПУ, заключенные которых использовались на строительстве Беломоро-Балтийского канала и на лесозаготовках, также привели к механическому приросту населения за счет других районов СССР. Однако к 1939 г. доля финно-угорских народов в составе населения республики составляла 27%, что — после присоединения ряда территорий по итогам советско-финской войны — стало поводом для преобразования АКССР в Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику (хотя доля национального населения все равно была значительно ниже формального критерия, позволяющего присвоить республике статус союзной).

После Великой Отечественной войны процессы размывания национального состава республики продолжились с удвоенной силой. Война имела самые негативные последствия для демографической ситуации в республике. Если в 1941 г. ее население (с учетом населения тех территорий, которые после 1945 г. отошли к Ленинградской области) составляло 700 тыс. человек, то в конце 1944 г. в КФССР проживало всего 197 тыс. человек [2, с. 104–105]. Советское правительство, осознававшее важность природных богатств края для послевоенного восстановления СССР, вкладывало значительные средства в реконструкцию карельской промышленности [3, с. 8–12]. Малочисленное население не могло удовлетворить ее нужд, не могли решить проблему и те, кто возвращался из эвакуации или демобилизовался из рядов Красной армии: в 1945–1946 гг. их количество составило примерно 105 тыс. человек [2, с. 107]. Поэтому вплоть до середины 1950-х гг. правительство КФССР проводило активную кампанию по вербовке рабочей силы за пределами республики. Наиболее активными регионами-«донорами» стали Белоруссия, Украина, ряд областей РСФСР. При этом динамика притока населения была неравномерной [5, с. 24]. Как следствие, доля финно-угорских

народов в составе населения Карелии упала почти вдвое. В 1948–1949 гг. республиканское руководство пыталось бороться с этой тенденцией, организовав массовое переселение в Карелию ингерманландских финнов, ранее депортированных из Ленинградской области, преимущественно в Сибирь и Казахстан. К концу 1949 г. в КФСР переехало примерно 21 тыс. ингерманландцев. В течение следующего года планировалось переселить еще около 100 тыс. человек, однако арест первого секретаря ЦК КП Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова сорвал эти планы, и влияние ингерманландцев на национальный состав населения Карелии оказалось небольшим [5, с. 24].

Помимо различных национальных культур, на территории Карелии существовали также региональные русскоязычные группы, чья географическая обособленность способствовала формированию особых субкультур. В этом отношении можно говорить о жителях Заонежья и поморах, а также отчасти жителях Пудожского уезда.

Таким образом, послевоенная миграция в Карелию значительно изменила социальный и этнический состав ее населения. Наложившись на последствия экономических, социальных и культурных реформ 1920-х и 1930-х гг., она не могла не привести к кардинальным изменениям в этническом и региональном самосознании населения Карелии. Для того, чтобы проиллюстрировать все эти изменения, мы обратимся к истории одного из наших респондентов, после чего на основе устных источников продемонстрируем основные явления, сопровождавшие трансформацию этнической и региональной идентичности жителей Республики Карелия. Нашего респондента зовут Владимир Степанович Яшин. По национальности он вепс, родился в 1929 г. в деревне Шелтозеро – административном и отчасти культурном центре территорий северных вепсов. Интервью было взято А. В. Голубевым 20 июня 2006 г., во время экспедиции сотрудников Центра устной истории ПетрГУ в вепское село Шелтозеро. Мать респондента, сирота, выросла в соседней деревне Вехручей в семье родственников. Несмотря на то, что до замужества она встречалась с односельчанином, родственники сватали ее за будущего отца нашего респондента, хотя до замужества они виделись всего несколько раз. Подобные браки у вепсов были широко распространены. В. С. Яшин родился в год «великого перелома», когда его родители были вынуждены вступить в колхоз. Вступление в колхоз негативно повлияло на экономическое положение большинства семей в Шелтозеро, однако благодаря профессии отца, который был печником, семья В. С. Яшина пережила этот переход менее болезненно. Родители нашего респондента были религиозными людьми, которые – как и все их поколение – тщательно соблюдали все церковные обычаи и традиции и отмечали праздники. Каждая вепская деревня имела свой, особо почитаемый праздник. Так, в деревне Еремеев Посад (часть села Шелтозеро, в которой жил респон-

дент) почитался Духов день, в то время как в деревне Вехручей, родной для его матери, особо отмечался праздник Казанской иконы Божьей матери. В вепских деревнях в 1930-е гг. говорили только на вепском языке, русский же В. С. Яшин выучил только в школе. Соблюдались в Шелтозеро и другие традиции, типичные для маленьких, относительно замкнутых сообществ. Так, строительство новых домов велось, как правило, всем селом, причем работали бесплатно. Уходя из дома, вепсы — что характерно для всей Карелии — не запирали дом, а приставляли к двери палку, означавшую, что хозяев нет дома. Можно отметить и другие обычаи: молодежные беседы и вечера, игры, которые в разных деревнях были разными, и пр.

Учеба в школе, а также «общее настроение» 1930-х гг. воспитали у нашего респондента очень сильные просоветские настроения. Участие в делах пионерской, а потом комсомольской организации, самодеятельность, общая пропаганда советского образа жизни — все это сформировало у В. С. Яшина ощущение принадлежности не к местному деревенскому сообществу, а к советскому обществу в целом.

В 1941 г. семья В. С. Яшина не успела эвакуироваться и осталась под финской оккупацией. Поскольку основным фактором, на котором строилась оккупационная политика финских властей, был национальный, вепские, как и карельские, территории пережили период оккупации в значительно лучших условиях, чем «неродственное», т. е. славянское, население Карелии. Однако после восстановления советской власти население бывших оккупированных территорий подвергалось определенному остракизму со стороны тех, кто успел эвакуироваться. Так, многие сверстники В. С. Яшина не смогли из-за этого вступить в комсомол, что заведомо снижало их шансы на успешную профессиональную карьеру. После окончания войны, с октября 1944 г. по март 1945 г. В. С. Яшин учился на курсах младших ветеринаров-фельдшеров в Петрозаводске, с марта 1945 по 1947 гг. он работал фельдшером в шелтозерском совхозе, в 1947–1949 гг. учился в школе руководящих кадров колхозов в Петрозаводске, и затем в 1949–1950 гг. и 1955–1957 гг. работал председателем совхозов в Шелтозеро и Горном Шелтозеро соответственно. В 1957 г. он женился на финке-ингерманландке, и практически сразу у них родились два ребенка. Отвечая на вопрос, почему они остановились на двух детях, В. С. Яшин признал, что они решили, что не могут позволить больше в силу экономических причин. Эту же причину называли и другие респонденты.

Интервью с В. С. Яшиным, 20.06.2006, с. Шелтозеро, интервьюер — А. В. Голубев

В: Сколько детей вы хотели иметь?

О: Как говорят, двоих Бог дал, а дальше... не было, наверно, стимула, возможностей денежных.

*Интервью с М. Н. Звягиным, 19.09.2006, г. Петрозаводск,
интервьюер — А. В. Голубев*

В: То, что в вашей семье было два ребенка, — это был сознательный выбор?

О: Совершенно. Я и двух-то мог еле прокормить... А ведь моя мать одна, без отца, вырастила девятерых! Но как-то ей в то время удалось.

Такая семейная стратегия была нехарактерна для предыдущих поколений — например, у родителей В. С. Яшина было тринадцать детей. Поскольку жена нашего респондента была финкой-ингерманландкой, в семье они разговаривали друг с другом по-русски, и, как следствие, дети В. С. Яшина не знают никакого другого языка. В настоящее время сын респондента указывает свою национальную принадлежность как вепс, а дочь — как финка.

В качестве председателя колхозов В. С. Яшин руководил довольно большими деревенскими сообществами. Если до войны эти села были практически полностью вепскими, то послевоенная миграция привела к размыванию однородного этнического состава. Миграция русских, белорусов и украинцев, окончательное — после войны — обнищание колхозов привели к тому, что социально-экономическая среда, в которой существовала традиционная вепская культура, оказалась полностью разрушенной. Сельское хозяйство — основной источник существования — не могло поддерживать элементарное выживание вепских семей. Как следствие, молодежь начинает стремиться уйти из колхоза в город или на лесозаготовки. Эта тенденция, конечно, разрушительно действовала на деревенские сообщества. Репрессии против священнослужителей, разрушение и закрытие церквей, антирелигиозная пропаганда привели к тому, что после окончания Великой Отечественной войны церковные праздники уже не отмечаются, а со смертью представителей старшего поколения забываются и обычаи, как, например, обычай не косить траву на Иванов день, чтобы, как говорили раньше, «не косить Ивану яйца». Отходят в прошлое национальные обычаи, что не в последнюю очередь объяснялось большой долей межнациональных браков. Обычай сватовства после Великой Отечественной войны существовал еще какое-то время как формальность, а к 1960-м гг. окончательно исчез.

Если говорить в целом об этнической и региональной идентичности, то ее проводниками являются три основных фактора: а) язык, б) религия, в) повседневная культура. В этой иерархии язык не случайно занимает первое место, выступая главным инструментом самоидентификации. Это особенно актуально для Карелии с ее многонациональным населением и наличием отдельных диаспор. Фактор религии был задействован в Карелии, пожалуй, в меньшей степени, поскольку подавляющее большинство исповедовало православие и только финны — лютеранство. Наконец, повседневная

культура — быт, обычаи, традиции — представляет большой интерес в качестве фактора идентификации населения, являясь важным связующим звеном между поколениями.

Почему же в 1945–1956 гг происходит разрушение этнической и региональной идентичности? Как уже отмечалось выше, этот процесс начался еще в 1930-е гг., а факторы послевоенного времени ускорили его. Так, повсеместное обучение русскому языку привело к тому, что при переписи населения 1959 г. 61% вепсов в качестве родного языка указали не вепсский, а русский [2, с. 160]. Аналогичные процессы происходили и с другими народами — карелами и финнами, для которых русский язык постепенно приобретал статус основного. В условиях активной миграции в Карелию русский язык во многом стал объединяющим фактором.

Гонения на церковь в 1920–1930-е гг., закрытие церквей и запрет служб означали не только размывание религиозных различий, но и снижение роли религиозного фактора в качестве инструмента самоидентификации. Тем не менее большинство респондентов продолжало отмечать религиозные праздники (Пасху, Рождество), но делало это скорее по привычке и, что самое главное, в узком семейном кругу. Сохранение религиозных традиций было более характерным для деревни, нежели для города.

Размывание третьего фактора — повседневной культуры — нанесло самый серьезный удар по национальной и региональной идентичности. Активные миграционные процессы в послевоенной Карелии привели к возникновению населенных пунктов со смешанным национальным составом, в которых происходило взаимопроникновение культур. Прежние места компактного проживания карелов, вепсов и финнов превращались в многонациональные населенные пункты. Важнейшим фактором размывания идентичности стали межнациональные браки. Утрате национальной идентичности и повседневной культуры способствовала и урбанизация, посредством которой создавалась новая городская культура.

При исследовании миграционных процессов в послевоенной Карелии не может не возникнуть вопрос о взаимоотношениях представителей различных национальностей. Как местное население относилось к мигрантам, возникали ли конфликты между приезжими и местными, сильны ли были различия в быту? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться непосредственно к источникам — к интервью.

Интервью с В. С. Яшиным, 20.06.2006, с. Шелтозеро, интервьюер — А. В. Голубев

В: Как заселялся ваш населенный пункт после войны? Были вербованные?

О: Вербованных было много, но в основном в колхозах. В Шелтозеро появились украинцы со строительства Беломорско-Балтийского канала,

они были здесь, в Шелтозерском колхозе, а когда я перешел в Горное Шелтозеро, там уже были семей пятнадцать вербованных белорусов.

В: Как они себя вели?

О: Нормально. Работали. Здесь [в Шелтозеро] были специалисты из Беломорско-Балтийского канала, столяры, кузнецы, токаря, слесаря, на любые руки от скуки... А белорусы в основном нищий народ — Белоруссия после войны была сожжена дотла, очень бедные люди оттуда приезжали. Приходилось — семья приходит, три-четыре человека, там двое-трое работников, приходилось так, чтобы двое остается в колхозе, а одного обязательно отпускаю на заработки, иначе не прожить в колхозе.

В: Были конфликты между пришлым населением и вепсами?

О: Таких, на почве национальности, не было. Бытового характера конфликты были, потому что вороватый народ был. У нас, вепсов, воровства раньше не было. Не было понятия, чтобы замки на дверях были. Ушел куда, палку приткнул и пошел, дом под охраной. А с белорусами жить уже так нельзя. Они могут и в дом залезть, и особенно колхозное [украсть]. У них было развито это дело. А такое, чтобы: «Ах ты, белорус» — нет, не было.

Интервью с П. П. Левкиной, 20.06.2006, с. Шелтозеро, интервьюер — А. Ю. Осипов

В: А вы общались с теми переселенцами, которые сюда приезжали, — с украинцами, с белорусами?

О: Ну, общение было на русском языке, не на вепском.

В: Они как-то отличались от местного населения, были ли какие-то отличия, свои обычаи, традиции?

О: Нет, нет, нет. Они, правда, были грязнули. Да, грязнули. Почему — потому что коз держали прямо в квартире. В квартире жили сами и тут же жили козы. Ну, это культура? Нет! Хотя мы — вепсы, но никогда животного в дом не берем. Собаку, и то. Вот у меня собачка маленькая жили, такой мороз был, а в коридоре все время.

В: А еще какие-то отличия были? Может, они пищу по-другому готовили, что-то впрок заготовливали?

О: Ой, про пищу, так не знаю, навряд ли. Борща любили они кушать из овощей. Наверное, вот это. А мы в основном молочную пищу ели.

В: А вы себя ощущали тогда представителем своей национальности, то есть вепсом, или уже нет?

О: Так, не знаю, не считали мы тогда. Во время эвакуации стали писать: по национальности — кто? Ведь в Вологодской области не знали, что есть национальность вепс. Писали «репс». Им говорили: «Да вы неправильно пишете». — «Да какая национальность „вепс“, нет такой национальности!» Я им говорю: «Есть такая национальность». Хотя сейчас вепсы в Вологодской области есть. А в паспортном столе не знали, что есть такая национальность.

*Интервью с А. Д. Вересовым, 10.06.2006, г. Петрозаводск,
интервьюер — А. А. Савицкий*

В: Помните ли вы противоречия, возникавшие между людьми по национальному признаку?

О: Нет, такого, я вам точно скажу, не было. Я работал в кузнице на ОТЗ, работал там четыре года.

В: А вы замечали какую-либо разницу между представителями различных народов в традициях, как это проявлялось в общении? Наверное, вам приходилось сталкиваться с карелами, вепсами?

О: Вы знаете, в рабочих коллективах этого ведь нет. Это, наверное, проявляется в каких-то других сферах. А у рабочих никакого деления по национальному признаку не было никогда. Ведь на рабочем месте, как говорится, надо не языком, а руками работать. Когда человек работает на производстве, очень редко бывают какие-то разногласия в коллективе. Ну, могут съязвить, чего не бывает, но никакого натяга по национальному принципу, конечно, не было. Я учился в университете, в школе. У нас учились и карелы, и финны, и вепсы. И все неплохо ладил.

*Интервью с В. И. Цветковым, 20.06.2006, с. Шелтозеро,
интервьюер — А. А. Савицкий*

В: Обучаясь в школе, ощущали себя вепсом, или не было деления на национальности?

О: Нет, не было. У нас и сейчас такого нет, и тогда не было. У нас все равные, не делят никого.

В: Как складывались отношения коренных шелтозерцев с вновь прибывшими?

О: По-моему, нормально, даже семьи все переплелись. Вот у меня жена с Олонецкого района, а ее брата жена с Вологодской области, у другого ее брата жена с Нальчика — ее направили, она фельдшер была.

В: Приходилось замечать разницу в обычаях и традициях?

О: Некоторые национальности лучше нас консервировали на зиму продукты, делали иные заготовки. Мы это от них перенимали. Помидоры научились от них выращивать, а до войны растили лишь огурцы. Особенно с Прибалтики хорошо это умели. Шла взаимная учеба.

Таким образом, можно совершенно однозначно констатировать, что включение белорусов, украинцев, финнов и представителей других национальностей в состав местного населения происходило бесконфликтно. Различия в быту, особенно между сельскими жителями, не были большими. Республика, которая изначально существовала как многонациональная, охотно принимала переселенцев, приезд которых не воспринимался как нечто чрезвычайное. С другой стороны, активное переселение в Карелию

большого количества представителей иных национальностей привело к ускорению этнических процессов, которые начались еще в 1930-е гг.

Размывание региональной и этнической идентичности через снижение или утрату влияния родного языка, религии и бытовых особенностей привело к формированию человека нового типа – советского человека. Его активное формирование началось еще в 1930-е гг. вследствие ломки старого мировоззрения, а миграционные процессы конца 1940-х гг. завершили этот процесс. Поколение 1920-х – начала 1930-х гг., последние носители старой идентичности, в то же время стали теми, кто ее разрушил.

Литература и источники

1. Карелия в период восстановления народного хозяйства (1921–1924). Петрозаводск, 1979.
2. Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978.
3. Макуров В. Г. Развитие лесной промышленности Европейского Севера России в послевоенный период (1946–1955). Петрозаводск, 1979.
4. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 686.
5. Суни Л. В. Ингерманландские финны: исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1998.

И. Островская, И. Щербакова

Опыт принудительного труда в устных свидетельствах бывших остарбайтеров

Общество «Мемориал» начиная с 1992 г. занимается сбором данных о людях, угнанных на принудительные работы в Германию. Архив этой программы составляет более 400 000 писем, присланных бывшими «восточными рабочими». Война создала эту категорию людей – «остарбайтеры», про которых многие знали, ведь из Советского Союза германские оккупационные власти принудительно вывезли 5 миллионов людей, – но говорить о них было не принято. О судьбе остарбайтеров в Советском Союзе была опубликована единственная художественная книжка Виталия Семина «Нагрудный знак ОСТ» и лишь в наши дни (1996 г.) издана монография Павла Поляна «Жертвы двух диктатур».

5 миллионов человек, объединенных общей судьбой, – в подавляющем большинстве это люди, не имеющие потребности оставить воспоминания, люди не письменного опыта. Свидетельства истории «другой войны», жизни, быта на территории Германии сохранились только в их памяти.

В качестве базовых регионов для сбора интервью были намечены: Пермь (Урал), Новочеркасск, Таганрог, Ростов, (Юг России), Пенза (Центральная Россия), Астрахань (Нижняя Волга), Москва – с охватом не только самих городов, но и поселков, находящихся в их непосредственной близости. Чтобы добиться откровенности, «разговорить» информанта, решено было

отказаться от тематического опроса, а записывать биографическое глубинное интервью продолжительностью не менее 3,5 часов.

Отбор респондентов проводился по следующим признакам: свидетель должен был оказаться в Германии в сознательном возрасте (быть на момент угона не моложе 10–12 лет); свидетели должны были быть угнаны из разных регионов (Юг, Поволжье, Центральная Россия); социальное происхождение свидетелей, их жизненный опыт должны быть разнородными — до угона, в самой Германии и после возвращения на родину; по возможности должен был соблюдаться гендерный баланс; эти люди не должны были являться «профессиональными» рассказчиками своих биографий, авторами письменных воспоминаний и фигурами, «раскрученными» в СМИ.

В рамках проекта было собрано 35 интервью, из них 15 видео- и 20 аудиоинтервью. Интервью проводились: в Москве (7), Пензе (6), Астрахани (6), Таганроге (4), Ростове-на-Дону (4), Новочеркасске (3), Перми (5). Среди респондентов 20 женщин, 15 мужчин. Национальный состав: русских — 23, украинцев — 5, евреев — 4, эстонец — 1, татарка — 1, белорус — 1. Социальный состав респондентов: из крестьян — 13, интеллигенция и партработники — 6, рабочие, техники — 18. Родители были репрессированы (до войны) у 4. Возраст: 18 и более лет в 1941 г. — 9; 18 и более лет до 1945 г. — 18. Образование: не ниже 7 классов — 21, 4 класса и ниже — 4, 10 классов — 4, высшее — 1. Восточные рабочие — 29. Военнопленные — 5. Гетто, концлагерь по расовым причинам — 2. Места угона, депортации в Германию: Россия — 17, Украина — 12, Белоруссия — 4, Эстония — 1, Венгрия — 1. Пребывание в концентрационных лагерях — 5. Работа в промышленности — 18. Работа в сельском хозяйстве (исключительно) — 5, в домашнем хозяйстве — 2. ГУЛАГ после освобождения — 2.

У многих остарбайтеров воспоминания о довоенной жизни — детские или подростковые, порою весьма смутные и плохо осмысленные. Однако это не значит, что предвоенная история этих людей не представляет интереса. Скорее наоборот — именно в этих воспоминаниях ключ к пониманию того, как каждый из них воспринял оккупацию, а затем и Германию. В подавляющем большинстве — и это следует из их рассказов — к началу войны они были убежденными советскими людьми. Вера в Коммунистическую партию, в Сталина и в непобедимость Красной армии воспитывалась у них с детства. Они — фактически первое поколение в СССР, уже целиком прошедшее через систему обязательного школьного образования, у многих родители — еще полуграмотные или вовсе неграмотные люди. При этом важно подчеркнуть, что некоторые из наших респондентов прямым или косвенным образом стали свидетелями или даже жертвами предвоенных сталинских репрессий (по крайней мере у 4 из 35 опрошенных отцы подверглись аресту или раскулачиванию).

Описание рассказчиками жизни при оккупационном режиме важно для нас прежде всего потому, что раскрывает обстоятельства угона на принудительные работы в Германию. Кроме того, опыт выживания в оккупации способствовал быстрому взрослению и приобретению жизненного опыта. 14–17-летние подростки – в особенности мальчики – оказываются в этот момент наиболее мобильной частью населения. Они активно осуществляют так называемый обмен на черном рынке (для многих восточных рабочих – впоследствии чрезвычайно важный фактор выживания в Германии), им легче спрятаться и проникнуть в те места, куда трудно попасть взрослым. Многие респонденты имели начатки знаний немецкого языка – главного иностранного языка в советской довоенной школе. Семилетка в то время считалась уже сравнительно высоким уровнем образования – если сравнить, например, со средним уровнем образования красноармейцев (из которых многие окончили 4 класса) или угнанных крестьян из недавно присоединенной к СССР Западной Украины. Потом эту свою образованность многие подчеркивают, когда говорят о бытовом унижении, которому подвергались в Германии, рассказывают о том, как они поражали немцев знанием немецкого языка, чтением немецкой газеты или умением решать сложные задачи.

При описании оккупации впервые возникает новое слово – «порядок». Начинается новый порядок: «На каждый дом на дверях на входных был вывешен список. Таким образом они проверяли наличие или отсутствия какого-нибудь чужого в доме либо партизан и все такое прочее, потому что это уже была оккупированная территория и порядки были уже немецкие» (Б).

Многим респондентам, воспитанным в советском духе, очень странно было наблюдать проявления активного коллаборационизма. Это особенно чувствуют те, кто попал в оккупацию на Украине: «Странно также было то, что немцев... встречали жители нашего же родного Зенькова. Те, которых я знал как хороших учеников, товарищей, по семьям. Встречали хлебом-солью. И даже некоторые стали, ну, там, городским начальством. Городской голова был. Был, значит, из наших же жильцов, с нашей улицы, был начальник полиции местной. Вот. С его детьми мы учились, мы были знакомые. Вот как нам было. Очень сложные такие полудружеские, полувраждебные отношения. Мы – это было одно, если так можно выразиться, один слой населения, одна каста. Они – эшелон власти, так сказать, потому что – начальство (Б).

Существен также вопрос о том, какое отношение формировалось у наших респондентов по отношению к немцам-оккупантам. Ведь этим будущим восточным рабочим уже через несколько месяцев предстояла встреча с гражданским населением Германии. Характерно, что немцы в их рассказах не имеют конкретных лиц – это представители враждебной и страш-

ной военной машины. Лица эти приобретают реальные и иногда даже положительные черты, когда находятся в непосредственной близости: «Правда, когда на нашей улице немцы на постой приходили, я-то, знающий немецкий язык, я с ними разговаривал... И вот они относились к нам довольно доброжелательно так, ну, может, еще и потому, что я с ними мог разговаривать по-немецки, и мы одногодки были. Ну, может, на год они старше меня, один даже очень такой грустный парень был и так сожалел, что эта война была, он скучал по родным...» (Н). Однако в основном у наших респондентов описание жизни в оккупации — это рассказ о голоде и о попытках как-то выжить и прокормиться. Попадают и рассказы о мобилизации на какие-либо работы.

Описание партизанской и подпольной деятельности не столь часты и не слишком подробны. Это связано отчасти с географией тех мест, где респонденты находились в оккупации. (Среди опрошенных лишь двое были угнаны из Белоруссии и одна из Брянщины — главных регионов партизанского движения.) В оккупированных городах и на Украине трудно было обнаружить следы партизан и подполья. Тем не менее о партизанах как о надежде на избавление от угона несколько респондентов все же упоминают: «А они (немцы) часто жаловались, что на Украине партизаны не дают покою немецким войскам. И вот мы пока всю Украину ехали, я все каждую минуту ожидал, особенно ночью, что остановят партизаны состав и освободят нас» (Н).

История угона и депортации была самым мутным и вытесняемым местом в рассказе. Это, конечно, связано с тем, что факт пребывания в Германии являлся вплоть до начала 1960-х гг. (как минимум) темным пятном в биографии. Многие не делают секрета из того факта, что раньше старались по возможности не сообщать о том, что были в Германии, при поступлении на работу или на учебу, особенно в высшие учебные заведения. Однако и сегодня никто не признается в том, что уехал по своей воле. Вероятно, до сих пор ни страшный голод зимы 1941–1942 гг. в условиях немецкой оккупации, ни безнадежное ощущение, что война проиграна, летом 1942 г., не кажутся людям достаточным оправданием того, что им пришлось прийти на вербовочный пункт самим. Но и на самом деле добровольно уехали очень немногие. Наши респонденты действительно попадали на сборные пункты по составленным спискам, их забирали из дому местные полиция или захватывали во время облавы где-нибудь на рыночной площади. Кроме того, сам факт «добровольного» отъезда в Германию противоречил советскому патристическому довоенному воспитанию, в соответствии с которым надо было сделать все возможное, чтобы не попасть в руки врага. Поэтому даже рассказ о явке по повестке на вербовочный пункт «своими ногами» казался недостаточным. Конечно, отнюдь не в каждом рассказе гово-

рилось о вине, но почти в каждом слышалось невольное стремление оправдаться. Рассказывалось о неудачных побегах, о невозможности бегства, о предательстве соседей, которое и привело к отъезду в Германию.

При угоне в Германию часто изменяли год рождения, национальность. Считалось, например, что быть украинцем лучше, чем русским. Иногда меняли имена и фамилии. Особый случай – с евреями, выдававшими себя за русских или украинцев, поскольку это было единственным условием их спасения.

В большинстве интервью описывается получение повестки в письменной форме в городах или приход представителя местной полиции в деревне. Кроме того, многие сами приходили на вербовочный пункт по повестке, объясняя свою явку страхом, что в противном случае наказанию могут подвергнуться их близкие: «Тот, который должен был ехать, он был на заметке у полиции. Полицаи были свои же, они всех хорошо знали, и, конечно, выловить было нетрудно. Поэтому мы договорились так: доедем до Германии, отметимся, что мы приехали, а там дадим деру. Ну вот, этот дер не получился у нас» (Б).

Рассказы о пути в Германию и описания эшелона, попутчиков и остановок больше других похожи между собой, поскольку условия, которые описываются во многих интервью, практически одинаковы: товарные вагоны или вагоны для скота, часто мужчины и женщины вместе. Отправление естественных потребностей – на коротких остановках, без всякого разделения по полу; такого рода унижение отмечается многими: «И вот, значит, что. Нас грузят в товарный вагон, всех вместе, в один вагон. Окошко там, дверь, зашторили, все, мы там, как в этом, как скот. Нас там в вагоне много... Он грязный, вагон, а потом уже и попадали... Не помню, какие там остановки, где мы ехали, где-то останавливались что-то... Это, значит, когда остановка, раздвигали дверь... И... Мы были голодные, нам и в туалет-то не надо было... И сидел... Сидел солдат, вооруженный автоматом...» (О).

Практически все отмечают, что во время пути их почти не кормили и очень мало давали пить. Питались в основном захваченными с собой на дороге продуктами, если они имелись. Случались в дороге и смерти: «Но вот ужас смерти... был в вагоне, потому что двери не открывались, открывались только тогда, когда надо было выбросить мертвого. И вот тут я поняла... вот эту грань между жизнью и смертью. Вот пока человек мертвый лежал в вагоне, я же не знала, что он мертвый, я ребенок, я не способна была эту... границу... вот как-то... ощутить. А когда его выбрасывали, я поняла, что вот это и конец» (А).

Момент приезда в Германию, распределение на работу – во многих случаях одно из самых драматичных мест в интервью. Это, безусловно, связа-

но с сильными эмоциональными переживаниями, вызванными страхом от того, что теперь они попали в самое сердце заклятого и страшного врага. Этот шок был также связан с непониманием окружающей обстановки, с незнанием языка, разлукой с близкими и с непонятным будущим.

Как правило, очень тяжелое впечатление на многих производила так называемая биржа — место, куда почти сразу попадали выгруженные из вагона люди и где их отбирали представители фирм, предприятий, хозяйств. Многие наиболее начитанные из них сравнивают свое положение со сведениями из популярных среди советских школьников 1930-х гг. книг, где описывается работорговля.

«Тогда приехал вот этот нацист, хозяин мой. Такая рыжая морда, типичный немец. Он вывел нас, 17 человек, поставил и... ходил и смотрел на нас. Значит, смотрел на руки, и зубы нам смотрел и все это. И потом, значит, отобрал нас 5 человек, 5 девочек» (Б). Ощупывание — достаточно ли крепкие мускулы для тяжелой работы, разглядывание зубов запомнились на всю жизнь.

Сейчас много говорится о том, что они ехали из одной диктатуры в другую, что и у себя на родине они сталкивались с репрессиями и несправедливостями. Тем не менее они сразу же ощутили свой переход на новую ступень — несвободы и унижения, совершенно отчетливо почувствовали, что стали рабами, и рабами врага. Момент своего перехода в рабство, в состояние вещи многие описывают поразительно точно. В рассказах возникает глагол «купить»: «нас купил бауэр», «всех уже купили, а меня нет».

Большинство наших респондентов почти сразу оказывались в так называемых рабочих лагерях. В очень многих интервью содержатся похожие описания типичного устройства рабочего лагеря: «В лагерь нас поместили — были бараки такие, знаете, скороспелка, что ли, щитовые наподобие. На ночь закрывали. Туда парашу ставили. И причем и окна, все закрывали снаружи. И часовой ходил. Несмотря на то, что лагерь проволокой загорожен был» (Ш). В данном случае речь идет о литейном цехе завод Марион в Лейпциге. А вот похожее описание военного завода во Франкфурте: «Бараки были жуткие. Бараки были с трехэтажными нарами. С бетонным полом, с ужасными условиями, без всякого душа. Короче говоря... нет... ну, не выдерживал человек, отбраковывался, и вот он исчез, и все» (А).

Труд в сельском хозяйстве, в имении и у бауэра принято считать более легким и дающим большие возможности для выживания. Однако в некоторых записанных нами рассказах этот труд описывается как не менее тяжелый: «Утром, в три часа, она мне стучит, я встаю, иду, беру тачку. Тачка с таким вот колесом... она тяжелая, деревянная. Прямо тачка меня еще тащит даже. А там должна накосить клевера... Клевер — знаете, нет? Он тяжелый,

трава такая, накосить клевера этого для троих — три коровы и один бык. И я должна еще утром задать этот корм, привезти за один раз! Я наклала точку полную — не могу... Я сбросила, привезла, она на меня — ты что? По сколько раз будешь ездить?! Будешь так работать — в концлагерь пойдешь опять! (Г)

Итак, основные выводы по поводу описания и восприятия жизни в Германии у наших респондентов следующие.

1. Подробность и достоверность определяется наблюдательностью, разумностью и интеллигентностью рассказчиков. Уровень образования также способствовал и лучшему пониманию, и лучшему запоминанию.

2. Знание немецкого языка, хотя бы относительное, и стремление не смотря ни на что узнать его получше также укрепляли чувство собственного достоинства и являлись одним из сильных факторов выживания. «Но относились к нам довольно неплохо, в каком отношении — ну, вот, грубость или хамство от немцев или мы попали в такую обстановку среди рабочих, что с нами они, или потому что уважали, что мы все-таки с образованием были, владели немецким языком» (Н). «Я еще была такая... Я ж училась, думаю — учить иностранный язык, как хорошо знать! Что тогда было еще такое у меня. Вот. Э... И я очень добросовестно все это изучала в школе. Ну, разговорной речи меня учили» (О).

3. Стремление понять, где ты находишься, запоминание географических названий, имен и выражений также способствовало выживанию и впоследствии лучшей рефлексии по поводу пережитого.

4. Степень отгороженности от местного населения, страхи самого разного рода: перед чужими и перед своими — пагубно влияли и на воспоминания, и на рефлексию по поводу пережитого в Германии.

5. Очень подробное описание трудовой деятельности также свидетельствует о способности к выживанию.

6. Стремление извлечь для себя пользу из любого жизненного опыта, даже такого тяжелого, было весьма положительным фактором. Многие говорят о приобретенных в Германии различных навыках. «А часто нас потом, потом уже, в 43-м, нас прикрепили к монтажнику, потому что участились бомбежки и часто разрушали оборудование вот на коксохиме. Разбомбят их, а мы потом с этим монтажником восстанавливаем. ...Но он научил, ну я вынес от него добросовестно относиться к работе» (Н).

Женщины, если говорить о положительном опыте, часто вспоминают привычку к аккуратности, чистоплотности и гигиене, приобретенные в Германии.

7. Реакция на унижение, стремление во что бы то ни стало сохранить чувство собственного достоинства по отношению к немцам позитивно сказывалось на формировании личности и впоследствии на жизненном успе-

хе интервьюированных. Конечно, судьбы советских военнопленных, не говоря же об узниках концлагерей, были неизмеримо страшнее, но и у «остовцев» был свой опыт столкновения с «обыкновенным фашизмом», с повседневностью Третьего рейха. Они не находились в изоляции, как узники концлагерей или военнопленные. Многие из них были фактически интегрированы в немецкую жизнь. Какой бы тяжелой ни была для них жизнь в Германии, они все же не были низведены до такого состояния, когда все заслоняется одним лишь желанием — выжить. Именно поэтому свои лохмотья и сине-белый знак «Ост» на груди они воспринимали особенно болезненно. Большинство и сейчас не называют его знаком, а говорят «тряпочка» или «заплатка»: «Между прочим, мы носили же на груди „Ост“ („Восток“) — такая голубая... тряпочка с белой каемочкой. Это... как святое надо... я заодно и с ним приехал в Новочеркасск, я ж дома, в квартире, снял, вон настолько привык» (Т).

Именно поэтому во многих рассказах о совместной бытовой жизни с немцами живет память о том, как они стремились доказать своим хозяевам, что они тоже люди. И многие вспоминают именно те эпизоды, когда им хотя бы косвенно удалось доказать свою человеческую ценность.

«Вот, а полицаи, значит, да, я вам не сказала, и вот я пошла без „оста“, а домой возвращалась, полицай уже стоял и смотрел, как мы проходим. А у нас было так: идешь, там какая-то кнопка, ее нажмешь, зеленый свет — мы проходим, красный — нас обыскивают. Ну, я прошла, и вдруг меня этот Ляссен, я его тоже запомнила завсегда, Ляссен. Потому что он чуть ли не каждый день у нас в лагере был и приходил и подходил к моей кровати, смеялся и спрашивал: „Как поживаешь?“ А почему? Он, значит, спрашивает: „Почему знаки не одела?“ — я говорю: „Не одела, не одела“. А он, у него была такая большая перчатка, я ее никогда не забуду, и он начал хлестать меня по щекам этой кожаной перчаткой. Отхлестал, как захотел, значит, ну, я, конечно, заплакала и пошла, девчонка еще совсем. Вот такое было (Г).

И при этом снова и снова приводятся эпизоды оказания помощи и проявления сострадания: «Вот я тоже никогда не забуду, кто она, женщина, какая она это, что можно было просто там в Вебере знать, где она живет, может, у нее дочки, кто-то есть, она выходит и говорит: „*Com weg*“ — „Иди сюда“, — и выносит мне такой сверток большой. И дала мне этот сверток и говорит: „Иди, иди, иди“. Я пришла, развернула — там простынь, пододеяльник и наволочка. Вот эта женщина, ее никто не просил (голос дрожит), она дала мне это все, и я перестала спать на одних одеялах (Б).

И все же главное, о чем вспоминают все и все время, — это тоска по родине и близким: «Довольных никого не было, бог ты мой, какое там довольство, бог ты мой! Каждый ждал только день от дня — как бы быстрее, как

бы быстрее, чтобы быстрее пришли, шоб освободили. Шоб попасть на свою родину, в свою Россию» (X).

Желание вернуться пересиливало все. Никто не помышлял о сложностях жизни на родине, да и не предполагали, что какие-либо сложности могут возникнуть. Надеялись, что война кончилась, победа, освобождение от рабства несут начало новой счастливой жизни, а люди ведь все свои, поймут и помогут. Действительность оказалась другой. Родина встретила фильтрационными лагерями, многочисленными и унижительными проверками и клеймом на всю жизнь — проживал на оккупированной территории, работал на Германию. Советские анкеты имели соответствующие графы и вопросы. Сожаление о возврате звучит под конец жизни у многих:

— Надо было там остаться. А вы потом жалели, что не остались?

— Жалел. И сейчас жалею.

— А когда жалели?

— А часто вспоминаю, даже и сейчас вспоминаю. И брат говорит: надо было остаться в Германии. Потому что тут ничего хорошего не светило (К).

Сейчас, по прошествии многих лет после окончания войны, бывшие оstarбайтеры не стремятся вспоминать о прошлом. Все эти годы они несут в себе неизжитое чувство двойной вины перед соотечественниками: как выжившие перед погибшими и как работавшие на промышленность врага.

В рассказах наших респондентов четко прослеживаются факторы умолчания в зависимости от места их проживания после возвращения на Родину. Если бывший «ост» возвращался к себе домой, где все его знали, где было много аналогичных судеб, то он не старается в своем рассказе объяснять и оправдываться — «было как у всех». Если же после войны человек попадал в другие края, незнакомые, где не было оккупации и массового угона, он предпочитал скрывать свое пребывание в Германии, никому о себе не рассказывать, даже членам семьи — мужу, детям. Правда, в последние годы, когда Германия стала выплачивать компенсации за использование принудительного труда, у бывших «остов» появился социальный статус, они стали свободнее рассказывать о себе, а в обществе их приравнивали к ветеранам Великой Отечественной войны. Тем не менее, когда в 2005 г. в России очень торжественно отмечалось 60-летие Победы, среди огромного числа праздничных мероприятий прошла одна лишь выставка «Судьба под знаком OST», организованная обществом «Мемориал» совместно с фондом «Взаимопонимание и примирение». Выступать перед молодежью в военкоматах и школах по-прежнему приглашают ветеранов войны — участников боевых действий. Остарбайтеров делиться воспоминаниями не зовут.

А. Ю. Охотников, Н. Г. Попова

Ссылные предки в культурной памяти сибиряков: кулацкая ссылка, депортация немцев Поволжья, репатриация в семейных историях студентов ХГФ ИИ НГПУ

Понимание истории Сибири традиционно осуществляется через историю колонизации, ее культурного и хозяйственного освоения выходцами из Европейской части Российской империи, а затем СССР. В обыденном понимании истории сибиряка нормой происхождения является «прибытие „российского“ предка», а не исконное пребывание рода на сибирской земле.

Одна из возможностей проникновения в мир «незамеченных людей» — анализ аутентичных текстов, которые создает современный человек. В рамках курса этнологии студентами-заочниками художественно-графического факультета Института искусств Новосибирского педуниверситета было выполнено домашнее задание: составить историю семьи в контексте исторических событий. Задание было разработано и предложено старшим преподавателем кафедры всеобщей истории искусств ХГФ ИИ НГПУ Н. Г. Поповой. Аудитории был предоставлен следующий алгоритм выполнения работы: 1) составление круговой генеалогической схемы; 2) изображение генеалогического древа (с учетом возможности объяснения биографического материала детям младшего школьного возраста); 3) составление текста на основе материалов интервью, мемуаров и документальных источников.

Задания выполняли студенты 1970–1980-х гг. рождения (66 авторов — женщины, всего сдано 80 работ), прибывшие на сессию из различных регионов СФО. Студенты ХГФ — люди творческие, готовые рисковать, нести потери, имеющие навык подчинения среды и ее окультуривания. Новым для многих авторов являлась работа с большим текстом, предполагающим освоение большого массива биографического и документального материала. В силу профессиональных пристрастий (большинство студентов работают дизайнерами и оформителями) авторам работ было проще выполнить задание как иллюстраторам биографии. В результате цельности повествованию придает чаще всего художественно оформленное «дерево», лучшие работы представляют собой конгломерат интервью или мини-досье.

Говоря о классификации воспоминаний, представленных студентами, применительно к концепции Я. Ассмана [], можно отметить следующее: для авторов работ речь идет о «культурной памяти», обращенной к далекому прошлому, для их респондентов — памяти коммуникативной, воспоминаниям о недавнем прошлом. Отношение к рассказам пращуров как к воспоминаниям о неведомых странах и совершенным иным временам — одна из причин релятивизма авторов работ, отсутствия сопоставлений хронотопа

рассказчиков (зачастую малограмотных, имеющих возрастные дефекты памяти) и реальных исторических событий.

В целях корректной интерпретации материала была произведена селекция: из 80 представленных работ были отобраны 20 семейных историй, соответствующих следующим условиям: а) тексты должны претендовать на полное раскрытие темы; б) должны содержать драматические, «самоигральные» сюжеты; в) в тексте должны быть представлены элементы свидетельств. В частности, рассматривались сюжеты кулацкой ссылки (русское население) и депортации поволжских немцев.

Авторы исходили из гипотезы о различных способах переживания драматического опыта в зависимости от социокультурной принадлежности его носителя, условий приобретения и реабилитации, а также понимания текста, повествующего о травматическом опыте, как реабилитационной, «социотерапевтической» процедуры. Мы полагаем, что чем ближе к эстетической завершенности находится текст, тем полнее он выполнил функцию социальной реабилитации носителей травматического опыта.

Российским крестьянам и мещанам, переходящим в «дивный, новый мир», было что сравнивать; их возраст и жизненный опыт «диктуют мемуары»; информанты 1920–1930-х гг. рождения относятся к «историческим» поколениям, имеющих потребность и навык трансляции свидетельств. Высказывание «дед (прадед) был раскулачен» встречается в трети полученных работ. Истории ссылки и бегства содержат минимальное количество деталей художественной отделки, катаргически завершаются гибелью членов семьи (трагедия) и/или побегом (драма). Иногда финал истории и детали отделки варьируются в зависимости от жанровых пристрастий рассказчика и героя рассказа.

В отличие от «кулацких» рассказов, тексты о депортации лапидарны, тяготеют к пунктам документа о реабилитации, дублируют строки трудовой книжки, художественно почти не оформлены и не завершены — соответственно не способствуют катарсису, печаль рассказчика неизбывна.

Лапидарность, незавершенность, редкое использование элементов отделки рассказов о депортации обусловлены следующими причинами. Во-первых, опыт переживания горя в традиционной культуре немцев Поволжья (наиболее многочисленном контингенте депортированных) был менее представлен, нежели в русской крестьянской среде. Во-вторых были налицо абсурдность обвинения и сложность реабилитационного процесса. Репрессированный «кулак» не соответствовал «требованиям времени» — он «не так» жил и «не так» хозяйствовал — но он совершил некий набор действий; он не имел вины, но обладал «составом преступления». Набор иных действий — каторжная работа на лесоповале, борьба за выживание, заканчивающаяся побегом, гибелью или адаптацией — способствовал нефор-

мальному возвращению «очищенного от мироедства» крестьянина в общество с приобретенным за страдания и стойкость моральным авторитетом. Репрессированный немец был наказан просто за факт рождения: он ничего не совершал! Стать русским немцу Поволжья было совсем не просто: русская крестьянская культура обладает высоким контекстом.

В-третьих, имеет значение конспиративность информации. О депортации не принято было говорить в смешанных семьях как по причине неполной реабилитации депортированных (в послевоенное время не был преодолен пропагандистский негативизм по отношению к немцам), так и по причине консенсуса, установившегося в переселенческих деревнях: «Ты меня не зовешь „фашистом“ („бандеровцем“ и т. д.), я тебе не рассказываю, почему я здесь...».

Четвертой причиной была травматичность воспоминания. Помимо обид, нанесенных государственной политикой, весьма унижительным моментом биографии депортированного (в дальнейшем обеспеченного, работающего и уважаемого человека) была работа в услужении у местного населения, альтернативой этому было только нищенство.

В-пятых, «трудная жизнь». Созданию полноценного, катартического текста истории депортированного препятствовало и отсутствие вспомогательных ресурсов — образования, сопоставительных профессиональных и досуговых практик, да и собственно досуга.

Именно в биографии депортированных немцев авторы семейных историй помещают многочисленные вкладки копий грамот, трудовых книжек. Вряд ли это только забота авторов о сбережении сил и времени. Скорее, скупые свидетельства о скромных поощрениях и есть история немногословных, трудолюбивых и многодетных людей.

И. В. Реброва

Устные воспоминания о Второй мировой войне: обзор некоторых новейших отечественных публикаций

Проблема существования человека на войне, его отношения с официальной властью, человеческие эмоции, страхи и переживания в условиях военной действительности стали предметом пристального изучения исследователями истории Второй мировой войны последнего десятилетия. Смещение акцентов в личностную плоскость связано с развитием таких направлений социогуманитарного знания, как антропология, история повседневности, историческая психология, гендерная история, историческая память, устная история. В таких исследованиях главная роль отводится источникам личного происхождения, которые помогают понять психологию людей в экстремальных условиях жизни и выживания.

С течением времени меняются формы передачи памяти о Второй мировой войне. Сегодня еще есть возможность сформировать многостороннее представление о событиях военной поры, опираясь на обширный комплекс как официальных источников, так и источников личного происхождения. В связи с этим возрастает внимание исследователей к устной истории как методу, благодаря которому можно расширить сформированное представление о войне, увидеть «человека воюющего», понять его чувства, эмоции, настроения, погрузиться в военную повседневность. Используя метод устной истории, историк получает уникальную возможность управлять процессом создания нового источника в соответствии с потребностями своего исследования, конкретизировать и уточнять получаемые данные.

Современная историографическая ситуация и в нашей стране, и в мире в целом характеризуется интересом к так называемому «молчаливому большинству». В устнисторических исследованиях на первый план выходит субъективный опыт отдельного человека, через который формируется историческая память. Важным становится понимание того, как преломляется оценка событий отдельными людьми, особенно в экстремальных условиях [1, с. 13].

Задачи военно-антропологического исследования состоят в том, чтобы получить индивидуально пережитые и осмысленные сведения по кругу вопросов, относящихся не только к объективным анкетным данным о самом респонденте, но и к обстоятельствам его участия в боевых действиях, особенностям фронтовой жизни и быта, к широкому спектру его ценностных характеристик [2, с. 9]. При этом интерес представляют не только восстанавливаемые в памяти события военного времени и возникшие в тот период мысли и чувства, но и проблемы, связанные с выходом респондентов из войны, ее влиянием на их судьбу и личность, включая мировоззрение, ретроспективное отношение к тому, что происходило с ними в годы войны.

Все больший интерес в науке вызывают проблемы формирования и репрезентации образов прошлого, их закрепления, замещения или подавления в исторической памяти, механизмов трансформации памяти о прошлом, принципов реконструкции воспоминаний о прошлом в массовом и индивидуальном сознании. Историки пытаются осмыслить, что именно из явлений и событий пошлому сохраняется и почему, как трансформируется, вытесняется, передается и какую роль играет в становлении групповой идентичности. По сути дела, речь идет о социальном конструировании исторической реальности «не тех образов прошлого, „достоверных фактов“ и „подлинных событий“, „как это было на самом деле“, а тех образов прошлого, которые обрели социальную значимость, будучи субъективно переживаемые как воспоминания и воспринимаемые как знания» [3, с. 5–6].

Благодаря рассказам участников и очевидцев Второй мировой войны о своем опыте создаются образы и представления, которые включаются в состав культурной памяти. Эти рассказы проливают свет на картины прошлого, содержание, структуру и механизмы передачи исторической памяти. По ним можно рассматривать проблемы динамики взаимоотношения — зафиксированных в коллективной памяти представлений о прошлом, сохраняемых в силу традиции или востребованных меняющейся общественно-политической реальностью.

Главной целью интервьюирования ветеранов войны является формирование историко-социологического источника, содержащего информацию по широкому кругу проблем фронтовой жизни, быта и психологии участников боевых действий.

Устноисторические исследования о Второй мировой войне в России — явление достаточно новое. Большинство таких работ стало появляться с конца 1990-х гг. и особенно в связи с празднованием шестидесятилетия Великой Победы. Практически в каждом регионе России ведется работа по сбору интервью ветеранов войны.

Уровень исследований и профессионализм интервьюеров в разных регионах различен и зависит от уровня подготовленности исследователя в области использования метода устной истории. Зачастую инициатором сбора устных свидетельств становятся общественные организации, советы ветеранов, а не профессиональные историки. Так, например, в течение 2004–2005 гг. осуществлялся международный проект «Живые голоса истории», разработанный Институтом проблем гражданского общества в Москве. Среди основных идей проекта — воспитание гражданской ответственности и патриотизма у молодежи, укрепление духовной связи молодого и старшего поколений, создание уникального аудиоархива воспоминаний о Великой Отечественной войне.

В проекте участвовали 400 организаций из 85 городов и поселков России. В рамках проекта добровольцы — в основном из молодежных организаций — записывали на аудиопленку воспоминания ветеранов фронта и тыла [4]. Создание таким путем аудиоархива призвано укрепить связь поколений, общую для народов память о войне и победе.

Большую роль в сборе воспоминаний о Второй мировой войне играет научно-информационный и просветительский центр «Мемориал». Сотрудники центра разрабатывают программы и выделяют средства для изучения войны на основе личных свидетельств. Ежегодный школьный конкурс «Россия. XX век» призван привлекать молодое поколение будущих исследователей к работе с устными источниками. Изучение Второй мировой войны через индивидуальный опыт родственников — неизменная тема проектов школьников.

Сбором устных воспоминаний занимаются и профессиональные историки. Интерес представляет публикация по результатам двух исследовательских проектов, реализованных в Центре устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2001–2003 гг. «Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества» [5] состоит из двух частей. В первой части представлены интервью с людьми, пережившими блокаду Ленинграда 1941–1944 гг., а также представителями послевоенного поколения, чьи родители находились в городе во время блокады. Вторая часть сборника посвящена анализу интервью. Исследователей интересовали особенности передачи памяти о ленинградской блокаде в воспоминаниях жителей города — непосредственных свидетелей блокады и следующего за ними поколения ленинградцев. Интерес вызывали прежде всего причины и условия возникновения того взгляда на блокадное прошлое, который нашел отражение в анализируемых интервью. Третью часть книги составили исследования, в которых рассматривается коллективная память советского общества о блокаде Ленинграда.

Настоящая публикация является фундаментальной работой по использованию метода устной истории при изучении индивидуального опыта во Второй мировой войне. обстоятельное предисловие знакомит читателя с особенностями устноисторического повествования. Приведенные интервью напечатаны без сокращений, а исследовательская часть книги интересна высокой степенью научности.

В Ставрополе имеется свой опыт создания коллекции устноисторических воспоминаний о Второй мировой войне. Преподаватели и студенты Ставропольского государственного университета в 2004 г. стали участниками проекта, посвященного 60-й годовщине Победы. Он состоит в сборе свидетельств семейной памяти о Второй мировой войне. Это, с одной стороны, — дань уважения, признания и памяти молодого поколения по отношению к тем, кто погиб и выжил в трагичный период нашей истории, с другой — проба новых методологических подходов к историческому знанию, сбор устных источников и отражение мировоззрения, духовного мира, общественного сознания современных россиян. Создателей проекта интересовала «историческая память отдельной личности, отдельной семьи, вписанная в локальную и глобальную историю, наполненная эмоциональностью (как положительной, так и отрицательной), повседневностью, мировоззрением, мотивацией и ценностными ориентирами» [6]. Итогом работы стало издание воспоминаний ставропольчан — участников и свидетелей Второй мировой войны под общим названием «Никто из нас войны забыть не сможет» [7]. В этих рассказах трагические события боевой действительности, оккупации, военной повседневности описываются на фоне упоминаний о семейных традициях, ярких моментах личной биографии.

Подобный опыт работы имеется и в Краснодарском крае. В Кубанском государственном технологическом университете еще в 1986 г. был создан Совет ветеранов. Используя свой жизненный опыт, ветераны Великой Отечественной войны и труда передают и закрепляют лучшие традиции, накопленные и сложившиеся в вузе на протяжении всей его истории. Одним из направлений работы Совета стало издание воспоминаний участников Второй мировой войны [8]. Сотрудники вуза, принадлежащие к молодому поколению, принимали активное участие на всех этапах создания литературной версии воспоминаний: проводили интервью, транскрибировали записи, литературно их обрабатывали. К 60-летию Великой Победы под общей редакцией председателя Совета ветеранов кандидата исторических наук профессора И. И. Буряка был издан сборник воспоминаний участников боевых действий Второй мировой войны «От солдата до генерала» [9]. Материалы сборника представлены в соответствии с алфавитным порядком фамилий авторов воспоминаний. Таким образом, хронология исторических событий нарушается. На первый план выходит личность, сам участник боевых действий. Каждый отдельный рассказ ветерана был подготовлен при участии студентов и преподавателей КубГТУ. В конце текста воспоминаний фронтовика приводится краткая информация об интервьюере. Многие сюжеты книги появились в результате совместной работы студентов и их бабушек и дедушек – бывших или нынешних сотрудников университета. Если учесть стремление Совета ветеранов увековечить свой опыт, передать его молодому поколению, этот сборник не может быть расценен как устноисторическая работа. Многие студенты использовали метод устной истории интуитивно, зачастую отходя от основных правил сбора информации в поле. Интервью были подвергнуты литературной обработке, зачастую для написания текстов воспоминаний привлекалась информация из ранее опубликованных газетных материалов или собственных работ ветеранов. Главным для создателей сборника явилось общение и совместное творчество студентов и ветеранов в период подготовки воспоминаний. «Эти встречи и беседы конкретизируют содержание патриотического воспитания молодежи, обеспечивают связь и преемственность разных поколений людей нашей страны» [9, с. 7], – так видит назначение этого сборника ректор КубГТУ доктор технических наук профессор А. А. Петрик.

Перечисленные сборники устноисторических воспоминаний интересны прежде всего своей региональной направленностью. В публикациях интервью и воспоминаний о Второй мировой войне, изданных в Санкт-Петербурге, Краснодаре, Ставрополе, поднимаются проблемы локального масштаба. С уверенностью можно констатировать, что и в других регионах Российской Федерации имеется опыт сбора и публикаций устноисторических воспоминаний. Каждое издание имеет свою историю создания, цели и задачи,

отличается методами сбора и обработки интервью, качеством подачи материала. Объединяющим фактором всех изданий последнего пятилетия можно считать стремление увековечить опыт наших ныне живущих дедов и прадедов. Научность и следование устноисторической методологии в подобных изданиях иногда становится второстепенным фактором, уступая место непосредственно публикации интервью с ветеранами. В таком случае публикации устноисторических воспоминаний имеют ярко выраженный прикладной характер, являются источниками для исследователей военной повседневности, быта, психологии «человека воюющего», а также особенностей формирования коллективной и индивидуальной исторической памяти о Второй мировой войне.

Литература и источники

1. Лоскутова М. В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.
2. Сенявская Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999.
3. Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2003.
4. <http://www.pobeda-60.ru/main.php?trid=5587>
5. Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исслед. / Под ред. М. В. Лоскутовой. М., 2006.
6. Стрекалова Е. Н. Возможности «устной истории»: к постановке проблемы // Новые исследовательские практики изучения местной истории. Интернет-конф. 20.10.2005 <http://newlocalhistory.com>
7. Никто из нас войны забыть не сможет. Ставрополь, 2005.
8. Кучеренко В. М. Великая Отечественная война глазами инженера-дорожника. Краснодар, 2005; Кульневич В. Г. О времени, о людях, о себе. Краснодар, 2006 и др.
9. От солдата до генерала: воспоминания о войне / Под ред. И. И. Буряка. Краснодар, 2006.

Л. М. Салахова, Т. И. Ромадина

Микроисторический анализ социокультурной истории Приангарья и возможности устной истории (опыт изучения мемуаристики)

В последние годы микроисторический анализ часто становится предметом эпистемологических споров между историками. Обращение к микроанализу делает как возможным, так и необходимым критический пересмотр исследовательского инструментария современного историка. В определении исследовательских задач микроистории решающим видится изменение масштаба анализа источника информации в целом, вне зависимости от его классификационной принадлежности, от чего зависят и выбор самой стратегии познания, и результаты в познании объекта. Как справедливо заметил французский историк Ж. Ревель, «менять фокус означает не только увеличивать (или уменьшать) размер изображаемого объекта, это означает также изменение его вида и фона...» [9, с. 39].

Смысл микросоциального подхода к изучению конкретно-исторической реальности состоит в том, что в разъяснении прошлого особенно эффективным становится исследование непосредственно вырабатываемых жизненных стратегий в рамках опыта ограниченной группы или даже индивида, вписанного в наибольшее число различных исторических контекстов. Не случайно в современной литературе постулируется установка, сформулированная еще в трудах классиков микроистории: этот подход, вводя в реконструкцию прошлого разнообразные и множественные контексты, исходит из того, что «каждый исторический актер участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и разных уровней, от самого локального до самого глобального... Здесь нет разрыва между локальной и глобальной историей и тем более — их противопоставления друг другу» [6, с. 38].

В процессе микроисторического (локального) анализа важно помнить, что обращение к опыту жизненных практик индивидуума или группы позволяет уловить облик глобальной истории во всей его конкретности и самобытности. Задаваемый ракурс рассмотрения позволяет увидеть то, чем глобальная история не интересуется; обращает внимание на «нормальные исключения», а не только на типичное и уже общеизвестное, ведет к большей многомерности и многоуровневости видения исторических процессов. Здесь нельзя не учитывать и точку зрения Н. Е. Копосова, указывающего на то, что «микроистория возможна лишь постольку, поскольку существует проект макроистории [5, с. 35]. Как показывает опыт разных историографических школ, именно по отношению к нему создается значение микроисторического анализа как продуктивной исследовательской практики, применяемой сегодня в разных плоскостях историописания.

Историки, занимающиеся изучением развития отдельных сибирских регионов (в частности — Среднего Приангарья), также задались вопросом — как можно посредством ограниченных эмпирических исследований, где центральное место занимает интерпретация индивидуального поведения «актеров» (Б. Лепти), воссоздавать целостную историю, не утрачивая способности к осмыслению макроисторических процессов, протекавших в локальном историческом пространстве?

Постановка задачи данного исследования обращает нас к региону как единице культурно-исторического пространства Сибири, где особое место занимают «проблемы взаимодействия всех „ветвей“ культурного древа, представление об их взаимной обусловленности и связи с конкретными способами организации социальной жизни людьми, живущими в данной территории» [7, с. 129]. Решение такой задачи станет возможным в том случае, если в качестве предмета изучения будет выступать субъект исторического действия, существующий как в историческом, так и в социокультур-

ном пространстве. Свой выбор авторы статьи мотивируют тем, что современное историческое знание вышло на уровень понимания тех обстоятельств и мотивов, которые определяют поступки действующих в истории лиц, их многослойность и противоречивость. Исторические реконструкции и интерпретации, осуществленные благодаря концентрации на ограниченном поле наблюдения, будь то деревня, часть города, социальная группа или даже один или несколько индивидов, позволят качественно дополнить уже имеющиеся представления о специфике бытования приангарской деревни на рубеже XIX–XX вв. в контексте таких исторических процессов макроуровня, как войны, смена власти в стране, углубление внутренних конфликтов в российском обществе.

Источниковую базу исследования составили устные рассказы и записанные нашим респондентом семейные истории, вовлекаемые в научный оборот в рамках деятельности научно-исследовательской лаборатории гуманитарных исследований Братского государственного университета, одним из ведущих направлений которой являются полевые исследования в Прибайкалье.

Известно, что в процессе индустриального освоения Байкальской Сибири второй половины XX в. произошли значительные изменения в социальной структуре населения. Подготовка ложа Братского и Усть-Илимского водохранилищ повлекли за собой мощное переселение старожильского населения Верхней, Средней и Нижней Ангары, илимских деревень, уже исчезнувших с лица земли. Практически каждое ушедшее под воду сибирское село имело свою историко-культурную среду, сохранившуюся как в материальных памятниках (усадебь, жилые и промышленные постройки), так и в устной форме (фольклор, мифология, обычаи, обряды, верования и т. д.). Самостоятельное значение имеет историческая память старожилов, участников или очевидцев наиболее значимых событий XX в., а в ряде случаев — и их потомков.

Именно таким случаем можно считать работу с Т. Ф. Филипповой, уроженкой ангарского села Громы (в 1950-е гг. попавшего в зону затопления Братского водохранилища), любезно предоставившей свои записи мемуарного типа, и собственно ее устное повествование о том, как и чем, жил семейный клан Филипповых на протяжении долгой и трудной истории четырех поколений (хронологический охват — от 1880-х до 1950-х гг.). Обращение к этому лишь недавно востребованному нарративу позволило задуматься над проблемой вживания переселенцев в нетипичную для сельского жителя городскую среду. Учитывая, что человеческая память не всегда надежна и носит порой «творческий» характер (очевидные недостатки устной истории, отмечаемые многими специалистами в этой области), авторы статьи убеждены, что изучаемые посредством источниковедческого анали-

за источники — лишь «следы», способные указать на путь дальнейших научных поисков.

Как известно, исторические источники при всем многообразии их структуры, содержания, происхождения, обстоятельств возникновения имеют общие свойства формы и содержания. Это обеспечивает возможность единого научного подхода к ним — разработки методов источниковедческого анализа и их воссоздания как феномена культуры — источниковедческого синтеза. Теоретические принципы и методы источниковедческого анализа постоянно обогащаются и развиваются в ходе научно-практической работы с историческими источниками. Любое источниковедческое исследование имеет своей целью установить информационные возможности источника (или ряда однородных источников) для получения фактических сведений об общественном развитии (полнота, достоверность и новизна этих данных), а также аргументировано оценить значение источника (или ряда однородных источников) с такой точки зрения. В соответствии с логикой такого подхода само исследование информации (в нашем случае — устного происхождения) проводится последовательно, поэтапно, шаг за шагом решая задачу — максимум любого научного поиска в плоскости историописания — получить верифицируемую картину изучаемой реальности.

Прежде всего нам необходимо обратиться к изучению проблем, возникающих в процессе реконструкции исторических условий возникновения источника. Здесь необходимо учитывать, что исследователь, проводящий источниковедческий анализ и синтез, должен исходить из того, что произведение принадлежит определенному автору, но в то же время оно есть феномен культуры своего времени, который возникает в конкретных условиях и вне их не может быть понят и интерпретирован. Также следует помнить, насколько важно не только хорошо представлять себе сложность того интеллектуального пространства, в котором осуществляется гуманитарное познание, но и идти дальше простой констатации этого факта. Как справедливо отмечает О. М. Медушевская, «важно определить доступную ему меру реального знания» [4, с. 69].

Именно поэтому мы, следуя логике метода, предлагаемого современными специалистами в области источниковедения, начинаем свое исследование с изучения социокультурного контекста, в пределах которого возник изучаемый источник, с тем, чтобы выяснить, в каких условиях существовал тот тип социальной организации, к которому принадлежит наш автор; выявить цели, которые эта общность перед собой ставила, оценить возможности для их реализации. Обобщая уже известное знание об интересующей нас реальности, мы можем констатировать следующее.

Почерпнутые из интервью сведения о жизни Т. Ф. Филипповой (1935 г. р.) показывают, что она принадлежала к провинциальной сибир-

ской интеллигенции в первом поколении: в 1950-е гг., став студенткой Иркутского государственного университета, получила историческое образование соответствующего тому времени уровня и качества, а по возвращении на родину пошла работать на уже строившийся Братский алюминиевый завод в качестве социолога, где проработала до пенсии. Братск (основан в 1955 г.) был новым городом, с молодым (средний возраст горожан в 1980-е гг. — 32 года), стремящимся к изменению социального статуса населением, повышенным ритмом общественной жизни. Тамара Феофановна пополнила ряды технической интеллигенции г. Братска, более многочисленной в связи с промышленной спецификой региона. Период поисков и самореализации нашей героини совпадает по времени с 1960–1970-ми гг. Отметим специфику социокультурной жизни Братска в это время, совпадающего с воцарившимся в советском обществе «застоем». В Братске, с его иными, нежели во всей стране, жизненными ритмами, застой не был ярко выраженной социокультурной характеристикой, он сместился по времени к началу 1980-х гг.

В постсоветское время Тамара Феофановна, как и многие другие сибиряки, переживает «кризис социальной идентичности» в рамках единого когда-то советского общества. В этих условиях она обращается к поиску выхода, которым стал возврат интереса к историческим корням. Таким образом, респондентка в 1990-е гг. пережила драму развенчания идеалов и ценностей, сформировавшихся еще в юности, но не утратила способности к саморефлексии, поиску ответов на вопрос о том, почему происходят столь разрушительные изменения. Импульс к рождению текста был сформирован в кризисное время в образованной среде, в которой провела сознательную часть своей жизни наша героиня, и потому созданный ею текст в равной степени и эмоционален, с элементами надрыва, и рационален — содержит в себе попытки объяснить, устанавливать причинно-следственные связи. Поскольку Т. Ф. Филиппова (по родовому прозвищу Петрухинская) является потомком старожильского населения (ее мать имеет остяцкие корни, а отец — предположительно из поселенцев или казаков, осевших в Среднем Приангарье), то и задает она реальности вопросы локально ограниченные, сфокусированные исходя из конкретной жизненной практики.

Далее важно обратиться к решению проблемы авторства нашего источника, который можно квалифицировать как устный рассказ или исторический нарратив, отличающийся от художественного повествования тем, что, во-первых, здесь творческое воображение историка должно строго сдерживаться свидетельствами, фактами, его повествование должно также включать в себя столько информации, сколько требуется для того, чтобы из него стал ясен ход событий и их связи друг с другом; во-вторых, автор текста должен пользоваться ясным, эмоционально нейтральным и по возможно-

сти общепонятным языком. Наконец, он своим рассказом не только изображает некоторые события, но и объясняет, как начальный пункт его истории путем достаточно связанных между собой преобразований превратился в ее конечный пункт.

В центре нашего внимания — рассказы об истории семьи (по сути — двух семейных кланов восточносибирской деревни), которые являются предметом рассмотрения в рамках метода так называемой «устной истории». Характер исследуемого источника предопределяет необходимость обращения к нарратологической проблематике, интерес к которой в гуманитарных науках пробуждается в 1980-е гг. в связи с очередным признанием в научной среде того, что для историка повествовательная форма — и устная, и письменная — составляет психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу стремления людей прийти к согласию с природой и условиями существования. Сегодня очевидно, что нарратив представляет собой специфическую форму дискурса, понимаемого как связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Представленный к изучению нарратив интересен как компонент социального взаимодействия, выполняющим функции создания и передачи социального знания, а также самопрезентации индивида.

В нашем случае нарративное повествование было составлено на основе генеалогического интервью, которое позволило не только сфокусировать внимание на истории жизни самой респондентки, но и получить информацию о жизни нескольких поколений семей, объединенных родовыми связями. Такой тип интервью можно назвать глубоким. Его эффективность очевидна в случаях, когда исследователей интересуют тенденции большой давности.

Здесь уместно будет напомнить установку, сформулированную в контексте логики теории диалога культур М.М.Бахтиным, считавшим, что «увидеть и понять автора произведения — значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект...» [1, с. 306]. При изучении проблемы авторства важно выявить именно те параметры личности, которые могут помочь в изучении произведения, являющегося предметом источниковедческого анализа и синтеза.

Наш респондент Тамара Феофановна как автор, несомненно, имеет особенность. Она историк, владеющий исследовательским инструментарием (работа с разными источниками) и осознанием субъективности своих знаний и возможности воссоздания только фрагментов прошлого. Как социо-

лог она обладает богатым опытом общения, наблюдений, умением накапливать и систематизировать информацию, что явно прослеживается в ее текстах. Такой масштаб личности создателя произведения дает основание говорить о высокой степени как завершенности произведения, так и достоверности источника, в котором автор умело сочетает множество разнотипных сведений — это и личные воспоминания о прошлом двух родов, породившихся между собой, о своем общении с поколением бабушек и дедушек, и семейные предания, сохранившиеся как традиция семейной истории, и почерпнутые еще в студенчестве знания об истории региона, позволившие выстроить фрагменты воспоминаний в последовательную нить повествования.

Как известно, еще одной из сторон внешней критики источника, предполагающей характеристику источника со стороны его происхождения, авторства, времени и места создания, структуры, языка и стиля, становится работа по выяснению обстоятельств создания источника. Решение указанной исследовательской проблемы состоит в выявлении обстоятельств, которые могли влиять на полноту и достоверность сведений, на оценочные суждения, включенные автором в его произведение.

Автор наших историй, еще будучи студенткой, в 1959 г. стала участницей уникальной экспедиции иркутского ученого П. П. Хороших, занимавшейся сбором этнографического материала в районе Средней Ангары. В 2005 г. Тамара Феофановна предприняла попытку найти эти материалы в музеях и архивах Иркутска, но они, в силу пока непонятных причин, отсутствуют. Ее же черновики сохранились, что оказалось хорошим подспорьем. Как бывший историк она собирала сведения из метрических книг, искала любые письменные источники, связанные с историей ангарских селений. Более того, в 1990-е гг. она получила в руки оказавшиеся ненужными тогда документы (книги приказов, материалы отделов кадров расформировывавшихся совхозов и др.), которыми подтверждаются сообщаемые ею сведения.

С учетом того, что в одних и тех же исторических условиях один и тот же человек может создавать произведения, существенно различающиеся как по полноте сообщаемой информации, так и по степени ее достоверности, обратимся к следующей фазе источниковедческого анализа нашего источника. Предметом нашего рассмотрения являются тексты, которые относятся преимущественно к сфере семейного фольклора. В определенных разновидностях они бытуют в устной форме, а будучи зафиксированы письменно самими носителями традиции, приобретают формат семейного исторического знания, хранящегося в родословных книгах, эпистоляриях, мемуарах, предназначенных для публикации или для более или менее узкого круга близких («домашняя литература»). При этом мемуарные источни-

ки могут быть как целостными произведениями, так и вкраплениями, элементами личных раздумий или воспоминаний в произведениях другого жанра и назначения. Важно подчеркнуть, что для антропологически ориентированного исследования объем и размер источника (целостный мемуарный текст или небольшой эпизод, вкрапленный в художественное произведение, научное исследование или публицистическое выступление) не имеют особого значения: в них одинаково содержится интенция самопознания, стремление запечатлеть личный опыт, поделиться собственными впечатлениями и размышлениями. Опыт источниковедческого анализа подобных источников уже не раз показывал, что семейно-биографический хроникат, реализующий свойства памяти, отличается фрагментарностью и ослабленной внутритекстовой логикой, а само повествование составляет вербальный аналог графическому генеалогическому древу и манифестирует систему представлений и знаний о родословии.

В жанровом же отношении перед нами — свод относительно самостоятельных текстов, многие из которых функционируют в различных коммуникативных ситуациях (мемораты-новеллы, анекдоты, формульные характеристики, этиологические предания, афористические высказывания, аподиктические и гипотетические утверждения и др.). Они легко идентифицируются при анализе, и потому далее мы будем работать именно с типовыми мотивами и сюжетикой семейных рассказов, из которых складывается единый сюжет «семейной биографии». Здесь нельзя не согласиться с мнением Л. Г. Захаровой, предлагавшей родословное и/или семейно-биографическое повествование называть «автобиографией», поскольку оно аккумулирует коллективную память и родственная группа выступает его субъектом; рассказчик или составитель семейного жизнеописания чаще всего ориентирует его на себя как часть «родственного организма» [2, с. 369]. Очевидно, что наш источниковый комплекс также обладает спецификой, в том числе и гендерной.

Как утверждают специалисты по гендерлекту, женщине и мужчине присущи разные модели речевого поведения [8, с. 163]. К примеру, женщины чаще прибегают к уменьшительным суффиксам, для них более типичны косвенные речевые акты, в их речи больше форм вежливости и смягчения, например утверждений в форме вопросов, иллокуции неуверенности при отсутствии самой неуверенности; в речевом поведении женщин отсутствует доминантность, они лучше умеют слушать и сосредотачиваться на проблемах собеседника. В целом речевое поведение женщин характеризуется как более «гуманное». Изучаемый нами источник содержит в себе все указанные характеристики, и потому мы включаем их в процесс анализа.

В целом на данной фазе исследования (по счету третьей) становится очевидным, что достоверность как комплексная характеристика источни-

ка может быть оценена с учетом специфики жанра и типа источника, в котором не могут не присутствовать ретроспективность и субъективность, необходимые и неотъемлемые черты мемуаристики, при этом не всегда положительные. Мы не имеем права забывать: при обращении к мемуарному источнику следует учитывать, что от величины хронологического разрыва между описываемыми событиями и созданием мемуаров в определенной степени зависят и правдивость фактических данных, и точка зрения автора, и чем больше этот разрыв, тем больше вероятность ошибок памяти.

С другой стороны, достоверность источника зависит не только от особенностей памяти, внимания, типа восприятия, характера и условий работы над мемуарным произведением (что, конечно, следует обязательно учитывать), но и, в не меньшей степени, от личной заинтересованности, пристрастий, политических взглядов, эмоциональной направленности, мировоззренческих ориентиров автора, даже от особенностей его подсознания, одним словом, от типа его менталитета. Как справедливо заметила И. Л. Сиротина, подвергая экспертизе мемуарные источники, мы, видимо, вправе говорить лишь об установке на достоверность [10, с. 230].

Далее логика нашего исследования обращает нас к стадии внутренней критики источника, где ключевое место занимает анализ его содержания. Здесь намечаются группы вопросов, на которые дает ответ изучаемый источник, устанавливается, в чем состоит ценность источника, его значение, а внимание исследователей сосредоточивается главным образом на специальном изучении процессов интеллектуального творчества, форм языка, письма и речи, вербальных и невербальных текстов и, в конечном счете, на саморефлексии как таковой [3, с. 29].

Интерпретацию смысла текста проводят с целью установить (в той мере, в какой это возможно с учетом временной, культурной, любой другой дистанции, разделяющей автора произведения и его исследователя) тот смысл, который вкладывал в произведение его автор, предполагая поиск знаков нарративности. Иначе говоря, если прошлое становится историей только посредством деятельности особого рода, то должны иметь место следы авторской (нарративной) активности, специфические формы игры со временем и процедуры осужечивания, предполагающие реализацию определенных принципов построения исторических сюжетов. Индивидуализирующий метод интерпретации в совокупности с техническим и типизирующим позволяет раскрыть индивидуальные особенности творчества его автора, пытающегося для себя в своих же воспоминаниях обрести знание конкретных практик выживания в современных условиях.

Как отмечается во многих научных источниках, на этапе интерпретации источника исследователь движется в потоке сознания автора произведе-

дения: стремится лучше понять ситуацию, в которой тот находился, замысел произведения, способ, принятый автором для воплощения этого замысла. Иначе говоря, исследователь выступает в качестве заинтересованного слушателя, интерпретатора. На той же эмоциональной волне сопереживания и симпатии может переводиться и иноязычный текст [4, с. 92].

Масштабы статьи не позволяют раскрыть все сюжетные линии, которые просматриваются в рассказах Тамары Феофановны. Остановимся на одной линии — судьбах бабушек Лукерьи и Анны. История Лукерьи начинается с юности, когда она влюбилась в местного парня, своего ровесника Кузьму. Однако мечтам молодых людей не суждено было сбыться. Началась русско-японская война, и Кузьму забрали на фронт, откуда он не вернулся. Отец Лукерьи не согласился (несмотря на уговоры односельчан) выдать свою дочь замуж за Кузьму, он сосватал за нее богатого, но вдового мужика. Лукерья пыталась покончить с собой, но безуспешно. Будущий муж увез ее к себе в дом, она познакомилась с детьми и пошла под венец с вдовцом Михаилом. В этом браке родилось еще шесть детей. Однако в гражданскую войну Михаила убили за то, что он не пошел служить к белогвардейцам. Лукерья одна воспитывала детей. В период раскулачивания она была вынуждена бежать из Громов на р. Лену, а потом и в Якутск. Двое ее детей, Феофан и Нюра, остались в Громах. Началась Великая Отечественная война, сыновья ушли на фронт, Лукерья пригласила к себе в Якутск дочь Нюру с детьми, пытаясь помочь ей пережить трудные времена. Война унесла жизни четырех сыновей. Лукерья так и не вернулась в Громы, умерла она в 1950-е гг. в Якутске.

Бабушка Анна (по линии матери) родилась в 1850-е гг. В 16 лет осталась без матери, отец — «непутевый» человек, картежник и пьяница, выменял у цыган за свою дочь четверть водки. Анна жила в таборе, ее заставляли зарабатывать на жизнь гаданием, траволечением и т. п., готовили к тому, чтобы она стала женой купившего ее цыгана. Не приняв такого образа жизни, Анна убежала из табора в д. Б. Мамырь, где жила после смерти матери в людях ее сестра. Анну приютил священник, обучил грамоте, заботился о ней, как о дочери. По достижении ею 21 года священник нашел ей жениха, богатого купца — вдовца с пятью детьми. У Анны с Никитой Шумиловым родилось еще пять детей, однако муж умер от неизвестной болезни. Она вышла замуж за жившего у них в работниках Н. Ведерникова. В этом браке родились еще две дочери. В гражданскую войну погиб третий муж (отказался служить у белогвардейцев). Анна Гавриловна осталась одна с 11 детьми, вела большое хозяйство. В 1933 г. ее раскулачили (в хозяйстве было три лошади и большой дом на «связке», потребовавшийся сельсовету). Благодарные люди прятали ее, всех старших детей расстреляли, в живых остались только две младшие дочери. В годы Великой Отечественной войны

она жила в семье Феофана и Марии, отца и матери Тамары Феофановны, занималась воспитанием внучки, помогала знахарством жителям близлежащих сел. Умерла она сразу после войны, от простуды.

Вся эта информация почерпнута нами из интервью с автором воспоминаний. Чтобы провести ее анализ, необходимо взглянуть на источник и его свидетельства глазами **современного исследователя человека другого времени**. Теперь мы попытаемся оценить наш источник с точки зрения его репрезентативности для изучения культурно-исторического прошлого сельского мира Сибири, обращая то к намеренно, то к ненамеренно заключенной в нем информации. Структура исследовательского изложения диктуется стремлением более полно раскрыть все богатство социальной информации, которую может дать источник, поставленный в связь с данными современной науки.

Нам представляется возможным через судьбы двух женщин раскрыть правила жизни ангарского сообщества. Прежде всего обращает на себя внимание то, что жизнь людей строится в соответствии с соображениями целесообразности. Эмоции не являются определяющими в поступках людей. Отец Лукерьи, предполагая, что милого сердцу дочери Кузьму могут убить на войне, из соображений целесообразности отдает Лукерью замуж за уже состоявшегося зажиточного мужика. По тем же соображениям мамырский священник выбирает проживавшей у него Анне женихом вдового, но состоятельного купца. Подобный подход наблюдается в решении всех жизненных коллизий, связанных с воспитанием детей, вступлением в повторный брак. Исторический (временной) период не играет существенной роли. Даже в первой половине XX в. ангарская женщина не включалась в эмансипационные процессы. Таким образом, устные воспоминания свидетельствуют о силе традиций в общественной жизни, ее патриархальности. Поскольку интервьюирование позволяет исследователю находиться в постоянном диалоге с респондентом, можно попытаться выяснить, какие причинно-следственные связи он видит в совершаемых действиях. Тамара Феофановна часто отвечала: «так было принято», «ее бы не поняли в деревне», «это еще в давние времена сложилось».

Жизнь любого человека в сельском обществе публична, в ней нет места интимизации. Некоторые сюжеты говорят о значении и силе общественного мнения. Например, отец Лукерьи должен был объяснить свой выбор жениха для дочери деревенскому сообществу, что он сделал с великим почтением. Вдовец Михаил доказал обществу свое право на такой выбор матери для своих детей и хозяйки дома, совершив в день венчания публичный выезд на специально приберегаемом к этому дню жеребце (породистый конь в хозяйстве ангарцев — признак особого достатка). Деревенское сообщество, невзирая на грозящую любому из громовцев беду, помогает в 1930-е гг.

Анне Гавриловне, предоставляя ей кров и пищу, помня о ее добропорядочности и той пользе, которую она приносила траволечением (это было весьма значимо при отсутствии врачей).

Опираясь на результаты проведенного исследования, источниковед обобщает свою работу, проводит источниковедческий синтез. Это завершающий этап изучения произведения, рассматриваемого в качестве исторического источника. На этом этапе обеспечивается возможность обобщить результаты анализа отдельных сторон произведения, отдельных комплексов социальной информации, полученной при исследовании его структуры и содержания.

Документирование, сбор и публикация устных историй позволяют прислушаться к голосам людей, для которых исторические события, задуманные и спровоцированные помимо их воли и ожиданий, становятся судьбоносными явлениями их жизни, частью биографии. Устная история приобретает ценность исторического источника, отображающего реалии жизни и мнения людей. Вызывают удивление энергия, ответственность, отвага и жизнеспособность, с которой женщины, героини нашего повествования, противостоят тяготам бытия, несправедливости и насилию. В представленных нашим респондентом устных и письменных рассказах описана тяжелая картина повседневной жизни сибирского сообщества, частью которого являются ангарские крестьяне, но в то же время она свидетельствует о неистребимости силы человеческого духа. Нам представилась возможность в историческом контексте проследить, какие практики выживания складывались на том или ином временном отрезке, в конкретном (локальном) сообществе, насколько они были подвержены изменениям или оставались неизблеемыми, что влияло на выбор людьми жизненной стратегии.

Литература и источники

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
2. Захарова Л. Г. Мемуары, дневники, частная переписка второй половины XIX в // Источниковедение в СССР XIX – начала XX вв. М.: Наука, 1970. С. 368–400.
3. Зверева Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории. Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996.
4. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998.
5. Копсов Н. Е. О невозможности микроистории // Казус. 2000. Индивидуальное и уникальное в истории / Под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. Л. Бойцова. М., 2000.
6. Лепти Б. Общество как единое целое: о трех формах анализа социальной целостности // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996.
7. Мурзина И. Я. История региональной культуры: проблемы методологии исследования и практики преподавания // Новая локальная история. Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография:

- Материалы первой всерос. науч. интернет-конф. Ставрополь, 23 мая 2003 г. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2003.
8. Пушкарева Н. А. От теории «слово как действие» к теориям «гендерлекта» // Социальная история. Ежегодник. 2000/2001. М.: РОССПЭН, 2004.
  9. Ревель Ж. Микросторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996
  10. Сиротина И. Л. Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию проф. Моисея Самойловича Кагана : Материалы международ. науч. конф. 18 мая 2001 г. СПб. (Symposium). Вып. 12. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001.

Е. Н. Стрекалова

Опыт применения методов устной истории для изучения исторической памяти о XX в. (на материалах интервью ветеранов Великой Отечественной войны)

Изучение проблемы передачи исторической памяти в обществе — это самостоятельное направление в мировой историографии. В конце XX в. благодаря разработкам преимущественно французских и немецких ученых в зарубежной историографии сложились школы исследования исторической памяти [1]. Несмотря на тематическое и временное разнообразие, а также концептуальные различия, работы имеют общую важную характеристику. Главным предметом изучения становятся не события прошлого, а память о нем у отдельных людей и целых сообществ.

Отложившиеся в памяти людей образы событий, их закрепление и осмысление или, наоборот, вытеснение, подавление, табуирование прошлого все более привлекают внимание ученых. «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти», — провозгласил Пьер Нора, чей проект исследований функционирования памяти во Франции стал грандиозным нашумевшим прорывом в изучении этой проблематики. В одной из своих статей он говорит, что в последние 20 или 25 лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому. Мир затопила нахлынувшая волна воспоминаний, прочно соединив верность прошлому — действительному или воображаемому — с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью [2]. Действительно, воспоминания вызывают живейший отклик.

Периодические издания, особенно к юбилейным датам, наполняются зарисовками о прошлом знаменитых современников и некоторой части «молчаливого большинства». Под заинтересованным взглядом историка на эти воспоминания картина мира становится необычайно многоликой, разнообразной. Невольно соглашаешься с К. Ясперсом, который замечал, что история не завершена и таит в себе бесконечные возможности, и новые факты открывают в прошлом «не замеченную нами раньше истину» [3].

Память бесконечна, но она обусловлена заинтересованностью человека и общества. Информация о прошлом часто используется во имя вполне конкретных потребностей сегодняшнего дня. Можно проследить, как власть манипулирует общественным сознанием и использует то память о прошлом, то его забвение. Само появление исследований по исторической памяти не случайно произошло в последней трети XX в. Представляется, что причиной было совпадение процессов демократизации и глобализации. Если первые давали возможность беспрепятственно вспоминать свое прошлое в разных его ипостасях, то вторые заставляли вспоминать его особенности. Глобализация, с ее унификаторскими тенденциями, подталкивает человека к его локальному прошлому, к тому, что идентифицирует его с этнической, религиозной, какой-либо другой группой. Доказательством служит то обстоятельство, что в уже 1920-е гг. французский социолог Морис Хальбвакс разрабатывал понятие «социальная память». Однако его труды были востребованы в мировой гуманитаристике главным образом только в 1980-е гг. [4]. Тезис о социальной обусловленности памяти он объясняет возникновением памяти у человека только в процессе социализации. Размышляя о «белых пятнах» нашей истории, можно согласиться с М. Хальбваксом, что обладает памятью отдельный человек, но формируется она коллективом. Индивидуальная память создается, кристаллизуется, трансформируется в каждой отдельной личности благодаря ее участию в процессах коммуникации всего общества.

Изменение общественно-политической и духовной ситуации в нашей стране, распад единой государственной идеологии, существовавшая в советское время монополия государства на «историческую правду», мифологизация многих страниц прошлого обострили интерес к памяти о прошлом в обществе. Эта интеллектуальная ситуация «пытливого любопытства с пристрастием» характерна, конечно, не только для России, но в целом на постсоветского пространства. Многие трагичные страницы нашего общего прошлого в XX в. (голод, репрессии, ГУЛАГ и др.) становятся предметами исследования сквозь призму исторической памяти [5].

Интерес к трансляции образов прошлого и возможности изучения неофициальной памяти заставили ученых вести инструментальный поиск. Исследовательский оптимизм, обусловленный открытостью архивов и доступностью фондов, сменился реализмом. Картина исторического прошлого не оживала, оставалась схематичной без «голосов» реальных людей. Исследователи исторической памяти обнаружили устную историю. Не случайно работа одного из апологетов устной истории Пола Томсона называется «Голос прошлого. Устная история» [6].

Впрочем, можно сказать и наоборот. Историки, занимающиеся устной историей, вышли на изучение исторической памяти. Устные свидетельства

являются репрезентацией образов прошлого, выступающих в контексте важных элементов социального, политического, этнического, конфессионального сознания и самоидентификации человека. Очевидно, что исследованиям исторической памяти способствует методология устной истории. Эти два направления в современной исторической науке, практически одновременно вошедшие в отечественную исследовательскую практику, открыли новые возможности.

Устная история как историографическая и методологическая практика проделала долгий путь с момента своего первого провозглашения в конце 1948 г. в Колумбийском университете (США), где был создан исследовательский центр по изучению устной истории во главе с Аланом Нэвинсом [7]. Появившись как узкое направление в рамках библиотечного и архивного дела, устная история постепенно завоевала признание профессиональных историков. Научное сообщество достаточно консервативно, поэтому путь к признанию этого исследовательского направления был тернистым. В силу своей профессиональной подготовленности, как очень точно сказал Пол Томпсон, историки заняты «поиском свидетельств о прошлом таким, каким оно было, а не о том, которое присутствует в настоящем» [8].

Должна сказать, что некоторые опытные коллеги-исследователи скептически относятся к моей увлеченности устной историей. Однако у этого метода глубокие корни. Антропологи, этнографы, социологи, фольклористы неизменно использовали методику полевых опросов. В нашей стране опросы участников революции, Гражданской и Великой Отечественной войн проводились и в советское время. Подобная практика была и остается при школьных музеях. Современное отличие устной истории заключается в записи на аудионосители информации, позволяющей увидеть эмоциональный, психологический контекст воспоминаний. Очевидно, что это расширяет возможности для интерпретации устных источников. Соглашаюсь с итальянским исследователем Алессандро Портелли, чье определение кажется мне ближе [9]. Термин «устная история» как бы подразумевает, что история пишется только с использованием устных свидетельств. Использование комплекса источников позволит посредством сравнительного анализа углубить исследование, сделать его более качественным.

Устные источники обладают рядом особенностей [10]. Одно из самых главных — субъективность. На наш взгляд, это одновременно и важнейшее достоинство, открывающее возможность приблизиться к антропологической составляющей истории, к осмыслению людьми своего прошлого, повседневной жизни, дающее возможность прикоснуться к духовной культуре общества. Другие виды источников, зачастую создаваемые разного рода чиновниками, делопроизводителями, пишутся с позиции государства, и человек в них остается объектом приложения его властных полномочий.

Одним из основных объектов интереса устной истории в настоящее время является проблематика Великой Отечественной войны и социальных процессов, связанных с ней. Центр устной истории в Европейском университете в Санкт-Петербурге провел исследование памяти о блокаде и памяти переселенцев Карельского перешейка. В Харькове собраны воспоминания остарбайтеров, в Калининградской области — свидетельства переселенных советских граждан [11]. Список наверняка можно пополнить и региональными изданиями. Публикацией устных семейных преданий о войне в книге «Никто из нас войны забыть не сможет» завершилась работа историков, социологов, филологов Ставропольского госуниверситета к юбилею победы в 2005 г. [12]. Совместная реализация указанного проекта наглядно показала междисциплинарные возможности устной истории. Полидисциплинарное исследовательское пространство, потенциал взаимодействия методов и подходов разных наук усиливают интерес к этому направлению.

При анализе интервью с участниками войны можно наблюдать оценку прошлого через жизненный опыт, в зависимости от настоящего. Даже тяжелые моменты истории оцениваются человеком с позиции его последующей жизни. Морис Хальбвак замечал, что чем дальше событие уходит в прошлое, тем больше в памяти человека эмоциональная связь с прошлым преобладает над критическим взглядом на него [13].

Исследование показывает, что самыми тяжелыми воспоминаниями являются воспоминания о периоде коллективизации и голодных 1932–1933 гг. Для большинства интервьюируемых (1921–1926 гг. рождения) это был период очень тяжелого детства, у некоторых — сиротства. Практически у всех в семьях кто-то умер от голода, чаще всего это были «старые и малые». По словам одного опрашиваемого, бабушка, присматривавшая за детьми, умерла рядом с ним. У другого из семерых братьев и сестер остался он один. Воспоминания наполнены болью потерь, памятью о выживании в детских домах. Евдокия Г., семья которой вымерла, вспоминает, как тщательно в детском доме собирали колоски. Даже те, у кого в семьях во время голода никто не умер, вспоминают это время как тяжелое. Семьи были большие, жили впроголодь. Часто говорят о нищете.

Однако иногда после гнетущих воспоминаний о тяжелом детстве люди вспоминают с оптимизмом и блеском в глазах довоенные праздники, пионерское детство, поездку в летний лагерь, друзей. Говорят: «Жили тяжело, но весело», «Жилось до войны нелегко, но люди радовались жизни» и пр. Удивительно, что период оккупации и войны в сравнении с воспоминаниями о детстве представляется менее тяжелым. Видимо, этому способствовали старший возраст (в голодном детстве они чувствовали себя беспомощными), некоторый уровень зрелости, достигнутый перед войной, всеобщий

характер беды, оценка командованием военных заслуг (боевые награды), оценка собственного военного опыта в последующем, сама победа.

На оценке послевоенных лет сказался фактор победы. Несмотря на удручающую разруху и вновь разразившийся голод, вторая половина 1940-х гг. в памяти людей окрашена более оптимистично, чем 1930-е гг.

Устные свидетельства дают значительные возможности для изучения повседневности в годы войны. Многие вспоминают страх первого боя, гибель товарищей. У многих война осталась в памяти как тяжелая работа, но кроме работы вспоминают развлечения: песни, танцы. Для многих тяжелое время озарено любовью (две пары до сих пор живут вместе), настоящей дружбой. Человек на фронте предстает перед нами думающим не только о бое, о смерти, о победе, но и о... бане. Многие вспоминают, что в баню водили один-два раза в месяц и плохо кормили.

Интервью показывают, как официальная историческая версия или свидетельства других людей вплетаются в индивидуальную память. Происходит так называемое «забвение источника» [14]. Благодаря исследованиям памяти известно, что человек может встраивать в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые событийные ряды, происходящие не из его собственного опыта, а из совершенно иных источников: из учебников, из рассказов других людей, из романов, из документальных и художественных фильмов и т. д. Один опрашиваемый сказал, что «до победы под Москвой 5 декабря 1941 г.» он сомневался в победе, говорил и показывал на карте «восемь сталинских ударов». Отметим, что воспоминания участников войны, задействованных в общественной работе, имеющих длительный опыт выступлений перед школьниками, студентами, более насыщены штампами. Личный опыт представляется им менее интересным.

Устные свидетельства дают возможность наблюдать «проработку прошлого». Согласимся с Теодором В. Адорно, понимающим под этим желание подвести черту под прошлым и по возможности стереть его из памяти [15]. Забвение необходимо для стремящихся к примирению, стремящихся все забыть, иногда все простить за давностью лет. Часть опрашиваемых мотивировали этим свое нежелание рассказывать о голоде 1932–1933 гг., о пребывании в плену.

Коммуникативные возможности устной истории открывают существенный потенциал интеграции науки и образования. Студенты могут приобщиться к захватывающему творческому процессу. Мы убедились в этом на своем опыте, в ходе работы проблемной группы и клуба по устной истории, созданных на историческом факультете Ставропольского госуниверситета. Студенты в роли первооткрывателей имеют возможность не просто познать прошлое, но и приобщиться к нему, прочувствовать его. В ходе интервью происходит встреча двух поколений. Старшее поколение радо на-

блюдать у молодых интерес к прошлому. Практически никто из ветеранов, которым предложили участвовать в реализации проекта, не отказался дать интервью. Более того, они благодарили за внимание к ним.

Представители старшего поколения вспоминают свою молодость, проводят ассоциации с интервьюерами; уважительное отношение студентов к их жизненному опыту позволяет им обрести чувство собственного достоинства и уверенность в будущем нашей страны и культуры. Таким образом, устная история соединяет прошлое и будущее, прослеживает преемственность поколений. Реконструкции истории становятся плодом совместных усилий и молодое поколение прислушивается к голосу старшего. Устная история обладает мощным потенциалом гражданственности и может использоваться самостоятельно для патриотического воспитания молодежи.

Литература и источники

1. Ассман Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004, С. 34; Репина Л. П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003, С. 9.
2. Нора П. Всемирное торжество памяти. <http://www.nz-online.ru/index.phtml>
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, С. 276–277.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. <http://www.nz-online.ru/index.phtml>; Ассман Я. Указ. соч. С. 36–44.
5. Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии : Сб. ст. Челябинск, 2004. См.: Щербак И. Л. Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников. С. 168–185; Гринченко Г. Г. «Устные истории» и проблемы их интерпретации (на примере устных интервью с бывшими оstarбайтерами Харьковской области). С. 215–227 и др.
6. Томпсон П. Голос прошлого: Устная история. М., 2003.
7. Starr L. Oral History, in: Oral History: an Interdisciplinary Anthology. 2^d ed. Ed. by D. K. Dunaway, W. K. Baum. 1996. P. 52.
8. Лоскутова М. В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 6; Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Там же. С. 113.
9. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. С. 33.
10. Тош Д. История из первых уст // Тош Д. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка: Пер. с англ. М., 2000, С. 261–285.
11. Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. СПб., 2005; Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования/ Под ред М. В. Лоскутовой. М., 2006; Усні історії оstarбайтерів / Автор-упорядник Г. Г. Гринченко. Харків, 2004; Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб., 2002.
12. Никто из нас войны забыть не сможет. Ставрополь, 2005.
13. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. <http://www.nz-online.ru/index.phtml>.

14. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас <http://www.nz-online.ru/index.phtml>
15. Адорно Теодор В. [http:// Неприкосновенный запас //www.nz-online.ru/index.phtml](http://www.nz-online.ru/index.phtml)

А. С. Фетисов

Социальные процессы и религиозная ситуация в Республике Алтай

Начало 1990-х гг. в Республике Алтай характеризовалось стремительным ростом интереса к религии. В условиях отсутствия внятной государственной идеологии и коренных экономических и социально-политических изменений в обществе религия заняла одно из главнейших мест в жизни населения региона. Этот факт можно отчасти объяснить тем, что не все люди сумели хорошо адаптироваться к новой жизни. Некоторые из них, оказавшись в затруднительном положении, потеряв свою социальную нишу, почувствовав неуверенность, страх перед будущим, обратили свой взор к религии, ища в ней своего рода утешение, отдушину.

Это дало мощный толчок к развитию религиозных организаций в республике. Наряду с возрождением конфессий, принадлежащих к «мировым религиям» (христианство, ислам, буддизм), распространение получают религиозные культы, до этого не проводившие активной миссионерской деятельности на территории Горного Алтая и в основном принадлежащие к протестантскому направлению в христианстве («Свидетели Иеговы», адвентисты). Кроме этого, появляются различные учения, имевшие оккультный характер, ставящие основной задачей развитие в человеке паранормальных и экстрасенсорных способностей: «Сахаджа-Йога», движение последователей Рериха и др. Наряду с этим происходит обращение части коренного населения к исконным верованиям: шаманизму, бурханизму.

На 1 января 2005 г. в Республике Алтай было зарегистрировано 36 религиозных объединения, в том числе 22 православных прихода и 1 монастырь, 4 мусульманских общины, 3 буддийских общины, 1 община римско-католической церкви, 6 религиозных объединений протестантского толка. Поданы документы на регистрацию религиозной организацией «Традиционное мировоззрение тюрков Алтая «Ак-ЈаН». В столице Республики Алтай г. Горно-Алтайске зарегистрировано 9 религиозных объединения и две организации действуют без регистрации. Из них: 2 православных прихода, 1 мусульманская община, 1 буддийская община, 5 религиозных объединения протестантского толка (местная религиозная организация Свидетели Иеговы, религиозная организация Христиан веры евангельской пятидесятников церковь «Новая жизнь», республиканская организация Церкви христиан-адвентистов седьмого дня, местная религиозная организация «Горно-Алтайская христианско-пресвитерианская церковь», местная религиозная организация «Церковь христиан веры евангельской „Слово веры“»). 1 старообряд-

ческая община и 1 религиозная организация «Традиционное мировоззрение тюрков Алтай «Ак-ЈаН».

Количество религиозных организаций по районам республики, как официально зарегистрированных, так и действующих без регистрации, следующее: в г. Горно-Алтайске находится 11 религиозных организаций, в Турочакском районе — 5, в Чойском — 2, в Майминском — 4, в Чемальском — 2, в Шебалинском — 1, в Онгудайском — 2, в Улаганском — 5, в Кош-Агачском — 3, в Усть-Канском — 2, в Усть-Коксинском — 1.

Следует отметить, что большинство религиозных организаций было зарегистрировано в г. Горно-Алтайске. В районах республики официально действовали только Русская православная церковь, религиозная организация «Ак-Буркан» и мусульманские религиозные организации (Кош-Агачский район, что обусловлено традиционным и национальным факторами). Остальные организации либо проводили миссионерскую деятельность в форме различного рода акций (помощь районам, пострадавшим от землетрясения, бесплатная раздача продуктов малоимущим), либо действовали без регистрации, то есть нелегально (последователи Рериха и Свидетели Иеговы в Усть-Коксинском районе).

Объясняя причины «религиозного бума», благочинный церковью Горно-Алтайского округа о. Георгий Балакин не раз отмечал: «У любого человека есть потребность в Боге... Люди заново обратились к вере, причем молодых людей гораздо больше, чем пожилых». Особенно интересно отношение представителей религиозных организаций друг к другу и новым религиозным движениям. По мнению о. Георгия Балакина, «традиционные конфессии объединяются, у них богатый опыт взаимодействия на протяжении веков». Руководитель буддийской организации «Ак-Буркан» А. Санашкин не раз отмечал, что православные, буддисты и мусульмане, в отличие от представителей нетрадиционных религиозных культов, «никогда не допустят насилия над личностью, никогда не будут навязывать свое вероучение, не будут ходить по домам и вторгаться в личную жизнь». Такое же суждение высказал и имам А. Кобдобаев; по его мнению, «наш путь — беречь и охранять все святыни, поклоняться святым местам, и в этом мы сходимся с буддистами и православными — в отличие от представителей новых культов».

По мнению ведущего специалиста Комитета по информационной и национальной политике, связям с общественностью Правительства Республики Алтай С. Ч. Пустогачевой, в условиях светского государства, в рамках действующего с 1997 г. федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», работать стало гораздо труднее. По данным Комитета, до 60% молодежи свидетельствуют о своей религиозности. Но в целом такого ажиотажа, как в первые годы перестройки, сейчас уже нет. Более того, 39% населения считают себя убежденными атеистами, христиан у нас 56%,

мусульман — 4%, и 1% приходится на представителей других конфессий». Новые религиозные движения, до этого не осуществлявших своей конфессиональной деятельности в регионе, по данным сотрудников Комитета, имеют достаточно обширную финансовую базу, у них масса религиозной литературы, аудио- и видеоматериалов, они очень серьезно оснащены с технической точки зрения.

В целом при рассмотрении религиозной ситуации в Республике Алтай стоит учитывать, что при подобном конфессиональном многообразии конфликтных ситуаций на конфессиональной почве не возникало. Это можно объяснить грамотной конфессиональной политикой властей и собственно толерантными отношениями представителей религиозных организаций друг к другу, а также длительным сроком совместного проживания народов Горного Алтая.

И. С. Шилова

Женщина в войне

Понятие «женщина» очень трудно связать с понятием «война». Но в страшные дни Великой Отечественной войны женщины бились с врагом наравне с мужчинами, вписав немало ярких и героических страниц в летопись Победы. В официальной политической истории война предстает делом мужчин и связывается с событиями на передовой, с непосредственным участием в военных действиях. Немногочисленные женщины, представленные в такой версии, как правило, являются исключением и предстают в образах медсестер или отдельных героинь, осваивающих непростые «мужские» сферы деятельности и профессии. В то же время мы исходили из установки, что устная история позволяет понять роль и место не только мужчин, но и женщин в годы войны, ощутить особенности гендерного подхода того времени. Истории мужчин и женщин — это разный опыт, разная психология, разное понимание и оценка событий, разная память. В своих рассказах мужчины опираются на одну логику, женщины — на другую. Как отмечает Елена Мещеркина, «биографическая практика женщины, тесно связанная с повседневностью, построенная на границе мира публичного и мира частного, с неизбежностью находит отражение в стиле письма, выборе тем для описания, склонности к выразительному языку в отличие от рационального» [3, с. 72].

Красная армия — первая европейская армия XX столетия, в которой были отдельные регулярные женские подразделения. Об этом свидетельствует и официальная историография: «общая численность советских женщин, участвовавших в боевых действиях, не менее 800 000 человек». [5, с. 32], Женщины служили в качестве медицинского персонала в военных госпита-

лях, выполняли вспомогательные работы, наравне с мужчинами сражались на передовой, в партизанских отрядах. К примеру, в партизанских соединениях на оккупированной территории нынешней Российской Федерации воевало 28 500 женщин. Однако до сих пор неизвестны соотношение вольнонаемных и военнослужащих, добровольцев и мобилизованных, их социальный, образовательный, национальный состав и семейное положение. Официальная статистика не выделяла женщин в особую группу при подсчете военных потерь, умалчивала о количестве среди них раненых, контуженных и ставших инвалидами. В художественной и мемуарной литературе такая статистика по непонятным причинам не приводилась. Изданная многотысячными тиражами «История Великой Отечественной войны» женскую военную тематику практически не затрагивает. Время от времени в литературе появлялись героические женские образы, отдельные примеры фронтового героизма советских женщин, но до сих пор нет обобщенного и подробного анализа этого явления. В частности, в отечественной историографии, в отличие от зарубежной, практически нет анализа и обобщения роли русских женщин в освобождении страны. Такая тенденция сложилась в советском послевоенном обществе. В качестве одной из причин исследователи называют речь председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Калинина. В июле 1945 г. он рекомендовал демобилизованным женщинам не хвастать своими военными заслугами. Фронтowички с орденами и медалями превратились из народных героинь в «фигуры умолчания». Многие из них были вынуждены скрывать свое военное прошлое ради налаживания личной жизни. Так, М. И. Шилова вспоминает: «У мужа моего 16 военных наград, орден один, а у меня все трудовые. Чтобы не давали наград, ругалась, говорила, что ни к чему они мне совсем, война кончилась, живем спокойно — и хорошо».

В результате психологической травмы участницы боевых действий оказались в стрессовой ситуации, даже спустя много лет они не желали вспоминать о собственных подвигах. Плакатный призыв: «Мужчины — в бой, женщины — на трудовой фронт» также убеждал в том, что война — исключительно мужское дело, отодвигая тем самым женщин на задний план, в лучшем случае признавая за ними лишь вспомогательную роль. Советское политическое руководство не считало нужным официально признать факт массового участия женщин в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны. Но следующий этап так называемого женского призыва был связан с огромными потерями Красной армии в первый год Великой Отечественной войны: уже в 1942 г. в СССР была проведена массовая мобилизация женщин на службу в действующую армию и тыловые соединения. Только на основании трех приказов наркома обороны Иосифа Сталина, датированных апрелем и октябрeм 1942 г., мобилизации и направлению в вой-

ска связи, ВВС и ПВО подлежали 120 тысяч женщин. По линии ЦК ВЛКСМ на военную службу были призваны около 500 000 девушек, 70% которых служили в действующей армии. Женщины не только были поварами и заведовали складами, но и служили в разведке, были вооруженцами, шоферами, телефонистками, состояли в орудийных и пулеметных расчетах. За заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками «свыше 150 тыс. советских женщин были награждены боевыми орденами и медалями» [1, с. 270].

Своими поступками женщины создали в начале войны образ, отраженный в агитационном лозунге времен оккупации: «Деритесь же стойко и храбро за наше правое дело. А если кто-либо из вас опозорит себя трусостью в боях, помните, что над ним вечно будет висеть проклятие матерей, жен и детей». Сильное женское начало в период войны можно определить по характерным официальным донесениям, заявлениям, письмам, которые регулярно досылались высшему партийно-советскому руководству. Символичны слова одной из белорусских подпольщиц Веры Хоружей: «Я готова выполнять любую работу на фронте или в тылу. Я ничего не боюсь. В душе накопело столько ненависти и жажды борьбы, столько любви и желания отдать всю себя, что я готова одна идти на целые полчища фашистских сволочей».

Самое многочисленное представительство среди участниц Великой Отечественной войны составляли женщины-медработники. Из общего числа врачей, которых в действующей армии насчитывалось около 700 тысяч, женщин было 42%, а среди хирургов — 43,4% и почти 100% медсестер и санитаров. «Медсестрички спасали нас, вытаскивая с поля боя раненых, они часто ходили в атаку, в обороне бились в рукопашную вместе с нами, солдатами», — вспоминает И. С. Капкин.

Без хлеба не мог обойтись ни один солдат. «Хлеб казался нам изюмом, сладким, дорогим», — говорит Л. Е. Пермякова. Но немногие знают, как он доставался в полевых условиях. «Хлеб пекли в печах самодельных, муку мешками сами таскали, сами дрова готовили, кололи, — вспоминает Т. П. Кусакина, — а по ночам охраняли имущество «пекарни».

В то же время в тылу формировался другой фронт — оборонительно-трудовой. В состав отрядов народного ополчения записывались многие женщины. Они участвовали в создании Фонда обороны страны, устанавливали шефство над госпиталями, инвалидами войны, самоотверженно трудились на полях. «Вся колхозная работа на бабах всю войну держалась. День робишь, ночь молотишь», — признается О. В. Шилова. Вместо ушедших на фронт мужчин на их рабочие места вставали женщины. А. Ф. Пирожкова в своих воспоминаниях поведала, как вместе с ровесницами, девушками 16–17 лет, самоотверженно трудилась в тылу: «Валили лес вручную, заготавливали лесоматериал». «Каждое лето целыми днями работали

на совхозных полях, спали в шалашах из сена, было трудно, но никто не жаловался, — вспоминает А. И. Шилова, — раз в день кормили баландой — это жидкая похлебка из черной муки, но мы были рады и этому».

Таким образом, война стала для женщин тяжелым испытанием, они перенесли горечь утраты родных и близких, претерпели лишения и трудности военного времени. А женщины, работавшие в тылу, несли на своих хрупких плечах основную тяжесть труда на производстве и в сельском хозяйстве. Феномен участия женщин в войне заключается и в особенностях женской психологии, которая определяла восприятие фронтовой действительности. «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания. Если мужчину война захватывала как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей психологии: бомбежка, смерть, страдание — для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала перегрузки войны — физические и моральные, она труднее переносила мужской быт войны» [1, с. 101].

Благодаря своей специфике устный исторический рассказ может осветить под весьма интересным и неожиданным углом историческую картину. В данный период необходимо собрать как можно больше разных свидетельств военного времени, представляющих разные взгляды на проблему женщины в войне. Собранные истории позволят понять роль и место не только мужчин, но и женщин в годы войны, ощутить гендерные особенности в условиях того времени.

Литература и источники

1. Алексиевич С. У войны — не женское лицо... Минск, 1985.
2. Великая Отечественная война 1941–1945. М., 1985.
3. Мещеркина Е. Ю. Устная история и биография: женский взгляд. СПб., 2004.
4. Сенявская Е. Женщины на войне — феномен XX века // История : Прил. к газ. «Первое сентября», 1998.
5. Станиславская Е. С. Женщины на войне // Мир истории. 2000. № 5.
6. Якунцов И. А. Урал в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пермь, 2003.

Т. К. Щеглова

Социальные отношения в советской деревне (1930–1950-е гг.): вызов устной истории

Повышенный интерес к социальной истории на современном этапе выразился в издательском буме, проведении многочисленных научных конференций и семинаров. Исследователи пытаются компенсировать упущения советской историографии. Нельзя отрицать, что в советское время социальная история получила значительное развитие, но ее возможности ограничивала монополия методологической теории о классах и классовой борьбе.

В связи с этим многие темы и проблемы социальной истории, особенно советского периода, оставались за рамками историописания или попадали в «прокрустово ложе» официальной идеологии, в результате чего социальная история советского общества была фальсифицирована. Как заметил Д. П. Урсу, «...истину монополизировала каста правителей. Официальная историография, подчиненная „министерству правды“, превратилась в политико-пропагандистскую мифологию...» [1, с. 1]. Обращение современных исследователей к социальной истории, по словам А. К. Соколова, «взрывает буквально традиционное источниковедение, создавая предпосылки беспредельного расширения как проблематики, так и фактической базы исторических трудов», а ее установки «на изучение истории „снизу“, внимание к микроистории по-иному расставляют акценты в работе над источниками» [2].

Большое значение для современных социальных историков приобретает изучение советского общества с привлечением устных источников, собранных путем интервьюирования рядовых людей. В них содержится материал о мыслях, ценностях, чувствах и чаяниях участников прошлой жизни, о взаимоотношениях в советском обществе, о взаимоотношениях этого общества с властью и т. п. Документированные исторические интервью очевидцев недавнего прошлого расширяют источниковую базу документов личного происхождения, таких как жалобы, обращения, письма, персональные дела.

Причины слабого развития устной социальной истории в России видятся в отсутствии единой методологии создания и интерпретации устных источников, а также в психологических установках исследователей — недоверии к устным источникам в академической науке. В традиционной исследовательской исторической практике историк выступает как «потребитель» — он использует готовые коллекции документов государственных архивов и музеев, опубликованные документальные материалы. В устноисторической практике исследователь должен приложить усилия, чтобы, по сути дела, создать новые (устные) источники. В этом плане его деятельность похожа на методы исследования этнографов, археологов, фольклористов, лингвистов, сначала выявляющих источники, фиксирующие их и только затем интерпретирующие. Но, в отличие от этой категории исследователей, устный историк занимается не столько сбором, сколько созданием новых исторических источников. Утвердившийся в исследовательской практике термин «сбор устных исторических источников» не адекватен самому процессу и в определенной степени является данью опыту фольклористов и этнографов, которые действительно занимаются сбором памятников устного народного творчества, существующих в готовой форме (сказки, предания, легенды, были, былички, пословицы, бывальщина и т. п.). Их задачей является дословная фиксация и транскрипция готовых текстов. Деятельность

устного историка состоит в изъятии событийной или эмпирической информации через опрос с помощью созданных им вопросников. Создание устных источников требует от исследователя не только значительных временных затрат (на разработку программ, вопросников, поиск интервьюеров, проведение интервью, его транскрибирование и т. д.), но и финансовых расходов (приобретение техники, организация выезда и т. п.). Однако эти затраты окупаются получением качественной информации в ситуации «крайне неравномерного отражения вопросов, интересующих социального историка, в архивных фондах...» [3].

Привлечение опыта устноисторических исследований к изучению советской истории России продиктовано прежде всего необходимостью создать адекватную источниковую базу по социальной истории, которая в советской историографии сводилась к триаде «рабочий класс, колхозное крестьянство и советская интеллигенция» и формированию советского человека. Советская история представляет собой достаточно цельное и оформленное явление в мировой истории и имеет свои хронологические границы. Благодаря недавности исторических событий историк может выступить инициатором и создателем документов на основе воспоминаний очевидцев событий, по которым государственные фондохранилища укомплектованы недостаточно. В целом создание программ изучения советского общества должно исходить из того, что советский этап истории завершен, но свеж в памяти современников, являвшихся участниками советской жизни. При работе в этом направлении исследователю нужно учитывать, что современное общество не свободно как от идеализации прошлого и ностальгии по временам супердержавы, так и от других крайностей — очернения, преувеличения или преуменьшения прошлых достижений экономической, общественной, политической, культурной жизни советского общества.

Исследование социальной советской деревни устноисторическими методами обусловлено также тем, что сельская история с малым числом участников в силу ее повседневной будничности занимает скромное место в современной историографии. Крестьянский мир России, по мнению О. М. Вербицкой, был вне поля зрения государства и историков, которые рассматривали деревню как некую «абстрактную систему единства производственных отношений и производительных сил» [4]. И, соответственно, в государственных архивах отложились преимущественно официальные нормативно-распорядительные, делопроизводственные и статистические материалы. Жизнь людей в них не отражается. Сдерживает развитие сельской истории также ограниченность традиционной методической и методологической базы. На современном этапе обозначилась потребность поиска новых решений. Кроме того, одной из особенностей сельской истории является

массовость событий, обезличивающих историю. Изучение же социальных групп села требует введения в историю голосов рядовых участников, вспоминающих прошлое в своих биографических интервью и семейной истории. Как отмечает Ш. Рейнхарц, «устная история, в противовес письменной, более пригодна для получения информации о тех людях, которые в меньшей степени участвуют в создании письменных документов... Поэтому особенно подходящими кандидатами для исследований устной истории являются представители более уязвимых социальных групп» [5]. В советском обществе это колхозники, рабочие совхозов, МТС, пунктов «Заготзерно» и «Заготскот», леспромхозов и лесхозов, работники сферы образования, здравоохранения, культуры и т. п.

В советской историографии акцент делался на успехах колхозно-совхозного строительства, а в социальной сфере — на тенденциях развития социально- и этнически-однородного советского общества. Ангажированность проявлялась в политизированной и идеологизированной манере исторического повествования, в заданных параметрах. Устная история отражает в первую очередь взаимоотношения между разными социальными группами внутри сельского общества, через традиции, общественно-семейные ценности, жизненные и трудовые установки, т. е. неформальные механизмы. Именно неформальные механизмы являлись важнейшей составляющей исторических процессов в советский период, выполняя роль катализатора взаимоотношений власти и общества. В этом отношении устные источники являются наиболее полной версией мнения «снизу», настроений на «нижних этажах» общества.

Исторические интервью показывают формирование значительной социальной дифференциации в сельском населении советского общества. В ее основе лежали иные по сравнению с доколхозным периодом факторы, связанные с государственной социально-экономической политикой и идеологией. Происходило формирование социальных групп как в результате репрессивной политики советского государства (раскулаченные, депортированные, инакомыслящие и др.), так и через складывание их в производственных секторах социалистического производства, различавшихся формами социалистической собственности, с которыми были связаны труд и жизнь сельчан. Общество алтайской деревни состояло из неоднородных социальных групп, отличавшихся материальными возможностями и гражданскими правами. Это проявлялось в отсутствии паспортов у колхозников, в регулировании земельных наделов у сельских групп, в размерах государственных пайков, в существовании лиц с ограниченными правами («враги народа», жены и дети «врагов народа») и т. д.

Устные свидетельства показывают, что более стабильное материальное положение и социальные преимущества имели группы сельского общест-

ва, работавшие в государственном секторе, например жители сельских населенных пунктов, сформировавшихся вдоль железных дорог для их обслуживания, около вольфрамовых рудников, предприятий пищевой или лесной промышленности и т. д. Их привилегированное положение осознавалось современниками: «Престижнее было работать с лесом. В селе был леспромхоз — огромное предприятие. Было 30 МАЗов, возили из тайги... работало около 600 человек... Было три смены по 8 часов. Десятники, нормировщики... В Тогульском районе еще было 12 лесхозов... Работающие получали скидки, льготы на производимую продукцию (плахи, тес, штакетник). Очередь нужно было выждать для получения льгот. Зарплата деньгами...» (Г. Ф. Веснина, 1939 г. р., Тогул).

Среди населенных пунктов, связанных с сельскохозяйственным производством, более привлекательной для населения оказалась государственная сеть отраслевых хозяйств — совхозов (советских хозяйств), создававшихся в 1920–1930-х гг. как для племенной или селекционной работы, так и для производства хлеба, молока, мяса (племсовхозы, откормсовхозы, зерносовхозы, МТФ, ОТФ, СТФ, опытные станции и др.), а также сельские населенные пункты, связанные с системой перерабатывающих предприятий (маслосырзаводы, льнозаводы), предприятий по изготовлению стройматериалов, заготовке гравия и песка, с цементным и кирпичным производством. Внутри сельского общества своим социальным статусом отличались работники системы образования, здравоохранения, соцкультбыта и т. д.

Особенный интерес представляют сравнительные материалы исторических интервью, записанных от двух социальных групп сельского населения — колхозников и рабочих совхозов, сформировавшихся в двух секторах социалистической экономики — колхозно-кооперативной и совхозной. Устные источники показывают, что население государственного (совхозного) сельскохозяйственного производства было группой с более устойчивым положением. В отличие от колхозов, совхозы давали рядовому труженнику материальную выгоду — гарантированную заработную плату вместо, как говорят респонденты, колхозных «палочек» за трудодни и натурального расчета. Особенно ярко аргументация проявляется в интервью о послевоенных государственно-партийных кампаниях по переустройству деревни, прежде всего по слиянию колхозов с постепенным переводом их в совхозы. Жизненные истории показывают, что для бывших колхозников начавшийся перевод нерентабельных колхозов в совхозы в 1950–1960-е гг., означал переход в материально более обеспеченную группу с общегражданскими правами (денежная оплата труда, отпуска, социальные гарантии и т. д.).

Устноисторический материал об огосударствлении колхозов показывает, что «им [совхозам] завидовали». Материальное, техническое и финансо-

вое положение совхозов было крепче. Во всех интервью, взятых у бывших колхозников, подчеркивается преимущество условий труда и жизни в финансируемых государством совхозах, благодаря чему формировался своеобразный раскол деревенского сектора на нищие колхозы и более финансово и технически обеспеченные совхозы, а деревенского общества — на колхозников и рабочих совхозов. Это способствовало формированию своеобразной социальной иерархии советского общества с ощущением превосходства на повседневном уровне у одних групп и принижением положением других.

Эта дифференциация влияла на взаимоотношения населения разных населенных пунктов с разной формой хозяйствования (колхоз—совхоз). Эмпирический опыт колхозников отражает обиду на совхозы: «Совхоз был на Большой Заимке, Маркитанке и Белом. Грань между колхозом и совхозом шла по пасеке. Че-нибудь купить — совхозу везут и машины и плуги, а колхозу — ничего. У нас даже косилок не было. Колхозы считали за ерунду. Издевались. Сразу на Маркитанке [совхоз] поставили 2 двора скотских и на Заимке [совхоз] — 2 двора. Там работают на деньги. А здесь — бесплатно» (Я. Ф. Серебрянников, 1905 г. р., Куяча. Алтайский район).

Среди преимуществ жизни в совхозах колхозники выделяют самые значимые для них материальные выгоды — гарантированную плату и предоставление жилья. На совхозных усадьбах за счет государственного финансирования проводилось благоустройство. Так, в Куячонке после создания совхоза бывшим колхозникам стали предоставлять жилье: «Сначала жили по 3–4 семьи в доме. А потом в 50-е годы стали строить дома, и нам один дом построили. Только и жить бы. Это власть все сделала — разогнали все деревни. Люди так бы и жили». Массовый перевод колхозов в совхозы сопровождался улучшением материального положения сельского населения и вызвал формирование миграционных настроений, сначала из колхоза в совхоз, а затем из села в город. Многие колхозники старались переехать из колхозов в совхозы: «Уехали из Куягана в Куячонок, потому что в Куягане колхоз был, жили плохо. А в Куячонке совхоз был, деньги давали и хлеб пекли, пекарня была, а у нас денег не было» [Гурашкины А. Д. и М. И., 1927, 1930 г. р., с. Куячонок. с. Куяча, Алтайский район]. В Куячонок, по словам Я. Ф. Серебрянникова, стали уезжать и из соседней Куячи: «Когда был совхоз [в Куячонке], так туда все лезли, в Куячонок. Многие даже бежали в совхоз. Паспорта выдали только недавно, а так не было ни в совхозе, ни в колхозе. А если куда ехать, выдавали документы из сельского совета». П. Н. Гурова (Зональный район) так характеризует обозначившееся в крестьянской среде стремление переехать из колхозов в совхозы: «Мои родители из Буланыхи сюда приехали (пос. Восход). Потому что здесь совхоз, отделение образовалось, и здесь совхоз. А там колхоз. И вот сюда, в совхоз, родители

приехали. А дома побросали. А здесь землянку на горочке выкопали. Там [в колхозе] все как-то отбирали. А здесь деньги. И вроде совхоз как деньги давал. За деньгами побежали сюда...».

Рост совхозного производства и увеличение численности населения в селах с совхозным производством привели к появлению «копай-городов» — окраинных жилых районов с дерновыми жилищами. Опыт копай-городов был приобретен еще в 1930-е гг. при крупных стройках социалистической индустриализации, в послевоенных селах, и в период массового совхозного строительства (1950–1960-е гг.). Об одном из них — в совхозе «Красный Партизан» Чарышского района, сформировавшемся около р. Чарыш — очевидцы рассказали следующее «Дети подросли, мужики с фронта вернулись. Строили землянки: резали пласты с землей, дети их носили на носилочках. Взрослые укладывали. Между рядами хворостинку бросят для связки. Сразу окна и двери планировали. Дом двухкомнатный был. На потолок набирали какого придется материала. Сверху дерн укладывали с небольшим скатом на две стороны, чтобы стекало. Затем снаружи и изнутри мазали глиной, включая пол. Для проемов из какого придется материала делали косячки. Рядом с домом, вплотную, вырыли погреб, над ним такую же землянушку. На проход из нее в избу повесили занавесочку. Спали и на полу и на печи и на голбце. Телят и поросят зимой в дом заносили, толкали под голбец. Там же держали курей. В этом копай-городе и калмыки жили. Им поручили отары овец. Для прикорма скота на вертолетах привозили жмых (соевый, из подсолнечника). Везли по воздуху в виде больших кругов, под днищем вертолета. Его ели и люди. Отломают кусочек соевого жмыха, растеребят, залиют водой. Вертолеты сбрасывали с воздуха. Бывало, попадали и на крыши землянок. У нас так пришлось заделывать потолок и крышу землянки у бабушки. Ее построили в 1948 г. Простояла до 1955 г. Строили если всем миром, то за лето» (В. Ф. Хохлова).

Устные источники показывают, что модернизация колхозно-деревенского сектора проходила быстро: материальная заинтересованность толкала поколения советских крестьян в совхозы. Этому способствовал предшествующий опыт колхозной жизни. Особенно интересные оценки колхозов содержатся в высказываниях старшего поколения 1905–1915 г. р. — потомственных крестьян. Эмпирический опыт этой категории включал несколько моделей хозяйствования с изменением статуса крестьянина на протяжении их жизни: единоличник — колхозник — рабочий совхоза. В их интерпретации пробивается чувство оскорбленного достоинства. К ним относится интервью Я. Ф. Серебрянникова, 1905 г. р., выходца из крепкой старообрядческой (поморцы) семьи с. Куяча, вынужденного стать в 1930-е гг. колхозником: «Раз я кошу дома [в куячинском колхозе]. Приходят, говорят надо собить совхозу, сено убирать. Мы уже поставили стога. Уже хлеб убираем.

Председатель дает указание бригадиру — отправьте машину в совхоз. Мне говорит: „Яков, поедешь в Куячонок [совхоз] помогать косить“. — „Дак ведь хлеб [колхозный] надо убирать!“ — „Хлеб — это ерунда. Надо помочь совхозу. Ехай. Вот неделю проработаешь [в совхозе], садись и ехай домой“. — „А если отпускать не будут?“ — „Не разговаривай«. Приехал в Куячонок и говорю управляющему: „Приехал от колхоза вам помогать“. — „Вон там косят Андрей с Ерофеем, с ними будешь косить за горой“... Неделю прокосил с ними... А они мне: „Не поедешь [домой], мы договоримся, ты еще будешь неделю“. — „Уж когда договоритесь, а мне велено ехать. У нас хлеб стоит, убирать надо. Рабочих мало. Солома уже ломается, вязать-то как?“ А осенью, когда Я. Ф. Серебрянников приехал за заработанными деньгами в совхозную контору, то оказалось, что в первую очередь расплачивались с рабочими совхозов: „А нету на тебя еще ничего“. Как летом косил, так еще ничего и нету. Ну, потом забёг. Раза три я заходил. Так и ничего. Да и то уж последний раз поехали... Спрашиваю: есть наряд? — „Есть, Яков Федорович. Ты там-то косил. Да? Обедал, ужинал. А мясо было, да? Тебе приходится 5 руб. 60 коп...“ (вычли из зарплаты и выдали меньше, чем колхозник заработал. — *Т. Ш.*). До войны-то мы все в колхозе жили. Здесь их было 4 колхоза-то. А уж после войны перевели в совхоз».

Таким образом, сформировавшиеся в советский период социальные группы дистанцировались в повседневной жизни через производственные отношения. На самой нижней ступени советского деревенского общества стояли колхозники. Хотя информаторы, работавшие вне колхозов, обычно говорят и о некоторых преимуществах колхозного общества, которые им виделись в том, что колхозы «жили сами по себе», были «сами себе хозяева». Они должны были выполнять государственные задания, а все, что оставалось после сдачи зерна, молока, мяса, оставалось в хозяйстве, которое распределялось, в том числе на трудодни колхозникам, или продавалось для приобретения техники. Сами они выбирали и колхозное правление, включая председателя. А совхозы управлялись назначаемым директором, им «спускали» государственные планы, регламентировали заработную плату и т. д. Но самостоятельность колхозов, в интерпретациях респондентов, при низком уровне материально-технической базы и финансовой беспомощности колхозов, без помощи государства, оборачивалась для колхозников нищим существованием, тогда как в совхозах издержки сельскохозяйственного производства в случае неурожая, неблагоприятного сезона и т. д. компенсировались государством. Как вспоминают работники совхозов, если план перевыполняли, то рабочим совхозов выдавали премии, а если с планом не справлялись, то совхоз объявлялся убыточным, но на заработной плате это не отражалось. А колхозники жили «сами по себе», что проявлялось в «самообеспечении» колхозного общества «со своим правлением»,

и «они сами решали, что и когда сеять, но все равно им что-то доводилось [государством]» и «сколько у них останется [после сдачи государству], они рассчитывали колхозников и давали на трудодни». Но при слабой технической оснащённости и маломощности колхозного производства такая самостоятельность колхозов не способствовала росту жизненного уровня колхозников: «После войны отменили талончики и карточки. Если в войну их потеряешь — то не дадут... А в колхозе хлеб делили... В войну траву ели. После войны появились лошади. Голод был после войны... Все зерно забирало государство, а в колхозах оставались лишь семена. Голодные 1947–1948 гг. Люди голодовали. Неурожай пшеницы...» (Н. Якимович, 1928 г. р., Тогул). Таким образом, на бытовом уровне формировалось определенное противостояние между населением колхозов и совхозов соседних сел.

По мере советской модернизации сельскохозяйственного сектора экономики социальная дифференциация формировалась на повседневном уровне внутри сельских обществ. Например, устные свидетельства показывают, что «белой костью» на деревне были рабочие МТС — трактористы, комбайнеры, не говоря уже об инженерах. Как вспоминают колхозники, они «подолгу женихались», посещая все колхозные вечерки, были «завидными женихами» на деревне. Пренебрежительное отношение к колхозным конюхам, скотникам с их стороны определялось их социально-материальным превосходством. Социальное неравенство формировалось в ходе советской модернизации деревни вопреки декларируемым принципам социального равенства. Устные исторические источники показывают, что сформировавшаяся социально-статусная дистанция играла большую роль во взаимоотношениях сельского населения. Например, о сложных отношениях в быту и повседневной жизни между колхозниками и рабочими леспромхоза рассказывали респонденты в с. Топтушка Тогульского района: «В селе был колхоз, а потом перевели из Женихово (в 1962 г.) лесхоз, потом леспромхоз. Мы детьми были. Отец в леспромхозе работа. Зарплату получал. Так мы в кино идем и сразу пятак за вход отдаем, а колхозные дети сначала бегут в магазин, яички продадут, а потом только в кино идут. Им приходилось продавать яйца, молоко за деньги, чтобы куда-нибудь сходить». В этом отрывке отразилось превосходство членов семей работников леспромхозов, получавших заработную плату. Дальнейшее повествование рассказчика показывает, что для колхозников эта ситуация была болезненной, они формировали определенную систему защиты. Колхозники Топтушки также отвечали на создавшуюся ситуацию. Лесхозовцы жили в верхней части села, а колхозники — в нижней, около р. Коптелки, у запруды, которую они считали своей: «Мы на речку идем, пинков наполчаем. Били детей лесхозовских, когда те шли купаться на речку. А в магазин придем, пока колхозники не купят, нас не пускают. В конец [очереди] всех отправляют. А там уже покупать нечего. В послед-

ную очередь подавали даже самое необходимое. Зато когда мы свой орсовский магазин открыли с колбасой, то мы их не пускали. У нас подавали дефицитные товары — тушенка, колбаса, молоко. Они нас не любили. Мы когда сюда приехали, стали лес колхозу ограничивать. Раньше-то они сами себе хозяйничали в лесу. В отместку колхозники зажимали нас в покосах. Иногда приходилось уже в сентябре лесхозовским для своей скотины косить...» (А. П. Демаков, 1955 г. р., с. Топтушка, Тогульский район).

Установлению неравенства разных социальных групп алтайской деревни способствовала и декларируемая государством регламентация земельных прав, норм трудовой выработки и оплаты труда при разных формах социалистической собственности. Свою обиду на колхозников имели и рабочие МТС. Сравнивая положение колхозников со своим, они говорят: «В МТС у рабочих норма: если у рабочих МТС комбайн — 12 гектаров убрать, если пашешь на тракторе — 6 или 8 га, в зависимости от гона [количество разворотов на поле: на маленьком — много, на большом — меньше, что сказывалось на трудозатратах]. 1 норма равнялась 5 трудодням. Но, в отличие от колхозников, нам давали 2 кг пшеницы и 50 коп. [колхозы расплачивались за работу МТС продукцией], а колхозникам — ничего. У них не было обязательного минимума, т. е. не нормировалось. И если колхоз все зерно сдал, то ничего не осталось, то и ничего не платили» (А. В. Фролов, 1932 г. р., Лынозавод, Тогульский район). В таких условиях, созданных государственной политикой, материальное положение колхозников было хуже, чем других категорий сельского населения. Т. А. Иушина (1922 г. р., Тогул) вспоминает: «После войны были налоги. Деньги мы не видели. В колхозе работали за хлеб. После войны совхозы стали, деньгами платили».

«Самостоятельность» и маломощность колхозов, высокая доля ручного труда способствовали тому, что работы в колхозном хозяйстве выполнялись всем взрослым населением, уравнивая и мужчин и женщин, пожилых и молодых. Как говорят информаторы, «делали всё подряд», если посевная — все на поле, если сенокос — все на покосе и т. д. Н. И. Якимович (1928 г. р., Тогул) вспоминает: «Три колхоза было в Тогуле, совхозов в то время не был. Заработной платы не было, а работали за трудодни. 1 трудодень — 1 руб. На него корму — кто-то больше, кто меньше. Женщины-трактористы работали в МТС. Получали копейки. Сеном могли дать за трудодни и деньгами. МТС отдельно от колхозов. Потом стали появляться трактора. А в основном лошади. Все делали вручную. МТС не зависело от колхозов. Тракторы своего хозяйства. Также работали женщины. Лучше было механизатору [в МТС] — они знали свою работу. В МТС работать лучше — 10–70 руб. в месяц, а в колхозе — по 1/2 ст. меда... А там лучше. Каждого не брали [в МТС] трактористом — учились, работали. А в колхозе все работали, я не помню, какое у них образование. Вся деревня работала в колхозе. Совхозы появи-

лись после войны. В них [совхозах] появилась техника, денежная плата туда, разделена работа, а в колхозе все подряд».

Такая производственная ситуация в колхозном хозяйстве стирала гендерную дистанцию, уравнивая в производстве мужской и женский труд. Уравнивание прав мужчин и женщин привело к перекосу в трудовой сфере, уродовало природу женщин. Женщин в общей группе отправляли на обязательные лесозаготовки, сажали на трактора, превращали в чабанов и т. д. Интервью Т. А. Иушиной (1922 г. р., с. Тогул) показывает, как меняется положение деревенской женщины в маломощных колхозах: «Колхозы начали появляться. Сено косили, заготовливали для скота. Я всю мужскую работу знала. Зимой мы по дорогам возили, а оглобля лопнет. Я руками голыми запрягу. Я запрягала лошадей. Косили, скирдовали, молотили. Скирдовали снопы большие. Их укладывали в больше скирды, соединяли большими снопами и свершают, как крышу. Я, бывало, на бричке по полосам ездила и накладывала полную. Мою подружку убило. Мотор разорвался. Дома не знали... как спят... зиму в тайге. Месяцами не мылись... Я училась на тракториста и комбайнера в Буланихе (Зональный район). Маленько работала. Техники было мало [в колхозе]. ЧТЗ, я плугарила на нем, один на весь колхоз. МТС в Антипино был. Горючее возили оттуда. Ездили вдвоем по две лошади. Летом в поле ночевали. Мне было 18 лет. Мешки таскала тяжелые. Пахала, как мужик, и *завсегда первая была. На стенке [доске почета] висела. Пашешь, глаз не видно. Одни зубы...* Работали без выходных. С темна начнешь и кончишь потемну...»

На всех колхозных работах побывала и Н. А. Родионова (1920 г. р., Тогул), являясь, как и все женщины, универсальной рабочей силой в колхозном производстве: «Я работала на прицепе... Трактор ЧТЗ и прицеп с ним... На лесозаготовку ездили в тайгу... был план [государственные задания], сколько заготовить: с колхоза людей сгоняли, и когда вода поднималась [заготовленный лес сплавляли по рекам] — сплавляли до Тальменки [р. Уксунай — Чумыш]... Жили в бараке в тайге, метров 60, трехъярусные нары, печки ставили. Все колхозы выезжали. По человек 15–20. Я и поварихой работала, и в полеводческой бригаде, а тракторная бригада отдельно — 2–3 трактора есть и уже бригада. И ручную косили, и снопы вязали, *стахановцы были...* Я в войну работала на зяби, хлеб убирала, а весной вспашку делали. Я работала на прицепе, а он [муж] — на тракторе. Лобогрейка — хлеб на лошадях убирала, я сию граблями кучки делала, а девчонки вяжут в снопы. В обед выпрягали лошадей... Лен дергали руками, приходил учетчик и считал, сколько я связала, и вечером вывешивали листок с результатами... Телят пасли, на корове пахали, польнейей топили, напекешь картошку-печенку. Кизяки делали... Жили на картошке, терли ее, отжимали, кисель ели... Ткали сами холст... дорожки изо льна делали...»

В том и в другом интервью рассказчицы подчеркивают, что, наряду с мужским, их разнорабочий неквалифицированный, но добросовестный труд материально не вознаграждался, отмечался лишь общественным одобрением и поощрялся «всенародным» признанием их трудовых заслуг традиционными советскими способами морального поощрения (в конкретных рассказах это признание проявилось в фразах «завсегда первая была. На стенке висела» и «стахановцы были»). При советской системе моральной мотивации труда, колхозники, в отличие от работников совхозов, материальных вознаграждений почти не имели. Как они говорили в своих интервью, «грамоту дадут... медаль», «иногда женщине шелковый платок правление подарит», а так все больше «словами отмечали», «переходящее знамя давали» и т. д., а за работу не получали: «распишешься в конце года и еще должен останешься». Большую стимулирующую роль в организации колхозного труда играли меры наказания за любое уклонение от работы: «Раньше за отказ от работы по 6 месяцев тюрьмы. Дисциплина была строгая. Очень даже хорошо. На бригаде пьяного не увидишь... На север [ссылка] за ведро [пшеницы]... Так и надо... ХХ съезд – ненавистники Сталина» (В. Г. Арин, 1930 г. р., Тогул).

Таким образом, воспоминания колхозников показывают напряженный ненормированный неквалифицированный труд всего взрослого населения колхозов, без гарантии оплаты труда. Жили, как они говорят, своим хозяйством. Держать его приходилось еще и потому, что колхозники обязаны были расплачиваться с государством за ведение личного подсобного хозяйства. Каждый колхозный двор должен был расплачиваться по государственной разнарядке. Стандартный набор, установленный для всех одинаково, включал «государственный оброк» за коров, овец, свиней, кур. Даже если их не держали, каждый двор должен был сдать молоко, яйца, шкуры. По рассказам колхозников, им приходилось для «государственного оброка» покупать те виды продукции, которых у них не было. Вот как это звучит в рассказе Н. М. Заречневой: «После войны стало легче, зерна больше стали давать [на трудодни]. Сметанка. Курицы. Государству сдавали 300 литров молока в год, если жиры нормальные [4,4%, в противном случае объем сдаваемого молока увеличивался]. 100 яичек, хоть есть курица или нет... Мясо государству сдавали. Один сдает, а 10 человек покупает [если не было своего мяса, то покупали и сдавали]. Свиней держали. Денег не был. Продавать приходилось, чтоб купить что-нибудь. Мылись, мыло свое варили. Скот умирает, соду покупали и варили из дохлого мяса. Потом нарезаешь. Щелоком мыли волос. У мамы были косы, длинные. Керосином мазали – вшей выводили».

В результате такой политики в отношении колхозов, колхозники, в отличие от других категорий сельского общества жили в 1940–1950-е гг. нату-

ральным хозяйством, не только не имея денег, но и испытывая недостаток продуктов собственного хозяйства. В послевоенных колхозах, главных производителях хлеба, сложилась парадоксальная ситуация, когда не хватало главного продукта — хлеба для тех, кто его выращивает. И эта ситуация воспроизводится из рассказа в рассказ: «После войны стало лучше — за год 17 кг пшеницы. Денег никогда не видали... Меняли вещи на муку... Потом пенсию мама получала — 6 руб. [колхозная пенсия], потом прибавили — 8 руб., потом 12 руб». (А. Ф. Данилова). Таким образом, заработанного на трудодни зерна не хватало на хлеб, который пекли сами. А в колхозных магазинах хлеб не продавался. Как вспоминает Л. П. Шеина (1930 г. р., Тогул), «в 1948–1949 г. получше стало... Но хлеб не продавали... В Бийске покупали. В деревне хлеб появился после 50-го года». Изменить же свой социальный статус колхозники не могли, так как их «прикрепили к колхозам», отказав им в выдаче паспортов, тем самым поставив их в бесправное положение по сравнению с другими социальными группами алтайской деревни. Та же Н. М. Заречнева своеобразно прокомментировала эту ситуацию в контексте опроса о советской праздничной системе: «Гулянок не было. Ни разу даже. День рождения не знали, не праздновали, пока паспорт не получили».

Наряду с колхозниками, рабочими совхозов, МТС, лесхозов в алтайской деревне обособились социальные группы, чей труд не был связан с производством, — работники образования, здравоохранения, финансово-экономических и административных служб, работающие в государственном секторе. Сами респонденты делят сельское население 1930–1950-х гг. на тех, кто «состоял в колхозе», и тех, кто «не был в колхозе». В качестве иллюстрации можно привести отрывок из интервью с В. М. Зенковым (1927 г. р., Антипино/Тогул): «В 1928 г. был образован колхоз „Большевик“ (с. Антипино, Тогульский район). Коммуна им. С. Разина в 1926 г. развалилась, и самостоятельно стал колхоз „Большевик“. Он существовал до 1950 г. Антипинский объединили с колхозом „Пограничник“ и „Большевик“, и стал колхоз им. Сталина. А в Тогуле в 1931 г. образовались колхозы Буденного, Молотова, 12 октября. В колхоз входило семей тысячи полтары. Учителя, агрономы, КБО (комбинат бытового обслуживания), почта не входили в колхоз. МТС были отдельно... Родители не были колхозниками. Мама работала в сельсовете: регистрация рождения, браков, смерти. Отец работал в заготовительной госконторе (мед, ягоды, и всё, всё)». Иногда информаторы объединяют их в одну группу — «специалисты». Они появлялись в колхозной деревне по направлениям государства и, как правило, были приезжими. Их высокий статус определялся рядом факторов, среди них колхозники называют заработную плату и образование. То и другое накладывало отпечаток на образ жизни, одежду, бытовую обстановку. Заплату они стабильно получали от государства, а жилье обязан

был предоставить колхоз. Если в 1930–1940-е гг. их подсеяли на квартиры в дома колхозников, то в 1950-е гг., как правило, от колхозов требовали предоставлять специалистам отдельное жилье, как в совхозах. П. М. Родионов сказал об этом так: «Строиться начали уже после целины. Задание было колхозу — вот столько-то домов построить... План был строить жилье. Специалисту приехавшему предоставляли жилье».

Можно рассмотреть социальную дистанцию между колхозниками и «специалистами» на примере положения сельского учителя. А. Антипина (1925 г. р., Тогул) из своих детских воспоминаний, отмечая разницу между учителем и колхозниками, вспоминает: «Учитель лучше одевался. В школу пошла с 9 лет в Мартыново. В Аксеново школы не было. А я ходила [в школу] очень бедно, в материных галошах ходила, а зимой — в старой фуфайке. Зимой нас возили на лошадях, и старались мы вперед лошади бежать, чтобы не замерзнуть. Когда пурга и сильные морозы были, тогда возили. А так пешком 3 км ходили».

Так формировалась сельская интеллигенция, являвшаяся частью советской интеллигенции, которая в социальной стратификации социалистической общественной модели называлась «прослойкой», в отличие от двух классов — рабочих и крестьян. Ее формирование шло под контролем государства и при его вмешательстве. И в этом был определенный смысл. Государство формировало определенные каналы влияния на деревенское общество. Учитель являлся проводником новой социалистической культуры и мировоззрения в селе, ставленником советского государства, которое выучило его на государственные деньги и содержало на государственное жалованье. Ему отводилась роль транслятора нового мировоззрения в сельское общество. Поэтому учителям не только давали образование, но и прививали понятия о социалистических ценностях и установках, в том числе путем разработанных инструкций и внедряемых образов. Бывшая учительница с. Тогул С. И. Шабалина (1922 г. р.), начавшая работать в школе перед войной, так отразила положение учителя в сельском обществе: «В журнале «Начальная школа» критиковали учительницу за то, что она купила брошь — божью коровку. У меня девочка была, у ней зимой не в чем ходить. Ее мать в байковом одеяле приносила. Питались больше картошкой... Учитель был всем на селе... Мы вели агитационную работу. Сколь общественных работ? Займы, подарки на фронт собирали... Было запрещено, чтобы ученики дарили подарки. Один раз в 7-й класс принесли букет цветов, а в нем шелковый платок».

У колхозников формировалась тяга к «государственной службе» и к образованию как пути «выбиться в люди». Так, мать А. Ф. Абрамович, колхозница, дала образование дочери через бухгалтерские курсы и посоветовала ей ехать в совхоз, где ее должны были обеспечить квартирой и выдавать за-

рабочую плату деньгами: «Потом в Шумиху позвали. Бухгалтером работать. Мама мне сказала: „Езжай! Работай! Квартира там обеспечена будет“. И мы уехали [из колхоза в с. Улусово]... Пшеницу, сено, дрова совхоз привез: пожалуйте, держи хозяйство».

По этим же причинам из общей массы колхозного общества выделялись фельдшера, агрономы, даже продавцы. Последние при советской торговой системе, построенной на распределительном принципе, были особенно уважаемыми людьми. Про них в деревне ходило много нелицезнующих слухов, их недолюбливали, завидовали, но предпочитали дружить с ними, так как все дефицитные товары, в число которых входили и предметы первой необходимости (ситец, тушенка, чай, сгущенное молоко, конфеты и т. п.), как правило, не доходили до прилавка, а распределялись по родственникам и знакомым. Как сказал один респондент, «мы по соседству жили с продавцом магазина, друг другу помогали» [М. А. Гудкова, 1930 г. р.].

Положение служащих и работающих на государственных предприятиях в колхозной деревне отличалось получением «живых» денег, но, по устным свидетельствам очевидцев, их ограничивали в количестве приусадебной земли. Колхозникам она была нужна, так как при отсутствии денег и гарантированной оплаты труда подсобное хозяйство являлось важнейшим средством существования. Даже рабочих МТС ограничивали в наделении землей. В. Г. Апарин (1930 г. р.), работавший в Старотогульской МТС, сравнивая свое положение с положением колхозников и отмечая, что у рабочих МТС было больше возможности заработать деньги и им давали больше хлеба, чем колхозникам, высказал обиду, что им урезали огороды: «Деньги платили... Хлеб давали... Питались по 200 г на карточку [в колхозе по 100 г на трудодень]... Работников МТС прижимали. У колхозников огороды и до 50 соток, а нам по 15–20 соток. Они с огородов жили...» Муж С. И. Шабалиной также работал в МТС и получал хлеба больше, чем колхозники: «Муж работал в тракторном отряде учетчиком. Им давали 300 г хлеба. Хлеб серый, с примесью, даже с сорняком — кырлык». Об этом же рассказывал Б. С. Иванов (1931 г. р., Тогул): «В войну у госслужащих было 15 соток, а у колхозников — до 50 соток. Но им давали большую часть земли за селом, и там садили картошку [которая и спасла сельчан в войну]. Загораживали заборы колючим боярышником, чтобы скот и дети не лазили: копали канавку, сверху закладывали боярышником, стволами в огород, колючками наружу. Но мы все равно лазили за мерзлой картошкой. А мы старались, у себя все постройки плотно делали, чтобы землю освободить. Зато нам давали карточки на работника и на иждивенца, а колхозникам только трудодни — по 50 г хлеба за трудодень. Они жили только огородами и подсобным хозяйством. А мне, как иждивенцу, и маме, она работала в ОРСе [организация, снабжавшая леспромхозы продуктами] давали по 250 г хлеба».

Образование совхозов после слияния колхозов изменяло положение рядовых сельчан. В определенной степени значительную роль в материальном улучшении жизни колхозников сыграла советская политика по поддержке двух производительных классов — рабочих и крестьян. В советском рабоче-крестьянском государстве стандартной являлась ситуация, когда в городе рабочий завода получал больше инженера, а в деревне передовая доярка — больше директора совхоза. Рассказчики хорошо помнят, что раньше «тракторист мог заработать больше, чем председатель... Совхозы были богатые» (М. П. Ащеулов, Тогул). Первоочередность для рядовых работников устанавливалась и в распределении путевок на санаторно-курортное лечение, существовали разрядки и на вступление в партию. Обо всем этом рассказывается в семейных историях.

Результатом такой политики стало то, что административная элита совхозного сектора в 1920–1950-е г. материально мало отличалась от остальных жителей деревни, не говоря уже о колхозной администрации. Директора совхозов, агрономы, зоотехники, ветеринары входили в группу «специалистов», которых на этапе формирования (1920–1940-е гг.) системы отраслевого совхозного сектора (зерносовхозы, льносовхозы, племсовхозы и т. д.) особенно тщательно отбирали из числа политических активистов — большевиков, бывших партизан, фронтовиков и т. д. Их отношение к труду стимулировалось государством с помощью моральных факторов и партийной дисциплины. Это была особая социальная страта убежденных и искренних строителей коммунизма с высоким чувством долга и ответственности, преданных социалистическим идеям. Об одном из таких советских управленцев, своем отце К. А. Зенкове, георгиевском кавалере, а затем алтайском партизане, попавшем в дивизию Третьяка и вступившем в 1920-е гг. в партию большевиков, рассказал его сын М. К. Зенков.: «Отец мой в 1930-е гг. окончил барнаульскую партшколу. Он был большевик. В 1928–1929 гг. его отправили в Ельцовку. Он был инструктором райкома партии. *Он выполнял директивы:* как идет уборка урожая. Была идеология партии и ее распространение, отдел пропаганды. Они ездили по деревням, агитаторы были во время кампаний, а этот инструктором. После Ельцовки он был директором МТС. В 1933–1935 гг. построил мастерскую, гараж, получили трактора, обучили трактористов. После перешел в систему „Сибленкооптрест“. В него входили алтайские заводы... потом он был директором... После Быстрянки его призвали в армию... его взяли в 1936 г. и 6 месяцев обучали в Новокузнецке, а позже его отправили в Райсовета-виахим, он проходил сборы, он там работал. Назначили в Алтайский район на сырзавод. 24 июня 1941 г. его забрали в армию. Он был на востоке... в учебном батальоне комиссаром... обучал кадры для фронта... И семья моталась за ним».

Таким образом, государство создавало мобильные группы советских управленцев, используя их на важнейших участках государственной, политической, экономической, общественной жизни. Они являлись опорой советской власти. В частности, К. А. Зенков участвовал в самых масштабных социалистических преобразованиях молодой советской власти – формировании системы отраслевых совхозов, строительстве МТС, маслосырзаводов и т. д. Условия повседневной жизни семей управленцев в 1930–1950-е гг. имели некоторые отличия, выделявшие их из основной массы рядового сельского населения. М. К. Зенков говорил: «Отличались не сильно от других. Так как моя мама была мастерица, *в холщовых штанах не ходил... Отец получал зарплату* большую... и 300, и 400 руб. Мама не работала». Лишь в 1960–1980-е гг. советская сельская номенклатура в условиях сформировавшейся распределительной системы оторвалась от рядовых сельчан и стала более материально обеспеченной, получая вне очереди книги, автомобили, мебель и т. п.

Но особый диссонанс в сельское общество, где все знали друг друга, в рассматриваемый период внесла репрессивная политика советского государства. Самое бесправное и униженное положение в советской деревне в этот период было у тех сельчан, чьи отцы или матери были репрессированы. Устные свидетельства показывают, что репрессии 1930-х гг. внесли раскол в социальную инфраструктуру. Об этом говорят жены и дети раскулаченных, репрессированных, депортированных. А. Ф. Данилова (1930 г. р., Тогул) вспоминает: «В 37-м году отца забрали, отправили в Магадан, 15 лет лишения свободы, 5 лет лишения голоса, без переписки, через 10 лет прислал письмо: „Жив. Здоров“. В 53-м году он вернулся... *Нас преследовали по деревне*. Мы учились в школе, выйдешь на перерыв, дразнили: „Кулачка! Кулачка!“ Дети кулака. Ради деда [благодаря ему] мы выжили. Дед [имел три сына] поедет, нарубит, на корове подвезет – забирают его вместе с коровой и отбирают всё. *Одно объяснение – „враг народа“*. Долго преследовали... Уже во время войны у деда два сына ушли на фронт... Написали в Москву. Прислали ответ, что, дескать, он отец двух сыновей на фронте. Его не стали преследовать... Но все равно!»

Их социальную приниженность и ухудшение материального положения усугубляли в годы войны обязательные для семей, не имевших родственников на фронте, выплаты государству налогов молоком, яйцами, шкурами. Если семьям, в которых отцы, мужья, сыновья воевали, налог отменяли, то для семей, также оставшихся без мужчин в период раскулачивания или репрессий, этот фактор не учитывали. Так, матери А. Ф. Даниловой, несмотря на то, что ее муж был репрессирован, приходилось выплачивать весь объем. А. Ф. Данилова считает, что это было своего рода продолжение наказания за отца. Об этом говорят ее фразы «присудили [налог]», «придумали [на-

лог]: «Со школы придешь, корову подоишь. 240 л надо было сдать при жирности 4,4%. Если жирность маленькая — несешь и несешь... сдаем и сдаем... Мясо сдать — обязательно, даже если скотину не держишь, Яйца сдай, хоть и кур нету... *Присудили по 100 яиц...* Покупали у соседей и сдавали. *Приду-мали*, чтобы шкуру сдать! Тоже было! *Штраф платить, если не сдашь*».

Для А. А. Братенковой (1924 г. р., Тогул) арест отца и его осуждение как «активного участника контрреволюционной повстанческой организации» (из архивной справки краевого управления КГБ, выданной дочери) привел, по ее словам, к «раздавленной и уничтоженной жизни моего отца, жизни моей матери и моей — 13-летней девчонки». Ее отец был продавцом в с. Бураново: «Там было три колхоза — Калинина, „Красное поле“, „25 января“. Отец в колхозе не был. Не пил, не курил. Его вызвали в Тогул, больше не вернулся. Никто ничего не объяснял. Прокурор говорил: „Был бы человек, а статью найдем!“ Догадывались...» Отца забрали 16 февраля 1938 г. И, по ее словам, «еще 10–12 человек набрали, и под конвоем пешком до Бийска шли. Бурановский мужчина видел их. Мама пошла в Антипино и заблудилась... Отец заставлял мать в колхоз идти. Она не пошла. В столовую устроилась... Но *жена врага народа*. Маму по-первости уволили из столовой. Потом в больнице стала работать... купили домик в Тогуле, но заведующий районо И. В. Карасев нас с мамой выгнал и выкинул наши пожитки ночью в грязь. Двоюродная сестра работала в райкоме партии. Они к нам не ходили. А мы ходили. Поздновато, они сказали, что мы нахальные. Им запрещали с такими семьями, как наша, связь иметь. В 1940 г. я уже работала в 42-й трудармии, в шахте в Киселевске. С 3 июля 1943-го по 28 ноября 1945-го служила... *Это не пошло мне плюсом...* Унижения продолжались до реорганизации района. Не доверяли. После войны устроилась кассиром в Госбанк. В. М. Сергеев, зав. сберкассой, мне сказал: „Я тебе не доверяю. Не уволишься — в трудовой книжке напишу так, что тебя никто, нигде и никогда не примет“. Из банка меня взяли в леспромхоз кассиром. А он опять давай сюда ходить. Он комсомолец был, из Ленинграда. А главбух сказал ему: „Не ходи больше сюда“... Раз зашла в райком партии, а А. Н. Стариков мне сказал: „Ты, дочь врага народа, еще смеешь переступать порог райкома партии? Вон из здания!“ Я только успела спросить: „Я-то чем провинилась?“ Во всех газетах пишут, что самое дорогое у человека — жизнь, а она ни черта не стоит».

В заключение отметим, что в статье затронут лишь ряд проблем социальной истории советского общества. Относительно 1930–1950-х гг., как переходного периода от доколхозной к советской деревне (1960–1980-е гг.), времени интенсивной социалистической модернизации можно сказать, что социальная структура сельского общества представляла собой сложное, динамичное явление. Советские политические и социально-экономические эксперименты проводились в ускоренном жестком режиме. Следстви-

ем этого являлась социальная дифференциация. Социальная дистанция влияла на взаимоотношения в производстве, быту, жизни. В силу разных причин отечественная историческая наука лишь начала серьезные исследования социального развития советского общества. Его осмысление требует привлечения новых методов и источников.

Литература и источники

1. Урсу Д. П. Устная история в современном мире // Проблемы устной истории в СССР: Материалы 2-й науч. конф. в г. Кирове. 14–15 мая 1991 г. Киров, 1991.
2. Соколов А. К. Направления источникового синтеза // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учеб. / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, В. В. Борисова и др. / Под ред. А. К. Соколова. М.: Высш. шк., 2004. С. 677.
3. Соколов А. К. Направления источникового синтеза // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учеб. / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, В. В. Борисова и др. / Под ред. А. К. Соколова. М.: Высш. шк., 2004. С. 676.
4. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к рущеву. Середина 1940-х – начало 1960-х годов. М., 1992. С. 7.
5. **Шуламит Рейнхарц.** Феминистская устная история // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика: Сб. ст. Бишкек, 2001. С. 45.

И. Л. Щербакова

Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников

Воспоминаний бывших узников сталинских лагерей долгое время были фактически единственным источником наших знаний о репрессиях, о том, что происходило в тюрьмах и лагерях. Никто не мог надеяться, что гулаговские архивы когда-либо откроются и, главное, что они вообще сохранились. Не случайно в предисловии к подготовленному историками-диссидентами в 1975 г. самиздатовскому сборнику «Память» говорилось: «Говорят, архивы ВЧК–ГПУ–НКВД – учреждений, державших руку на пульсе советской истории, – вылетели дымом в лубянские трубы в октябре 1941 г.; архивы МГБ–МВД, как считают некоторые, тоже горели – в 1953 году... Однако главные наши исторические тайны – особого рода. В эти тайны посвящены миллионы людей. Можно тайно подготовить 1937-й год, но осуществить его тайно представляется затруднительным. Миллионы свидетелей, и многие из них еще живы. Ни один историк никогда не располагал таким обильным материалом» [1].

Лагерная мемуаристика создавалась в течение нескольких десятилетий в менявшихся политических и общественных условиях, и это, вне всякого сомнения, наложило отпечаток на то, что, как и под каким углом зрения вспомнилось. Как очень верно замечает в своей книге (*I sommersi e i salvati*) Primo Levi, человеческая память не высечена из камня, она не только

ослабевает с годами, но часто воспоминания изменяются или даже, наоборот, становятся обширнее, поскольку впитывают в себя чужие элементы. Примо Леви называет и механизмы, которые при определенных обстоятельствах искажающе воздействуют на память: это психологические травмы, влияние других «конкурирующих» воспоминаний, репрессии, вытеснения»¹. Ведь сам процесс воспоминания — это отнюдь не фотографическое воспроизведение прошлого. Поэтому очень важна датировка мемуаров, важна как воспоминание и о том времени, когда эти воспоминания писались. Все это, несомненно, надо учитывать при анализе мемуаристики ГУЛАГа.

Сложность задачи состоит, однако, в том, что сегодня бывает порой достаточно трудно определить даты написания тех или иных мемуарных текстов. И объясняется это целым рядом причин. Во-первых, мемуары, особенно если они не предназначались автором для печати в сколько-нибудь обозримое время, писались, как правило, в течение нескольких, иногда даже многих лет. Те воспоминания, которые теперь опубликованы или хранятся в неопубликованной форме в государственных архивах или, например, в архиве общества «Мемориал», отнюдь не всегда датированы. Очень часто на рукописи стоят просто даты, например 1968–1988 (что, кстати, вполне может соответствовать действительности, жаль только, что автор, как правило, не отмечает, когда были написаны отдельные куски.)

Дата, особенно если мемуары были начаты еще до смерти Сталина, часто не ставилась по цензурным соображениям. И если в конце 1940-х — начале 1950-х гг. у ряда лиц (это, как правило, были известные представители интеллигенции, осколки уцелевшей культурной российской элиты) и возникла потребность все же сесть за воспоминания, они избегали описывать тюрьмы или лагеря. Их тюремный или лагерный опыт был лишь частью долгой жизни. Как правило, это были люди, познакомившиеся с советской пенитенциарной системой еще в 1920-е гг., и если потом им все же удавалось вырваться из шестеренок репрессивной машины и даже сделать карьеру в области науки или культуры, они скрывали эти страницы своего прошлого. Конечно, это объяснялось страхом, который владел людьми, чудом уцелевшими в массовых репрессиях 1937–1938 гг. Ведь делать такого рода автобиографические записи было чрезвычайно опасно, аресты всегда сопровождались обысками и изъятием бумаг. Не только воспоминания и дневники — обычные записные или телефонные книжки или даже простая запись в календаре могли превратиться в тяжелую улику во время следствия (об этом есть много свидетельств).

Кроме того, сохранить какие бы то ни было записи в тайне от чужих глаз в советском барачно-коммунальном быте было чрезвычайно трудно.

---

¹ Цитируется по [2, р. 19].

Большинство советских городских жителей не имело не только чердаков и подвалов, но очень часто — даже собственного угла, особенно те, кто освободился из тюрьмы или из лагеря и постоянно ожидал нового ареста. Какое-либо жилье, комнаты или даже квартиры бывшие узники ГУЛАГа начали получать уже в хрущевскую эпоху. Выходит, что период, когда можно было сесть за воспоминания без особенного страха и в относительно нормальных бытовых условиях, был достаточно коротким. (В брежневскую эпоху страх, что такого рода воспоминания могут причинить вред их автору или кому-либо из его близких, снова усилился.) До перестройки, которая наступила чуть ли не через сорок лет, дожили очень немногие.

Именно этим и объясняется тот факт, что по сравнению с объемом репрессий и даже процентом выживших, количество воспоминаний о ГУЛАГе сравнительно невелико. Если суммировать и то, что опубликовано, и то, что хранится в государственных архивах и в архиве общества «Мемориал», получится, вероятно, не более 2–3 тысяч текстов. Тем не менее можно, хотя и достаточно схематично, обозначить периодизацию лагерной мемуаристики в сталинскую и послесталинскую эпоху.

В период 1920–1940-х гг. появляется лишь очень небольшое количество письменных свидетельств, в которых очевидцы рассказывают о советских тюрьмах и лагерях. Публикуются они, если вообще публикуются, только на Западе. Главным образом это истории тех, кому после недолгого знакомства с советской пенитенциарной системой удалось уехать из СССР¹.

После пакта Гитлера—Сталина, за которым последовала передача в 1939–1940 гг. органами НКВД прямо в руки гестапо немецких эмигрантов, арестованных в СССР, число лиц с гулаговским прошлым за границей выросло. (Уже в послевоенное время появляются книги людей с такой судьбой, самые известные из которых — воспоминания немецкой коммунистки Маргарете Бубер-Нейман и ученого-физика Александра Вейсберг-Цибульского [4].)

Во время Второй мировой войны на Западе оказывается много прошедших через советские тюрьмы и лагеря — и среди военнопленных, и среди тех, кто был вывезен в Германию с оккупированных советских территорий. Эти люди, однако, на долгие годы оказались на Западе в положении маргиналов, им было не до воспоминаний, надо было устраивать свою жизнь. Но даже когда публикации очевидцев, рассказывавшие о репрессиях, приобре-

---

¹ Иногда написанные этими людьми книги служили для активной агитации против СССР, например, вышедшая в нацистской Германии накануне войны миллионными тиражами книга Карла Альбрехта «Преданный социализм», в которой автор, бывший немецкий коммунист, рассказывает о своей карьере в СССР, аресте и пребывании в советской тюрьме. См. [3].

тали некоторую известность, как это произошло с книгой оставшегося в Америке во время войны советского функционера Виктора Кравченко, их авторы становились мишенью для резких нападок со стороны левых прокоммунистических сил, а широкая общественность этой темой не слишком интересовалась [5]). Можно сказать, как верно замечает Солженицын [6, с. 351], что эти несколько десятков книг о сталинских лагерях и на Западе имели очень малый резонанс, а уж внутри России и вовсе не могли быть никому известны.

Широкий интерес к теме репрессий и в России и на Западе, по сути, возникает с середины 1950-х гг. Первый период можно отсчитывать примерно от XX съезда КПСС (1956) до XXII съезда (1961) и выноса тела Сталина из Мавзолея. Конечно, среди бывших узников сталинских лагерей были и такие, кто начал делать записи еще до XX съезда, тем не менее прежде всего критика Хрущевым Сталина и начавшаяся массовая реабилитация явились для большинства из них мощным стимулом к тому, чтобы сесть за воспоминания. Для мемуаров, написанных или начатых в те годы, существенно то, что бывшие заключенные сталинских лагерей начали описывать пережитое прежде всего не в надежде когда-либо напечататься, а стремясь наконец излить на бумагу то, что многие годы мучительно сидело в памяти.

Многие авторы воспоминаний, написанных в этот период, подчеркивают, что для них способом выживания в ГУЛАГе было не вытеснение из памяти тех кошмаров, которым они были свидетелями, а, наоборот, желание все запомнить, чтобы потом рассказать. Так формулирует этот внутренний посыл Евгения Гинзбург: «...Запомнить, чтобы потом написать! — было основной целью моей жизни в течение всех восемнадцати лет. Сбор материала для этой книги начался с того самого момента, когда я впервые переступила порог подвала в Казанской внутренней тюрьме НКВД. У меня не было за все эти годы возможности записать что-нибудь, сделать какие-нибудь заготовки для будущей книги. Все, что написано, написано только по памяти» [7, с. 592–593].

В унисон со словами Евгении Гинзбург звучат строки из автобиографической книги другой узницы ГУЛАГа — Нины Гаген-Торн, ученого-этнографа: «Память объективно и точно передает совершившееся. Прошу верить: я веду записи как исторический документ для будущих поколений, в них нет ни прикрас, ни искажений. Это не агитка, не беллетристика, это запись о пережитом, это попытка наблюдателя точно фиксировать виденное. Так, как привыкли мы, этнографы, во время полевых работ» [8].

Конечно, претензия на то, что в воспоминаниях нет искажений, кажется несколько наивной, тем не менее такой посыл и такая мотивировка и в самом деле способствовали и остроте воспоминаний, и их достоверности. (Уже спустя много лет после смерти Евгении Гинзбург было опубликовано

ее следственное дело. И оказалось, что даже вопросы, которые задавал ей следователи, и ее ответы, и ход следствия она и в самом деле запомнила просто с поразительной степенью точности.) Но для мемуаров этого периода характерно и другое, то, что иногда негативно влияло на их достоверность. Дело в том, что толчком к воспоминаниям для многих бывших узников ГУЛАГа явились подаваемые ими в то время в разные партийные, государственные и судебные органы заявления с просьбой о реабилитации, в которых излагалась биография и объяснялись обстоятельства ареста. Совершенно естественно, что автор такого заявления прежде всего доказывал, что никогда не был врагом народа. Пафос воспоминаний того раннего периода сродни заявлениям о реабилитации: мемуарист тоже настаивает на том, что всегда был предан партии, что был верным ленинцем, никогда не был врагом народа. Писали в духе концепции XX съезда партии: виноват Сталин, НКВД, но не партия и уж, конечно, не система и не коммунистическая идеология¹. Это сужало кругозор автора; он, естественно, отметал все, что нарушало этот пафос.

Можно сказать, что некий новый этап в лагерной мемуаристике начинается с публикации в 1962 г. в журнале «Новый мир» «Одного дня Ивана Денисовича» А. И. Солженицына. Невероятный успех этого рассказа дал многим толчок либо начать воспоминания о лагере, либо, завершив их, отправить в редакции. Несомненно, на короткий период лагерная тема перестала быть такой запретной, какой она оставалась до этой публикации. «Москва была завалена рукописями мемуаров, рассказов, пьес на тему о репрессиях, о годах сталинщины» [10, с. 3], — писал поэт Наум Коржавин, сам в это время уже вернувшийся в Москву из ссылки.

Надо учитывать еще одну особенность того времени: среди читателей первыми широко распространялись не столько мемуары о ГУЛАГе, сколько художественные произведения, например стихи Варлама Шаламова, ходившие по рукам в рукописных текстах еще в первой половине 1950-х гг., повести Лидии Чуковской и др. И «Один день Ивана Денисовича» Солженицына — рассказ, а не воспоминания автора. Это не случайно, поскольку первыми переплавили свой лагерный опыт в художественную форму именно художники, оказавшиеся по ту сторону колючей проволоки.

Однако не пройдет и двух лет, как с падением Хрущева лагерная тема снова станет закрытой и надежды авторов гулаговских воспоминаний на

---

¹ Для авторов, выходцев из партийной среды, такая концепция была характерна и в более позднее время. Таковы в значительной степени воспоминания Анны Лариной-Бухариной, вдовы Николая Бухарина, написанные ею, или, вернее, законченные, уже в конце 1980-х гг., в которых очень силен реабилитационный пафос — прежде всего оправдания Бухарина, который и в самом деле был реабилитирован уже в горбачевскую эпоху. См. [9].

возможную публикацию растают. Но в советском обществе по-прежнему живет острый интерес к теме репрессий, и для многих это является стимулом все-таки продолжать записи, даже без расчета когда-либо напечататься. Об этом почти десятилетнем периоде можно сказать, что он был самым плодотворным для гулаговской мемуаристики. Тогда те, кто был репрессирован в 1920–1930-е гг., еще хорошо помнили события, имена, даты тридцатилетней давности, поэтому воспоминания того времени являются очень хорошим фактографическим источником.

Можно (конечно, также с большой долей схематизма) все-таки считать неким рубежом для начала следующего этапа публикацию «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына в 1972 г. Текст книги быстро распространился в самиздате и вызвал сильную и достаточно противоречивую реакцию у репрессированных. Бывшие лагерники сверяли текст Солженицына с собственным опытом, и это также побуждало некоторых к тому, чтобы начать или продолжить воспоминания, полемизируя или соглашаясь с автором «Архипелага».

В 1970-е гг. гулаговская тема прочно поселяется в самиздате, из рук в руки передаются машинописные копии или опубликованные за границей книги Евгении Гинзбург, Ольги Адамовой-Слиозберг, Евгения Гнедина, рассказы Варлама Шаламова и др. Одновременно начинается потаенное гулаговедение: диссиденты-историки занимаются сбором лагерных воспоминаний, как бы в продолжение начатой Солженицыным работы для его «Архипелага ГУЛАГ». Собранное публикуется в самиздатовском сборнике «Память». По мере развития общественной мысли в 1970-е гг. меняется и тон мемуаристики. Исчезает характерное для воспоминаний бывших партийцев 1950–1960-х гг. противопоставление «хорошего» Ленина «плохому» Сталину, большее внимание уделяется лагерному быту, деталям повседневной жизни, перенесенным страданиям, анализу собственных переживаний. Исчезает из воспоминаний пафос самооправдания, бывшие узники ГУЛАГа все меньше стремятся доказать, что всегда были верными партийцами и стали просто жертвой доноса.

В 1970-е гг. пишут главным образом для того, чтобы оставить память о себе и о своем прошлом, пишут для близких, для детей, для внуков. К этому располагает относительная стабильность жизни, возможность для репрессированных иметь собственное жилье и держать рукопись дома, не опасаясь, что придут с обыском.

Совершенно новая эпоха наступает во время горбачевской перестройки. Тут можно, пожалуй, выделить три характерных периода. Период 1987–1991 гг. знаменуется тем, что в обществе впервые с хрущевских времен вспыхивает острый интерес к теме репрессий, к ГУЛАГУ. Эта тема перестает быть запретной, о ней постоянно пишут средства массовой информации, в

которых печатаются и беседы с бывшими узниками, и фрагменты воспоминаний. Постепенно начинается публикация лагерных мемуаров, никогда прежде не печатавшихся или печатавшихся только на Западе. Бывшие заключенные теперь не боятся упоминать о своем прошлом, наоборот, оно становится предметом общественного внимания, впервые лагерная биография бывшего узника обретает реальную социальную значимость. Память о лагерном прошлом становится ценным достоянием. Тем более, что на тот момент память людей, прошедших ГУЛАГ, — для общества единственный источник исторической правды о репрессиях, поскольку архивные документы еще недоступны.

Оказывается, что в стране есть много известных людей, прежде умалчивавших о том, что были когда-то репрессированы, или, во всяком случае, не афишировавших свое лагерное прошлое. Теперь и они садятся за воспоминания или публикуют написанное ранее. Это известные в России ученые, актеры, писатели (Дмитрий Лихачев, Лев Разгон, Алексей Каплер, Георгий Жженов и др.). Дописывают и дорабатывают мемуары те, кто дожил до этого времени. Несут в издательства рукописи умерших их близкие. Общество и средства массовой информации охвачены в тот момент своего рода эйфорией стремления к исторической правде. Слишком долго идеологическая плотина искусственно задерживала ее поток. То, что хлынуло в этот момент, было порой неустоявшимся, непроверенным, поспешным и недифференцированным. Возникла некая новая мифология, правда, теперь уже с обратным знаком, назывались совершенно фантастические цифры жертв, не подкрепленные никакими источниками. Биографии и воспоминания бывших узников сталинских лагерей воспринимались некритически, и многое бралось легковверными и неинформированными журналистами, хватавшимися за эту чрезвычайно модную в то время тему, просто на веру. (Этому способствовало и то, что архивы и фонды, где хранились материалы о политических репрессиях, оставались закрытыми.) Возникла романтизация бывших лагерников (как это отчасти было и в годы хрущевской оттепели). Появилась даже некая тенденция, вероятно, связанная с комплексом вины за то, что память о прошлом этих людей так долго замалчивалась, считать, что если человек стал жертвой политических репрессий — это как бы априори значит, что это хороший человек. («Отзеркаливалась» столь характерная для 1960–1970-х гг. ситуация с ветеранами Великой Отечественной войны.) Характерна, например, такая цитата из предисловия к книге Камилла Икрамова, сына расстрелянного видного партийного деятеля, который сам провел 12 лет в лагерях: «Камилл Икрамов пишет, что почти не встречал среди детей репрессированных подонков, деляг, карьеристов. Опыт страданий, искажив их жизнь, не сломал их внутренне. Верность отцам перенеслась потом на верность близким, друзьям, людям. Она стала

коренной чертой целого поколения» [11, с. 4]. Конечно, в такой атмосфере критический и исследовательский подход и к лагерной мемуаристике, и к проблемам памяти о ГУЛАГе был едва ли возможен. К сожалению, на этом фоне происходила и девальвация этой памяти.

В 1992–1995 гг. интерес к теме репрессий заметно падает. Столько напечатали и узнали страшного и абсурдного, что сначала возникло изумление от того, какое количество ужаса в нашем прошлом, а потом эти чувства притупились и постепенно появилось равнодушие.

Серьезного и глубокого анализа проблем, связанных с нашей памятью, с воспоминаниями о репрессиях, не было. Слово какой-то страх мешал подойти к этим текстам с критической оценкой, с попыткой профессионального разбора. Мешало чувство, что замечания, высказываемые в адрес авторов, могут быть восприняты как нападки на тех, чья судьба была столь тяжелой. Как-то сами собой возникли табу для тех, кто сам не имел тюремно-лагерного опыта, говорить о лагерных воспоминаниях. А ведь путь многих бывших узников был столь же извилистым и сложным, как и рассказ о нем.

Фактически отсутствие новых по-настоящему ярких, талантливых мемуарных текстов понижает интерес издательств к этой теме, большинство из них попадает в этот момент в тяжелую экономическую ситуацию и, чтобы выжить, публикует совсем другие книги, рассчитанные на финансовый успех. Основные же читатели воспоминаний о ГУЛАГе, представители российской интеллигенции, оказываются жертвами так называемой экономики переходного периода и заняты собственным выживанием. Постепенное открытие секретных документов, связанных с репрессиями, начавшаяся активная публикации архивных источников также несколько понижают интерес к лагерной мемуаристике. Именно на архивах сконцентрировано в эти годы внимание российских и зарубежных историков, именно оттуда ждут и теперь и получают исторические сенсации.

В последние годы (1996–2001) ситуация стабилизируется. Интерес к лагерной тематике становится менее политически окрашенным, менее лихорадочным и спекулятивным, менее конъюнктурным по сравнению с периодом начала перестройки. Мемуары продолжают публиковаться, хоть и сравнительно небольшими теперь тиражами. Такого рода литературу регулярно издает издательство общества «Мемориал» «Звенья», объединение «Возвращение»; лагерные мемуары печатают и провинциальные издательства. Становится возможной публикация таких мемуаров, которые прежде были бы почти однозначно встречены с осуждением демократической общественностью (например, издательством «Звенья» — мемуаров жены одного из видных чекистов-палачей эпохи Ежова [12]). Появляются книги детей репрессированных, в которых воспоминания о родителях пе-

ремежаются или дополняются недавно полученными архивными документами¹.

Сама фигура бывшего узника сталинских лагерей лишается романтической окраски, более понятными на основании всего, что удалось за эти годы прочесть и узнать о ГУЛАГе, становятся слова Варлама Шаламова: «Человек, побывав в заключении, не становится лучше... Сталинская коса косила всех подряд, в лагерь была набита отнюдь не лучшая часть человечества, не худшая, но и не лучшая» [14, с. 64].

Справедливости ради надо отметить, что в последние годы в России снова усилился интерес к разного рода воспоминаниям, письмам, дневникам. Может быть, сыграло свою роль то, что на рубеже веков люди испытывают потребность подвести итог столетия, оценить его с точки зрения биографического опыта очевидцев тех или иных исторических событий. Однако лагерные мемуары по-прежнему не занимают первых мест на шкале читательских интересов.

Авторы воспоминаний о ГУЛАГе – кто они?

Авторы гулаговских мемуаров, к сожалению, весьма однородны по своему социальному составу. Воспоминаний, написанных выходцами из дворянской среды или дореволюционной культурной элиты, такими как Олег Волков, Татьяна Аксакова, Дмитрий Лихачев, Николай Анциферов, сравнительно немного. Возможно, одна из причин в том, что многие из людей этого слоя просто погибли в гражданской войне, оказались в эмиграции и потом долгие годы прятались, поскольку травма страха, боязни быть подвергнутым репрессиям только за свое «социально чуждое» происхождение оказалась, вероятно, очень сильной.

Почти нет или чрезвычайно мало воспоминаний представителей другого социального слоя, составлявшего на самом деле основную массу репрессированных, – крестьян. Причина также очевидна: подавляющее их большинство не было людьми письменной культуры². (Это, кстати, совершенно не означает, что память о репрессиях, жертвами которых стали миллионы российских крестьян, исчезла с исчезновением их биологических носителей. То, что эта память слабо зафиксирована в письменной форме, не значит, что нет нарратива. Доказательством этому послужили, например многие сотни работ со всех концов России, пришедшие на исторический конкурс «Человек в истории. Россия, XX век», объявленного обществом «Мемо-

---

¹ Например, книга [13], в которой автор рассказывает историю ее репрессированного отца с привлечением его следственного дела.

² Один из немногих ярких крестьянских мемуаров – записки брата известного советского поэта Александра Твардовского Ивана Твардовского. См. [15].

риал», в которых уже правнуки репрессированных крестьян рассказывают истории своих прабабушек и прадедушек, которые, как выяснилось, жили в семейной памяти и передавались из уст в уста [15]. (Эту лакуну Солженицын, кстати, почувствовал очень рано. Недаром в «Одном дне Ивана Денисовича» он выбирает в качестве главного героя именно фигуру человека, который сам о себе никогда не напишет.)

Очень мало также воспоминаний людей, принадлежавших к оппозиционным партиям, — социал-демократов, эсеров, троцкистов. Это понятно: оппозиционеры начали свой путь по ссылкам, тюрьмам и лагерям, как правило, на 10–15 лет раньше жертв 1937 г. и потому имели гораздо меньше шансов выжить и дожить до времени, когда уже можно было заняться мемуарами (большинство троцкистов, уже сидевших в лагерях, было расстреляно в 1937–1938 гг.).

Почти полностью отсутствуют — во всяком случае, в письменной форме — воспоминания не жертв, а виновников сталинских преступлений: высших чинов НКВД, организовывавших репрессии, следователей, начальников лагерей, лагерного персонала. (За редким исключением тех из них, кто сам стал жертвой репрессий¹.) А ведь через эту систему прошли сотни тысяч людей. В 1939 г. весь личный состав органов НКВД в центре и на местах составлял 365 839 человек [17, с. 161]. Основной прирост численности осуществлялся за счет ГУЛАГа. Однако в 1930-е гг. кадры ГУЛАГа последовательно подвергались репрессиям. (Начиная с его руководителей, пятеро из которых, последовательно сменявшие друг друга в 1930-е гг., были расстреляны.) К тому же контингент работников НКВД в лагерях комплектовался часто из людей не просто жестоких, но еще и нечистоплотных, развращенных властью, обворовывавших заключенных. В связи с этим писать какие-либо воспоминания у этих лиц особой потребности не было. Но даже если они и были субъективно честными проводниками сталинских жестокостей, после XX съезда работа в ГУЛАГе или в следственных органах в сталинское время не вызвала в обществе уважения и сочувственного отношения.

Таким образом, получилось, что авторы мемуаров, особенно те, кто писал их в 1950–1960-е гг., — это в большой степени уцелевшие партийные и советские работники среднего звена или представители городской советской интеллигенции, арестованные, как правило, в период Большого террора (1937–1938 гг.). И хотя практически во всех гулаговских мемуарах есть рассказы о «простых» людях, о беспартийных, рабочих, колхозниках, которые служат доказательством того, что сталинский террор был направлен отнюдь не только против партийной элиты, но и против всего народа, все же общая картина ГУЛАГа, если обрисовывать ее только с помощью тех

---

¹ Эти данные приводятся в книге [16].

письменных мемуарных текстов, которые находятся в распоряжении историков, получается односторонней.

Если говорить и о других особенностях лагерной мемуаристики, то необходимо отметить, что среди ее авторов преобладают женщины, хотя число мужчин, находившихся в лагерях, значительно превышало число женщин. Причина очень проста: процент тех, кто выжил в лагере и дожил до того времени, когда смог сесть за мемуары, среди женщин выше, чем среди мужчин, в особенности в категории ЧСИР (членов семей изменников Родины). Женские мемуары отличаются, как правило, большей эмоциональностью, более скрупулезным описанием лагерного быта, большее значение придается семейным историям, описанию человеческих взаимоотношений. Женщины (особенно в более поздних мемуарах) более откровенны в описании насилия (в частности, во время следствия), сексуальных проблем и т. п.

Существует ли среди авторов мемуаров нечто вроде иерархии жертв? Иерархия того, чья судьба была тяжелее, кому труднее было выжить? Тут нет отчетливого деления (можно лишь выделить, как говорилось выше, фактически почти поголовно обреченных на смерть троцкистов). Основную роль для возможности выживания играли время и место заключения. «Я давно поняла, что при всей суровости нашего лагеря — особого, номерного, каторжного, режим в нем не шел ни в какое сравнение с тем, что пришлось пережить узникам Колымы в 37-м и других годах» [18, с. 140], — это говорится о лагерях Северного Казахстана начала 1950-х гг.

Пожалуй, есть только (и была в ГУЛАГе) некая конкуренция между теми, кто был арестован (за социальное происхождение или принадлежность к оппозиции) раньше так называемых жертв 37-го года, и этими последними, убежденными коммунистами и, как правило, сторонниками режима, которые до своей «посадки» громили и осуждали тех, с кем потом судьба столкнула их в лагере. И тут иногда может прозвучать и злорадство, и даже удовлетворение, как в воспоминаниях Олега Волкова, начавшего свой путь по лагерям в 1928-м, по отношению к жертвам 1937 г., в частности таким, как Евгения Гинзбург. «Большинство в партии — военные в комсоставовских длиннополых шинелях, без форменных пуговиц и знаков различия... Люди самые разные, но вид у всех растерянный: на лицах — обида и недоумение... У некоторых выражение, словно они не вполне осознают происходящее, надеются, что это им померещилось: они вот-вот очнутся и возвратятся к своим привычным делам — будут командовать воинскими частями, сидеть в штабах, руководить, приказывать, выполнять ответственные поручения за рубежом. Словом, снова вкусят сладости своего положения. Положения лиц, включенных в сословие советских руководителей...» [19, с. 247–248].

В подавляющем большинстве авторы воспоминаний (особенно неопубликованных, тех, например, что хранятся в архиве общества «Мемориал») — не литераторы, поэтому их тексты, как правило, и не предназначались для публикации. И форма, в которой написано большинство этих мемуаров, — документальный, достаточно безыскусный рассказ о том, что они пережили. Авторы редко придают им беллетризованную форму (и это, как правило, неудачный опыт, поскольку настоящего художественного текста у них не получается).

Что и как вспомнилось. Темы и сюжеты лагерных воспоминаний

Многие воспоминания, особенно написанные в 1950–1970-е гг., за исключением тех, что вырываются из общего контекста благодаря либо уникальности описываемой судьбы, либо талантливости автора, достаточно однотипны, хотя бы по модели описываемой мужской или женской лагерной судьбы (это особенно характерно для воспоминаний так называемых «жен врагов народа»). Порой, когда начинаешь читать тот или иной текст, уже можешь предугадать, исходя из биографии автора, что с ним произойдет дальше и когда на него обрушатся репрессии.

В сущности, за исключением особенно талантливых текстов, которых, естественно, чрезвычайно мало, многие лагерные воспоминания в силу своей однородности, с вариациями географического и временного характера, как бы сливаются в один гипертекст — с дополнениями, уточнениями, продолжениями, а и иногда с одними и теми же героями. При всей огромности ГУЛАГа — сидели вместе, пересекались знакомые и родственники, встречались друг с другом в тюрьмах, на пересылках, в лагерях: «И однажды я увидела его во дворе тюрьмы в узенькую щель окна, которое все было замазано белой краской. Я закричала: Ваня, я здесь! Ваня, я здесь! Я ударила кулаком по стеклу, поранила руку, зато он меня услышал. Но тут в камеру ворвался надзиратель, и только спину брата я еще успела разглядеть, потому что конвоиры, услышав мой крик, увели его с прогулки» [11, с. 108].

Сопоставлять такие встречи и пересечения чрезвычайно интересно, это захватывает, это почти как «Война и мир» Льва Толстого или «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Не случайно из воспоминаний в воспоминания переходят так называемые «бродячие сюжеты». Например, очень характерный для женских мемуаров эпизод есть у Евгении Гинзбург, когда она впервые после нескольких лет, проведенных в тюрьме, во время этапа видит себя в зеркале и узнает не себя, а свою мать. Такой же эпизод встречается и в воспоминаниях Ольги Адамовой-Слиозберг и во многих устных рассказах. Иногда можно услышать: это она у меня взяла, это я ей рассказала. А на самом деле все эти женщины просто пережили похожие вещи, это их

общая судьба. Так, часто из воспоминаний в воспоминания кочуют строчки стихов, написанных каким-либо лагерным поэтом, переносившиеся из лагеря в лагерь.

Итак, социальная однородность большинства авторов мемуаров позволяют нам увидеть ГУЛАГ, по сути, только глазами этих людей, а это, как мы хорошо знаем сегодня, далеко не весь ГУЛАГ. Но, с другой стороны, именно благодаря этой однородности, благодаря тому, что в воспоминаниях часто описывается один и тот же круг людей или одна и та же лагерная и тюремная обстановка, создается эффект проверяемости, когда один текст подтверждает или опровергает другой.

Однородность определяется еще тем, что это воспоминания выживших, то есть тех, кому повезло. В отличие от воспоминаний, например, жертв холокоста, в них нет или почти нет рефлексии по поводу собственного выживания на фоне гибели многих из тех, кто был рядом с ними (как это было иногда у тех, кто воевал и уцелел в Великой Отечественной войне). Особенно это характерно для лагерных мемуаров 1950–1960-х гг. Большинство бывших лагерников, описывая, как они выжили, почти не задаются вопросом о возможной цене выживания. Выжившие — это часто так называемые «придурки», то есть люди, которые смогли устроиться в силу своих связей или знаний на более легкую работу в лагере.

Глубина и значимость воспоминаний напрямую связана с тем, насколько их автор отдает себе отчет в том, что происходило в стране и как это повлияло на его собственную судьбу. Надо признать, что многих авторов отличает отсутствие такого рода рефлексии. Как правило, именно эта категория заключенных идентифицировала себя и в лагере, и в тюрьме с советской властью и с партией. В воспоминаниях Камилла Икрамова описывается разговор с подобным персонажем: «Я вас понимаю Камилл, но представьте себе такую ситуацию: американцы выбросили в район нашего лагеря десант. Они решили вооружить заключенных и повести против Советской власти. И вот с одной стороны — американцы, власовцы, бандеровцы, а с другой — вохра и наш подлый начальник режима. Ведь вы все равно должны быть с ним, ибо он за революцию!» [11, с. 108]. Конечно, в своих мемуарах такие люди не защищают Сталина и НКВД, но защищают Ленина, партию и коммунистические идеалы. И если речь идет о чувстве стыда, который испытывают некоторые зеки, это, может быть, стыд партийцев перед неграмотными деревенскими жителями, например, Западной Украины, так называемыми бандеровцами, или иностранцами, за то, что творится в «нашей советской тюрьме» и «нашем советском лагере».

В редких случаях звучит стыд людей образованных за ту жестокость и насилие, которые царят в их стране: «Не трудности испепеляли сердце, жгло чувство стыда за совершаемое... Как бы своей вины — национальной

советской — перед такими, как Альма, Гертруда, пани Пилипенко и ее Грицко, перед десятками карпатских крестьянок» [8, с. 144].

Гулаговские воспоминания можно условно разделить по психологической установке на несколько групп: безыскусный поток сознания, а мемуарист — жертва сталинского произвола, оставшийся верным ленинским идеалам. Или это способ самоутверждения: я выжил благодаря своим необыкновенным качествам и необыкновенной силе характера. Как правило, наиболее достоверные тексты — те, в которых позиция автора выражается так: я выжил потому, что мне повезло.

По сути, многие воспоминания и представляют собой подробный рассказ о том, как человеку удалось выжить в нечеловеческих условиях. Это, в конце концов, описание стратегии выживания. Эта стратегия разнообразна и зависит от того, в какую лагерную эпоху автор оказался за колючей проволокой, поскольку (как уже говорилось выше) лагеря конца 1930-х гг., особенно Колыма, — фактически лагеря, где шансы выжить минимальны, и это все-таки одно, а исправительно-трудовые лагеря в конце 1940-х — начале 1950-х гг. — несколько другое.

Очень интересен вопрос о времени и пространстве в мемуарах. Они никак не равнозначны жизненной реальности. Так, описание следствия, которое длилось недели или даже месяцы, порой занимает гораздо большее место в памяти бывшего узника, чем долгие годы, проведенные в лагере. Вероятно, первое стоило гораздо большего напряжения душевных сил, шоковое воздействие было более сильным, а месяцы и даже годы лагерной жизни сливались, монотонность тяжелого труда, голодной жизни превращали их в один бесконечный день (как это необыкновенно точно определи Солженицын, так и назвав свой рассказ), и выделялись лишь какие-то яркие эпизоды. «Отличие лагерного сознания от обыкновенного в том, что лагерник теряет ориентир во времени. Заключение в очень ограниченном пространстве, он и время воспринимает ограниченно — в отрезке дней. За ним следует неизвестность» [8, с. 242].

Один из наиболее важных аспектов — сравнивая разные мемуарные тексты и устные воспоминания, выяснить каковы механизмы вытеснения: шок от ареста без всякой вины, непонимание происходящего, ощущение абсурдности и ирреальности. Чрезвычайно травматично действовали на память и перенесенные физические пытки, например пытки бессонницей, одурманивающие сознание. Вот характерный пример такой лакуны в памяти. Раиса П. была угнана в Германию, а после войны осуждена за то, что там «изменила Родине». Она очень подробно описывала в своем устном рассказе тяжелое следствие, причем мучили ее бессонницей — по несколько суток не давали спать, но говорила, что все равно не подписала свое признание в измене. Она подчеркивала, что именно сознание того, что следователю не уда-

лось ее сломить, давало ей силы переносить лагерь. В начале 1990-х гг. ей удалось получить в архиве КГБ свое следственное дело. И она пришла в состояние шока: «Я несколько дней не могу прийти в себя, потому что я увидела в деле свою подпись» [21]. Конечно, тут мог быть подлог и обман следователя. Но, скорее всего, произошло другое: находясь в тяжелейшем состоянии, она все-таки подписала, но сознание всячески вытесняло это. Может быть, именно поэтому этот вопрос играл для нее такую большую роль, ведь очень многие спокойно рассказывали о том, что они все подписали, а она всегда подчеркивала, что она — нет, не подписала протоколы допросов.

Еще более травматично действовала на память ситуация, когда людям приходилось давать показания не только на себя, но и на других — близких, друзей, сослуживцев. Возникало чувство вины, и чтобы избавиться от него, включался механизм вытеснения.

Новые темы в лагерной мемуаристике и отчасти новый угол зрения возникают уже в новый период — в конце 1980-х гг., когда появляются воспоминания людей иного поколения, тех, кто был арестован уже в послевоенное время. В них гораздо меньшее место занимает тема прозрения, разочарования в Сталине. Эти люди менее слепы, менее идеологизированы, поэтому в их мемуарах гораздо больше бытовых историй, рассказов об отдельных эпизодах или сторонах лагерной жизни. В этих рассказах, в особенности, если речь идет о послевоенном времени, граница между лагерем и волей предстает гораздо более зыбкой, чем в воспоминаниях представителей партийной элиты 1930-х гг. Труд военного времени, разного рода трудмобилизации если и не были частью ГУЛАГа, то все же носили принудительный характер. Поэтому переход из так называемой свободы в лагерь был не столь разительным, как для многих из тех, кто был арестован в конце тридцатых и попал в тюрьму прямо из своего рабочего кабинета.

Чрезвычайно характерной для воспоминаний, появившихся уже в новое время, является книга Руфи Тамириной. Автор принадлежит фактически к последнему призыву узников ГУЛАГа, она была арестована в конце 1940-х гг. Характерно, что будучи литературным работником, она (и это тоже довольно типично для многих людей сходной с ней судьбы), садится за воспоминания так поздно. Более того, в своей книге она объясняет, почему это произошло. По сути автор (и это очень интересно для исследователя памяти и опыта ГУЛАГа) выдвигает две причины своего долгого молчания. Первая и, вероятно, самая важная — это долго сидевший в ней страх. Вторая — это декларируемая Тамириной необходимость забвения. В отличие от мотивировки Евгении Гинзбург — «выжить, чтобы рассказать о пережитом», ей для того, чтобы выжить, надо было забыть или вытеснить. Ее книга, написанная фактически уже в очень пожилом возрасте, когда ей было под семьдесят, свидетельствует о том, что она не писала прежде не из-за

того, что не могла вспомнить, а из-за того, что не хотела вспоминать всего тяжелого и страшного, что происходило с ней во время следствия и потом в лагере. И прежде всего потому, что ей было страшно.

Дело в том, что люди старшего поколения, фактически поколения ее родителей, репрессированные во время Большого террора, если им удавалось выжить и выйти на свободу, если и не доживали просто свою жизнь (например, у того же Олега Волкова она оказалась достаточно длинной и после лагеря), то, во всяком случае, понимали, что очень большой и значительный кусок этой жизни оказался в прошлом. А Руфь Тамирина и такие, как она, попавшие в ГУЛАГ молодыми, оказывались в ситуации, когда им нужно было очень быстро наверстывать потерянное время, начинать жить, выходить замуж, рожать детей, искать сколько-нибудь перспективную работу – словом, обустраиваться в жизни. Настаивать в какой бы то ни было форме на своем гулаговском прошлом даже в хрущевскую эпоху казалось им у опасным. Наоборот, нужно было освобождаться от прошлого. К тому же их не выпускали из поля зрения и органы безопасности. Не случайно предложения о «продолжении сотрудничества» поступали именно этим молодым и, так сказать, перспективным бывшим узникам.

Итак, с одной стороны – страх перед органами, которые и после освобождения и реабилитации не выпускали бывшего заключенного (как это было с Тамириной) из своей орбиты, с другой стороны, и в самом деле желание вытеснить страшное прошлое... Зато когда, уже совсем недавно, она освободилась наконец от этого страха, она подробно рассказывает о том, как шла с органами госбезопасности на контакт, как подписывала бумажки, которые от нее требовали подписать, и как, по сути, прикрылась своей беременностью, чтобы прервать эту мучительную для нее зависимость. (Такой откровенный рассказ об этих связях с органами безопасности характерен для воспоминаний, написанных уже в перестроечное и постперестроечное время).

Многие воспоминания последних лет, несмотря на декларируемые провалы в памяти носят гораздо более откровенный характер. И не только когда речь идет о связях с госбезопасностью, но, например, о сексуальных отношениях в лагере. (И в этом смысле воспоминания Тамириной, а которых она рассказывает о своих даже и случайных связях, написаны с такой степенью откровенности, которая прежде, еще 20–30 лет назад, когда создавалась основная масса гулаговских воспоминаний, была едва ли предствавима для людей, принадлежавших к довоенным советским поколениям.)

Стремление авторов воспоминаний, написанных в последние годы, быть, насколько это вообще возможно в воспоминаниях, достоверными, еще в какой-то мере продиктовано и тем, что они получили возможность

познакомиться со своими следственными делами и со следственными делами своих репрессированных родителей или родственников. «И вот я держу ее в руках. Эту тоненькую коричневую папочку. Ту самую. На ней еще остался бледный след от чернильницы, которую опрокинул, ударив кулаком по столу, мой следователь. Теперь я знаю, как его звали, — Лобанов была его фамилия. Сколько же прошло времени? Дай посчитаю: 52 года и 7 месяцев. Мог ли я думать тогда, когда Лобанов не спеша обминал эту новенькую коричневую папочку, что более чем через полвека я не только еще буду жив, но и с замирающим сердцем буду перебирать несколько бумаг, в ней находящихся» [22, с. 13]. Авторы сегодня написанных воспоминаний сознавали, что, во-первых, есть шанс, что эти дела могут увидеть и опубликовать и другие — во всяком случае, так казалось в начале перестройки. Во-вторых, открытость теперь гулаговской темы для публикаций дает возможность открыто сравнивать сведения, сообщаемые в разных мемуарах.

Другая, существенно более сложная тема — это тема сопротивления в ГУЛАГе. В ранних воспоминаниях, как уже говорилось, авторы стремились к тому, чтобы доказать свою невиновность (и таким образом, в конечном счете, преданность режиму) и поэтому совершенно естественно, что тема сопротивления почти не возникала. Да и сами эти люди «призыва» 1937–1938 гг. уже не были участниками лагерных восстаний послевоенной эпохи. Тем большим откровением явились страницы «Архипелага ГУЛАГ», посвященные этим восстаниям. Наоборот, в конце 1980-х в связи с усилением в обществе антикоммунистических настроений тема сопротивления сталинскому режиму явно начинает выходить на передний план и часто романтизироваться. (Впрочем, этой романтизации не избегает и Солженицын.)

Всякое выживание в нечеловеческих условиях лагеря — это уже сопротивление. В сущности, это внутренний стержень многих мемуаров — как я сумел выжить в лагере и в тюрьме. Однако, подогреваемая антитоталитарным пафосом периода гласности, в мемуарах, написанных в начале 1990-х гг., тема активного сопротивления режиму предстает иногда в героизированном и мифологизированном виде¹. Интересно, что в записках Тамариной, написанных совсем недавно, в конце 1990-х, автор уже пытается создать объективную и дифференцированную картину событий, в которых разобраться очень нелегко. Оправдываясь за написанную ею фразу: «Я чувствовала себя, как в оккупации» [18, с. 150] и подчеркивая дух национального единения и поддержки, царящий в разных национальных землячествах ГУЛАГа, она тем не менее замечает, что антисоветские настроения этих лю-

---

¹ В этой связи характерная история произошла с книгой [23], вызвавшей много возражений со стороны других участников этой молодежного кружка

дей иногда чем-то напоминали настроения периода немецкой оккупации. (Вероятно, имея в виду их антисемитизм.)

Кстати, тема межэтнических отношений, тема антисемитизма также больше выходит на поверхность в воспоминаниях, написанных уже в позднее время. И тоже по понятным причинам — прежде тема межэтнических отношений, а тем более антисемитизма так же часто вытеснялась из общественного сознания. У людей еврейского происхождения, которых много среди авторов воспоминаний, особенно из поколения жертв 1937 г., было достаточно сложное отношение к своему происхождению, особенно если они принадлежали к партийной элите. Ведь они, как правило, порвали с традицией и с религией, заменив одну веру другой, еще до всякого государственного и широкого общественного антисемитизма меняли свои фамилии и вытесняли свое еврейство. Ситуацию несколько изменила война, массовое уничтожение евреев и поднявшийся одновременно с этим и необычайно усилившийся к концу 1940-х гг. антисемитизм, всячески поощрявшийся и насаждавшийся властями. И те, кто оказался в лагерях именно в это время, сегодня говорят об антисемитских настроениях в лагерях более открыто.

Война явилась рубежом в истории ГУЛАГа, в лагере оказались иные люди с иным жизненным опытом, с меньшими иллюзиями по поводу режима и власти, в отличие от поколения 1930-х гг. — с меньшей степенью идентификации с советским режимом. В воспоминаниях, в которых изображается лагерь конца 1940-х — начала 1950-х, этот лагерь в гораздо большей степени — форма жизни, продолжение жизни, какой бы ужасной она порой ни казалась. Молодые люди вроде Руфи Тамариной с 25-летними сроками считали, что попали туда на всю жизнь, поэтому для них и в лагере жизнь продолжалась во всех ее аспектах, даже с любовными и сексуальными связями, которые также чрезвычайно упростила война.

Для мемуаров последних лет характерно также, что их авторы в какой-то мере сознательно стремятся вспомнить и упомянуть тех, кто не оставил (не смог или не захотел) воспоминаний, как правило, людей неписьменной культуры, людей из других социальных слоев. Теперь, когда открылись архивы и мы узнали цифры, стал ясен масштаб репрессий. Оказалось, что, кроме 4 миллионов арестованных по политическим обвинениям, более 17 миллионов было у нас репрессировано по так называемым указам военного и послевоенного времени и что формула «полстраны сидело», по сути, правильна. Судили за опоздания, за самовольное покидание рабочего места, за невыполнение трудовой, за мелкие хищения и т. п. Несколько сот тысяч женщин и врачей — за «криминальный аборт», потому что у нас в течение 20 лет аборт были запрещены. А воспоминаний — никаких. Конечно, лагерный опыт этих людей не у всех измерялся десятилетиями, ино-

гда — несколькими годами, даже условным сроком. Тем не менее опыт принудительного труда был у огромного количества людей. А письменных следов этого нет. Ведь эта была «немотствующая» часть нашего населения. Маргинальная. «Безъязыкая улица».

Вообще, многие особенно неопубликованные воспоминания настолько перегружены именами, фамилиями, чужими историями, что порой напоминают по жанру «телефонную книгу». Читать такие свидетельства, несмотря на их историческую значимость, трудно, а вот для понимания, почему память так цепко удержала в памяти такое количество разных фамилий, эти тексты очень важны. Это была, вероятно, подсознательная компенсация за то, что человек оказывался в совершенно замкнутом пространстве на годы рядом с одними и теми же людьми. Поэтому любая перемена, любое расширение этого пространства благодаря новому лицу навсегда застревают в памяти.

Конечно, все это чрезвычайно большие темы, и касаться их очень тяжело, особенно нам — людям без лагерного и тюремного опыта. И трудно рассудить исторически-литературный спор между Шаламовым и Солженицыным, потому что этот спор — о коллективной и индивидуальной памяти. Существует ли вообще коллективная память, когда речь идет о таких вещах, как тюремный и лагерный опыт? По сути, позиция Шаламова — в том, что отношении лагерного опыта никакая коллективная память невозможна. Он ведь прямо говорит в своих дневниках: «Я не историк лагерей» [14, с. 67]. Говорит, что один человек не может написать правду о Колыме, что «война может быть приблизительно понята, а лагерь нет». Шаламов, как большой писатель, видит ограниченность любого личного опыта перед такой огромной трагедией. Но ему кажется, что и сумма этих опытов тоже ничего не даст. Для Шаламова память о лагере — это средство выживания и в какой-то мере способ сопротивления. Я помню — значит, я жив.

Устные рассказы

С конца 1980-х гг. появляется новое направление в гулаговской мемуаристике — так называемые устные рассказы, то есть рассказы, записанные на аудио- или видеопленку. Жанр записи использовался и в 1970-е гг. неофициальными историками, однако особое значение он приобрел именно с конца 1980-х гг. Появилась возможность широко опросить тех, кто по разным причинам не написал мемуаров. Для тех, кто не мог и не умел писать сам, жанр устного рассказа оказался более спонтанным и естественным. В разговоре, как показала практика, человек мог коснуться таких болезненных и тяжелых тем, о которых он не решился бы повествовать на бумаге. Кроме того, устная форма гораздо лучше фиксирует разговорную лексику, а социолингвистика дает ключ к пониманию гулаговской проблематики на

более глубоком уровне. В устной речи человек более склонен передавать легенды и мифы лагерной жизни. Магнитофонные записи хранятся в Центре устной истории Российского государственного гуманитарного университета, в архиве общества «Мемориал», в Народном архиве.

Значения воспоминаний в значительной мере обусловлено и тем, что у нас нет фактически никакого визуального ряда памяти о ГУЛАГе, что также является очень важным фактором, особенно для молодого поколения, привыкшего теперь представлять себе многое прежде всего в виде именно зрительных образов. Сохранилось лишь несколько коротких документальных фильмов, которые снимались в Соловках и Ухте с пропагандистской целью — показать исправительный характер советских мест заключения. По этим пропагандистским фильмам также совершенно нельзя судить о реальной жизни советских заключенных. Нельзя судить о ней и по немногим сохранившимся в личных архивах бывших узников ГУЛАГа. Настроение передают, быть может, лишь тюремные фотографии анфас и в профиль, сохранившиеся в следственных делах, и некоторые редкие сохранившиеся рисунки, сделанные в ГУЛАГе.

Память и документы

Если в течение нескольких десятилетий у нас главным альтернативным историческим источником была память, то с начала 1990-х гг. впервые возникает документ. Происходит то, на что никто и не надеялся: приоткрываются секретные архивы и все историки бросаются от воспоминаний к документам.

А что, в сущности, такое секретные архивы? Это то, что наша система считала нужным сохранить, то есть память системы. И теперь уже после нескольких лет напряженной архивной работы многих исследователей можно наконец попробовать сопоставить две эти памяти и посмотреть, как одно опровергает или, наоборот, подтверждает другое.

Примеров можно привести очень много, и один из существенных — это феномен 1937 г. Потому что очень долго существовал миф, что больше всех тогда пострадала партийная номенклатура. Это с одной стороны. С другой — наше сознание воспринимало 1937-й как десятки миллионов жертв. На самом деле теперь благодаря архивным документам мы знаем, что за два года большого террора было арестовано несколько более 1 миллиона 600 тысяч человек и расстреляно более 650 тысяч. Кроме того, мы знаем теперь достоверно, что жертвами 37-го была отнюдь не только и не столько партийная номенклатура и что все эти десятки и сотни тысяч дала так называемая «кулацкая» операция.

Тут можно было бы привести еще много примеров и сравнений, но все-таки главное, что нам дали архивные документы, — это понимание то-

го, как функционировала система. При этом стало совершенно ясно, почему эта система не скрыла следов своих преступлений — не уничтожила архивных документов, а наоборот, тщательно сохраняла все, что относилось к репрессиям. Потому что уничтожение бумаг было равносильно уничтожению самой системы. Еще одна очень важная вещь подтверждается документами — характерное для любой тоталитарной модели (а для нашей особенно) сочетание плановости и абсурда. Это видно на примере того же 1937 года. Оперативный приказ НКВД 00447 от 30 июля 1937 г., ставший сигналом к началу массовых репрессий, дает плановые цифры-лимиты на аресты и расстрелы, которые спускаются сверху в регионы. То есть, с одной стороны, вроде бы вся эта массовая операция тщательно планируется. С другой стороны, чудовищная массовость репрессий породила невероятный хаос в бюрократической машине. Выполнение планов по арестам заставляло местные органы арестовывать кого угодно и где угодно, и в этом смысле архивные документы подтверждают самые фантастические свидетельства.

Открывшиеся сегодня архивные источники нисколько не умаляют, а наоборот, подтверждают по-прежнему необычайную важность такого источника, как память. Эти архивные документы (какими бы потрясающими по своей разоблачительности они ни были) тем не менее недостаточно говоря о судьбе отдельного человека, попавшего в челюсти (говоря языком Канетти) перемальвающей его государственной машины. Дело в том, что человек в этих архивных документах словно исчезает, он и в самом деле превращается лишь в лагерную пыль. И в этом ядовитость и даже опасность этих документов. Они словно пытаются завершить то, что до конца не удалось сделать репрессивной машине, — уничтожить человека реального, оставив лишь безымянного заключенного. Даже в том случае, когда, наконец, начнется подробное исследование архивов ГУЛАГа, в которых зафиксирован регламент жизни заключенных, определены нормы питания, санитарные нормы (а до сих пор этим подробно российские исследователи фактически не занимались), это не уменьшит ценность мемуарных источников. Ведь все эти данные по совершенно понятным причинам не совпадают с тем, что сохранила память заключенных. Таким образом, для наших знаний о ГУЛАГе мемуары останутся очень важным, хотя и субъективным, источником.

Человека и личную судьбу мы можем найти только в воспоминаниях. Очевидно лишь, что наконец наступило время для их по-настоящему глубокого и критического анализа, чего вплоть до последнего времени фактически не было. К сожалению, до сих пор мы не занимались серьезным исследованием того, не что, а как и почему вспомнилось. Это представляет вечную проблему правды и лжи в воспоминаниях в несколько ином свете. Сегодня нам уже не так важно доказать, что то, что человек пишет, неправда.

Это в ситуации гласности и доступа к архивам вполне возможно. Гораздо более существенно понять, почему он лжет, какие у него срабатывают механизмы вытеснения и самооправдания. Почему он именно так, а не иначе моделирует свою биографию.

Со всем этим мы еще только начинаем разбираться. Но, кажется, время для спокойного размышления о том, что это такое — память ГУЛАГа, память о репрессиях, — наконец пришло.

Литература и источники

1. Память: Истор. сб. М., Самиздат, 1976, New York, 1978. S. VII–VIII.
2. Primo Levi. Die Untergangenen und die Geretteten. München Wien. 1986. P. 19.
3. Karl I. Albrecht Karl: Der verratene Sozialismus. Zehn Jahre als hoher Staatsbeamter in der Sowjetunion, Berlin, 1941.
4. Margarete Buber-Neumann: Als Gefangene bei Stalin und Hitler. Eine Welt im Dunkel, Koeln, 1952. Alexander Weissberg-Cybulski: Hexensabbat. Russland im Schmelztiegel der Sauberungen, Frankfurt M., 1951.
5. Victor Kravchenko. I Chose Freedom. London, 1948.
6. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. М., 1996.
7. Гинзбург Е. Крутой маршрут. М., 1990.
8. Гаген-Торн Н. И. Метопя. М., 1994.
9. Анна Ларина (Бухарина), М., 1989.
10. Коржавин Н. в: Адамова-Слиозберг О. Путь. М., 1993.
11. Икрамов К. Дело моего отца. М., 1991.
12. Яковенко М. М. Агнесса. М., 1997.
13. Танкаева Л. К. Дойти до самой сути. М., 1997.
14. Шаламовский сборник. Вып. 2. М., 1997.
15. Человек в истории. Россия, 20 век. 1999–2000: Сб. М., 2000; Человек в истории. Россия, 20 век. 2000–2001: Сб. М., 2001.
16. Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995.
17. Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.
18. Тамарина Р. Такая планида, или Зарубки на щепке. Томск, 2002, с. 140.
19. Волков О. Погружение во тьму. М., 1992.
20. Из записи воспоминаний Паулины Самойловой-Мясниковой. Архив И. Щербаковой.
21. Воспоминания Раисы П. Из архива И. Щербаковой
22. Разгон Л. Пленник эпохи. М., 2002.
23. Жигулин А. Черные камни. М., 1990.

3. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УСТНОИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Abolfazl Hassanabady

The Contribution of Oral History in the Preservation of local historical identities of Older Cities

Oral history as a research tool plays an important role in the collection of oral history resources for the purpose of preserving local historical identities of older towns and cities. In fact as Edward Iveshas said: «oral history is a technique that may be used for a variety of purpose, it involves collecting different types of material about the past and the data can be used in the analysis of popular conceptions of past events, and investigation of subjective reality are an important goal in oral history research, ethnic and radical minorities and people in non-literate societies» [1]

The author believes that local history is very important in the study of the orient, especially in Middle Eastern countries such as Iran which is noted for its rich historical past and its old and historical cities.

In this article we intend to demonstrate the significance of the role of oral history in the study of local history and how it should be applied in the case of religious cities such as Mashhad, located in the northwestern part of Iran. Mashhad is perhaps the second cosmopolitan center of religious learning in Iran and the home of the Holy Shrine of the 8th Imam, the Imam Reza (A. S.). Mashhad simultaneously contains significant Islamic and historic characteristics. It is probable that this research will be useful for other researchers in the future who may be determined in the preservation of historic and cultural heritage.

Definition of local history

The term of local history has significant meaning and refers to several fields and different subjects. Remarkable collection of data about great events, social behavior, burial and funeral traditions, oral testimony, functions of organizations, architectures, stories about ancestors and so on [2], at this description,

all the subjects that relate to the history of a city in different fields such as cultural, economic, social, political and administrative can be collected under the name of local history. The fact that we pay attention to the subject of local history is different in the world. Every city in each country may have varieties of subjects that exclusive to itself.

Local history and the study of the city of Mashhad

Mashhad is the largest religious city in Iran and it simultaneously displays significant Islamic and historic characteristics. Some reasons are presented for this significant position that it displays.

Religious and Historical Position of Mashhad. This city is world renowned because it is the resting place of Imam Ali Ibn Musa al-Reza, the 8th Shi'ite Imam. The Holy Imam's Shrine itself is one of the most beautifully designed religious master pieces on earth. Million of devotional travelers come to Mashhad every year on a pilgrimage to the Holy Imam's Shrine, in order to provide service to the pilgrims. Astan-e-Quds Razavi was founded in Mashhad. This organization was founded by money and property donated to the holy shrine, this organization has an important impact on the history of Mashhad. In several fields and in the course of its development it encountered numerous ups and down.

Significant local factors in the study of oral history

The subjects in local history can be consider in oral history its relative to project and its goals, but some, main subjects should be attend all of the project. Here some of this subjects.

Places and buildings. Most of the older cities have had a center and some sections that were built around it. In Mashhad the holy shrine of Imam Reza has been the center and some parts were built around it in due time such as NOGHAN, IDGAH, ARG, SARAB, BALA KHIABAN, PAEEN KHIABAN, etc. Each of these locations or localities were very important in order to identify the historical background, social and cultural history such the mosques – takiye, bitches, gates of the city, caravanserai, abanbar, schools, religious markets, old buildings, shrines, tombs names of allies, and ghanats.

Folklore. There is direct relation between folklore and oral history. Folklorist would do well to emulate the historian's concern with change and time, but oral historian has much to learn from the folklorists as well, especially from their emphasis on folklore as a communicative process in a context of social interaction [3]. On oral history interview is a communicative event analysis of the interview as a communicative event offers all historian who are willing to adopt folkloristic means an unusual opportunity to achieve unprecedented historical ends [4]. Such elements of on oral history testimony as the degree of explanation, the use of conventional phrase and formulation, the use direct vs. in direct

speech, modes of addressing and referring to other persons, the means of issuing commands and requests, means of indicating politeness or rudeness, and the means of opening and closing conversation are not accidental, they have both linguistic and social meaning and are analyzable for its historical meaning in that written document are not [5], furthermore customs and social habits, such as wedding, funeral, burial, local games, proverbs, accents, dresses, music and so on are important in the study of folklore.

Anthropological, ethnographic elements. The writing of ethnic history is necessary and possible for every city, methods of oral history are applied to research on ethnic and minority groups. Ethnic groups tell their history among themselves. Text book writers have rarely listened [6]. Ethnic groups provide minorities to feeling themselves from the bonds of a colonized history, they will be able to see their true condition, their history from an understanding of the majority groups and their institutions, minorities can proceed to their desired means for their total liberation. In Mashhad we have minority groups divided into two groups.

Ethnic and religious minorities. Several conditions were responsible for the immigration of minorities such as political reasons, cultural and social causes, Afghans, Keshmiries, Polandish, and Russians are regarded as ethnic minorities, while Jews, Bahaies, Armenians, Ashuris, and Ismailis are grouped as religious minorities.

Economic specialist. In Mashhad every local district is noted for its profession, sometimes each alley or street has the name of the job it represents, such as zargarha and semsarha. Economic studies also important in ethnic Studies and religious minorities research. Research about old crafts that gradually have absouleted in during the growth and expansion of old cities give us significant information resources in field of anthropological.

Required tools for local historical projects

When we are going to carry out a local oral history project some factors must be regard for carrying out the project.

1. Design a complete project. One must bear in mind all parts of the research project, such as funding, tools, interviews, etc.

2. Funding is very important in each project, especially in local projects plenty of funds are required. You can find some sponsors, cultural organizations, local associations, and charitable foundations.

3. As far as possible research about the historical background, diaries, articles, handbooks of localities with documents, pictures, old maps and prints, they all provide an exact view about one's topic.

4. Define your main project according to one's goals.

5. If one's project carry out in wide range and long time estimate all part of project.

6. One must be careful, and consider all parts of localities, palaces, alleys, streets, «ab-anbars» (local water reservoirs), schools, shrines, etc. In each subject one has to look for change occurring during a period of time, in a variety of fields. After one is finished with the project one should be able to draw a perspective for users.

7. Select professional individuals to conduct the interview, preferably a person who has some research experience on ethnic, social and historical studies.

8. One must be aware of the person conducting the interview-aware about your interviewee in the project. In local projects one may have some contacts with people who are illiterate. Usually acquiring information from such individuals is very difficult.

9. Some persons have exclusive information. Try to get their address and interview them under better circumstances.

10. Try to anticipate the future uses of the materials you can get from the interviews.

11. One should inform the person being interviewed regarding the goals of the project under study.

12. In the first of each interview definite date and location, name of the interviewee, title of the project, name of the interviewer, and the precise location of the interview should be noted.

13. Listen to the interview and log or topic-by-topic summary for each recording. Analyze the information and conduct more research if necessary.

Tools required for conducting a local oral history project.

- 1) Note Book, Pens, Pencils.
- 2) Camera, film, and a accessories.
- 3) Audio or video recorder, battery, microphones, tape, discs, sound cards, extension cords.
- 4) Use of Professional Photographer, camera man for project, it help you collect and understand more information a bout localities.
- 5) Take enough picture and film localities to properly document your project.
- 6) Use of digital video Camera for better documentary.
- 7) Proper a video log for each event record [7].
- 8) Be remember consider using high quality instruments.

How should the collected information be organized?

Preparing data collection is very important after project. In our project in mashhad we are doing several process to prepare information for others.

1) Record video or audio tape if you are using digital voice recorder, convert voice of tape.

2) Duplicate all material, deposit original material in archive and use of copy.

3) If your project have enough money transcribe your inter view.

4) Transcribing is very important, use of professional transcriber, in this project accent is important aware tran scriber to transcribe interview word-by-world and don't change text.

If you cant transcribe, indexing your tape.

Indexing text of interview. For better use in future.

Applying the acquired information

Information that we collect at this project have several benefit and different groups can use from it, agencies, institutions, public educational program researchers, students radio and television folk people, can use in variety of fields, such as books, articles...

Conclusion

As I come to the end of this article, I hope I can explain my idea about Oral history and their effects on local history. Furthermore, in the conference I hope to show some pictures and movie about the subjects that are presented in this article. Our project is wide ranging. It may seem ambitious but certainly the methods outlined in this article can be adapted to fit specific situations. Some subjects presented in the text are unfamiliar and exclusive in Iran or the eastern parts of the country, although its advantages and lessons learned have common usage in different fields.

1. The oral history and the folklorist, richard dorson fifth and sixth national colloquia on oral historian. New York : oral history association (1972). Come in oral history an inter disciplinary Anthology, 284.
2. The folklorist, the oral historian, and local History by larry danielson, oral history Review 8 (1980). P. 62–72. Come in oral history an Interdisciplinary anthology, edited by Daivid k. Dunway and Willa k. Baum. Altamir Press 1996, p.192
3. «Oral History as Communicative event, Charles Joyner, oral history review (1979). P. 47–52. come in oral history an interdisciplinary anthology, 295.
4. Introductory Remarks to a Rhetorical theory of folklore, Rojer D. Abrahams Journal of American folklore 81(1968). P. 157. Come in Oral history as Communicative event, Charles joyner, 295.
5. Models of the interaction of language and Social life. Dell hymes, in directions in Socio linguistics ed Gumperz and hymes, 35–71.
6. Oral history and the Writing of ethnic History ,Gray Y.Okinivo oral History Review 9 (1981) P. 27–46. Come in Oral History an interdisciplinary Anthology, 200.
7. For more information see, Introduction to field techniques, Laymans, First edition 1979, Revised 2002, library of congress, Washington, 2002.

6. Oral history and the Writing of ethnic History ,Gray Y.Okinivo oral History Review 9 (1981) P. 27–46, come in Oral History an interdisciplinary Anthology, 200.
7. For more information see, Introduction to field techniques, Laymans, First edition 1979, Revised 2002, library of congress, Washington, 2002

Аболфазл Хазанабади

Роль устной истории в сохранении локальной исторической индивидуальности древних городов¹

В данной работе предпринята попытка продемонстрировать одну из важнейших функций устной истории в изучении локальной истории, точнее, то, как она может применяться в изучении таких религиозных городов, как Машхад, находящийся в северно-западной части Ирана. Машхад считается вторым интернациональным центром религиозных учений в Иране, где находится гробница 8-го имама, известного в мире как Имам Реза.

Термин «локальная история» имеет несколько составляющих. Этот термин может одновременно включать в себя следующие составляющие: культуру, экономику, социальное и политическое развитие.

При помощи устной истории можно изучать различные темы в рамках локальной истории, в зависимости от поставленных исследовательских задач, но есть такие проекты, которые включают в себя сразу несколько предметов исследования, и есть такие аспекты локальной истории, которые входят в состав любого локального проекта. Обязательными атрибутами изучения локальной истории в рамках устно-исторических проектов являются: места и люди — изучение истории городов и архитектурных сооружений; местный фольклор; антропологические и этнографические элементы — применяются при изучении этнических и социальных меньшинств; другую группу интересов исследователя локальной истории составляют исследование этно-конфессиональных меньшинств и экономической специализации изучаемого региона.

Каждое исследование должно строиться по определенной схеме. В данной работе предложена схема организации проекта по изучению истории г. Машхада²:

Предварительное планирование проекта

Финансовая сторона проекта

Определение степени изученности темы, рассмотрение источниковедческой базы исследований по данной теме.

---

¹ Сокращенный перевод Д. А. Дрожецкого.

² В данной схеме рассмотрены не только составные части проекта, но и некоторые рекомендации по организации такого рода исследований (*Примеч. пер.*).

Формулировка цели исследования и главных исследовательских задач. В случае, если проект охватывает большую территорию и продолжительны хронологические рамки, нужно разбить его на составные части, т. е. продумать структуру исследования.

Практическая значимость исследования

Создание рабочей группы, которая будет состоять из опытных интервьюеров.

Перед началом интервью нужно ознакомиться со всеми особенностями интервьюера (характер, краткая биография). В случае, если информатор является обладателем полезной информации, необходимо неоднократное его посещение. Во время беседы с информатором вы можете коснуться интересных тем, которые не входят в предмет вашего исследования: эти проблемы могут быть интересны другому исследователю; запишите их. Информатор должен быть проинформирован вами о целях интервью. Каждое интервью должно начинаться с записи даты, места его проведения, имени информатора, названия проекта, имени интервьюера. Во время интервью вы можете упустить интересные факты; прослушайте запись и посетите информатора еще раз.

В работе предложены также основные правила сбора, хранения и публикации полученной в результате интервьюирования информации.

Предмет данного проекта охватывает довольно много проблем, но именно благодаря этой его особенности он может быть легко адаптирован к любой теме. Некоторые составляющие проекта были выявлены по результатам проекта впервые и являются эксклюзивными для Ирана или для восточной части страны, их особенности подтверждают положительный эффект комплексного подхода для исследователей.

Д. А. Дрожецкий

Понятие «устная история» в международной практике (по материалам ресурсов Интернета)

Многие исследовательские центры дают определения устной истории как исторического направления, рассматривая это понятие в широком смысле, другие центры сводят устную историю к историческому источнику либо методу устной истории, т. е. рассматривают устную историю в узком смысле.

Для анализа различных подходов в определении понятия «устная история» были использованы интернет-ресурсы общественных, образовательных, архивных, библиотечных учреждений США, Великобритании, Канады, Австралии и России, всего 98 web-сайтов. Из рассмотренных интернет-ре-

сурсов наибольший интерес представляют прежде всего сайты общественных организаций или ассоциаций, поскольку они содержат информацию для начинающих исследователей, в том числе раскрывают понимание «устной истории» их сотрудниками. Из наиболее известных устно-исторических обществ стоит назвать ассоциацию устной истории (США), Общество устной истории (Великобритания), Ассоциацию устной истории (Канада), Интернациональную ассоциацию устной истории, Ассоциацию устной истории (Австралия).

Значительнее всего в Интернете представлены центры устной истории, образованные на базе высших учебных заведений, которые особенно широко распространены в американских университетах. Эти центры имеют свою специфику, свои традиции, свои научно-практические проекты. Понимание «устной истории» строится исходя из специфики выбранных проектов.

В особую категорию центров устной истории можно выделить организации устной истории внутри библиотек, музеев и архивов, особенно если музеи и архивы имеют выраженную устно-историческую направленность. К таким учреждениям относятся Национальный звуковой архив Британской библиотеки, Архив устной истории Восточной равнины, секция устной истории Лондонского музея, отдел устной истории и архив при Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне, отдел устной истории в Национальной библиотеке Австралии и т. д. Архивные и музейные учреждения рассматривают «устную историю» прежде всего с источниковедческой точки зрения.

Oral History Section ©Museum of London «Women talk»¹

В Интернете содержится солидное количество полнотекстовых изданий, в которых раскрывается понятие устной истории [3; 4; 7–9; 21; 22]. Публикации, выставленные в Интернете, посвящены теоретическим и практическим сторонам устной истории либо носят характер программки экспозиции музея или аудиоархива.

Для исследователей, занимающихся практической стороной устной истории, наибольший интерес представляют web-ресурсы, посвященные какому-либо одному исследовательскому проекту. Такие сайты раскрывают особенности отдельно взятого проекта, часто с выставлением самих материалов либо описи архива аудиодокументов. Проекты могут быть посвящены какому-либо одному виду человеческой деятельности, отдельной социальной или этнической группе и даже конкретной личности, например проект по устной истории в рамках библиотеки Джона Ф. Кеннеди [5].

---

¹ London's voices. Sharing Oral History / Annet Day, Chandan Mahal, Catherine Speight, Frazer Swift // Museum of London. June 2004. P. 15.

Еще один немаловажный вид интернет-ресурсов – сайты энциклопедического характера: в некоторых из них также содержится определение устной истории.

Всего в данной работе было рассмотрено 25 web-сайтов, посвященных университетским центрам устной истории, 6 центров, организованных в рамках музеев, столько же в библиотеках, 10 архивных центров, 13 общественных организаций и ассоциаций, 17 полнотекстовых изданий, выставленных в Интернете, 20 web-ресурсов, посвященных отдельным проектам, 1 энциклопедическая статья. Данная выборка является случайной и, разумеется, неполной, но среди представленных сайтов по устной истории имеются такие, которые представляют крупнейшие центры устной истории англоязычных стран.

Устная история, как уже говорилось выше, трактуется как направление исторической науки и как источник либо один из методов социогуманитарных дисциплин. В соответствии с этим в определение устной истории как направления истории многие исследователи включают понятия источника и метода. В международной практике существуют различные мнения по поводу времени появления устной истории как направления. Многие исследователи отмечают, что интервьюирование как способ сбора устно-исторического материала «является древнейшим путем исторического исследования, предшествующим письменному слову, одновременно являясь одним из новейших исторических методов, инициированным появлением записывающей аппаратуры в 1940-е гг» [10]. Стоит отметить, что в данном определении речь идет о генезисе устной истории, и «древнейшим путем исторического исследования» называется именно интервьюирование, которое в дальнейшем при появлении записывающей аппаратуры способствовало зарождению устной истории как одного из методов сбора исторической информации. В Британском обществе устной истории считают устную историю «благодаря ее интерактивности новым и захватывающим делом» [14].

Д. Н. Хубова выделяет 4 вида интерпретации устной истории: «1) исторический материал, транслируемый в устное знание и наследие, то есть объект изучения, 2) направленный на него метод исторического исследования (интервью как инициативное документирование элементов устной культуры; процесс фиксирования знания, передающегося в обществе „из уст в уста“; 3) результат этого метода – созданный исторический источник, источник устного происхождения; 4) научная дисциплина с суммой реквизита и понятийного аппарата» [27].

Согласно другому определению, «устная история – это то, что передавалось из уст в уста из поколения в поколение. Устная история некоторыми историками считается ненадежным источником, другие считают этот вид источника способным сохранять и транслировать информацию о про-

шлом» [23] либо способствовать приданию определению художественного образа: «Индивидуальные устно-исторические воспоминания как цветная мозаика — полную картину можно увидеть только в том случае, когда индивидуальные воспоминания выстроятся в цельную картину» [20]. Как в первом, так и во втором случае определение не раскрывает полностью значение устной истории, но четко показывает объект ее исследования. Некоторые авторы в качестве объекта исследования устной истории определяют слухи: «Устная история — это изустно передаваемая информация о тех или иных событиях, нередко в форме слухов» [25, с. 514].

Чаще всего центры устной истории определяют устную историю как метод исторического исследования. Некоторые из них не выделяют устную историю из метода интервьюирования, практически ставя перед этими понятиями знак равенства: «Устная история — это запись человеческой памяти, чувств, отношений и опыта на аудио- или видеоносители. Это живая история. Это то, что вокруг нас. У каждого есть история, которую бы он мог рассказать. Устная история — это свидетельство из самых первых рук, но это также и традиции и истории, передаваемые из поколения в поколение, из уст в уста» [12]. «Записывая устную историю, исследователь получает информацию о том, как человеческий опыт и память прошлого сохраняются до наших дней. Исследователь записывает интервью, содержащее информацию, которая еще не была зафиксирована ранее» [15]. «В настоящее время устная история получила известность как способ записи и сохранения уникальных воспоминаний людей, чьи воспоминания могли бы быть потеряны» [18], но, пожалуй, самое характерное определение было сформулировано А. И. Филюшкиным в его методических рекомендациях по проведению исследований по устной истории: «Сегодня под „устной историей“ понимается научная дисциплина, обладающая собственным методом исследования — интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек» [28].

В данных определениях, кроме последнего, устная история никак не выделяется из метода интервьюирования, тогда как многие другие центры определяют метод устной истории как способ записи интервью с участниками или свидетелями прошлых событий, выделяя из устной истории устную традицию, т. е. информацию, которая передавалась из уст в уста, когда респондент не являлся свидетелем описываемых в интервью событий: «С его [устно-исторического интервью] помощью можно собрать материал о прошедших событиях у свидетелей и участников этих событий» [4], «Устная история — это метод сбора и сохранения исторической информации через запись интервью с участниками прошедших событий, запись их жизненного пути» [10], «Устная история — это методика сбора воспоминаний о его/ее

жизни, о людях, которых он знал, о событиях, которые он видел либо принимал участие лично» [13], «Устная история — это запись воспоминаний. Это живая история любого уникального жизненного опыта» [14], «Устная история — это интервьюирование участников либо экспертов на специальные темы, сохранение их мнений и воспоминаний» [17], «Устная история, прежде всего, состоит из записи интервью с людьми о прошлой жизни, воспоминания от первого лица» [1], «Устная история — это записанные на магнитофонную пленку воспоминания людей о своей жизни, о событиях прошлого, свидетелями которых они были» [29, с. 16], «Устная история — это способ сбора информации у людей, принимавших участие в прошлых событиях» [19].

Многие центры устной истории рассматривают устную историю как исторический источник: «Устная история — это удивительный источник, способный оживлять прошлое через рассказы из первых рук» [2]. Такой подход свойствен источниковедам, архивистам, музеоведам, но видение устного источника отличается большим спектром мнений и вызывает много споров об основной форме его фиксации, главном критерии. В одном случае устный источник представляет собой запись человеческих воспоминаний: «Устно-историческое исследование — это записанный на пленку разговор» [13], «Конечным продуктом устной истории является аудио- или видеозапись» [10], «Устная история фиксирует человеческий опыт на аудио- и видеоноситель» [14], «Устная история — это запись человеческой памяти, чувств, отношений и опыта на аудио- или видеоносители» [12]. В такой трактовке устная история удачно вписывается в классификационные схемы исторических источников в рамках фонодокументов, поскольку в такая трактовка устного источника не дает представления о нем как об отдельном виде источников. Например, в классификационной схеме С. О. Шмидта устный источник входит в состав речевых источников, которые, в свою очередь, включены в словесный тип исторических источников [30, с. 73–92].

Некоторые источниковеды не выделяют отдельный вид устных источников считая источник устным до тех пор, пока он хранится в звуке; транскрибированный материал считается уже письменным источником. В. Т. Логин, изучая военно-исторические источники, разделил их на три основных и один дополнительный типы [26, с. 14.]. К основным типам он отнес письменные материалы, кино- и фотофонодокументы, вещественные источники; к дополнительному типу впервые в истории источниковедения были отнесены как «самостоятельный класс» устные свидетельства очевидцев событий. Устные свидетельства «в устном виде сохраняются непродолжительное время и после выявления исследователем фиксируются в виде письменной или магнитофонной записи, то есть переходят в один из названных „основных классов“».

В источниковедении существует также мнение, отвергающее первостепенность критерия формы фиксации, при этом отмечается, что устная история — это не обязательно аудиовизуальный источник: в его состав включается транскрипция интервью, записи, сделанные по ходу беседы интервьюером: «Устноисторический материал — это аудио- и видеозаписи; транскрипции интервью; заметки, сделанные в ходе интервью, но не после» [17].

Ряд исследователей описывают этот вид источника более детально, определяя его не только через форму фиксации, но и через организацию проведения интервью. В данный критерий входит прежде всего то, что в устно-историческом интервью участвуют как минимум два человека — респондент и интервьюер, интервью строится исключительно с использованием заранее подготовленных интервьюером вопросов; многие исследователи называют этот критерий степенью вмешательства в интервью лица, которое ведет интервью. Для иллюстрации приведем несколько примеров трактовок устного источника: «Таким образом, беседа приобретает форму интервью, в котором один участник — интервьюер, задающий вопросы другому участнику, который может быть назван информатором или нарратором; таким образом, устная история есть диалог» [16]; «Устная история сохраняет прошлое для сегодняшнего и завтрашнего дня. Запись устной истории — двойственный процесс, в котором один из участников интервью делится своими воспоминаниями с интервьюером, тщательно спланировавшим это интервью» [11]; «Самое существенное в данном виде [устная история] мемуаров — не форма их фиксации, а степень вмешательства лица, которое ведет разговор (опрос). Опрос может производиться как на основе анкеты, так и в произвольной форме. В любом случае канва воспоминаний складывается не самостоятельно, а под воздействием вопросов» [24, с. 8].

Таким образом, мы видим, что определение устной истории постепенно все более конкретизируется, она занимает свое место в системе источников, методов исторического исследования новейшей истории как новая социогуманитарная дисциплина, имеющая давние традиции.

Литература и источники

1. What is Oral history [Электронный ресурс]. Ottawa: Canadian Oral History Association. Режим доступа: <http://www.ncf.carleton.ca/oral-history>, свободный.
2. East Midland Oral History Archive [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.le.ac.uk>, свободный.
3. Ethnic Communities Oral History Project [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hfusc.org.uk/echohp>, свободный.
4. What is Oral history [Электронный ресурс]. Indiana: Indiana University Center for the Study of History and Memory. Режим доступа: <http://www.indiana.edu>, свободный.
5. John F Kennedy Library Oral History Project [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cs.umb.edu/~serl/jfk/oralhist.htm>, свободный.

6. London's voices. Sharing Oral History / Annet Day, Chandan Mahal, Catherine Speight, Frazer Swift // Museum of London. June 2004. P. 15.
6. Museum of London [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museumoflondon.org.uk><http://www.museumoflondon.org.uk>, свободный
7. National Library of Australia Oral History Collection [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nla.gov.au/oh>, свободный.
8. National Screen and Sound Archive of Australia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.screensound.gov.au>, свободный.
9. Oral History Association (US) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dickinson.edu/oha>, свободный.
10. Oral History Association of Australia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ohaa.net.au>, свободный.
11. Oral history projects. Helping your application. Cardiff, 2004. 35 p.
12. What is Oral history [Электронный ресурс]. New York: Oral History Research Office, Columbia University. Режим доступа: <http://www.columbia.edu/cu/libraries/indiv/oral/summer.html>, свободный.
13. What is Oral history [Электронный ресурс] / Oral History Society (UK) – Электронные данные // <http://www.oralhistory.org.uk>, свободный.
14. Sharon Veale and Kathleen Schilling Talking history Oral History Guidelines. National Library of Australia, 2004.
15. Shopes Linda Making sense of oral history // Making sense of document [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.historymatters.gmu.edu/mse/oral>, свободный.
16. Stephen E. Everett Oral history techniques and procedures. Center of Military History. United States Army. Washington, D. C., 1992.
17. The British Library Sound Archive [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bl.uk/collections/sound-archive/history.html>, свободный.
18. The Library of Congress [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://memory.loc.gov/ammem/index.html>, свободный.
19. The Social Security Administration Social Security Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ssa.gov/history/orallist.html>, свободный.
20. United States Holocaust Memorial Museum, Washington [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ushmm.org>, свободный.
21. University of Wales Swansea [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.swan.ac.uk/swcc>, свободный.
22. Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Oral_history, свободный.
23. Грицкевич В. П. Теория и история источниковедения: учебное пособие для студентов заочных отделений гуманитарных факультетов вузов / В. П. Грицкевич, С. Б. Каун, С. Н. Ходин. Минск, 2000. 40 с.
24. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
25. Логин В.Т. Военно-исторические источники, их классификация и принципы исследования / В. Т. Логин. М., 1971. 180 с.
26. Устная история: учебная программа [Электронный ресурс] / сост. Д. Н. Хубова. Электрон. данные М.: РГГУ, 1995. Режим доступа: <http://www.rsuh.ru>, свободный.

27. Филюшкин А. И. Методические указания по проведению исследований по устной истории [Электронный ресурс] / А. И. Филюшкин // Наш политех: Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.nashpolytech.ru>, свободный
28. Человек в истории — XX век. Конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников. Материалы в помощь участнику конкурса / Сост. И. Л. Щербакова. М., 2005. 40 с.
29. Шмидт С. О. Путь историка: Избр. тр. по источниковедению и историографии / С. О. Шмидт. М., 1997. 612 с.

Ф. Жугар

Региональный проект по исследованию этнических текстов¹

Центр средиземноморских исследований этнотекстов и устной истории при Провансальском университете начал работу по междисциплинарной программе изучения этнических текстов юго-восточной части Франции. Этот проект родился в результате активизировавшихся в последнее время усилий и совместной деятельности историков, этнологов, диалектологов. Последние пытаются переместить диалектные факты в их чистый культурный контекст. Таким образом, возникла необходимость дополнения лингвистических атласов записанными на магнитофон опросами, демонстрирующими язык в определенной ситуации и предоставляющих этническую и историческую информацию с учетом разнообразия диалектов, их постоянства и мутаций.

Этнологи, специализирующиеся на собирании устной литературы, осознали значение лингвистических феноменов, и в частности диглоссии (использование французского и окситанского в одной речи) с точки зрения значения определенной датации; они также отрицают наивное видение первых фольклористов, заключающееся в поиске популярной традиционной литературы, чистой, свободной от многочисленных влияний множества других сред.

Что касается историков, нет надобности напоминать здесь, что заставляет их принять устный документ как исторический источник по изучению менталитета и культуры.

Наша историческая проблематика определилась одновременно в семинарах и первых практических занятиях на месте, не говоря уже о плодотворных дискуссиях с исследователями и коллегами южной Франции.

Сам термин «этнотекст», который мы позаимствовали в Тулузе, предпочтительнее, чем «устная традиция» или «устная культура», так как хорошо определяет масштабы, границы этого проекта. «Под этнотекстами следует понимать прежде всего устные тексты, литературные или нет, диалектные

---

¹ *Анналы. Устные архивы: другая история?* 35-й год изд. 1980. № 1. Январь—февраль. С. 176–182. Перевод Д. Н. Хубовой.

или французские, имеющие значение с точки зрения этнической, исторической и лингвистической информации. Понятие этнотекста применяется также к письменным источникам устных текстов или к их возможному письменному варианту». Добавлю, что этнотекст ссылается непосредственно на общность, которая, в свою очередь, является для него основой и каналом трансляции (проводником). Опросы по этнотекстам — это опросы по устной истории, выраженной в устной культуре определенной группы.

Понятие «этнотест» включает три типа исторических источников. Прежде всего мы пытаемся собрать то, что фольклористы называют *традиционной устной литературой*: сказки, песни, народные страдания, считалки, клише (словесные стереотипы), пословицы — и здесь наше начинание приближается к операции спасения: основная характеристика устной литературы теоретически заключается в полном или частичном фиксировании ее содержания и формы; доля исследовательской импровизации здесь ограничена. Понятие между тем не стало отчетливее, пока не появился комментарий Бувье: «Традиционная сказка может быть актуализирована до той степени, что представляется в виде подлинного, достоверного рассказа пережитого, и, наоборот, любой достоверный факт может приобрести мифическое значение, и рассказ, таким образом, восходит к устной литературе». Куда поместить «воспоминания» и историческое повествование? Но что нас особенно интересует в устной литературе — это не универсальные сюжеты, которые давно были расписаны, а ее отношение с местной культурой, лишь одним из элементов которой она является. Кроме того, за редким исключением, это уже не живая традиция, а лишь остатки, крохи, которые мы собираем искусственно, вне распространяемого текста, на посиделках, свадьбах или проводах в армию. Описание старинного праздника или рассказ о смерти свиньи представляют собой речь, которая дорога сердцу говорящего и которая может привести к возрождению этой литературы, напоминая механизм передачи. Вот почему мы собираем второй тип документов — *устные нелитературные тексты*.

Опасность здесь заключается в масштабах собирания. Как избежать накопление ненужного впоследствии материала? И, в отличие от позиции большинства устных архивистов и историков, наше решение этой проблемы заключается в приспособлении процесса интервьюирования, опроса, к самой речи информаторов. Какие реальности воскрешают они в памяти, что предпочитают рассказывать, когда их просят описать прежнюю экономическую деятельность, социальную жизнь, обычаи, привычки или верования? Так, они будут много говорить о сборе урожая каштанов и их жарке, затем будут умиляться при воспоминании о больших ярмарках или о послеобеденном воскресном кофе. В одном месте охотно приведут в пример Масленицу, в других — «Ла Сен-Жан». Речь идет не о том, чтобы получить

полную и объективную информацию по поводу того, какой была общность накануне 1914 г. (до 1914 г.), но о том, чтобы составить картину, образ, который возникает сам по себе.

Так же регулярно, систематически, как в литературных исследованиях, *устные исторические опросы* используются при исследовании исторических воспоминаний, местных, правдивых и вымышленных, и исследовании места, которое занимают эти факты в общественном и индивидуальном сознании. Играет ли история спланированную роль для общности или она представляет собой серию анекдотов, небольших рассказов без особой значимости?

Вмешательство диалектологов с анализом лингвистической ситуации наших регионов, где билингвизм до сих пор практикуется большинством, подсказали нам обратить особое внимание на статус французского и окситанского (большой процент опрошенных употребляют это наречие). Устное культурное достояние во всех случаях является лингвистически смешанным. Смешанность может появиться даже внутри самой фиксированной устной литературы (Жугар здесь имеет в виду песни пастушек и «Мсьё», собранные Сильветтой Бери в Ардеше. — *Примеч. пер.*). Чаще всего наблюдается господство одного или другого языка, помимо оговоренной уже «самой по себе возникающей картины», все согласно описанному феномену, соответствуя поколению и региону. Решающие изменения и другие переменные величины в устном тексте в принципе задаются опрашиваемым, так как именно он может моделировать поведение опрашиваемого своим собственным отношением. Отсюда — необходимость крайней осторожности в опросе. Подчинение языку (как прото-языку, так и мета-социолекту), диалекту, принятому информатором, должно быть правилом. Не стоит под предлогом демонстрации силы окситанского наречия или проявляя «заботу» о восстановлении языковых (окситанских) особенностей общности навязывать окситанское наречие, если очевидно, что собеседник не владеет им. То же самое можно сказать о вкусе к «чистому языку», любовь к которому не должна привести к таким изменениям в тексте, когда окситанское наречие наполняется галлицизмами (равно как диалектный французский — окситанизмами, провансализмами).

Исследование письменных источников одновременно с устными опросами и определением некоторых из них как этнотекстов, возможно, удивит. Но в наших краях, на протяжении длительного времени подверженных прямо или косвенно обучению грамоте, чистой устной традиции не существует и взаимодействие между письменностью и устностью постоянно. Поэтому исследовательские группы не замыкаются на своих узких задачах, так как «ученые» воздействия и влияния часто очевидны в традиционных культурах. Одной из целей нашего предприятия является именно изучение

этих взаимодействий и установление этих перемещений. «Письменный» может восходить к устному тексту, при этом информатор часто не осознает этого. Одним из наиболее удачных является пример механизма распространения слухов, изучаемого Р. Мандру, следы распространения которых мы в больших количествах находим сегодня в устных рассказах. Какая-нибудь брошюра местного эрудита, какой-то роман, пользующийся успехом, может создать свою «устную историческую традицию». Иногда письменный текст является эстафетой между двумя устными передачами, как, например, записные книжки со страданиями протестантов, найденные в Ардеш; он (письменный текст) в определенный момент фиксирует текст и дает ему второе дыхание. В подобном случае он является одновременно устным источником и свидетельствует о древнем состоянии устной культуры. Таким образом, особенно важно отыскать эти письменные этнотексты — тетради с песнями, рецептами, секретами, молитвами, — найти скромные библиотеки для того, чтобы там, быть может, обнаружить некоторые книжные аналоги.

«Равно как переписка может содержать в себе детали о культуре края и ее обычаях, так и устный опрос может привести к созданию письменных этнотекстов. Тот же информатор, который проявил сдержанность во время беседы, вернувшись домой или оставшись один, изложит с большим удовольствием для себя письменно содержание беседы, углубив ее и представив очень богатый рассказ».

Задача историка — не только обнаружить развитие, динамику в современных устных текстах; кроме того, она побуждает нас искать свидетельства о древнем состоянии устной культуры; таким образом, свидетельства, принадлежащие к периоду до 1900 г., могут быть только письменными. Социальные лестницы, на которых располагаются исследуемые нами группы, члены сельской общности, городского квартала, те, кто входит в так называемые «примитивные этнические общности» или, наоборот, кюре или прелаты XVII в., известные путешественники XVIII в., префекты и управляющие XIX в. (т. е. представители полюсов, верхней и нижней ступеней социальной лестницы) могут принести лишь относительную пользу. Зато более скромные по своему социальному положению люди, которые, впрочем, часто служили «первыми информаторами» для префектов, могут оказаться ценными. Так, в Марселе и Ниме автором были обнаружены ответы мэров на вопросники, посланные для подготовки департаментской статистики. В другом месте в архивах департаментов были найдены неопубликованные монографии местных сельских учителей (эрудитов-краеведов) об их деревнях и местности в целом. Не стоит больше пренебрегать работой местных интеллектуалов — корреспондентов первых крупных фольклористов.

Другие письменные источники, не являющиеся этнотекстами, выполняют другую необходимую функцию; это документы эпохи — экономическая статистика, ответы и отчеты мэров в административные органы, приходские архивы; они дают сведения о воскрешаемых в памяти фактах и также позволяют измерить разницу между реальностью и воспоминанием, отметить иные пустоты, молчание и забытое. В принятой перспективе высказывание общности о самой себе, пропуски, отсутствие, невысказанности имеют такое же значение, что и присутствие. Наша первоочередная задача на самом деле не состоит в описании прошлой жизни общности такой, какой она была в действительности; устный опрос наряду с другими не является средством получения информации об обычаях или верованиях, но является методом, подходом к пониманию культуры изнутри, к ее самосознанию. Как она организована, как осуществляется обществом? Какие исторические события «отбирает» коллективная память, а какие предаются забвению? Почему в Севеннах устная традиция сохранила минимум рассказов о Французской революции, тогда как письменные архивы демонстрируют избыток событий? Как объяснить, что рыбаки, итальянцы по происхождению, живущие в квартале Сен-Жан в Марселе, до сих пор хранят воспоминания о короле Рене? По каким законам история превращается в легенду?

Эти принципы имеют точное методологическое следствие. Первое — это *предпочтение интенсивного опроса монографического типа тематическому опросу широкого профиля*. Здесь нет необходимости автоматически выбирать сельское общество; даже если бы некоторые из исследовательских научных инициатив касались деревенской жизни, у исследователей появилась бы тенденция реагировать вопреки опыту, согласно которому множество фольклористов и диалектологов считают сельскую культуру единственным хранителем устной традиции, тем самым принижая и унифицируя феномен города. Многочисленные опросы в городской среде или в среде некоторых профессиональных групп раскрыли удивительные богатства: примеры — жители кварталов Сен-Жан и Шато-Гомбер в Марселе или рыбаки с побережья департамента Вар. Решающим критерием является существование некоего культурного единства, проецирующегося на более или менее устойчивое коллективное сознание.

В любом случае автор считает, что в одном месте должны сотрудничать два интервьюера, один — по образованию этнограф или диалектолог, другой — историк. Беседы должны полностью записываться на магнитофон для того, чтобы сохранить смех, моменты нерешительности, молчания, которые дополняют, детализируют и исправляют одномерное содержание письменной документации. Можно попытаться использовать камеру, чтобы снять другой язык, который ускользает от магнитофонной ленты, — мими-

ку и жесты. Мы пробовали этот метод применительно к некоторым «сказителям», но насколько записанное на магнитофон быстро стирается в памяти, настолько фильм и видеоизображение значительно передает условия опроса, подчеркивает (часто искусственный) характер ситуации беседы. Поэтому эта процедура должна по возможности использоваться, особенно для коллективных событий, праздников или церемоний. Другим преимуществом магнитофона является то, что он может обозначить присутствие интервьюера и моменты его вмешательства, которые он (интервьюер) производит независимо от своей воли через вопросы или даже некоторые интонации. Мы прекрасно осознаем, что создаем документ. Для строгого источника критика должна касаться не только созданного текста, но и самой процедуры, которая позволила его получить, так как вмешательство устного историка-архивиста очевидно. В самом деле, интервьюеры-историки не должны ограничивать информатора узким вопросником, как в случае диалектологической или этнологической работы, предназначенной для поиска точной информации, но они также могут оставаться совершенно инертными. Собеседники не поняли бы их, и предмет обсуждения быстро превратился бы в нечто бесформенное и курьезное. Беседа, таким образом, станет полууправляемой, когда интервьюер должен вызывать разговор по одной или другой теме, и должен также принимать отступления и попутные ассоциации, в которых часто проявляются черты доминирующей культуры. Таким же образом непринужденная беседа постепенно подменяется «официальной» или стереотипом, соответствующим нашим ожиданиям.

Наш опрос касался одной общности, информаторы которой, прежде всего, казались нам достаточно представительными. И наша затея кардинально отличалась от методики жизнеописаний (букв. истории жизни), основывающихся на индивидуальной биографии. Нет возможности ограничивать себя одним или двумя личностями для опроса, даже если они представляют большой интерес; следует рассматривать матрицу-образец минимум из десяти информаторов, учитывая разницу в их возрасте, поле, месте жительства, социальных и профессиональных условиях, культуре. Мы также избегали выбора в качестве собеседников только очень старых лиц, лиц с доминирующей устной культурой. Беседа с более молодыми информаторами, получившими одинаковое школьное образование, может неожиданно оказаться очень плодотворной в сравнении с беседой с людьми предшествующих поколений.

Местный интервьюер часто не имеет затруднений в поиске информаторов: лучшим критерием является наличие у последних местного культурного сознания, что проявляется в явном удовольствии говорить с интервьюером о настоящем и прошлом общности. Информатора, который только что был определен в общих чертах, не следует путать с местным эрудитом. На

самом деле информант испытывает интерес к общению с последним, который, в свою очередь, не доверяет устной культуре.

Опрос (по крайней мере на первом этапе, временно) можно считать завершенным¹. Прослушивание аудиозаписи позволит определить причины этих пустот во время опроса. Возможно также проведение дополнительных опросов, когда определенные вопросы задаются в более управляемой беседе. Степень забывчивости или даже «мистификации» лучше измерять подобной процедурой. Возникающий в результате нескольких бесед и многочисленных вопросов (опросов) эффект имеет такой же вес, что и реальность, спонтанно «цитируемая» информаторами, «живые архивы слова».

Публикация «живых архивов слова» после анализа и интерпретации, на наш взгляд, имеет не только научную цель: мы сохранили, уберегли от забвения устную культуру, которая составляет достояние тех, кто нам ее передал и которая должна к ним вернуться.

Первый опыт по исследованию этнотекстов был осуществлен Жаном-Клодом Бувье в Люц-Ля-Круа-Ог летом 1976 г. В 1977 и 1978 гг. три программы были запущены в рамках АТП: тематическая программная акция) и «Живые архивы слова и этнотекста», организованные региональным советом Рона-Альпы и НЦНИ в Бюи-ле-Баранье (Анна Спортъело и Ги Матье), в Трикастенье (Жан-Ноэль Пелен) и в долине Де-Лерье (Сильветта Бетро-Вильямс). В этом году благодаря помощи регионального совета Провенс-Кот Д'Азур были использованы новые зоны — квартал Сен Жан в Марселе, среда рыбаков департамента Вар и Люберон.

Важный материал был собран, описан и подготовлен к сдаче на хранение, часть была расшифрована. Проводится анализ результатов. Он значительно продвинут для Люц-Ля-Круа-Ог, для других программ находится в начальной стадии. Еще рано делать выводы касательно этой инициативы, но уже есть возможность поразмышлять над некоторыми моментами. Мы сомневались в важности отношений между интервьюером и опрашиваемым. Первые опыты подтвердили эту важность, превзойдя даже то, что мы ожидали. Два интервьюера одинаковой квалификации добились у одного и того же информатора двух различных ответов не только в связи с различием их личных качеств, но и вследствие их профессионального статуса и манеры получения информации. Пример — очевидные половые различия: ведь мужчине не скажут того, что охотно доверят женщине, и наоборот; много и различных других факторов; иностранцу скажут то, что скроют от члена общества, ставшего исследователем, и наоборот. Язык, принятый вна-

---

¹ В коллективных, массовых (но тематически и географически локальных) опросах по программам «Остарбайтеры», «Последствия коллективизации, депортация национальных меньшинств».

чале, часто также невольно обуславливает поведение собеседника. Различия полученных результатов упрощает этапы исторической критики, позволяя обнаружить заведомо ложную и неполную информацию, официальные заявления и более спонтанные признания, то есть поставить акцент, насколько это возможно, на разнородность группы (мужчина — женщина, член данной общности — чужак) и провести несколько раз беседы в различных условиях, границы беседы всегда будут установлены собеседниками.

Одна из главных особенностей собираемых рассказов — ностальгия и приукрашивание былого, полярность оценок и суждений. Прошлое — часто прекрасное прошлое, сильные конфликты стерты, нищета забыта. Приукрашивание не появляется в житейских историях, предназначенных для широкой публики, — от Гордой лошади до супа из диких трав, проходя через Августина Рувьера Севенольского или Память деревни.

Существует ли тенденция, алгоритм обращения к пожилым информаторам, которые сожалеют о поре их молодости, или отражение современных городских мифов о старом добром времени, эпохе дилижансов и жизни в деревне? Что, этот миф, в свою очередь, так пронизал традиционный мир, или собеседники были вольны дать образ своей общности, в который верили, соответствуя нашим ожиданиям? Феномен представляется нам достаточно глубоким, через собранные откровения чувствуется коренное изменение сознания, чувство исчезновения постоянства, которое начиная с 1914 г. упрочилось в сознании и его мире несмотря на всевозможные перемены. Жан-Ноэль Пелен говорит об этом: «Поток слов, воскрешающий смысл вчерашнего и сегодняшнего, кажется, хочет предотвратить изменения, если только вообще не перевернуть ход времени, чтобы вернуться к первопричине, сократить разрыв между „вчера“ и „сегодня“ до простой эволюции. Он требует определить или просто сохранить первоначальную идентичность индивидуума, семьи, деревни, края, страны, идентичности вдруг кем-то (исследователем-информантом) поставленной под сомнение»¹. Вот почему этот разговор о прекрасном прошлом охватывает не только пожилых, но и юных лиц. Он не столько сильно уходит в прошлое, сколько предъявляет требования к будущему. Это во всех случаях и способ говорить о настоящем.

На первом месте — вопрос транскрибирования (расшифровки): что и как транскрибировать? Как, в частности, письменно отразить повторяющиеся разговоры, смех, нерешительность, паузы, которые так же значимы, как и содержание ответов? Отсутствие ответа — это тоже ответ. Разработанная простая система транскрипции упускает часть реальности. Состав-

---

¹ В коллективной монографии, посвященной нашим опытам, которая должна скоро выйти, Ж.-Н. Пелен, в частности, изучал феномен в Севеннах: ср. [14]

вить более комплексную новую систему — означает также ограничить ее пределы, определить ее границы — более фундаментальной кажется проблема процедур анализа. Может ли устный текст (как правило, не литературный) зависеть от той же техники (анализа), что и письменный? По этому пункту мы предполагаем большое количество сопоставлений с другими программами по устной истории, например теми, что опираются на воспоминания рабочих и жизнеописания.

Использование устного документа Истории (в исторических исследованиях) во Франции только начинается в противовес исследованиям англосаксонских авторов, и нам предстоит еще много размышлять о поставленных проблемах метода.

Примечания

1. Центр Провансальского университета, руководимый Жаном-Клодом Бувье и др. при участии Жана-Ноёля Пелена.
2. Два последовательных положения нашей программы были представлены в «Альпийский и прирочный мир», № 1, Ж.-К. Бувье и Ксавьер Равье «Проект междисциплинарного исследования по этнотекстам Южной Франции». № 1, 2. С. 207–212; 2) Ж.-К. Бувье Исследования этнотекста: итог деятельности в Провансе и перспективы на будущее, 1978, № 1–2. С. 251–253. Сейчас мы готовим коллективную работу, которая должна уточнить наши концепции.
3. Отметим, среди прочих, в Гренобле Г. Тюэйён и Ш. Жуастен; в Тулузе Д. Фабр и Кс. Равьер, как и Ш. Бромбергера на отделении этнологии нашего университета.
4. Бувье и Равьер, цит, соч., с. 207
5. Бувье. Доклад об этнотекстах, представленных в ежегодную Ассамблею ГРЕКО // Местные языки и культуры.
6. Прекрасный пример приведен Жуастеном: «Сколько источников влияний в организации легендарного альпийского повествования» // Подходы к нашим устным традициям. Париж, Мэзонёв и Лароз, 1970, С. 141–158.
7. Об отношениях между письменностью и устностью я позволю себе сослаться на свою книгу «Легенда о Камизарах, восприимчивость прошлого» с примерами записанных устных текстов. П. Галимар, Библиотека истории, 1977, с. 323–347.
8. Сравните Ш. Бост. Народная поэзия гугенотов Ливарэ. Брошюра выпущена Бюллетенем общества истории протестанства (БОИП) в 1940. См. также сборник страданий, любезно переданный в «Камизарах» П. Галимар «Архивы», 1976.
9. Скромные частные архивы могут раскрыть не вызывающие никаких подозрений богатства и устный опрос часто позволяет передать значение документов, которые до сих пор игнорировались; ср. Жутар Ф. Воспоминание и выставка в Перванше. БОИП, 1971. С. 153–155; Итоги работы: былая жизнь Севенн по документам семейных архивов, БОИП, 1972. С. 200–205; Новое исследование на основе семейных архивов. БОИП. С. 738–749.
10. Ср. отрывки из дипломной работы по истории Р. Борел из Гарда и М.-П. Хуга из Буш-де-Рона. Готовящаяся работа О. Колин из того же департамента.
11. Исследования в работе. Авторы А. Спортелло и М. Иларди (история) и Х. Бремонди (лингвист).

12. Благодаря конкурсу аудиовизуальной службы Университета, два фильма уже сняты. Один — как иллюстрация исследования праздника Жайян (Дром) приуроченного памяти работы по истории А.-М. Гранет.
13. Это эквивалент того, что Д. Арон-Шаппер и Д. Аннет по поводу исторических интервью на тему истории социального страхования называют «заявлением», в котором интервьюируемый «стремился представить для истории устные архивы и истории социальных институтов», Французское ревю социологии, 1978, с. 271.
14. Долгая долина в Севаннах. Жизнь. Традиции и поговорки прошлого. Специальный номер Ж. Косы и Севенны, 1975.

М. В. Лоскутова

Устная история в Великобритании и США в 1990-х — начале 2000-х гг.: обзор основных тенденций и исследований, посвященных истории России и СССР

За последние 10–15 лет устная история в Великобритании и США претерпела значительные изменения, рассмотрение которых и стало предметом данной статьи. Причины некоторых из них достаточно очевидны даже при поверхностном наблюдении, для понимания других требуется более серьезный анализ — как социально-экономических сдвигов в жизни этих стран и всего мира в целом на рубеже двух тысячелетий, так и процессов, происходивших в это время в гуманитарных и общественных науках.

Безусловно, это не означает, что исследователи, работающие в этой области, полностью отошли от тем, традиционно отождествляемых с устной историей еще с момента ее становления и институционализации в 1960–1970-е гг. Многие публикации последнего десятилетия были посвящены проблемам и сюжетам, постановка которых восходит к эпохе 1960-х гг. с ее стремлением воссоздать «историю снизу вверх» — историю простых людей, угнетаемых слоев населения, чья жизнь до той поры игнорировалась в рамках истории национально-государственных элит. Сюда в первую очередь можно отнести работы, относящиеся к двум исходно приоритетным для устной истории тематическим направлениям: к истории женщин и истории рабочего класса и трудящихся масс в целом. Действительно, значительное число статей и монографий, написанных за последние годы в Великобритании и США на материале устных источников, по-прежнему посвящено истории женского движения, положению и самосознанию женщины в различных историко-культурных контекстах. Целый ряд исследователей, особенно в Великобритании, занимался историей различных профессий и отраслей промышленности, истории фермерства и рыболовных промыслов. Общей для последней группы работ можно считать стремление историков пересмотреть сложившиеся в литературе представления о социальных отношениях на производстве в тот или иной период, восполнив и исправив картину, основанную преимущественно на нормативных докумен-

тах, за счет реконструкции реального взаимодействия людей, их поведенческих практик и психологических установок методом интервьюирования представителей изучаемых профессий (см., например, [14; 32]).

В то же время даже на примере этих двух традиционных для устной истории тематических направлений хорошо заметно, насколько изменилась устная история, как и вся историческая наука в целом, за последние два — два с половиной десятилетия, прошедшие с так называемого лингвистического поворота, как изменились исследовательские приоритеты, теоретические подходы и понятийный аппарат. В современных социальных науках исследователь — даже если он занят реконструкцией реальных обстоятельств жизни человека в том или ином социально-культурном контексте — уже не может игнорировать проблему опосредованного доступа к этой реальности, данной, как правило, в форме повествования, нарратива. Повествование о прошлом не может более считаться лишь «контейнером», в котором содержится интересующая историка информация: оно характеризуется своими риторическими стратегиями, подчиненными потребности рассказчика или рассказчицы осмыслить свою судьбу и утвердить и представить слушателю свое понимание собственного места в жизни. Иначе говоря, в настоящее время уже никто из исследователей, работающих в области устной истории, не может обойтись без анализа стратегий и форм презентации идентичности в автобиографическом нарративе.

В последней формулировке, максимально приближенной к английской терминологии (во многом перешедшей и в другие европейские языки), важно выделить два ключевых понятия — идентичность и нарратив. Как известно, сущность «лингвистического поворота» в социальных науках состояла в признании «сконструированного» характера реальности, осмысляемой и познаваемой человеком лишь посредством языкового ее описания. За этим тезисом следовало признание невозможности расчлнить «форму» — нарратив, языковое описание — и «содержание», «факты», о которых повествуется в рассказе. Заметим, что это положение относится не только к текстам или записям интервью, которые служат источниками для историка, но также к самому историческому исследованию, которое принимает форму книги, статьи, экспозиции в музее, документального фильма или радиопередачи. Что касается понятия идентичности (постепенно входящего в язык социальных наук и в России), то в теоретических моделях западно-европейских и североамериканских историков последних двух десятилетий оно прочно заняло место, которое ранее принадлежало понятию класса или социальной группы. Принадлежность человека к той или иной общности людей — будь то социо-профессиональная категория, конфессия, нация или пол — перестала восприниматься как нечто внешнее по отношению к человеку, существующее независимо от его мироощущения и карти-

ны мира того сообщества, к которому он себя причисляет. Эти два ключевых понятия — идентичности и нарратива, нарративного конструирования реальности, и являются тем «общим знаменателем», к которому могут быть приведены практически все без исключения работы англо-американских историков, работающих с устными источниками, за последние два десятилетия.

Несомненно, что эта трансформация в языке социальных наук, в их категориальном аппарате связана с серьезными изменениями в самой социальной структуре современного западного общества: переходом от индустриального к постиндустриальному обществу, с размыванием традиционных социальных групп, в том числе и рабочего класса в том виде, в каком он существовал в межвоенной и послевоенной Европе и Америке, с резко возросшей географической мобильностью населения, со свертыванием целых отраслей хозяйства и упадком или полным преобразованием связанных с этими отраслями небольших населенных пунктов или отдельных кварталов крупных городов, с упадком профсоюзного движения, с серьезной идеологической переориентацией левых партий и движений. Одновременно следует отметить резкое увеличение, особенно в Европе, потока иммигрантов из стран третьего мира, обострение социально-экономических и политических проблем, вызванных иммиграцией, трудности с интеграцией иммигрантов в национальную культуру европейских стран и возрастание роли этнического самосознания и религии в современном мире.

Понятие идентичности очень часто используется наряду с понятием «память», которое тоже выдвинулось в одну из основополагающих концептуальных категорий в социальных науках, и в частности в устной истории. В середине 1980-х гг., когда этот термин стал активно внедряться в язык социальных исследований, его смысловое поле определялось в первую очередь через противопоставление истории, исторической науке, понимаемой как объективное знание, достоверная реконструкция прошлого путем верификации данных. Эта оппозиция «истории» и «памяти» восходит еще к французскому социологу М. Хальбваксу, чьи работы 1930-х гг. были заново открыты в 1980-е гг. [23; 24]. В этот период «память» вводилась как смысловая категория, описывающая коллективные представления и практики, существующие помимо профессиональной историографии и воплощенные как в повествовательной форме, так и в ритуалах и связанных с ними материальных объектах и особых пространствах. Иначе говоря, внимание исследователей сместилось с реконструкции событий прошлого в сторону изучения символов, монументов, юбилеев, памятных торжеств или хрестоматийных рассказов, призванных увековечить и передать последующим поколениям память об этих событиях. Однако с самого начала понятие памяти оказалась взрывоопасным приобретением в концептуальном багаже исто-

рической науки, превратившись в инструмент радикальной деконструкции истории — как нашего представления об историческом процессе, так и самой дисциплины, изучающей этот процесс.

Со сдвигом фокуса исследования с событий прошлого на последующие воспоминания общества о них произошла релятивизация основополагающих представлений об истории, утвердившихся в Европе с начала XIX в. В основе общей конструкции любого исторического нарратива XIX — большей части XX в. лежит понимание истории как процесса развития нации, национального сообщества, во времени. Смысл постижения истории в этой перспективе заключался именно в постепенном раскрытии национального духа, изучении законов развития данного национального сообщества, постижении причин, по которым это общество оказалось в его современном состоянии, что должно было помочь предугадать его будущую судьбу. Деконструкция этих представлений об истории шла в последние два десятилетия на двух разных уровнях. С одной стороны, очень быстро пришлось отказаться от исходного противопоставления «истории» и «памяти» в теоретическом плане. Вместо этого «память» стала угрожать полным поглощением «истории». В 1980–1990-е гг. в ключевых работах ведущих историков Европы и Америки было убедительно показано, насколько национальная историография этих стран связана с коллективной памятью своих обществ, восходит к ней и продиктована ею [26; 31; 42]. В то же время стремление таких историков, как П. Нора и его коллеги во Франции, выявить и описать буквально все возможные национальные «места памяти» привела к ситуации, когда оказалось невозможным выстроить единый нарратив, связующий весь гигантский каталог коллективных воспоминаний [2; 5].

С другой стороны, наступление «памяти» на «историю» шло и на уровне рядовых исследований и проектов, проводившихся как в рамках профессиональной исторической науки, так и за ее пределами — в той сфере, которую у нас принято относить к журналистике, популярной литературе, масс-медиа, музейному делу и охране памятников. Речь идет об экспоненциальном росте исследовательских проектов и инициатив различного масштаба и качества, но объединенных одним общим стремлением — максимально полно документировать и сохранить для потомства уходящее прошлое в воспоминаниях и артефактах, повседневную жизнь отдельных людей и локальных сообществ. Устная история (как, впрочем, и близкие ей микроистория и история повседневности) оказалась особенно тесно связана с этой общей тенденцией последних десятилетий к тотальной музеефикации вчерашнего прошлого.

Эта тенденция, подмеченная очень многими западными исследователями [2; 36], была вызвана к жизни, как полагают, совокупностью экономических, социальных, политических и культурных изменений, происходивших

в западном обществе в последние несколько десятилетий, начиная примерно с 1970-х гг. Она, безусловно, связана со значительными миграциями населения, изменениями в его территориальном расселении, структуре занятости, с трансформацией городской среды и сельского ландшафта, — в частности, с закрытием старых промышленных производств и кризисом традиционного фермерского хозяйства, переориентацией целых регионов и секторов экономики на исторический и экологический туризм. Современная индустрия туризма с ее тенденцией к глобализации поставила на поток производство достопримечательностей и «памятных мест», апеллирующих к «историческому наследию».

Такая «память-наследие» одновременно локальна и глобальна: она обращена к местному сообществу и ко всем потенциальным посетителям данного туристического объекта. Она служит утверждению лишь локальной идентичности — отождествлению человеком себя только с этим небольшим пространством и его прошлым, и в то же время становится предметом потребления на глобальном культурном рынке. Повествовательная структура, объясняющая смысл каждого такого «памятного места», слабо или никак не связана с другими такими же, не образует единого исторического нарратива. Иначе говоря, в Западной Европе и Северной Америке к настоящему времени во многом распались национальные историографические каноны, сложившиеся здесь на протяжении XIX — большей части XX вв.: «исчезло единство мнения по поводу того, что и почему следует считать национальным наследием» [2, с. 54]. (Заметим, что такая связь локального и глобального прослеживается и в экономической составляющей различных проектов консервации исторического наследия и окружающей среды: в последние годы финансирование многих таких муниципальных проектов в Европе идет также по линии Европейского Союза, минуя уровень национальных государств.)

В последние годы на русский язык были переведены многие ключевые работы, связанные с проблематикой «исторической памяти» [1; 4; 5; 7]. В то же время, возможно, мы еще недостаточно хорошо представляем себе, насколько концептуальные схемы и понятийный аппарат, базирующийся на понятиях памяти и идентичности (в отличие от более понятного нам языка «развития» и «социальных групп»), проникли в плоть и кровь общественных наук западных стран и каковы последствия этой теоретической перестройки для практики рядового исследования, например в области устной истории.

Именно вышеописанными процессами и объясняется выход на передний край научных изысканий, посвященных коллективной памяти общества. Так, одной из самых востребованных тем в устной истории оказалась тема войны, травмы, вызванной войной в сознании людей и целых обществ,

и воздействия этой травмы на коллективную и индивидуальную память. В первую очередь речь идет об исследованиях, посвященных памяти о Второй мировой войне и Холокосте [30; 34; 43; 53]¹. Всплеск интереса к этой проблематике в последнее десятилетие, безусловно, связан с тем, что из жизни уходит поколение современников и участников войны, свидетелей и жертв Холокоста, для которых эта эпоха неразрывно связана с их автобиографическим опытом и личными воспоминаниями. В то же время нельзя не отметить и то обстоятельство, что изменение политической карты Восточной и Центральной Европы неизбежно повлекло за собой переосмысление памяти об этом периоде истории XX в. не только в этом регионе, но и в Европе и мире в целом.

Большой интерес исследователей вызывает также проблема формирования и изменения различных форм идентичности — в том числе идентичности, основанной на причислении человеком себя к не только к определенному социальному классу, этнической группе или полу (темы, активно разрабатывавшиеся в устной истории предшествующих десятилетий), но также и к определенной религии, возрастной группе или поколению. Повышенное внимание к религиозному сознанию, особенно к народной религиозности, равно как и к постепенной секуляризации европейского сознания в XX в., несомненно, связано с возрастанием роли религии в определении этнической идентичности, обострением этно-конфессиональных конфликтов в современном мире [21; 59].

Целый ряд статей последнего десятилетия был посвящен истории детства [45; 55]. Еще большее внимание, пожалуй, вызывает тема старости. Во многом это, конечно, обусловлено спецификой устной истории: в большинстве случаев ученые интервьюируют пожилых и очень пожилых людей. В ходе этой работы достаточно давно было обнаружено, что интервью может выполнять и психотерапевтические функции. Из стремления многих устных историков левой политической ориентации выйти за рамки сугубо академических изысканий, принести реальную помощь обществу, тем людям, которые делились с учеными своими воспоминаниями, возникло целое направление, объединяющее устную историю и социально-терапевтическую работу с пожилыми людьми. Оно получило особое развитие в Великобритании, прежде всего усилиями известной исследовательницы Джоанны Борнат и ее коллег [13]. Их деятельность не только значительно расширила горизонты устной истории, но и, как принято считать, повлияла на отношение к воспоминаниям пожилых людей со стороны британских психологов и психиатров [58, с. 588–589].

---

¹ Еще большее внимание этой проблематике уделялась в 1997–2005 гг. на страницах журнала «History and Memory».

Близко к этой тематике стоит целая группа статей и монографий, посвященная истории становления и развития системы социального обеспечения, социальной работы в Великобритании в XX в. Эти исследования часто пересекаются с другими, уже названными нами выше темами — историей женщин, историей профессий, историей детства. Для примера укажем на одну из статей, опубликованных за последние годы в журнале Британской ассоциации устной истории [45]. Предметом исследования здесь стала политика нескольких ведущих благотворительных организаций 1920–1930-х гг., занимавшихся проблемами детей-сирот. Автора интересует влияние принципов, которыми руководствовались эти организации в своей деятельности, на судьбы опекаемых детей, на процесс их взросления. Другой пример — исследование Р. Фергюсон, опубликованное в том же журнале [20]. В центре внимания в этой работе находятся взаимоотношения социальных работников и молодых матерей-одинок, получавших социальную помощь в 1960-е гг.

С чем может быть связано такое пристальное внимание британских устных историков к социальной истории медицины и психиатрии, истории социального обеспечения? Помимо уже отмеченного стремления многих исследователей, работающих в этой области, связать свою научную работу с социальным активизмом, большое значение имеют возможности финансирования исследовательских проектов. Действительно, очень многие проекты по устной истории в Великобритании существуют за счет тех или иных социальных фондов и программ. Так, из крупных фондов, выделяющих средства на научно-исследовательские проекты в области истории медицины и психиатрии, Wellcome Trust оказывает поддержку многим исследованиям в области устной истории¹.

В то же время несомненно, что значительное внимание, уделяемое в последние годы истории становления системы социального обеспечения в Великобритании, связано с серьезными изменениями в этой сфере — с фактическим демонтажом социального государства в том виде, в каком оно сложилось после Второй мировой войны. В предыдущие десятилетия, когда система социального обеспечения занимала достаточно прочные позиции, историки и социологи левого толка, безусловно поддерживавшие ее создание и функционирование в целом, достаточно жестко критиковали многие подходы и принципы в этой сфере. В своих работах, посвященных истории возникновения различных институтов социального обеспечения, конкрет-

---

¹ Вообще заметим, что проблеме финансовой поддержки исследований уделяется очень большое место на страницах журнала «Oral History», издаваемого Британской ассоциацией устной истории, где в особой рубрике регулярно публикуются обзоры потенциальных источников финансирования проектов и даются подробные рекомендации.

ной политике в той или иной области в различные годы, они последовательно подчеркивали заложенные в системе социального государства репрессивные элементы — контроль над малоимущими категориями населения, их принуждение, осуществляемые в интересах среднего класса. В новых условиях, после того как основополагающие принципы социального государства подверглись радикальному пересмотру в 1980–1990-е гг., такая критика неизбежно должна была потерять свой прогрессивный характер. Вполне закономерно, что в последних работах в этой области акценты сместились в сторону менее жесткой интерпретации тех же процессов. Это произошло, в частности, за счет изучения реальной практики взаимодействия между социальными работниками и адресатами различных программ социальной помощи [50; 52]. Устные рассказы-воспоминания о функционировании системы социального обеспечения, так же как и рассказы о повседневных отношениях на производстве, показывают расхождение между нормативными моделями и реальной практикой, говорят в пользу большей гибкости социальной системы, ее большей — чем было принято считать раньше — приспособленности к тому, чтобы идти навстречу нуждам малообеспеченных слоев. Так, например, в уже упомянутом исследовании Р. Фергюсон социальные работники перестают рассматриваться лишь как проводники государственной политики в сфере семьи и брака (в основе которой лежат ценности среднего класса, отражающие притом традиционные представления о роли мужчины и женщины в обществе). Реальное поведение медицинских и социальных работников, как показывает исследовательница, в гораздо большей степени, чем было принято считать, учитывало интересы тех женщин, которые находились под их опекой и контролем.

Стремясь связать научную работу с социальным активизмом, устные историки в Великобритании, как уже говорилось, с самого начала уделяли большое внимание истории политического протеста, левых политических партий и движений. Эта тема не исчезла из числа исследовательских приоритетов и в последнее десятилетие, хотя и здесь произошла некоторая переориентация. В фокусе внимания оказались не столько традиционные политические объединения и партии, сколько антивоенное движение, движение за запрещение ядерного оружия, а также различные организации и движения экологической направленности. Этой проблематике посвящен целый ряд исследований, опубликованных на страницах журнала Британской ассоциации устной истории [16; 61]. Несомненно, что изменения исследовательских приоритетов в этой области отражают перемены, произошедшие в самой политической жизни западных стран за последние десятилетия: размывание традиционной электоральной базы политических партий, сближение их программ и риторики, рост экологического движения.

Но, безусловно, самое большое число работ, написанных на материале устных источников за последние 10–15 лет, — это исследования, посвященные проблемам миграции в современном мире и идентичности мигрантов, будь то выходцы из Европы в странах Нового света, иммигранты из стран третьего мира в Западной Европе и США, беженцы и насильственно перемещенные лица [11; 12; 41; 51; 54–57].

Близко к этой проблематике стоит еще группа работ, авторы которых анализируют взаимосвязь между местным, локальным самосознанием и географической средой [18; 27; 35]. Окружающее пространство интересует исследователей как один из ключевых компонентов идентичности человека. Чувство родины — большой или малой — почти всегда так или иначе связано с представлением о своей земле, наделяемой теми же чертами, что и характер людей, ее населяющих. В то же самое время воспоминания отдельного человека, так же как и коллективная память общества, как правило, имеют пространственную привязку — связаны с теми или иными объектами окружающей среды, которые помогают сохранить в памяти различные события прошлого (последнее положение во многом восходит к работам Ф. Йейтс, не так давно переведенным и на русский язык [3]). Изменение ландшафта вызывает перестройку не только в бытовом укладе местных жителей — затронутой неизбежно оказывается и их идентичность, их представления о самих себе и о своем прошлом.

В ряде исследований изучается взаимодействие локального сообщества, локальной идентичности и глобальных информационных и людских потоков — в частности, рассматриваются проблемы, возникающие при столкновении современной индустрии туризма и местного сообщества. Эта тема за последние годы выдвинулась на первый план и заметно потеснила многие другие направления в исторических исследованиях не только в рамках устной истории. Одни из авторов рассматривают противоречия и конфликты, возникающие при столкновении официальной истории того или иного места, ставшего национальным памятником и крупным туристическим объектом, и памятью местных жителей, которая или просто игнорируется, или сознательно отрицается и оспаривается властями [15; 58]. В других работах речь идет о влиянии туристической индустрии на переосмысление, перестраивание местной идентичности (см. [19; 35; 48]). В то же время, как показывают эти статьи, местные жители не только испытывают на себе давление и вступают в конфликт с «глянцевой» трактовкой прошлого и настоящего своего региона, предлагаемой туристическим бизнесом при поддержке государства; в иных случаях они сами активно используют, присваивают, перестраивают и, если нужно, изобретают прошлое своего города или региона для того, чтобы вписаться в новые экономические реалии.

Многие из вышеописанных тенденции отчетливо прослеживаются и на страницах «*Oral History Review*» — журнала Американской ассоциации устной истории. Так, на примере опубликованных здесь работ мы видим выраженный интерес к проблеме трансформации городского пространства от индустриального к постиндустриальному и связанных с этим изменений в идентичности жителей городских кварталов (см., например, [25; 27]). Очень большое место на страницах журнала занимает история миграции и идентичности мигрантов (например, [10]). Много работ посвящено социальной истории медицины и психиатрии (например, [17]). Продолжают выполняться исследования, в фокусе которых находятся такие традиционные для устной истории темы, как женщины и социальный протест, этнические меньшинства в Америке, история афроамериканцев, история расовой сегрегации на американском Юге и борьбы с ней.

В то же время отчетливо выделяется еще ряд тем, которые не характерны для устной истории Великобритании или имеют несколько иную направленность: много исследований, сосредоточенных на изучении войны во Вьетнаме, осмыслении и переосмыслении этой войны в американском обществе, проблемах послевоенной адаптации ветеранов войны, их самосознании [9]. Нельзя не отметить и целый блок работ, посвященных атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки в конце Второй мировой войны и последующей памяти об этом событии в Японии и США, истории атомного проекта США [44]. На этих примерах хорошо видно, насколько устная история в выборе своих приоритетов ориентируется на историческую память общества — на ее «болевы́е точки», на те события, которые являются ключевыми для современного самосознания американцев.

* * *

Остановимся на работах британских и американских историков-русистов, которые были написаны за последнее десятилетие с применением методов устной истории. Данный обзор, безусловно, не претендует на полноту. Отследить все появляющиеся в этой области исследования весьма затруднительно, в том числе и потому, что наиболее интересные труды были написаны исследователями, не причисляющими себя к устным историкам, а работающими в рамках русистики и славистики как особых академических дисциплин со своими институтами — факультетами и кафедрами, научными журналами, ассоциациями и конференциями. Многие из этих людей ранее никогда не занимались устной историей. Часто они сами признают свое недостаточное знакомство с работами своих соотечественников в этой области, в том числе и с рекомендациями национальных ассоциаций устных историков. Их исследования тоже адресованы в первую очередь специалистам в области истории России и СССР. Однако тематика исследований и постановка проблем во многом отражает те же тенденции и при-

оритеты, которые были характерны для устной истории в целом. Здесь мы тоже встречаем как достаточно традиционные (для устной истории, но не для западной русистики) темы по социальной истории — история женщин, история детства, история миграции. В то же время в последние годы в этой области появились и интересные работы по таким проблемам, как коллективная память, война и переживание травматического опыта отдельным человеком и обществом в целом. Эти последние изыскания показывают, что дисциплинарные границы между русистикой и другими направлениями гуманитарного и социального знания в англоязычных странах постепенно преодолеваются, что, несомненно, положительно сказывается на качестве исследований, посвященных истории России.

Примером успешного использования методов устной истории американскими русистами может служить монография Д. Рансела [47]. В этой работе Д. Рансел продолжил свои изыскания в области социальной истории семьи, материнства и детства в России. Предыдущая его книга, написанная на основе опубликованных и архивных источников [46], была посвящена истории детства в дореволюционной России, в том числе проблеме детской смертности, детоубийства, брошенных детей, детей-сирот, и учреждениям общественного призрения. В ходе работы над этой темой исследователя, по его собственному признанию, поразили крайне высокие показатели детской смертности в России начала XX в. — одни из самых высоких из зарегистрированных во всей мировой истории. В новой работе Рансел продолжает эту тему: теперь его интересуют повседневные практики, традиции, верования и представления деревенских женщин, связанные с планированием семьи и контролем над рождаемостью, рождением ребенка и уходом за маленькими детьми. Он также рассматривает отношение крестьянок к политике властей, направленной на внедрение новых научных методов и приемов родовспоможения и ухода за грудными детьми.

Хронологически исследование охватывает первую половину — середину XX в. В ходе работы Д. Ранселом и его коллегами из России было собрано около 80 интервью с русскими и татарскими женщинами, проживающими в разных регионах Российской Федерации. Анализируя интервью, Рансел разделяет своих респонденток на три возрастные когорты, три поколения: те, кто родился до начала Первой мировой войны; те, кто родился между 1912 и 1930 гг., и, наконец, те, кто родился после 1930 г. Каждое из этих поколений было по-своему затронуто меняющейся политикой властей в области санитарии и гигиены, материнства и детства. Другие масштабные исторические процессы и события — две мировые войны, революция, гражданская война, коллективизация и массовые репрессии 1930-х гг. — тоже по-разному сказались на поведении и отношении к материнству и уходу за детьми женщин разных поколений. Однако, несмотря на постоянное стрем-

ление государства контролировать воспроизводство населения, эти женщины-крестьянки поступали в соответствии со своими ценностями и представлениями (многие из которых, впрочем, никак не способствовали падеанию детской смертности).

Поведенческие практики первого поколения женщин, ставших матерями как раз к началу коллективизации, были во многом обусловлены предрассудками и невежеством, свойственными традиционной сельской общине, — но также и тем, что тяжелейший труд в крестьянском хозяйстве диктовал свои требования, перед которыми уход за новорожденным отступал на второй план. Женщины второго поколения вступили во взрослую жизнь и обзавелись семьей и детьми в 1930–1940-е гг. — во время коллективизации и Великой Отечественной войны. Их представления и система ценностей были гораздо больше затронуты советской пропагандой — в том числе и санитарно-просветительной работой. В то же время именно их поколение в наибольшей степени испытало на себе несоответствие обещаний советской власти темпам реального внедрения системы социального и медицинского обеспечения на селе. Неудивительно, что это поколение, постоянно жертвовавшее последним во имя интересов страны в целом и ничего или почти ничего не получавшее взамен, осознанно шло наперекор политике советской власти и боролось за свои интересы.

Женщины второго поколения упорно продолжали крестить детей, но в то же время они массово шли на подпольный аборт, прибегая к этому средству как к единственно доступному для них способу планирования семьи (и в этом их различие со старшим поколением, считавшим аборт грехом). Во многом под давлением снизу властям пришлось легализовать аборты и увеличить социальную помощь матерям.

Третье поколение — это поколение тех, кому наконец удалось получить многие из обещанных советской властью социальных благ: бесплатное медицинское обслуживание, детские сады и ясли. Только в этом поколении советской власти удалось наконец заметно повлиять на повседневные бытовые практики сельских жительниц, искоренить множество предрассудков и суеверий, свойственных традиционной крестьянской культуре. И именно у этого поколения сильнее всего была и идентификация женщин с советской властью, ностальгия по советскому прошлому.

Книгу Д. Рансела по праву можно считать заметным вкладом в изучение истории женщин и детства в России, раскрывающим новые аспекты взаимодействия крестьянской культуры, гендерной идентичности, предписаний традиционной религии и политики государства.

Другой работой, тоже посвященной истории детства, стала работа американского исследователя Ларри Холмса [29]. Занимаясь историей советского образования эпохи сталинизма, Л. Холмс попытался документально ре-

конструировать повседневную жизнь одной московской школы в 1930-е гг. Это учебное заведение не было рядовым: здесь учились многие дети высшего партийного и советского руководства страны. В числе ее выпускников — выдающиеся деятели советской и российской науки и культуры, известные правозащитники. Работая над темой, исследователь ознакомился с большим количеством опубликованных и архивных источников, преимущественно из фондов ГАРФ и Научного архива Российской академии образования (Москва). Картина, вырисовывавшаяся на основании этих материалов, в основном подтверждала стереотипные представления о школьном образовании эпохи сталинской диктатуры — о железной дисциплине, постоянной идеологической обработке учащихся, подавлении их личной инициативы, насаждении слепой преданности режиму. По собственному признанию, Л. Холмс первоначально не предполагал интервьюировать выпускников этой школы, учившихся в ней в 1930-е гг., — практически случайно весной 1990 г. он провел первое интервью с двумя бывшими ее ученицами. Первые интервью достаточно радикально изменили представления исследователя о характере обучения в этом учебном заведении, что заставило Л. Холмса продолжить работу в этом направлении. Всего в 1990–1996 гг. им было записано 36 рассказов-воспоминаний. В результате на свет появилась монография, не только в деталях реконструирующая будни московской элитарной школы 1930-х гг., но и пересматривающая многие расхожие — и не только в американской русистике — представления о природе отношений населения и власти, характерные для эпохи сталинизма.

Процесс интервьюирования заставил исследователя по-новому взглянуть и на имевшиеся в его распоряжении архивные документы, многое в которых стало восприниматься в ином свете. В первую очередь разрушился миф о железной дисциплине и неуклонном соблюдении всех правил и предписаний: на самом деле школа активно поощряла спонтанное творчество учащихся, самостоятельность мышления. В то же время рассказы респондентов не сводились лишь к ностальгическим воспоминаниям о счастливом детстве в Москве 1930-х гг. Они оказались сложнее и интереснее, позволив исследователю высказать ряд достаточно глубоких замечаний о характере сталинского режима и мировоззрении того поколения людей. Так, Л. Холмс отмечает прозрачность границ между семьей и школой, школой и обществом, школой и государством, общественной и личной жизнью, характерную для той системы отношений. Советская власть, особенно в эпоху сталинизма, активно стремилась ликвидировать эту границу. В политическом климате 1930-х гг. внутренний мир человека, его интимные движения души оценивались и осуждались с той же беспощадностью, что и его общественно значимые поступки. И повседневная жизнь 25-й московской школы в точности воспроизводила эту логику. Более того, привилегирован-

ное положение школы, принадлежность многих родителей к высшим эшелонам власти только усугубляли эту тенденцию. Школьники не только активно участвовали во всех массовых мероприятиях тех лет — многие из крупных событий общественной жизни 1930-х гг. были напрямую связаны с семейной жизнью учащихся. Так, например, вся школа, затаив дыхание, следила за спасением челюскинцев — ведь здесь учился сын О. Ю. Шмидта, руководителя полярной экспедиции, попавшей в ледовый плен.

Школа побуждала своих учеников жить общественной жизнью, быть лидерами в строительстве социализма. Это поколение, по словам самих респондентов, в юности верило в свое особое предназначение, в то, что им предстоит выполнить исключительные задачи и прожить необыкновенную жизнь. Они знали о массовом голоде, арестах и репрессиях, но в то же время жили «в другом измерении», в мире радикальной утопии, всецело устремленной в будущее и лишенной связи с прошлым. По собственному признанию респондентов, дореволюционного прошлого для них не существовало — настоящим прошлым, с которым они чувствовали свое родство, были революция и гражданская война, точнее, героический миф о революции и гражданской войне. Семейные связи многих учеников с высшим партийным и советским руководством, с активными участниками Гражданской войны и установления советской власти только укрепляли этот миф.

В своей работе [28] Л. Холмс отмечает, что он специально не исследовал проблему восприятия человеком истории и своей судьбы сквозь призму памяти — его интересовало само прошлое. Но в то же время, пытаясь дать ответ на вопрос о механизмах функционирования сталинского режима, исследователь вплотную подошел не только к проблеме «субъективности» — внутреннего мира советского человека той эпохи, — но и последующего осмысления своего прошлого, своей личной судьбы в контексте всей истории страны людьми того поколения, которое только вступало в жизнь в 1930-е гг. Тем самым работа Л. Холмса вносит заметный вклад в изучение исторической памяти советского и постсоветского общества. В его исследовании оказалась зафиксирована и стала предметом вдумчивого анализа современная историческая память российского общества.

Несколькими годами ранее было опубликована еще одна работа, также посвященная социальной истории СССР 1930-х гг., — монография известного американского историка Стивена Коткина [33]. Материалом для анализа послужила история одной из крупнейших строек эпохи первых пятилеток — строительство Магнитогорска. Обсуждение всех аспектов этого обширного исследования выходит далеко за рамки настоящей статьи. Отметим здесь лишь те его грани, которые непосредственно связаны с использованием Коткиным методов устной истории.

В числе самых серьезных проблем, поднятых в этой работе, — вопрос о массовой поддержке сталинского режима. С этой точки зрения наибольший интерес представляет вторая часть монографии, показывающая и анализирующая повседневную жизнь рядовых строителей Магнитки, их поведенческие стратегии, которые в не меньшей степени, чем политика властей, определяли развитие событий и судьбу страны. В этой части исследования С. Коткин обратился, помимо опубликованных материалов и архивных документов, к своим интервью с жителями Магнитогорска, которые были им записаны в конце 1980-х гг. На материалах периодической печати тех лет, архивных документов и интервью Коткин в деталях реконструирует быт строителей Магнитки: питание и жилищные условия, условия труда, организацию производства. Но в не меньшей степени его интересует самосознание рабочих, их представления о социальной справедливости, их поведение во время «чисток» в партии и процессов над «врагами народа».

В своем исследовании американский историк идет от частного к общему: от истории одного города, одной стройки — к анализу всей сталинской эпохи и сталинского режима. Изучение повседневности тех лет приводит Коткина к выводу о том, что сталинизм был в такой же мере творением самих масс, как и результатом сознательной политики правящей партии. Идеология строительства нового социалистического общества была важнейшим фактором, обеспечившим стабилизацию политического режима, поскольку именно она позволяла рядовым рабочим обрести смысл в жизни, увидеть перед собой цель, отождествить себя с новым обществом. Массштабные стройки первых пятилеток привлекали к себе тех, кого выталкивало традиционное общество. Новая идеология давала им возможность прорвать с самосознанием тех социальных групп и классов, места которым при новой власти уже не находилось. В своей работе Коткин наглядно показывает, насколько обманчиво распространенное представление о преобладании коллективистских ценностей в идеологии тех лет. Напротив, участие в строительстве социализма открывало путь к достижению личного успеха, реализации личных жизненных планов и амбиций. Массовые репрессии 1930-х гг. тоже не были лишь простым результатом выполнения приказов из Москвы: они проходили при активном участии масс. «Чистки» партийного и советского аппарата и «большой террор» 1937 г. пользовались поддержкой рядовых рабочих — во многом потому, что последние воспринимали их как борьбу с новым правящим классом — партийными аппаратчиками, весь смысл существования которых, как новой советской элиты, оправдывался лишь верой в коммунизм. Именно идеология строительства социализма — вера в возможность реализации радикальной утопии — была цементом, скреплявшим общество и политический режим. Но эта же вера требовала постоянного поиска врагов и отступников в рядах самих миссионеров.

Предложенная С. Коткиным интерпретация, безусловно, является одной из самых интересных попыток последнего десятилетия осмыслить природу сталинизма «снизу» — с позиции масс. В этой связи нельзя не отметить, что трактовка, предложенная американским историком, основывается в первую очередь на представлении о самих себе, о своей жизни, об эпохе 1930-х гг. и о строительстве Магнитки рядовых участников этой стройки. Для некоторых критиков именно в этом заключается самый серьезный недостаток книги Коткина [49]. Насколько, однако, историк, изучающий самосознание, может выйти за его пределы — критически отнестись к коллективным представлениям людей о самих себе, о своем обществе, показать их несостоятельность, усомниться в одних суждениях и согласиться с другими? Можно продемонстрировать несоответствие тех или иных представлений некоторым реалиям жизни общества, но как быть с мироощущением, с системой ценностей, с идентичностью людей? Как далеко историк может зайти в своем отрицании того, что прямо говорят по этому поводу сами участники событий? С. Коткин следует именно той трактовке 1930-х гг., которую находит в источниках тех лет и у своих респондентов. Другой вопрос, что для Коткина, кажется, не существует никакой дистанции между мировоззрением рабочих 1930-х гг. и взглядами, высказанными его собеседниками в конце 1980-х. Сами интервью, как можно понять, служили исследователю лишь подспорьем, помогая уяснить некоторые вопросы, касающиеся бытовых реалий тех лет, стратегий поведения и мотивов, стоящих за этими стратегиями. Не отрицая продуктивность такого подхода, следует все же заметить, что говорить о стратегиях поведения и мотивах, описанных человеком ретроспективно, в интервью, можно лишь в контексте всей биографической конструкции личности — осмысления человеком своей жизни исходя из своего настоящего положения и предполагаемой будущей судьбы. Последняя же проблема в исследовании С. Коткина не поднималась.

Однако в самые последние годы появилось еще несколько работ британской исследовательницы Кэтрин Мерридэйл, которые напрямую связаны с проблемой осмысления личного и коллективного прошлого в России в XX в. [37; 38; см. также 39]. Последняя по времени ее книга, посвященная коллективной и личной, автобиографической памяти о Великой Отечественной войне в советском обществе и современной России, к сожалению, остается за рамками нашей статьи, поскольку ознакомиться с ней пока удалось лишь фрагментарно. Первая же из названных здесь монографий, опубликованная в 2000 г., представляет собой обширное междисциплинарное исследование, в центре которого находится проблема памяти о прошлом и отношения к смерти в русской культуре за последние сто лет. Эта книга, в работе над которой исследовательница обращалась к обширной литературе по истории, антропологии, социальной психологии и психиатрии, написа-

на с привлечением широкого круга источников, среди которых важное место отведено именно интервью с людьми, пережившими массовый голод 1932–1933 гг., сталинские репрессии, Великую Отечественную войну и блокаду Ленинграда, ветеранами афганской войны и войны в Чечне, а также с медицинскими и социальными работниками, профессионально занимающимися проблемой оказания психологической помощи участникам и жертвам войн и катастроф. Интервью проводились в середине – второй половине 1990-х гг., число респондентов составило около 200 человек.

Реконструируя отношение российского/советского общества к смерти – в том числе насильственной смерти миллионов, ставших жертвами войн, голода и репрессий, – Мерридэйл противопоставляет официальную идеологию воспоминаниям людей о своей жизни и о своих близких. В то же время исследовательница настаивает на сильнейшем воздействии идеологии на воспоминания. С ее точки зрения, отсутствие публичного, разделяемого всем обществом нарратива о жертвах голода и репрессий, вытеснение из общественного сознания воспоминаний о страшных потерях, страданиях, изменах, предательстве в годы Великой Отечественной, о бесчеловечности сталинского режима – все это привело к тому, что как российское общество в целом, так и каждый человек в отдельности до сих пор так и не могут восстановить в памяти это прошлое. Вместо памяти и оплакивания жертв, утверждает Мерридэйл, люди поют песни и рассказывают истории о своей стойкости перед лицом испытаний и своем чудесном спасении от неминуемой гибели.

Эти тезисы исследовательницы достаточно убедительно раскрыты в ее работе, но не они (или не только они) причина того, что книги Мерридэйл вызывают неоднозначную реакцию¹. С нашей точки зрения, самый спорный аспект трудов британской исследовательницы состоит в том, что вслед за многими современными работами, посвященными проблеме памяти о войне и массовой насильственной гибели людей в XX в., эта тема рассматривается ею в контексте целого ряда концепций западной психиатрии и психотерапии, в основе которых лежат понятия психологической травмы

---

¹ Эти книги, в частности последняя монография о Великой Отечественной войне, становятся постепенно известными и в нашей стране. Свидетельством тому может служить крайне резкая критика, прозвучавшая в адрес К. Мерридэйл в передовой статье одной из ведущих петербургских ежедневных газет накануне 9 мая 2006. См. [8]. Заметим, что автор передовицы не слишком вникал в нюансы оценок исследовательницы и теоретические послышки, лежащие в их основании. Сам Д. Шерих однозначно отказывается признавать проблему, связанную с вытеснением слишком многих неудобных воспоминаний о Великой Отечественной войне из коллективной и индивидуальной памяти советского/российского общества. Однако неоднозначность восприятия книг К. Мерридэйл не обязательно должна сводиться к позиции, выраженной петербургским журналистом.

и ее преодоления через оплакивание и «работу памяти». В рамках этой традиции для успешного преодоления прошлого и исцеления отдельного человека и всего общества от «травматического опыта» требуется воссоздание в нарративной форме подавленных болезненных воспоминаний. За этой стадией должно последовать примирение с этими воспоминаниями путем создания приемлемых для всех форм, в которых люди могли бы чтить память о страшных событиях. Именно этой «работы памяти» ожидает британская исследовательница от нашего общества — и не находит ее. С точки зрения Мерридэйл, выбор в пользу молчания и сокрытия жестокой правды сделали не только ее респонденты как частные лица, решающие свои психологические проблемы, но все российское общество.

Следует отметить, что сама Мерридэйл до известной степени признает, что подобный подход, столь свойственный современной западной культуре, не может считаться универсальным [39]. Практически все респонденты и собеседники Мерридэйл с российской стороны скептически оценивали возможности анализа автобиографической памяти и детального нарративного реконструирования прошлого как способа преодоления и примирения с ним. Вместо этого советское/российское общество — в интерпретации Мерридэйл — располагало в XX в. своими практиками преодоления травмы — солидаризацией с коллективом, мобилизацией общих усилий на ликвидацию материальных последствий катастроф, полной самоотдачей человека ради своего дела и своих близких. Основы этой психологической культуры лежат, по мнению британской исследовательницы, еще в области традиционных ценностей русской крестьянской общины и православной церкви. В то же время Мерридэйл подчеркивает воздействие на эту культуру идеологии советской эпохи, особенно периода сталинизма, беспощадно подавлявшей боль и отчаяние отдельного человека. В итоге исследовательница все же честно признает, что свойственные российской культуре механизмы преодоления травматического прошлого, столь отличные от западных подходов, могут, в принципе, быть ничуть не менее, а возможно, и более эффективными: «Живущие в достатке граждане демократического Запада могут поставить под сомнение моральные основания этой культуры выживших. Хотя он и имеет глубокие народные корни, сталинистский коллективистский и стоический подход к психической травме был основан на принуждении. Однако традиция, истоки которой весьма сомнительны, не всегда обречена на банкротство. Народ, привыкший к молчанию, или по крайней мере к определенному такту, не обязательно следует снова принуждать насильно — на сей раз к тому, чтобы заниматься разоблачениями, свойственными обществу, в котором причисление себя к числу жертв считается вполне допустимым и даже имеет легкий налет моды» [39, с. 55].

Этот тезис, однако, не всегда последовательно проводится в работах Мерридэйл (возможно, поэтому ее рецензенты в Великобритании и США словно бы не замечают его или воспроизводят не вполне адекватно). Происходит это, с нашей точки зрения, именно потому, что исходная посылка автора, понятийный аппарат ее трудов сформировались в рамках западных – в первую очередь англо-американских – концепций психической травмы, нанесенной войной и массовым уничтожением людей, и воспоминания-нарратива как пути преодоления этой травмы. Эти представления, очевидно, и определяли позицию исследовательницы в ходе проведения интервью. И хотя в итоге ее респондентам, как свидетельствует сама Мерридэйл, удалось добиться того, что многие их мысли и возражения были услышаны и отражены в работах, тем не менее концептуальная основа ее изысканий не претерпела радикальных изменений. Не случайно поэтому наблюдения и выводы Мерридэйл, относящиеся к официальной советской идеологии, звучат гораздо более убедительно, чем ее размышления по поводу исторического сознания и автобиографической памяти рядовых граждан советского и постсоветского общества.

Возможно, что работа в этом направлении российских историков и антропологов, не понаслышке знакомых с англо-американской литературой по соответствующей проблематике, позволит сделать следующий шаг в этом направлении и не только констатировать «инаковость» российской культуры коллективной памяти о прошлом и диагностировать ее неразрывную связь с эпохой сталинизма, но и понять ее особенности. В этом направлении, например, развивается исследование С. Ушакина, работающего сейчас в США [6]. Его последние изыскания в области коллективной памяти российского общества о погибших в афганской и чеченской войнах, написанные на материалах интервью и полевых наблюдений, значительно дополняют и корректируют тезисы К. Мерридэйл. Так, С. Ушакину, на наш взгляд, удастся в значительной мере деконструировать основные теоретические положения, лежащие в основе англо-американского дискурса о памяти, психической травме и ее преодолении, и показать их связь с характерными психологическими механизмами конструирования внутреннего «я», свойственными именно этой англо-американской культуре, а не являющихся неотъемлемо присущими всему человечеству. В то же время С. Ушакин сосредотачивает внимание не столько на воздействии официальной идеологии на воспоминания отдельных наших соотечественников, сколько на усилиях самих этих людей осмыслить свое прошлое в условиях, когда общество в целом не может предложить им никакой внятной интерпретации прошлого.

Призыв ко всем устным историкам двигаться именно в этом направлении прозвучал недавно в ходе дискуссии о современном положении этой

дисциплины [22]. В настоящее время, констатируют многие исследователи, устная история практически слилась с изучением коллективной памяти. Этот процесс, начавшийся еще в 1980-е гг., коренным образом изменил наши представления о возможностях устной истории. Его результатом явились многие яркие работы, позволившие лучше понять общественное самосознание, особенности взаимодействия автобиографической памяти личности и исторического сознания общества. Однако дальнейшее движение по этому пути может привести к тому, что устная история полностью откажется от своего собственного прошлого как подхода, в центре которого находится личность отдельного человека, его способность к критическому и конструктивному осмыслению своего положения в обществе, его способность самому творить историю, а не быть лишь заложником социальных структур, стереотипов общественного сознания или коллективной памяти о прошлом.

Литература и источники

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и историческая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
2. Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: чьи места? // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 44–71.
3. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб, 1997.
4. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб., 2004.
5. Нора П. и др. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.
6. Ушакин С. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 603–639.
7. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.
8. Шерих Д. Победа! // *Санкт-Петербургские ведомости*. 2006. № 80 (6 мая). С. 1.
9. Allison F. H. Remembering a Vietnam war firefight: changing perspectives over time // *Oral History Review*. 2004. Vol. 31. № 2. P. 69–83.
10. Anderson W. D. Oral history and migrant wage labour: sources of narrative distortion // *Oral History Review*. 2001. Vol. 28. № 2. P. 1–20.
11. Barber M. Hearing women's voices: female migration to Canada in the early twentieth century // *Oral History*. 2005. № 1.
12. Bennet O. Breaking the threads: the real cost of forced resettlement // *Oral history*. 1999. № 1.
13. Bornat J., Perks R., Thompson P., Walmsley J. Oral history, health and welfare. London, 2000.
14. Bruley S. «Sorters, pressers, pipers and packers»: women in light industry in South London 1920–60 // *Oral history*. 1997. № 1.
15. Caftanzoglu R. The sacred rock and the profane settlement: pace, memory and identity under the Acropolis // *Oral history*. 2000. № 1.
16. Carrol S. I was arrested at Greenham in 1962: investigating the oral narratives of women in the anti-nuclear committee of 100 // *Oral History*. 2004. № 1.
17. Crivos M. Narrative and experience: illness in the context of an ethnographic interview // *Oral History Review*. 2002. Vol. 29. № 2. P. 13–15.

18. Ealham C. Class and the city: spatial memories of pleasure and danger in Barcelona 1914–23 // Oral history. 2001. № 1.
19. Egos S. Clean and green but messy: the contested landscape of New Zealand's organic farms // Oral history. 2000. № 1.
20. Ferguson R. Support not scorn: the theory and practice of maternity almoners in the 1960^s and 1970^s // Oral History. 2003. № 2.
21. Gerrard P. The lord said «Come»: why women enter a religious order // Oral history. 1996. № 2.
22. Green A. Individual remembering and 'collective memory': theoretical presuppositions and contemporary debates // Oral History. 2004. № 2.
23. Halbwachs M. On collective memory. Engl. trans. and introduction by Lewis A. Coser. Chicago, 1992.
24. Halbwachs M. The collective memory. Engl. trans. F. J. and V. Y. Ditter. N. Y., 1980.
25. Hardy C. A people's history of industrial Philadelphia: reflections on community oral history projects and the uses of the past // Oral History Review. 2006. Vol. 33. № 1. P. 1–32.
26. Hartog F. Time, history and the writing of history: the order of time // History-making. The intellectual and social formation of a discipline. Ed. by: R.Thorstendahl, I. Veit-Brause. Stockholm, 1996. P. 85-113.
27. Hoberman M. High crimes and fallen factories: nostalgic utopianism in an eclipsed New England industrial town // Oral History Review. 2001. Vol. 28. № 1. P. 17–40.
28. Holmes L. E. Part of history: the oral record and Moscow's model school № 25, 1931–1937 // Slavic Review. 1997. Vol. 56. № 2. P. 279–306.
29. Holmes L. E. Stalin's school: Moscow's model school № 25, 1931–1937. Pittsburgh, 1999.
30. Hunt N., Robbins J. Telling stories of the war: ageing veterans coping with their memories through narrative // Oral history. 1998. № 2.
31. Hutton P. History as an art of memory. Hanover, 1993.
32. Jonston R., Mclvor A. «Dust to dust»: oral testimonies of asbestos-related disease on Clydeside, c.1930 to the present // Oral History. 2001. № 2. P. 48–61.
33. Kotkin S. Magnetic mountain: Stalinism as a civilisation. Berkeley, 1995.
34. Kushner T. Oral history at the extremes of human experience: Holocaust testimony in a museum setting // Oral history. 2001. № 2.
35. Landorf C. A sense of identity and a sense of place: oral history and preserving the past in the mining community of Broken Hill // Oral history. 2000. № 1.
36. Lowenthal D. The past is a foreign country. Cambridge – N. Y., 1985.
37. Merridale C. Ivan's War: The Red Army 1939–1945. London, 2005.
38. Merridale C. Night of stone: death and memory in twentieth-century Russia. New York, 2000.
39. Merridale C. The collective mind: trauma and shell-shock in twentieth-century Russia // Journal of Contemporary History. 2000. Vol. 35. № 1. P. 39–55
40. Moodie J. Preparing the waste places for future prosperity? New Zealand's pioneering myth and gendered memories of place // Oral history. 2000. № 2.
41. Nocon A. A reluctant welcome? Poles in Britain in the 1940s // Oral history. 1996. № 1.
42. Nora P. Between memory and history // Representations. 1989. № 26. P. 7–25.
43. Nutkiewicz M. Shame, guilt, and anguish in Holocaust survivor testimony // Oral History Review. 2003. Vol. 30. № 1. P. 1-22.
44. Palevsky M. The embers of Hiroshima: from author to subject in a transnational oral history collaboration Oral History Review. 2003. Vol. 30. № 2. P. 23–57.
45. Prynne B. Growing up alone // Oral history. 2001. № 2.

46. Ransel D. Mothers of misery: child abandonment in Russia. Princeton, 1988.
47. Ransel D. Village mothers: three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington, 2000.
48. Riley M. Ask the fellows who cut the hay: farm practices, oral history and nature conservation // Oral History. 2004. № 2.
49. Rittersporn G. T. Review: Magnetic mountain: Stalinism as civilization // The American Historical Review. 1996. Vol. 101. № 5. P. 1586-1587.
50. Rolph S. «A man's job?»: gender issues and the role of mental health welfare officers, 1948–1970 // Oral History. 2002. № 1.
51. Ryan L. «I'm going to England»: women's narratives of leaving Ireland in the 1930s // Oral History. 2002. № 1.
52. Smith G. Protest is better for infants: motherhood, health and welfare in a women's town c. 1911–1931 // Oral history. 1995. № 1.
53. Sokoloff S. Soldiers or civilians? The impact of army service in World War Two on Birmingham men // Oral history. 1997. № 2.
54. Tatla D. A passage to England: oral tradition and popular culture among early Punjabi settlers in Britain // Oral History. 2002. № 2.
55. Thompson P., Bauer E. Recapturing distant Caribbean childhoods and communities: the shaping of the memories of Jamaican migrants in Britain and North America // Oral History. 2002. № 2.
56. Thomson A. «I live on my memories»: British return migrants and the possession of the past // Oral History. 2003. № 2.
57. Thomson A. Moving stories: oral history and migration studies // Oral history. 1999. № 1.
58. Thomson A. Fifty years on: an international perspective on oral history // The Journal of American History. 1998. Vol. 85. № 2. P. 581–595.
59. Tucker H. Tourism and the loss of memory in Zelve, Cappadocia // Oral history. 2000. № 2.
60. Williams S. C. The problem of belief: the place of oral history in the study of popular religion // Oral history. 1996. № 2.
61. Wills J. Talking atoms: anti-nuclear protest at Diablo Canyon, California, 1977–1984 // Oral history. 2000. № 2.

Д. Н. Хубова

«Устный архив»: технология документирования в устной истории

В технологии документирования устной истории разграничиваются два аспекта: 1) рассмотрение традиционных составляющих процесса документирования в ракурсе комплекса взаимосвязей устной истории и архивоведения, что, в свою очередь, приводит к необходимости 2) более глубокого терминологического, методологического, конкретно-исторического анализа аспектов архивного функционирования. Таковыми оказываются: выборка, комплектование, интервьюирование, обсуждение роли вопросника, предварительных интервью, аспекты НТО, транскрибирования, составления НСА, каталогизации, этических и юридических аспектов, проблемы ав-

торства, авторского права и доступа к документу устной истории; использование и кадры. Многозначность проблемы требует комплексного анализа природы связей объекта исследования — устной истории и архивов, решения поставленных задач и вопросов на теоретическом, историографическом и прикладном уровнях.

В статье анализируется эволюция содержания традиционной архивной терминологии, развитие архивного сознания, отраженное в зарубежной литературе и изменившее отношение не только к историческому источнику и документу, но и к архиву в целом. Через анализ терминов «архив», «депо», «хранилище», «записи» (records) рассматривается тенденция современной гуманитарной мысли к философской интерпретации понятия «архив» и обоснования, таким образом, появления и тиражированности термина «устный архив» как симбиоза «устности» и «архива» (Les archives orales // Annales, 1980, № 1).

На фоне дискуссий о методе, о приоритете архивного или исторического в «устной истории» и «устном архивоведении», спора о методике интервьюирования/документирования и создания концепции «устного архива» рассматривается научная ситуация в современном зарубежном архивоведении, анализ концепций которого простирается от системы традиционного архивоведения до концепции «новой архивистики для новой истории» (П. Нора).

Кроме анализа происхождения и наполнения термина «устный архив», в исследовании освещается конкретный опыт организации устного архива. На первый взгляд идентичные опыту традиционного архивоведения, его функции существенно отличаются. Основное отличие заключается в процессе интервьюирования — «инициативном документировании», своей спецификой влияющем на все остальные технические процедуры, направленные на создание устного архива. Именно в технологии документирования устной истории поднимается ряд важнейших методолого-гносеологических проблем, новых для источниковедения, архивоведения и методологии исторической науки вопросов: формирование историком исторического источника; исследуется роль интервьюера, его влияния на вербальные и поведенческие реакции информанта, на создаваемый в ходе межличностной коммуникации исторический источник, его структуру и содержание. Инициативное документирование превращает историю из «науки без эксперимента» в настоящую творческую лабораторию, «мастерскую истории», где новые возможности позволяют изучать механизмы порождения исторического источника, адресованности, вариативной интерпретации действительности и др.

Осознание роли историка в историческом интервью (дескриптивной или креативной; есть ли различие в этих функциях — наблюдения и описа-

ния происходящего и/или соприсутствия бытию) является ключевым для понимания профессиональных споров в среде архивистов и историков устной истории. В борьбе за «архивную» концепцию ее приверженцы стремятся к максимальному самоустранению в процессе «интервьюирования, к сведению собственных влияний на характер и условия коммуникации, природу и содержание создаваемого источника к минимуму». Девизом такой стратегии является архивная идея о непредсказуемости интересов и запросов историков будущего. Интервьюеры-историки стремятся к получению исторического свидетельства по конкретно-исторической проблематике, строя опрос согласно собственным вопросам и, таким образом, структурируя текст повествования соответственно задачам своего исследования и последовательности своих вопрошаний. «Архивисты» провозглашают «устное интервью» и «носителя устной исторической информации» — целью исследования — документирования¹; это же рассматривается историками средством получения исторической информации для собственного исследования. Таким образом, решаются вопросы объективности позиций «историков» и «архивистов» в ходе их исследования; здесь же ставится вопрос об объективности «фабрикуемого» источника, формировании источниковой базы и исторического знания. Манифестом ряда представителей «исторической» концепции «устной истории» могло бы послужить высказывание Артура М. Шлезингера: «Истории необходимо знать все не о поколении, творившем историю, а все о поколении, ее пишущем».*

«Кому принадлежит слово», кого считать автором текста, если свидетельство или биография инспирированы историком? Обсуждение этого вопроса образно и емко отражено Л. Кэрроллом в известной книге: «Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, — сказал Шалтай презрительно. — Вопрос в том, подчиняется ли оно Вам, — сказала Алиса. — Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, — говорит Алисе Шалтай-Болтай». Кто хозяин слова в интервью? Быть хозяином слова формальным («физическим лицом», на чем строится авторское право в некоторых зарубежных законодательствах — Франции, Италии, Испании и др.) не означает быть хозяином его значения. Часто воля говорящего подчинена не семантике, а прагматике, стратегии коммуникативных намерений. Кэрролл сталкивает различные системы правил — пределы власти человека над значением слова и тождество смысла.

Таким образом, встают серьезные вопросы о роли и значении исторических источников и архивов устной истории: какова их природа, научное значение и социальная функция, если они не складывались «естественным образом», а спровоцированы деятельностью историка-архивиста?

---

¹ А РИЙШ'з Профезз, 1939, р. 24

Без решения этих, казалось бы, сугубо источниковедческих проблем невозможно решить проблемы архивоведческие, связанные с реквизитом документа, юридическими проблемами авторства и прав собственности, необходимых для нормальной жизнедеятельности архивного института, для использования документов.

Ключевой функцией интервьюирования обусловлена остальная система процедур документирования: выборка, подготовка интервью, роль вопросника и формулировки вопросов, предварительного интервью. Эти аспекты профессиональной деятельности должны быть осознаны и решены до того, как документ уже будет создан и подвергнут дальнейшим процессам архивации: НТО, транскрибированию, составлению НСА, многообразным формам использования документа и метода устной истории.

В статье рассматриваются и анализируются элементы исторической критики к источникам устной истории, отмечается специфика источниковедческого анализа, герменевтических аспектов критики исторического источника. Первым элементом интерпретации исторического источника в устной истории будет опять же коммуникативный процесс «исследователь — информант», где выстраивается система межличностных отношений, познается ценностная шкала, другие ориентиры персональной культуры информанта. С точки зрения классической критики источника, не менее существенным является процесс транскрибирования, при котором происходит определенная объективация, вторичное проживание и исследование полученного текста в канонах традиционного источниковедения. Транскрибирование — основной элемент документирования, именно при нем с помощью археографических средств создается окончательная письменная формула источника устного происхождения. От пунктуации, оформления смысловых фрагментов абзацами, выделения пустот, умалчиваний, моментов нерешительности и других проявлений личностной культуры в процессе непосредственного общения с интервьюером зависит контекст и смысл буквально «сфабрированного» исторического источника. Процесс транскрибирования можно рассматривать как школу интервьюера, здесь очевидны все фиаско и конфузы в ходе интервью, влияние вопросов и формирование ими текста интервьюируемого.

Традиционная классификация исторических источников и архивная функция использования, основанные на формуле материального носителя, приводит в тупик исследователя такого жанра исторического ремесла, как устная история: что является конечным «продуктом» метода устной истории, искомым историческим источником — фонодокумент или его транскрипция? Является ли «устным источником» прочитанный или заученный наизусть предварительно написанный текст; письменным — заключенная в письмо цитируемая устность?

И здесь мы выходим на совершенно иные рубежи, связанные с частной и публичной речью, с психологическими установками и стилистикой поведения, с мотивацией и авторством, рядом других проблем. Мы выходим на суть проблемы, заключающуюся в возникновении и/или создании (буквально в зарубежной литературе – «фабрикация») исторического источника совершенно иного рода, соединяющего в себе специфику и свойства письменного, устного и вещественного источников, являясь спорным и интересным, но, очевидно, поворотным пунктом современной гуманитарной науки. Особенно интересна поэтому природа взаимоотношений этого нового типа источника, очевидно отличающегося, с одной стороны, от традиционных письменных, а с другой – от традиционных сонорных документов, с архивами и хранилищами.

Практическое значение для изучения и раскрытия проблемы взаимосвязи устной истории и архивов имеет анализ юридических и этических аспектов процесса документирования, авторского права и проблем доступа к историческому источнику в архиве или коллекции, слабо разработанных зарубежной историографией. В приложениях к диссертации приводятся примеры составления НСА, формы каталогизации и тексты писем и договоров интервьюеров с информантами. В приложении также дается подробный обзор фондов, структура и концепция организации архива устной истории Муниципального института истории Барселоны.

Существенным для «устного архивоведения» является информация о подготовке профессиональных кадров: преподавании устной истории в университетах, школах, а также использование метода и источников устной истории в социальных, педагогических и научных целях.

Конкретные рекомендации по созданию архива устной истории основаны не только на массиве изученной зарубежной литературы, но также и на практике и опыте лаборатории устной истории РГГУ, которой руководит автор данной работы.

4. УСТНАЯ ИСТОРИЯ И ДОКУМЕНТАЛИСТИКА: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ АРХИВОВ

В. В. Антоненко

Проблемы и практика комплектования архивных учреждений Алтайского края аудиовизуальными документами

Современную жизнь невозможно представить без телевидения, радио, фотографии. Зафиксированные в аудиовизуальных документах звуки, образы воссоздают и дополняют частную жизнь человека, общества в целом и в отдельных его проявлениях. Аудиовизуальные документы являются ценными историческими источниками, которые обладают большим информационным потенциалом, дополняют и даже превосходят по эмоциональному воздействию документы на бумажной основе. Обеспечение сохранности аудиовизуальной документации — одна из важнейших задач сохранения культурного наследия.

Комплектование архивных учреждений так называемыми аудиовизуальными документами, т. е. фото-, фоно- и видеодокументами, является наиболее сложным направлением деятельности, где существует много проблем, с которыми столкнулись архивисты Алтайского края в конце XX в. Организации — потенциальные источники комплектования архивного фонда Алтайского края аудиовизуальными документами — сегодня не заинтересованы в передаче своей продукции на постоянное хранение. Для них аудиовизуальный документ является прежде всего материальной ценностью, товаром, который пользуется повышенным спросом, а передача его на государственное хранение ведет к дополнительным материальным затратам.

Работа по комплектованию архивных учреждений края аудиовизуальными документами сводится главным образом к приему в них фотодокументов. На государственное хранение в основном поступают позитивы фотоснимков, реже негативы. Основными источниками поступления фотодокументов являются редакции городских, районных газет, администрации городов, районов, сел, комитеты по культуре, по архитектуре, по образова-

нию, дома культуры, промышленные предприятия, частные фотостудии и фотографы, граждане и сами архивные учреждения, которые приобрели фотоаппараты. С 1998 г. одним из источников поступления фотодокументов в Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК) управления стала пресс-служба управления архивного дела администрации края, которая в лице специалиста отдела информации и публикации документов занимается фотосъемкой наиболее интересных событий краевого и городского масштаба, в том числе и в Управлении архивного дела Алтайского края.

За длительный период комплектования в архивных учреждениях края отложился достаточно полный, разнообразный по тематике комплекс документов. На фотографиях запечатлены достопримечательные места городов, сел, объекты промышленности, сельского хозяйства, памятные события, отдельные граждане, трудовые коллективы и многое другое. Однако если сравнить количество фотодокументов и документов на бумажной основе, то соотношение их будет неравным. В целом по краю доля фотодокументов в общем объеме документов составляет около 2% (1,78%), по отделам управления архивного дела Алтайского края (ЦХАФ АК, отдел специальной документации) – 0,92%, по муниципальным архивам – 3,6%.

В практике работы архивных учреждений по комплектованию фотодокументами следует отметить уменьшение количества принимаемых фотодокументов с начала 1990-х гг. Так, если в 1991 г. на государственное хранение поступило 2 501 ед. хр. фотодокументов, то в 2000 г. – уже 1 756 ед. хр., в 2005 г. – 1 804 ед. хр. В среднем ежегодно за анализируемый 15-летний период на государственное хранение в архивные учреждения края поступало 1 880 ед. хр. фотодокументов (позитивы, фотоальбомы). Следует отметить резкое, практически в 3–4 раза, уменьшение объемов фотодокументов, ежегодно принимаемых в ЦХАФ АК управления (ранее ГААК). По муниципальным архивам также наблюдается некоторое уменьшение количества принимаемых фотодокументов, но оно не столь масштабно. В среднем муниципальные архивы края ежегодно принимают 1 560 ед. хр. фотодокументов.

Трудности с комплектованием фотодокументами связаны с ликвидацией должностей фотокорреспондентов в ряде районных газет, ссылками на авторские права фотокорреспондентов, закрытием фотостудий, нежеланием редакций газет сотрудничать с архивными учреждениями.

Ситуация с пополнением архивного фонда Алтайского края фотодокументами несколько изменилась с принятием краевым Советом народных депутатов в 2001 г. закона Алтайского края «О внесении изменения и дополнений в закон Алтайского края «Об архивном фонде Алтайского края и архивах», касающегося создания правовой основы для решения приема, хранения и использования фотодокументов. С 2001 г. появилась реальная воз-

возможность планомерного комплектования архивных учреждений края фотодокументами, в том числе в электронном виде. Первый такой опыт появился в конце 2002 г. в Тюменцевском районе. Архивный отдел администрации Тюменцевского района принял на государственное хранение 25 фотодокументов в электронном виде от редакции газеты «Вперед». В 2005 г. уже 10 муниципальных архивов комплектовались фотодокументами в электронном виде. Всего же договоры с редакциями газет о сотрудничестве, включающие пункты о приеме-передаче на госхранение фотодокументов в электронном виде, заключили 12 муниципальных архивов.

Управлением архивного дела Алтайского края с редакцией газеты «Алтайская правда» в 2002 г. был подписан договор о сотрудничестве и взаимоотношениях в области архивного дела, в котором также предусматриваются вопросы отбора и передачи на госхранение фотодокументов в электронном виде. Но конкретной практической работы по экспертизе ценности и отбору фотодокументов на государственное хранение не проводится из-за ограниченного количества работников в отделе ведомственных архивов, который занимается этим направлением.

Всего за 2002–2005 гг. на государственное хранение в муниципальные архивы поступило 28 ед. хр. (1 128 ед. уч.) фотодокументов в электронном виде.

Пополнение муниципальных архивов фотодокументами в электронном виде сдерживается отсутствием современной компьютерной техники, необходимой квалификации у работников архивов, малочисленностью штатного состава. Много проблем существует по вопросам сохранности электронных документов (режим хранения, короткий срок применения компакт-дисков, необходимость проверки качества записи, перезаписи, быстрое моральное старение компьютерного оборудования и др.). Необходима также разработка автоматизированных информационно-поисковых систем, оснащение ими архивных учреждений края для более быстрого поиска необходимой информации.

Фотодокументы поступают на государственное хранение также в составе коллекций документов личного происхождения или отдельных личных фондов. Пополнению архивного фонда края этой категорией документов препятствует отсутствие у архивного учреждения необходимых денежных средств для покупки фотодокументов. Большим событием для управления стало приобретение в 2005 г. фотоархива бывшего корреспондента Б. П. Брызгина (4 922 усл. ед. хр.), который будет включен в состав личного фонда. Еще ранее в 2001 г. у частного лица удалось приобрести негативы фотодокументов, запечатлевших посещение Алтайского края японской делегацией, занимавшейся проблемой перезахоронения останков японских военнопленных периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В целях пополнения информационного потенциала архивными учреждениями края в 2000–2003 гг. предпринимались попытки сотрудничества с телерадиокомпаниями.

В муниципальные архивы кинофонодокументы на госхранение не поступали, так как организаций, создающих эту категорию документов, до конца 1990-х гг. в районах и городах края не существовало. ГААК (в настоящее время ЦХАФ АК управления) также никогда не комплектовался кинофонодокументами из-за отсутствия необходимых площадей и оборудования, обеспечивающего его сохранность, квалифицированных работников. В настоящее время в отдельных городах и районах края стали возникать телестудии, но их обследование на предмет наличия аудиовизуальной документации не проводилось. Однако существуют и положительные подвижки в этом вопросе. Так, в Тальменском районе, в г. Камне-на-Оби архивными отделами администраций были достигнуты предварительные договоренности с местными телекомпаниями по вопросу заключения договоров о сотрудничестве.

Прием аудиовизуальной продукции от телерадиокомпаний может осуществляться только на основе договора и напрямую зависит от их желания сотрудничать. К сожалению, такое желание часто отсутствует. В частности, управление архивного дела Алтайского края обращалось к 6 телекомпаниям (ГТРК «Алтай», «Вечер», «АТН», «ТВ-город», «Катунь», «Спектр»), расположенным в г. Барнауле, с просьбой заключить договоры о сотрудничестве. Письменных ответов не последовало, но при личных встречах были получены отказы ввиду финансовых трудностей. ГТРК «Алтай» мотивировала отказ процессом преобразования в филиал ВГТРК и соответственно существенным ограничением полномочий генерального директора, а также тем, что это документы федеральной собственности. В письменном ответе ГТРК «Алтай» было заявлено, что на этом основании ВГТРК считает нецелесообразным подписание дочерними компаниями соглашений с архивными учреждениями регионов.

Большой опыт сотрудничества телекомпаний с архивными учреждениями накоплен в использовании архивных документов и в вопросах обеспечения их сохранности. Так, в частности, Благовещенской студией телевидения, муниципальной телевещательной организацией «ТВ-Информ» (г. Камень-на-Оби) были подготовлены и показаны передачи, посвященные вопросам обеспечения сохранности документов на стадии ведомственного и государственного хранения. Видеокопии передач поступили на госхранение. В г. Заринске видеofilm «Заринск — город моей судьбы», подготовленный местной телекомпанией к 20-летию города, также был принят на госхранение. Но, к сожалению, эти примеры единичны.

Случаи пополнения аудиовизуальными документами коллекций документов личного происхождения и личных фондов также единичны. Так, в

2001 г. в отдел специальной документации поступило 5 ед. хр. фондокументов (аудиокассет) с воспоминаниями граждан о пребывании в трудармии, которые вошли в состав коллекции документов лиц, пострадавших от политических репрессий. Документы поступили от частного лица, профессора БГПУ Л. В. Малиновского на безвозмездной основе.

К сожалению, объемы и тематика поступающих на государственное хранение аудиовизуальных документов не отвечают потребностям. Основным сдерживающим фактором являются договорные отношения с организациями-источниками комплектования, которые производят в больших масштабах аудиовизуальную продукцию и являются в большинстве случаев негосударственными, а также ограниченность в архивных учреждениях человеческих и финансовых ресурсов, связанных с комплектованием данной категории документов. Огромные масштабы принимаемых документов по личному составу от ликвидированных организаций, связанная с этим справочная работа не дают архивистам края реальной возможности заниматься этим интересным направлением комплектования. Даже в случае отказа частных структур от сотрудничества есть такой реальный путь пополнения архивного фонда края аудиовизуальными документами, как инициативное фото- и видеодокументирование, работа с пресс-службами государственных структур, с частными лицами, в семейных архивах которых можно найти самые неожиданные по тематике и информативности аудиовизуальные документы. Но это задача на будущее.

Источники

1. Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах (7 июля 1993 г.).
2. Положение об Архивном фонде Российской Федерации (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 17 марта 1994 г. № 552).
3. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» (22 октября 2004 г., № 125-ФЗ).
4. Закон Алтайского края «Об архивном фонде Алтайского края и архивах» (введен в действие постановлением Алтайского краевого Законодательного собрания от 28.12.94 № 168 «О законе Алтайского края „Об архивном фонде Алтайского края и архивах“»).
5. Закон Алтайского края «О внесении изменения и дополнений в закон Алтайского края „Об архивном фонде Алтайского края и архивах“» (принят постановлением Алтайского краевого Совета народных депутатов от 01.10.2001 № 257 «О законе Алтайского края „О внесении изменения и дополнений в закон Алтайского края „Об Архивном фонде Алтайского края и архивах“»).
6. Закон Алтайского края «О внесении изменений в закон Алтайского края «Об архивном фонде Алтайского края и архивах» (принят постановлением Алтайского краевого Совета народных депутатов от 04.10.2005 № 530 «О законе Алтайского края „О внесении изменений в закон Алтайского края „Об архивном фонде Алтайского края и архивах“»).

7. ЦХАФ АК. Ф. Р-703, оп. 1, д. 1499, 1584, 1610.
8. ЦХАФ АК. Ф. Р-1764, оп. 1, д. 15, 113, 135, 236, 334, 437, 638, 644.
9. Текущий архив управления архивного дела Алтайского края. Отчеты о выполнении Основных направлений развития архивного дела в Алтайском крае за 2003–2005 гг.

Н. С. Грибанова

Создание и организация системы хранения архива устной истории лаборатории исторического краеведения БГПУ

В декабре 1990 г. при кафедре отечественной истории Барнаульского государственного педагогического института была создана лаборатория исторического краеведения (ЛИК). Одними из важнейших направлений ее деятельности на первом этапе стали создание историко-краеведческого музея и архива «устных источников» [1]. Основу музейного фонда должны были составить коллекция археологических материалов, полученных исследователями института в ходе раскопок 1953–1990 гг., и собрание предметов культуры и быта народов Алтая. Для хранения материалов историко-краеведческих экспедиций, в первую очередь устных источников, предполагалось создать архив лаборатории исторического краеведения.

Основой создания фонда устных источников архива ЛИК стали материалы интервьюирования жителей населенных пунктов Солонешенского района в 1991 г. и Павловского района в 1992 г. в ходе первых историко-краеведческих экспедиций студентов исторического факультета БГПИ под руководством канд. ист. наук Т. К. Щегловой. Тогда при отсутствии звукозаписывающей техники интервью фиксировались вручную, затем подшивались в папки. В эти годы шло накопление устных источников – мемуаров, систему хранения которых предстояло разработать. Вместе с тем становилась очевидной необходимость организации хранения полевой документации, отчетов об археологических раскопках и других документов. На заседании лаборатории исторического краеведения 5 февраля 1993 г. Т. К. Щегловой были предложены основные направления комплектования архива ЛИК: устные исторические источники по проблемам новейшей истории, текущая работа сотрудников лаборатории, формирование личных фондов сотрудников БГПИ [2].

Кроме того, был определен перечень документов, необходимых для сдачи научными сотрудниками в архив ЛИК: 1) отчеты о хозяйственных и сопутствующая документация, 2) отчеты о командировках, 3) отчеты об участии и проведении конференций, 4) отчеты о летних экспедициях, 5) протоколы заседания лаборатории, 6) фотоматериалы, 7) устные исторические документы (мемуары) в письменном виде и магнитофонные пленки, 8) материалы научных студенческих кружков, 9) публикации и статьи сотрудни-

ков ЛИК, 10) методические работы школьных кружков, 11) копии отчетов об археологических раскопках [3]. Впоследствии пункты 1–4, 8–10 были включены в схему ежегодных отчетов сотрудников лаборатории, а фотоматериалы, устные источники и отчеты об археологических раскопках (пункты 6, 7, 11) составили самостоятельные фонды в структуре архива ЛИК.

В октябре 1993 г. на должность архивариуса (0,5 ставки) была принята научный сотрудник центра фольклора и ремесел И. В. Куприянова [4]. и со следующего года начали проводиться работы по архивации устных источников. На первом этапе осуществлялась расшифровка интервью силами сотрудников сектора и студентов, увлеченных исследовательской работой. Рукописные материалы подшивались и хранились вместе с кассетами, велась опись мемуаров.

Одновременно с 1994 г. активизируется исследовательская работа сектора этнографии и устной истории, увеличивается объем материалов, ежегодно поступающих в архив. Так, в 1994 г. для сектора были приобретены 4 диктофона «Легенда», и в Алтайском районе были получены полноценные устные исторические источники с аудиозаписью. В ходе экспедиции было проведено более 50 интервью и записано 19 аудиокассет продолжительностью 60 минут каждая.

На сегодняшний день фонд устных источников составляют более 1,5 тыс. часов записи интервью по различной тематике, полученных в ходе ежегодных комплексных и тематических экспедиций с 1994 по 2006 гг. на территории Алтайского края. Активизация в настоящее время экспедиционной и исследовательской деятельности, увеличение числа участников экспедиций, улучшение технического оснащения привели к тому, что, во-первых, значительно увеличилось количество получаемых интервью, расширилась их тематика, появилась возможность записи на цифровые носители, во-вторых, возрос спрос на источники со стороны исследователей и студентов исторического факультета БГПУ и других организаций. Все это поставило перед нами новые задачи, связанные с оптимизацией системы архивации материала и организации доступа к источникам.

В результате была разработана структура фондов архива лаборатории исторического краеведения в соответствии с видами материалов и направлениями исследовательской работы:

Фонд 1. Материалы историко-этнографических экспедиций

0.1. Устные источники.

0.2. Полевая документация.

0.3. Анкеты.

Фонд 2. Народы Алтайского края (документы и материалы).

Фонд 3. Фонд фотоматериалов.

Фонд 4. Фонд видеоматериалов.

Фонд 5. Текущий архив ЛИК БГПУ.

Фонд 6. Фонд археологических материалов (отчеты и полевые дневники).

Материалы историко-этнографических экспедиций составляют фонд 1 и остаются основным источником пополнения архива. При этом наряду с устными источниками с 1996 г. в фонд включаются полевая документация и анкеты. Печатные тексты интервью формируются в дела по экспедициям. Каждому интервью присваивается порядковый номер. Количество меморатов, сформированных в дело, зависит от объема интервью.

Вместе с тем до того момента, когда интервью будет расшифровано и его печатный текст будет подшит в соответствующее дело, проходит достаточно много времени, в течение которого источник часто бывает востребован. С этой целью разработана система фиксации материалов, начиная с момента работы с информантом. В полевых условиях осуществляется:

1. Аудиозапись интервью с одновременным стенографированием. При этом главным требованием является запись сведений об информанте, а также уточнение и фиксация в ходе интервью сложных для восприятия на слух названий, имен, слов.

2. Аннотирование аудиозаписи интервью, т. е. запись сведений об информанте и перечня тем, раскрытых в ходе интервью, на вкладыше подкасетника.

3. Передача участниками группы аудиозаписи и стенограммы на хранение в архив осуществляется через руководителя.

4. Присвоение номера аудиокассетам осуществляется руководителем группы по мере их приема. Аудиокассетам, записанным в ходе одной экспедиции, присваивается нумерация, начиная с № 1 по порядку, при этом указывается год экспедиции, название района и населенного пункта, где сделана запись.

С появлением цифровой техники возникла необходимость корректирования сложившейся системы фиксации материала. Так, в настоящее время апробируются различные способы аннотирования интервью, записанных на цифровой носитель.

С целью дальнейшей работы по архивированию источника в стационарных условиях составляются описи аудиокассет согласно нумерации, список информантов, осуществляется транскрибирование (расшифровка) интервью, компьютерный набор текстов интервью, подшивка печатных текстов, внесение нового документа в опись.

В ходе работы определены формы хранения материалов интервьюирования с учетом их количества и востребованности. Аудиозаписи с рукописным или печатным текстом интервью, текстовые документы, сформированные в дела, дубликаты текстовых документов на цифровом носителе хранятся раздельно и предоставляются для работы по требованию, в зависи-

Сведения об объемах фотодокументов, принятых на государственное хранение в архивные учреждения Алтайского края за 1991–2005 гг.

Год	Всего по краю (ед. хр.)	ЦХАФ АК	Муниципальные архивы	Год	Всего по краю (ед. хр.)	ЦХАФ АК	Муниципальные архивы
1991	2 501	906	1 595	1999	1 718	228	1 490
1992	2 199	572	1 627	2000	1 756	252	1 504
1993	1 828	382	1 446	2001	1 930	352	1 578
1994	1 796	213	1 583	2002	1 905	351	1 554
1995	1 747	202	1 545	2003	1 853	265	1 588
1996	1 897	201	1 696	2004	1 803	210	1 593
1997	1 692	204	1 488	2005	1 804	206	1 598
1998	1 795	224	1 571				

мости от цели исследования. При этом ограничивается лишь доступ к аудиозаписи до ее расшифровки.

Архивация устных источников требует больших временных затрат и достаточной квалификации лиц, занимающихся этой работой. В связи с этим обработка полевого материала была включена как основной элемент в музейную практику студентов исторического факультета. В итоге этой работы в настоящее время проведена расшифровка и набор около трети интервью, полученных за 1994–2004 гг. На наш взгляд, очень важно соединить усилия студентов по сбору полевых материалов с практической работой, направленной на их сохранение и создание условий для включения их в общий фонд полноценных источников.

Таким образом, в настоящее время разработана структура архива лаборатории исторического краеведения, налажена система поступления, архивации и хранения устных источников с целью обеспечения их сохранности и удобства использования.

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 5. оп. 2, д. 1, л. 3. Протокол заседания ЛИК № 1 от 29.01.1991.
2. Там же, д. 1, л. 91. Протокол № 1 от 5.02.1993.
3. Там же, д. 1, л. 104, 105. Протокол № 6 от 25 мая 1993 г.
4. Там же, д. 1, л. 111, 112. Протокол № 10 от 26 октября 1993 г.

О. Н. Дударева

Методика работы архивных учреждений Алтайского края по комплектованию документами личного происхождения

Все архивные учреждения проводят работу по сбору документов личного происхождения. Это важное направление деятельности, так как документы личных архивов отражают не только факты реальной действительности, но и отношение к ним автора, зависящее от социальной позиции, накопленного жизненного опыта и специфики эмоционального восприятия мира. Интерес к этой категории документов у историков и архивистов растет с каждым годом и обусловлен тем, что значительная часть архивного фонда РФ отражает официальную часть функционирования организаций различных форм собственности, в ней не находят всестороннего отражения многие события и факты общественной жизни страны и регионов, представляющие интерес для истории. Восполнить эти пробелы помогают личные архивы граждан, в которых наиболее полно отражены внутренний мир и быт людей, личностная оценка происходящих событий.

Уникальность этой категории документов заключается также в разнообразии видов и разновидностей документов – носителей информации, что обусловлено личностью фондообразователя, сферой его деятельности.

Что же такое документы личного происхождения? Это – документы, образовавшиеся в процессе деятельности отдельных частных лиц (или семьи, рода) и являющиеся их личной собственностью. Основопологающим моментом является то, что эта категория документов находится в частной собственности, подлежит охране в соответствии с нормами авторского права, законодательство строго регламентирует работу с владельцами частных архивов, частных документов. В принятом в 2004 г. ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» в понятийный аппарат введены такие понятия, как владелец архивных документов и документы, находящиеся в частной собственности, к которым относятся документы, созданные гражданами или законно приобретенные ими. Государство охраняет право частной собственности и позволяет архивным учреждениям проводить комплектование документами личного происхождения только с согласия фондообразователя (того, кто создает документы) или фондодержателя (того, кто владеет документами на законном основании), сохраняя принцип свободы распоряжения ими владельцев документов, запрещая их незаконное изъятие.

Документы личного происхождения могут поступать в архивные учреждения:

- 1) от фондообразователей, передающих свои архивы лично, по завещанию, договору дарения или купли-продажи;
- 2) от лиц, владеющих архивом по праву наследования;
- 3) от собирателей и коллекционеров;

4) из творческих союзов — через комиссии по творческому наследию фондообразователя;

5) из нотариальных контор как выморочное имущество или по решению суда об изъятии незаконно присвоенных документов, о признании документов бесхозными или бесхозяйственно содержащимися;

6) из других архивных учреждений, музеев, библиотек в порядке уточнения профильной принадлежности документов;

7) от граждан, проживающих за границей, а также из зарубежных организаций и учреждений (в порядке дара или обмена копиями).

Документы личных или семейных архивов могут поступать в архивные учреждения безвозмездно или на платной основе — за денежное вознаграждение, что случается значительно реже и только на основании договора передачи или соглашения по заявлению установленной формы. При этом документы могут передаваться:

- на постоянное государственное хранение с одновременной передачей права собственности на документы государству;
- на постоянное хранение с оставлением права собственности за гражданином до ... года, или на ... лет после передачи с последующей передачей права собственности государству;
- на временное хранение (на обусловленный срок) или депозитарное (без указания срока) хранение, с оставлением владельцу права собственности на документы.

При этом при передаче документов на государственное хранение владелец документов может оговаривать и условия использования своего личного фонда: оставить за собой исключительное право публикации документов на определенный срок, закрыть для использования отдельные виды документов на определенный срок, оставить за собой право ограничения использования всех документов на определенный срок, предоставить членам комиссии по наследию данного фондообразователя право исключительного пользования документами, передать отдельные документы при условии предоставления ему копий, изготовленных за счет архива. Собственник также имеет право участвовать в согласовании вопросов формирования структуры фонда сданных им документов и научно-справочного аппарата к нему.

Все действия по отбору, передаче, использованию документов производятся с соблюдением оговоренных в договоре прав собственности сторон на передаваемые документы и авторского права, которое учитывается при публикации, экспонировании, копировании и выдаче документов. Стороны — архивное учреждение и собственник документов — обязуются не передавать своих прав и обязательств, предусмотренных договором, третьей стороне без письменного согласия сторон. В случае передачи документов

фонда личного происхождения в собственность государства они остаются в архивных учреждениях и в случае расторжения договора по инициативе собственника.

Документы личного происхождения имеют ряд особенностей, которые отличают их от делопроизводственной документации и существенно влияют на организацию работы с ними. Они возникают по инициативе, замыслу частного лица, являются его частной собственностью, соответственно информационное наполнение определенных видов документов (писем, воспоминаний, дневников и др.) произвольное. Как правило, отсутствуют закономерности размещения информации в текстах документов личного происхождения. Эти документы отличаются многоаспектностью содержания, которое носит глубоко личностный характер, обусловленный национальной, социальной, научной, культурной принадлежностью создателя документа, а также индивидуальными чертами его личности. Виды, формы документов личного происхождения и способ фиксации информации в них не регламентируются обязательными нормами. В связи с этим для них характерно многообразие, произвольность, отсутствие или недостаточность атрибуции (отсутствие подписи, датировки, аннотаций и т. д.). Процесс формирования личного архива не управляется, он складывается стихийно как результат творческой, научной, общественной деятельности и личной жизни определенного лица, поэтому состав документов личного архива можно только прогнозировать с известной долей вероятности, зная характер творческих, научных интересов владельца, его биографию, родственные, дружеские и служебные связи.

Как правило, организация документов личного архива до передачи их на государственное хранение отсутствует, а документы хранятся в виде россыпи. Имеются и физические особенности документов личного происхождения – отсутствие строгой форматности листов, размещение текста на листах без полей, наличие изобразительных документов и др., – которые обуславливают особенности их хранения: многие документы личного происхождения хранятся без подшивки, требуют особой упаковки; соблюдаются особые правила нумерации листов; не допускается вертикальное хранение документов. Все перечисленные особенности делают работу по комплектованию документами личного происхождения сложной, кропотливой. На архивистов ложится груз ответственности за правильное описание документов личного фонда, сохранение индивидуальности фондообразователя, выраженной через характер его документов.

Существуют некоторые проблемы комплектования архивных учреждений документами личного происхождения. Во-первых, это проблемы, связанные с законодательной базой. Поскольку документы личного фонда относятся к частной собственности и не входят в государственную часть ар-

хивного фонда РФ, комплектоваться ими имеют право не только государственные архивные учреждения, но и музеи, библиотеки, негосударственные архивы. Соответственно, существует своего рода конкуренция, и каких-либо особых приоритетов в этом вопросе архивы не имеют. Во-вторых, немаловажным фактором является отсутствие финансовых средств на приобретение документов личного происхождения. Они не предусматриваются в сметах архивных учреждений и приобретение подобных документов на основе договора купли-продажи является редким исключением, тогда как в музеях специально закладываются средства на покупку экспонатов. Так, управлением архивного дела за все время комплектования личными фондами покупка производилась лишь в нескольких случаях — фонды художника Ю. Б. Кабанова, фотокорреспондента Б. П. Брязгина; приобретались отдельные небольшие тематические фотоколлекции.

Но наиболее сложной является разъяснительная работа с владельцами личных фондов, которые в большинстве своем являются людьми преклонного возраста; сложно преодолеть их нежелание, боязнь расстаться с документами. Эта работа требует от архивистов широкого историко-культурного кругозора, такта, терпения, умения слушать и убеждать. Только тогда архивный фонд Российской Федерации будет пополняться материалами личных архивов, содержащих яркие характеристики своей эпохи.

Примечания

1. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 № 125-ФЗ.
2. Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.93 № 5351-1.
3. Бутова Е. М., Сырченко Л. Г. Комплектование государственных архивов фондами личного происхождения. М., 1987.
4. Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения (литература и искусство). М., 1990.
5. Бутова Е. М. Вопросы собирания и архивной обработки документов личного происхождения в рамках архивоведческих дисциплин // Вестн. архивиста. 1994. № 3 (21). С. 23–25.
6. Волкова Б. В. Работа с документами личного происхождения в новых условиях // Вестн. архивиста. 1994. № 3 (21). С. 27–28.
7. Дулепова Р. С. Формирование личных фондов и коллекций // Вестн. архивиста. 1994. № 3 (21). С. 35–36.
8. Евстигнеева А. Л. Об изменении в методике комплектования госархивов документами личного происхождения // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 112–113.
9. Кондырева Е. А. Госархив Тульской области: работа с владельцами личных архивов // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 82–83.
10. Никифоров С. В. Работа с фотодокументами и личными архивами // Отечеств. архивы. 1999. № 6. С. 83–85.
11. Федотов А. С. Актуальные вопросы собирания личных фондов // Отечеств. архивы. 2002. № 5. С. 39–42.

Г. Д. Жданова

Из опыта работы отдела спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края по сбору воспоминаний и документов репрессированных

Центр хранения спецдокументации (сейчас – отдел спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края) существует с мая 1992 г. С 1995 г. Центр начал работу по исполнению социально-правовых запросов граждан, связанных с реализацией законных прав реабилитированных. Ведется и большая работа по ознакомлению репрессированных и их родственников с материалами архивно-следственных дел. Именно тогда у сотрудников Центра возникла идея собрать письменные воспоминания граждан о том времени, о своих репрессированных родственниках, о последующих судьбах семей и создать архивную коллекцию, в которую вошли бы указанные воспоминания, а также передаваемые родственниками какие-либо личные документы репрессированных, фотодокументы. Так в Центре хранения специальной документации было положено начало архивному фонду Р-3 «Коллекция документов лиц, пострадавших от политических репрессий на территории Алтайского края».

В апреле 1995 г. в Центр хранения специальной документации обратился Игорь Александрович Шадчиев с целью ознакомиться с материалами находящегося на хранении в Центре архивно-следственного дела по обвинению отца. Отец его, Александр Алексеевич Шадчиев, 1892 г. р., проживавший в г. Барнауле и работавший юрисконсультom на Барнаульском меланжевом комбинате, был осужден в декабре 1937 г. к ВМН и расстрелян по обвинению в принадлежности к контрреволюционной правотроцкистской организации. Впоследствии А. А. Шадчиев был полностью реабилитирован. Игорь Александрович Шадчиев по своей инициативе передал на государственное хранение ряд документов своей семьи в подлинниках и копиях, которые вошли в состав первого архивного дела фонда Р-3. Это прежде всего личные документы А. А. Шадчиева – «Записная книжка старшего писаря 1-й легкой батареи артиллерийской дивизии Шадчиева Александра» 1913 года (подлинник), подлинник «Приказа № 81 по Управлению Алтайского Губернского Прокурора. 30 сентября 1923 года» об объявлении благодарности помощникам губернского прокурора, и в том числе А. А. Шадчиеву «за совместную и дружную работу в течение полугода в Алтайской Губернской Прокуратуре» [1]. На государственное хранение И. А. Шадчиев передал и ряд фотодокументов: копию фотографии группы работников Барнаульского окружного суда 1912 г., копию фотографии А. А. Шадчиева б/д и подлинники двух фотографий А. А. Шадчиева с товарищами на отдыхе и на охоте.

В том же 1995 году в фонде появилось еще одно дело, в которое вошли воспоминания Веры Григорьевны Короленок о высылке раскулаченных лиц с Алтая в Нарымский край, записанные ею в 1989 г., и воспоминания М. П. Ишутиной. Документы эти были переданы в Центр хранения специальной документации Марией Пантелеевной Ишутиной. Отец М. П. Ишутиной, Пантелей Ишутин, был выслан с семьей в Томскую область, где проживал и работал в одном поселке с отцом В. Г. Короленок. Отец же В. Г. Короленок, Григорий Алексеевич Рябов, крестьянин с. Санниково Барнаульского района, был в 1930 г. раскулачен и лишен избирательных прав, а затем в мае 1931 г. и осужден Особой тройкой при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю по статье 58-10 УК РСФСР за «проведение антисоветской агитации» и приговорен к трем годам лишения свободы. Семья же Г. А. Рябова — мать Степанида Петровна и две дочери, Феня и Вера, 14 и 8 лет, в 1931 г. были высланы в Нарымский край (ныне Томская область). Вот некоторые выдержки из воспоминаний В. Г. Короленок: «Условия выезда. В товарных вагонах... с выемки был подогнан состав. Перед отправкой пересчитывали по списку. Ехали может больше недели. С поезда, как в стихах, на большой парход „Усиевич“ сажали и в Парабели на острове всех сняли...

Мужчины срубали дома и баню. Печки делали в горе, пекли хлеб. Наш поселок назывался „Смольный“, гнали с березовой коры смолу и деготь. Дом на 4 семьи: каждому по углу. Спали на нарах с осиновых или березовых палочек. Спали мы, дети, в ногах у родителей. Сестра умерла на втором году от дизентерии, пили с болот.

Это были безропотные души, но люди бежали тайгой, ловила комендантура.

Мы, дети первых пятилеток, не видели молока до 1933 г., сладостей, спасибо ягоды и рыба выручали и трава спасала от смерти» [2].

В январе 1997 г. по инициативе сотрудников отдела спецдокументации семья Пахомовых (г. Барнаул) передала на государственное хранение документы из семейного архива Кузьминой (урожденной Пахомовой) Доры Макаровны. Ее муж, Сергей Васильевич Кузьмин, был одним из первых комсомольцев на Алтае. В декабре 1937 г. С. В. Кузьмин был арестован по обвинению в «принадлежности к правотроцкистской повстанческо-диверсионной организации», 23 июня 1938 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и расстрелян. Семье было сообщено, что С. В. Кузьмин осужден к «десяти годам лишения свободы без права переписки». Двадцать с лишним лет искала мужа Дора Макаровна, писала письма с просьбами сообщить о судьбе мужа в различные инстанции: прокурору г. Новосибирска, председателю Президиума Верховного Суда СССР К. Е. Ворошилову, начальнику Главного управления лагерей (УИТЛК), в городской отдел НКВД. И лишь после

реабилитации Военной коллегией Верховного суда СССР в марте 1958 г. узнала, что ее муж С. В. Кузмин был расстрелян еще в 1938 г.

Д. М. Кузьмина сохранила, а в 1988 г., незадолго до своей смерти, передала племяннику Юрию Дмитриевичу Пахомову альбом, в который она поместила вырезки из газет «Комсомольская правда» за 16 октября 1987 г. и «Алтайская правда» за 16 февраля 1989 г. со статьями о первых комсомольцах на Алтае, свои детские и девичьи фотографии и фотографию с мужем С. В. Кузьминым (к сожалению, без дат), фотографию 1918 г. группы барнаульских комсомольцев, свои воспоминания о муже, а также копии писем, которые направляла в различные органы в 1954–1957 гг., пытаясь узнать судьбу мужа после «осуждения». На обложке своего альбома Кузьмина Дора Макаровна написала: «Посвящается ВСЕМ! (для обозрения моей жизни и эпохи тридцатых годов). Дорогим родным... от Пахомовой Доры Макаровны как наглядная история страданий многих из народа» [3]. Вот выдержка из воспоминаний Доры Макаровны о своем муже С. В. Кузьмине: «23 июня 1938 года мой муж КУЗМИН СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ был приговорен к смертной казни. 23 июня 1938 года приговор ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ. Он был: с 1918 года одним из ПЕРВЫХ КОМСОМОЛЬЦЕВ НА АЛТАЕ. С 1924 года коммунист-ЛЕНИНЕЦ (Ленинский набор). ЗА СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ ГРЯДУЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ... ОН ПОЛОЖИЛ СВОЮ ЖИЗНЬ, НЕ ПРИЗНАВ СЕБЯ ВРАГОМ НАРОДА РОДИНЫ СВОЕЙ, ПРИНЯЛ ПАРТИЙНУЮ И ФИЗИЧЕСКУЮ СМЕРТЬ, ДО КОНЦА ОСТАВШИСЬ КОММУНИСТОМ. 21 год я искала своего мужа и отца детей. Нашла его БРЕННЫЕ ОСТАНКИ в виде свидетельства о смерти, зарегистрированные 8 апреля 1959 года в г. Барнауле» [4].

В 1998 г. житель г. Барнаула Геннадий Гаврилович Мацегоров передал в фонд Р-3 свою рукописную книгу «Горький вкус хлеба», посвященную судьбам нескольких репрессированных жителей Знаменского района, которые были осуждены в 1937 г. В книге копии документов следственного дела, фотографии из семейного архива семьи В. Лепп [5].

В 2001 г. в фонд Р-3 жителем г. Бийска В. Л. Сосновским была передана машинописная рукопись его книги «Записки». Владимир Львович Сосновский — сын профессиональных революционеров Льва Семеновича Сосновского и Ольги Сосновской-Гержеван, родился в Москве. «В моем свидетельстве о рождении запись, — пишет В. Л. Сосновский, — время рождения: 3 декабря 1920 г., место рождения: Москва, Кремль, б. Офицерский корпус 10» [6]. Родители В. Л. Сосновского были репрессированы, сам он — также бывший политзаключенный, в последние годы — председатель Бийского отделения общества «Мемориал». В рукописи — воспоминания о детстве и юности, службе в армии, осуждении сначала по ст. 193 УК РСФСР, а затем и по ст. 58 УК, жизнь в лагерях. Рукопись машинописная, но в ней имеются собственноручные пометки и дополнения автора.

В начале 1997 г. отделом спецдокументации была начата работа по анкетированию лиц, пострадавших от политических репрессий. Было написано обращение к пострадавшим от репрессий гражданам и составлена анкета, которую им предлагалось заполнить. Всего в 1997–2005 гг. было направлено более 400 анкет. Кроме того, в газете «Свободный курс» отделом был опубликован материал «Будем помнить — останемся людьми» с приложением текста анкеты. В анкете гражданам предлагалось описать свои воспоминания, высказать мнение о репрессиях в целом по стране и о репрессиях, которым подверглись члены их семей. Сбор заполненных анкет продолжается и сегодня. Нередко корреспонденты прилагают к анкетам разного рода личные документы, сохранившиеся в семейных архивах, а также фотографии (подлинники и копии). В заполненных гражданами анкетах имеются и развернутые воспоминания о судьбах репрессированных семей, и простое изложение фактов и событий тех лет. Анкеты и документы обрабатываются и формируются в дела в составе фонда Р-3. В настоящее время уже сформировано, обработано, описано и включено в фонд пять дел, включающих более 100 заполненных гражданами анкет. Даже если принимать во внимание очевидный субъективизм сведений и мнений, излагаемых гражданами в анкетах, документы эти представляют несомненный исторический интерес для исследователей, занимающихся изучением проблемы политических репрессий как в целом по стране, так и в Алтайском крае в частности.

Вот выдержки из наиболее интересных, на наш взгляд, анкет.

Из анкеты, заполненной Анатолием Михайловичем Бернадским: «Мой отец (Бернадский Михаил Семенович, 1896 года рождения, проживал в Панкрушихинском районе, работал заместителем директора Алеусского лесхоза, был осужден в 1938 г. и приговорен к ВМН — расстрелу, был участником Первой мировой войны 1914–1918 гг., был награжден Георгиевским крестом. Во время гражданской войны 1918–1922 гг. был красным партизаном 8-го Бурлинского полка и имел партизанскую книжку... 30 января 1938 г. ... отец с мамой пошли в магазин купить керосин... Проходили они мимо здания НКВД. На крыльцо дома этого вышел милиционер и пригласил отца зайти к ним. Отец матери говорит: „Ты подожди немного, я быстро вернусь“. И пошел. Мать ждет 5 минут, ждет десять минут, потом решила узнать, долго ли еще ждать... Выходит милиционер и грубо спрашивает: „Тебе что здесь надо?“ — „Долго ли я ждать должна мужа?“ — „Долго. Уходи отсюда, он арестован“. — „За что?“ — „Это не твое дело. Уходи, если не хочешь сама попасть сюда“... Через несколько дней она увидела, как конвой ведет арестованных, и в их числе ее муж... Отец успел сказать, что он не виновен и будет оправдан. Передай сыну, чтобы он об этом знал...» [7]. К заполненной анкете Анатолий Михайлович Бернадский приложил несколько страниц из написанной им поэмы, которую он назвал «Прозрение»:

«Отцу, Михаилу Семеновичу, и всем, ставшим жертвой чудовищного произвола сталинщины, посвящаю.

Смотрю на портрет твой и плачу:
Кто дать мог злодейский навет?
Постичь не могу я задачу.
Смогу ли найти я ответ?
За что? Почему пострадал ты?
И кем оклеветан ты был,
Когда ты вернулся из Ялты?
Честнейшим в народе ты слыл.
Ты всю свою жизнь трудовую
Отчизне, народу служил,
И жизнь не хотел ты иную,
И честью своей дорожил.
Ты все утверждал, что счастливой
Наступит вся жизнь у людей,
Что будет та жизнь бережливой,
Не будет рвачей, палачей...» [8].

Из анкеты Грозы Александровны Волобуевой (осужден отец – Волобуев Александр Павлович, проживал в с. Сростки, дело к.р. заговора в с/х): «Это случилось в ночь со 2 на 3 апреля 1933 г. ... В эту ночь забрали 107 человек. Потом кого куда растолкали... Жили трудно, на улицу выйти из дома нельзя было, закидывали камнями, грязью... в лицо, звали „бандитски дети“. Моя мама Степанида Осиповна и тетя Маруся Шукшина (мать Василия Макаровича Шукшина) поехали вместе (в Барнаул) 27 апреля передали по половине передачи, а отец написал ей в ответ и просил утром 28 апреля передать чистое нательное и верхнее белье... Когда мама пришла к тюрьме, у них ничего не приняли. Потом мужчина какой-то проходил, спросил: „Что, не принимают?“ – и сказал: „Не мучайтесь, их нет в живых, значит. Сегодня ночь была Варфоломеевская, собаки лаяли, стрельба страшная, крики, стоны было слышно“» [9].

Согласно архивно-следственному делу № 4651, в ночь с 27 на 28 апреля в Барнауле были расстреляны 327 человек, в том числе и отец Грозы Александровны и отец Василия Шукшина – Макар Леонтьевич.

Из анкеты, заполненной Ивановой Верой Сергеевной: «Мой отец, Борщев Сергей Трофимович, жил в Бийске... Та ночь 8 октября 1937 г. запомнилась мне на всю жизнь, когда к нам пришли двое мужчин и сказали, чтобы папа собирался и шел с ними. Делали обыск, но ничего не нашли и не сказали, что искали. Мама и я плакали, а папа нас успокаивал и, поцеловав, сказал, что это какая-то ошибка и что он вернется домой, но мы его так и не дождались... осужден судебной тройкой УНКВД 3 ноября 1937 г. и приго-

ворен к расстрелу... О его судьбе я узнала только в апреле 1997 г. из отдела спецдокументации... Через 60 лет я узнала о трагической смерти моего отца. Он оказался жертвой политических репрессий и того беспредела верховной власти, которой мы так верили и ждали от нее лучшей жизни...» [10].

Из анкеты, заполненной Валентиной Егоровной Горбатковой: «Мой отец Горбатков Егор Дмитриевич, родился в 1905 г. в Мамонтовском районе, село Костин Лог, оттуда его и забрали и расстреляли. Эта банда называлась особой тройкой... Мама рассказывала, как над ней издевались, как над чернокожей, т. к. она была жена врага народа...» [11].

Из анкеты, заполненной Марией Филипповной Ермаковой: «...Мы не понимали, что происходило в стране. Всю жизнь прожили с чувством страха. Вдруг мы что-то не так сделали или не то сказали... Мы очень любили Сталина. Верили всему, что нам преподавали. Когда я услышала, что умер Сталин, то у меня был сердечный приступ. Мы думали, что жизнь кончилась. И до сих пор трудно поверить, что все трагические события происходили с его согласия...» [12]. К анкете приложены интереснейшие фотографии (подлинники): членов восьмого аймачного съезда Советов в Усть-Кане (без даты), фотография группы работников рабоче-крестьянской милиции города Ойрот-Тура 1933 г., фотография группы курсантов Ойротских курсов милиции 1926 г.

Из письма Генриха Георгиевича Макарова: «Итог массового умерщвления, итог продолжительной «деятельности» дьявольской технологии «очистки человеческого материала», включая сумбурные репрессии во времена И. В. Сталина, поистине кошмарен. Если к этому добавить потери в войнах XX века, особенно потери в Великой Отечественной войне, то можно говорить о подавлении биологической силы русского народа, некогда народа государственнообразующего...» [13].

Из анкеты, заполненной Алиной Васильевной Матора: «Мой отец, Матора Василий Афанасьевич, жил в г. Барнауле, работал управляющим стройтреста... отец исчез со дня ареста, и мы о нем так ничего и не узнали до реабилитации. Старшую сестру выгнали из комсомола, всю семью — из квартиры, все отобрав... Судьба всех нас была сломана... Одни за другими исчезали соседи вместе с детьми. В школе пустели парты, все как-то притихли, с какого-то молчаливого согласия не говорили о тех, кто перестал приходить на уроки. По ночам не спали. „Черный ворон“ редкую ночь не проезжал по улице. Все ждали. А утром — забитые доской и опечатанные двери. Ждали и мы... Отец уходил, вернее, его уводили, и его последние слова были: „Я вернусь скоро, партия разберется, и я вернусь. Самое главное, дети, — это быть настоящими большевиками“... А что потомкам? Не дай Бог узнать им все то, что мы пережили, никогда не сидеть на чемоданах и слушать, у чьего дома остановился „черный ворон“...» [14].

Источники

1. ОСД УАДАК. Ф. Р-3, оп. 1, д. 1, л. 16. Машинописный подлинник
2. ОСД УАДАК. Ф. Р-3, оп. 1, д. 2, л. 1, 2. Машинописная копия.
3. ОСД УАДАК. Ф. Р-3, д. 3, л. 1. Рукописный подлинник.
4. Там же. Л. 3. Машинописный подлинник.
5. Там же, д. 10, л. 1.
6. Там же, д. 14, л. 15.
7. ОСД УАДАК. Ф. Р-3, Оп. 1. Д. 5. Л. 4. Рукописный подлинник.
8. Там же, л. 9. Рукописный подлинник, в сокращении.
9. ОСД УАДАК. Ф. Р-3, оп. 1, д. 9, л. 21.
10. Там же, д. 5, л. 38. Рукописный подлинник.
11. Там же. д. 5, л. 50. Рукописный подлинник.
12. ОСД УАДАК. Ф. Р-3, оп. 1, д. 5, л. 59. Рукописный подлинник.
13. Там же, д. 6, л. 13. Машинописный подлинник.
14. Там же, д. 6, л. 41–42. Рукописный подлинник.

Т. Г. Мальцева

Фонды личного происхождения в Центре хранения архивного фонда Алтайского края как источники по изучению истории, науки и культуры Сибири

В Центре хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК) находится 134 фонда личного происхождения, из них 4 — дореволюционного и 130 — современного периода, в которых насчитывается 15 808 дел.

В число фондов исторического (досоветского) периода входят фонды общественных деятелей, краеведов: Евгения Поликарповича Клевакина, Василия Михайловича Вершинина, Порфирия Евгеньевича Семьянова, а также Степана Ивановича и Николая Степановича Гуляевых.

В фонде Е. П. Клевакина (Ф. 77), смотрителя Томской тюрьмы (1884 г.), помощника Томского, Бийского исправников (1885 г.), председателя Совета Барнаульского отдела «Союза русского народа», организатора добровольного пожарного общества на Алтае, краеведа отложились документы из жизни сибирской провинции. Это важнейшие события из жизни Бийска, Барнаула, Томска, Екатеринбурга, некоторых рудников Урала и Алтая, зарисовки деталей, подмеченных его зорким взглядом.

Имя Порфирия Евгеньевича Семьянова (ф. 132), как и имена других фондообразователей, стоят в ряду тех, про кого можно сказать: они были первыми исследователями истории родного края. П. Е. Семьянов был статистиком, землеустроителем, активным членом артели «Краевед». Ему приходилось ездить по Алтайскому округу, много работать в архиве округа, Алтайской губернии. В его фонде отложились документы о географическом положении, историческом, экономическом развитии Алтайского горного округа, Сибири и Алтая с древнейших времен до революции 1905 г.

Одной из жемчужин ЦХАФ АК, безусловно, является фамильный фонд видных исследователей Алтая С. И. и Н. С. Гуляевых. Он включает в себя 330 дел. В фонде содержатся документы биографического характера, личная переписка с научными учреждениями, материалы по истории Сибири и алтайских заводов, месторождениям и добыче полезных ископаемых, сельскому хозяйству и лесному делу, этнографии народов Сибири, народному образованию, общественному движению и др., а также уникальные фотографии. Особенностью этого фонда является наличие в нем подлинных документов, относящихся к деятельности Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства (ф. 1), Главного управления Алтайского округа (ф. 4), Горной экспедиции Колыванской губернии (ф. 169).

Имя алтайского ученого-краеведа Николая Яковлевича Савельева широко известно в ученом мире. Его книги, статьи о выдающихся деятелях науки и техники Алтая вышли во многих издательствах. В фонде отложились уникальные материалы и сведения по статистической обработке ревизских сказок населения, хранящихся в ЦХАФ АК, алфавитный список селений Алтайского округа, существовавших в 1747–1858 г., планы, чертежи, карты заводов, рудников, машин и др., подготовленные Савельевым на основе архивных документов. Некоторые из них можно воспроизвести сегодня только по фонду Николая Яковлевича. В 2003 г. фонд пополнился поступившими от внука фондообразователя Е. Ю. Праздничкова документами, отражающими творческую деятельность, а также фотографиями и документами биографического характера за 1917–1967 гг.

В ряду славных краеведов-исследователей Алтая, Сибири стоят имена Г. Д. Няшина (ф. Р-486), П. А. Бородкина (ф. Р-1382), В. С. Петренко (ф. Р-1633), В. Ф. Гришаева (ф. Р-1689) и др. Это наиболее значительные в количественном и содержательном плане личные фонды. Документы этих фондов содержат богатейший исследовательский, публицистический и фактографический материал, начиная с «Демидовского» и заканчивая концом XX в.

Шаманизм, православие и бурханизм, партизанское движение на Алтае, сталинские репрессии, биография В. М. Шукшина, народные ремесла, архитектура, горное дело, казачество — вот неполный перечень тем, сведения о которых отложились в фондах краеведов, писателей, общественных деятелей. Палитру научной, художественной и политической жизни Алтая и Сибири, несомненно, обогащают личные фонды ученых-натуралистов, орнитологов, врачей, геологов, гидротехников, инженеров. Фонды Виктора Ивановича Верещагина (ф. Р-1538), Николая Ивановича Давидовича (ф. Р-1643), Эдуарда Андреевича Ирисова (ф. Р-1742), Валентины Михайловны Борисовой-Хроменко (ф. Р-1559), Михаила Федоровича Розена (ф. Р-1601) и др. содержат материалы о первых ботанических и познавательных экскурсиях по Горному Алтаю, открытии новых видов растений и насекомых, экологии

птиц, создании Алтайского государственного медицинского института и его кафедр, образовании школы садоводства (ныне НИИ им. Лисавенко) и многое другое.

В фондах деятелей литературы и искусства сохранились интересные материалы о музыкальной жизни Барнаула и Алтайского края (ф. Р-1547 – композитор Афанасий Степанович Анохин и ф. Р-913 – Николай Николаевич Иконников); документы об истории и архитектуре алтайских и уральских заводов (ф. Р-1658 – Михаил Андреевич Юдин); застройке исторических центров Западной Сибири (ф. Р-1629 – Александр Петрович Долнаков); г. Барнаула (ф. Р-1745 – Виктор Владимирович Казаринов); рисунки, картины, эскизы алтайских художников: Ю. Б. Кабанова (ф. Р-1740); А. Г. Вагина (ф. Р-1744); Г. А. Бельшева (ф. Р-1703); Б. М. Астахова (ф. Р-1426) и др.

В фонде литератора Владимира Григорьевича Филова (ф. Р-1641) сохранилась переписка с известной писательницей Верой Федоровной Пановой, его дальней родственницей. В ней корреспонденты уточняют некоторые биографические факты жизни Веры Федоровны. А в фонде Дмитрия Юрьевича Кобякова (ф. Р-1541), талант которого как литератора в полной мере расцвел на Алтае, сохранилась рукопись удивительной книги «Слова и люди», своеобразного словаря русского языка, изданного в конце 1960-х гг. и больше не переиздававшегося.

В личных фондах писателей Н. Г. Дворцова (ф. Р-1367); Г. В. Егорова (ф. Р-1590); Л. И. Квина (ф. Р-1481) и др. отложились не только интересные материалы о литературной жизни на Алтае в XX в., подлинные письма В. М. Шукшина, рукописи С. И. Исакова (ф. Р-1653), фотодокументы периода гражданской войны и письма участников Великой Отечественной войны (ф. Р-1368, Р-1590), но и сами произведения, которые сегодня являются библиографической редкостью (например, книга А. М. Топорова «Крестьяне о писателях» (ф. Р-1142).

Особое место в фондах ЦХАФ АК занимают личные фонды участников гражданской и Великой Отечественной войн. Известно, что события гражданской войны на Алтае имели свои особенности, которые во всей полноте начинают раскрываться в наше время, когда стали доступны для исследователей документы, ранее засекреченные. Личные фонды Ф. Я. Глазкова (ф. Р-702); Я. П. Жигалина (ф. Р-1289); И. Н. Кудрявцева (ф. Р-1533) и др. хранят воспоминания участников событий, фотодокументы и картографический материал, схемы боев, газеты и журналы военных лет, календари, неопубликованные рукописи.

В конце 1990-х гг. – начале XXI в. в ЦХАФ АК поступили новые личные фонды. Личный фонд Алексея Михайловича Малолетко, доктора географических наук, профессора Томского и Алтайского государственных университетов, исследователя Алтая (ф. Р-1750) отражает широту интересов фон-

додержателя: геология и палеотопонимика, археология и история горного дела. Долгие годы Алексея Михайловича связывала крепкая дружба с ученым-геологом, исследователем Алтая М. Ф. Розеном, переписка с которым занимает достойное место в фонде. Документы поступили от А. М. Малолетко, и в 1999 г. была произведена их научно-техническая обработка (ф. Р-1750, оп. 1. д. 1-63).

В 2000 г. на хранение поступили документы д-ра ист. наук, профессора АГУ, краеведа Валерия Анатольевича Скубневского. Они охватывают период за 1904, 1953–2002 г. и отражают автобиографические сведения, научные интересы фондодержателя: торговля и предпринимательство Алтая в конце XIX – начале XX вв., рабочие обрабатывающей промышленности Сибири конца XIX – начала XX вв., быт и жилье горожан Сибири. Имя В. А. Скубневского известно в широких кругах как знатока истории и культуры г. Барнаула, интересного рассказчика (ф. Р-1758, оп. 1, д. 1-56).

Документы личного фонда Ю. С. Бульгина, канд. ист. наук, исследователя истории заселения Алтая, поступили в ЦХАФ АК в 2000 г. 10 декабря, согласно заявлению вдовы фондодержателя Л. П. Бульгиной, и в результате технической обработки было сформировано 150 дел за 1940–2001 г. Здесь документы биографического характера, научно-исследовательской деятельности, картотеки, переписка. Им были составлены родословные княжеских фамилий Руси, семьи крестьян Титовых, а также собраны ксерокопии и фотокопии карт населенных пунктов. Сегодня фонд Ю. С. Бульгина – один из самых востребованных. В 2002 г. в ЦХАФ АК были переданы документы, которые после научно-технической обработки были сформированы в 140 дел за 1961–2002 гг. Они отражают педагогическую и исследовательскую деятельность Ю. С. Бульгина.

Продолжает ряд новых поступлений фонд Льва Викторовича Малиновского, профессора германской филологии, знатока истории российских немцев. Документы личного фонда Л. В. Малиновского поступили в ЦХАФ АК в 2000 г., в результате было сформировано 197 дел за 1948–2000 гг. (ф. Р-1766). Они отражают деятельность ученого-историка, основной темой научных изысканий которого стала история жизни и быта немецкого населения, проживающего в Сибири. Многие работы написаны на русском и немецком языках. Помимо научных работ, в фонде имеются литературные произведения фондообразователя, рассказы, переводы с немецкого языка, большое количество документов на немецком и английском языках.

В 2002 г. в ЦХАФ АК поступили документы выдающегося ученого, крупного специалиста по истории Сибири и Востока, профессора АГУ Евгения Михайловича Залкинда (ф. Р-1775). В результате его научно-технической обработки было сформировано 91 дело с материалами научной, творческой деятельности, перепиской и др. В них рассматриваются особенности

общественного строя бурят, эвенков, монголов. Есть материалы о составлении словаря киданьского языка кяхтинских бурят и тибетского уставного письма. Имеются также поэтические произведения фондообразователя.

В личном фонде Алексея Дмитриевича Сергеева, выдающегося историка-краеведа (ф. Р-1781), отложились документы научной и преподавательской деятельности, а также общественной – в Алтайской краевой краеведческой ассоциации, председателем которой он был.

Выдающиеся исследователи, изобретатели Алтая, история Алтайских крепостей и городов, горные инженеры – вот неполный перечень научных пристрастий и интересов А. Д. Сергеева, незаурядного историка, главной «любовью» которого было краеведение. Остается добавить, что это один из малых крупных фондов личного происхождения (489 дел), который был обработан в 2005 г. и сегодня востребован самым широким кругом исследователей.

Одним из последних в 2000 г. поступили на хранение документы (2 663 док.) д-ра ист. наук ученого-востоковеда Владимира Анисимовича Моисеева. В результате научно-технической обработки был сформирован фонд, состоящий из 201 дела. Главным направлением научных интересов Моисеева являются международные отношения в Центральной Азии в XVIII–XX вв. Основной объем личного фонда составляют документы, послужившие фондообразователю основанием для научной, исследовательской работы. Они включают выписки, копии архивных документов из фондов зарубежных (Китай, Монголия), центральных и региональных российских архивов, архивов республики Казахстан, выписки из научных трудов различных авторов по проблемам дипломатических отношений России, истории стран Азии. Кроме того, в фонде имеются документы по истории г. Змеиногорска XX в., различные карты, планы, схемы стран Азии и России, собранные в ходе научной работы. Последние представляют большую ценность. Многие документы XVII–XVIII вв. – на китайском и маньчжурском языках.

Крупные научные работы В. А. Моисеева, монографии «Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в.», «Взаимоотношения Джунгарского ханства с Казахстаном, Средней Азией, народами Сибири и политика России в XVI–XVIII вв.» являются сегодня весьма актуальными для исследователей, интересующихся не только данным периодом, но и современными событиями, происходящими в Центрально-Азиатском регионе, российско-китайскими отношениями.

Список фондов личного происхождения ЦХАФ АК постоянно растет. Поступили на хранение документы фтографа Брызгина (4 722 документа), профессора Уманского, научно-техническая обработка которых еще не произведена. Многие держатели личных фондов сегодня заинтересованы в том, чтобы передать свои личные, семейные архивы на хранение в ЦХАФ АК.

Документы личных фондов позволяют человеку сегодняшнему не только заглянуть в прошлое, но и глубже понять современный мир, поэтому они всегда будут интересны самому широкому кругу исследователей.

О. В. Усатая

Воспоминания социал-демократов о революционных событиях 1905 г. в Барнауле как исторический источник. Опыт исследования

Настоящая статья имеет целью анализ воспоминаний о 1905 году барнаульских социал-демократов, принимавших участие в первой русской революции. Соответствующие документы хранятся в ЦХАФ АК в фонде № П-1061 под названием «Комиссия Истпарт Барнаульского окружного комитета ВКП(б)». Большинство представленных в фонде источников о начальном этапе деятельности Барнаульской организации РСДРП и революционных событиях в крае было собрано ее членами, группой ветеранов революции 1905 г., которая известна как артель «Краевед». Позднее она была переименована в Коллектив общежития ветеранов революции 1905 г. в Барнауле, по улице Короленко, 100. Такая «группа содействия Истпарту» [1] функционировала с 1925 г. до начала 1930-х гг., фактически же сбор информации продолжался примерно до 1936 г. Он происходил по схеме, которую ранее разработал Истпарт: во-первых, при помощи рассылки бывшим революционерам анкет, во-вторых, на еженедельных собраниях ветеранов первой русской революции, или, как они еще себя называли, «пятигодников», где участники рассказывали о революционных событиях 1905 г. Такие собрания проходили до 1929 г. (в начале 1930-х гг. их проведение прекратилось из-за финансовых трудностей) [2]. После ликвидации «Коллектива общежития...» и Истпарта работу со старыми революционерами продолжили партийные архивы [3].

Эти воспоминания подверглись с нашей стороны тщательному критическому анализу. Он состоял из нескольких стадий. Внешний анализ предполагал изучение особенностей возникновения документа, т. е. определение его целевых установок, авторства, даты создания, круга использованных источников и литературы. Внутренняя критика включала в себя текстологическое исследование воспоминаний, а также их изучение методом контент-анализа.

Внешней критике и текстологическому анализу подверглись 24 текста с воспоминаниями «пятигодников», повествования которых содержат сведения о событиях 1905 г. в Барнауле [4]. Главным результатом этой работы стала общая характеристика документов. Материалы, написанные и собранные «пятигодниками», представляют собой небольшие по объему пове-

ствования, адресованные широкой аудитории. Для них характерна немногословность, описание фактической стороны. Степень объективности авторов воспоминаний крайне мала, а промежуток в 20–30 лет с момента событий не только не повысил беспристрастность мемуаристов в оценке фактов, но и способствовал потускнению в их памяти картин прошлого. Кроме того, подавляющее большинство «пятигодников» в своей работе опирались только на свою память, не используя дополнительных источников. Подтверждением этому служит наличие неточностей, ошибок, отсутствие конкретных дат, названий, численных данных, а также простая, однородная, без вкраплений стилистика текста и незамысловатый словарный запас.

Стоит отметить, что намеренная «забывчивость» «пятигодников» в отображении событий сводится к минимуму вследствие изначально заданного анкетами Истпарта направления, которые указывали, какие факты необходимо вспомнить. Эта заданность привела к тому, что содержательная сторона и оценки событий у абсолютно разных авторов (по статусу в местном отделении РСДРП, по уровню образования, по профессиональным занятиям, по социальному положению), оказались идентичными.

Для того, чтобы установить, что в большей степени определило специфику воспоминаний «пятигодников»: существующая на тот период идеология и цензура мировоззрения, или же действительно целевой установкой авторов было воспроизведение основных вех деятельности Барнаульской организации РСДРП – мы провели контент-аналитическое исследование. Этот метод подразумевает выявление и подсчет конкретных понятий (слов, словосочетаний, тем и т. д.), отражающих существенные стороны содержания источника. Такой подход к изучению документа позволяет проникнуть на более глубокие уровни текста и раскрыть зачастую неотрефлексированные автором содержательные аспекты, тем самым определить, что же действительно его интересует.

Нами был проведен источник-ориентированный ручной контент-анализ данных документов. В процессе контент-аналитического исследования нами были изучены 15 воспоминаний «пятигодников» [5] из 24. Из всей совокупности имеющихся документов для анализа были выбраны повествования, содержащие достаточно подробное описание событий 1905 г. в Барнауле: те воспоминания, в которых они просто упоминались и перечислялись, в данное контент-аналитическое исследование не вошли, как не имеющие информационной нагрузки. Кроме того, анализу подлежала только та часть документа, которая включала описание событий 1905 г. в Барнауле и их предысторию. Целью данной работы стал ответ на вопрос: какую самостоятельную информацию могут дать исследователю эти источники?

Непосредственному проведению контент-анализа должна предшествовать кодировка отобранных для него сообщений – описание источника и

его автора при помощи ряда критериев. Критерии будут являться дополнительным механизмом раскрытия темы, а впоследствии могут применяться как инструмент классификации источников по каким-либо принципам. Кодировку рекомендуется производить на отдельных индивидуальных карточках. Количество и формулировка основных критериев описания источника напрямую зависит от целей и задач контент-анализа. Характеристика воспоминания в нашем случае включала в себя следующие пункты: фамилия, имя, отчество автора; поисковые данные воспоминания, название воспоминания, время его создания, объем воспоминания, объем проанализированных листов. Характеристика автора источника должна содержать в себе максимум известной о его личности информации: происхождение, год рождения, политические взгляды, социальное положение и пр.

Проведение контент-аналитического исследования можно представить в виде трех последовательных этапов. Первый заключается в сведении текста источника к ограниченному набору терминов. В данном случае мы преобразовали текст воспоминаний «пятигодников» в набор словоформ и категорий. Словоформа — это слово, корень слова, словосочетание. Категория — класс словоформ, касающихся определенной тематики. Второй этап предполагает подсчет и анализ полученных результатов. Итогом этого становится набор таблиц и графиков, являющихся количественным выражением смысловых характеристик текста источника. Третий этап состоит в интерпретации исследователем полученных результатов.

Изучив содержание совокупности воспоминаний «пятигодников», мы выделили следующие категории контент-аналитического исследования: «о себе»; «семья»; «общество»; «государство»; «социал-демократическая деятельность»; «другие политические партии и направления»; «время»; «разное». Для эффективности анализа словоформы были занесены в таблицы в зависимости от частоты встречаемости в текстах воспоминаний. В результате анализа таблиц нами был сделан ряд выводов о семантической нагрузке комплекса рассматриваемых источников.

Итак, контент-анализ воспоминаний «пятигодников» показал, что первоочередной задачей авторов при создании повествований являлось отражение деятельности Барнаульской организации РСДРП; этой теме посвящено самое большое количество словоформ — 2 104.

Численные показатели таблицы свидетельствуют, что «пятигодники» отражали в своих воспоминаниях основные направления работы местной социал-демократической организации. Ядром категории «Социал-демократическая деятельность» являются словоформы, отражающие основные направления работы местной социал-демократической организации, авторы достаточно часто обращаются к описанию функционирования структурных частей партии, а также ее предшественников, в контексте данной темы

ими употребляются такие словоформы, как «Российская социал-демократическая партия (организация, партия)» (246 словоформ), «группа», «группировка», «подгруппа», «ячейка» (178 словоформ), «кружок», «круж.» (154 словоформы), «комитет (РСДРП)» (150 словоформ). Достаточно большое количество словоформ относится к теме революции: «движение» (129 словоформ), «революция», «рев.» (120 словоформ), «борьба» (22 словоформы), «восстание» (7 словоформ), «бунт», «бунтарство», «волнения», «переворот» (2 словоформы). «Пятигодники» активно освещали в своих воспоминаниях также ход различных демонстраций, митингов и массовок об этом свидетельствует частота упоминания словоформ «митинг» (54 словоформы), «демонстрация» (39 словоформ), «забастовка» (36 словоформ), «массовка» (11 словоформ), «воскресник» (7 словоформ) и т. д.

Сравнивая численные показатели таблиц, можно увидеть, что наибольшее количество словоформ заключается в категориях «социал-демократическая деятельность» (2 104 словоформ), «общество» (1 537 словоформ) и «государство» (1 073 словоформ). Таким образом, воспоминания «пятигодников» содержат описание и примитивный анализ взаимодействия радикальной революционной партии, общества и государства. Важно отметить, что в двух последних категориях словоформы распределились крайне неравномерно. Анализ данного момента показал, что «пятигодники» запечатали в своем сознании не целостное общество, а совокупность разобщенных классов, социальных, национальных и профессиональных групп людей, с которыми они сталкивались в ходе своей политической деятельности. С другой стороны, барнаульские социал-демократы, оправдывая свою принадлежность к рабочей партии, боролись за социальные приоритеты пролетариата, о чем свидетельствует значительное количество словоформ.

Государство как феномен воспринималось местными социал-демократами как объект, препятствующий осуществлению их политической работы. Ранее мы уже указывали, что тема борьбы с существующим режимом в данных источниках проходит красной линией, однако мемуаристы в своих произведениях как-то размыто показали, против чего они боролись и что же действительно их не устраивало в сложившейся ситуации.

Кроме того, «пятигодники» не были многословны в описании такого пункта анкеты Истпарта, как «Другие политические партии и направления». Этому вопросу посвящено всего 144 словоформы, из анализа которых мы можем сделать вывод лишь о том, с представителями каких партий и политических течений чаще всего приходилось сталкиваться местным социал-демократам в процессе их политической работы. Можно с уверенностью сказать, что избегание авторами данной темы негативно отразилось на содержании воспоминаний и не позволило им всесторонне раскрыть специфику барнаульского социал-демократического движения. Стоит обра-

тить внимание и на то, что количество словоформ в рассматриваемой категории несколько меньше, чем в категории «семья» (168 словоформ). Последняя в настоящем контент-аналитическом исследовании является для нас вспомогательной, дополнительно иллюстрирующей исследуемые материалы, в нее мы решили включить не только семейную терминологию, но и словоформы, характеризующие образ дома, очага. Учитывая то, что представленная анкета, которой руководствовались мемуаристы при создании воспоминаний, имела целью воссоздание общественно-политической ситуации в стране периода 1905–1907 гг., нам показалась любопытной позиция «пятигодников», которые пренебрегли реконструкцией лагерей других политических направлений и в большей мере остановились на описании моментов личной жизни и родственных связей.

Воспоминания, написанные «пятигодниками», не избежали такой типичной для мемуарных источников черты, как субъективность, о чем свидетельствует значительное количество словоформ в категории «О себе». В нее мы вносили все упоминания автором о его личности в контексте повествования. Полученные результаты оказались внушительными — 523 словоформы. Причем значимость индивидуального участия повествователя в событиях 1905 г. по показателям на порядок выше, чем группового.

Проведенный анализ показал, что «пятигодники» оказались более точны и конкретны в датировках, чем предполагалось при первичном изучении текстов. Сопоставляя понятия, позволяющие ориентироваться в хронологическом пространстве: «год», «время года», «месяц», «день недели», т. е. определенный временной промежуток (581 словоформа) — и раздел «неопределенный временной промежуток» (159 словоформ), мы видим, что последний по показателям значительно уступает первому. Отметим, что при создании исторической картины 1905 г. «пятигодники» действительно остановились на описании событий данного года (90 из 243 словоформ раздела «год»), в то же время включив в свои рассказы их предысторию и последствия. Подтверждением этому служит то, что максимальные численные показатели таблицы приходится на период с 1900 по 1907 гг.

Показатели раздела «определенный временной промежуток» дают ответ на вопрос о хронологических представлениях «пятигодников». Рассмотрев перечень словоформ данного блока, можно утверждать, что авторы при написании своих работ не имели целью создать пространственный исторический очерк, а главной своей задачей видели отражение конкретного события с дополнительными пояснениями и немногочисленными отступлениями от «темы». В связи с этим представления местных революционеров о времени, заключенные в данных источниках, сводятся к непродолжительным хронологическим периодам, таким как «час» (35 словоформ), «день» (42 словоформы), «месяц» (20 словоформ), «год» (38 словоформ) и «несколь-

ко) лет» (35 словоформ), наибольшим по длительности являются «столетие», «век» (5 словоформ).

Категория «Разное» — самая малочисленная по количеству словоформ, в нее мы включили разделы «пословицы», «религия», «метафоры», «литература». Данная категория носит вспомогательный характер, однако проигнорировать ее мы не могли, поскольку она характеризует эмоциональный уровень воспоминаний, а также кругозор авторов. Какие-либо однозначные выводы по результатам данной таблицы мы бы делать не рекомендовали ввиду малочисленности словоформ. Раздел «религия» включает в себя достаточно много разнообразных словоформ (92 из 124). Безусловно, основная их масса употреблялась в негативном контексте. Но, абстрагируясь от эмоционального фона, можно констатировать, что многие «пятигодники» не были последовательными атеистами.

«Пятигодники» в своих воспоминаниях крайне редко обращаются к употреблению метафор (17 словоформ). В 1991 Х. де Ландсхеер провел контент-аналитический эксперимент, результатом которого стал вывод о том, что возрастание количества метафор в политическом дискурсе — признак усугубления неблагоприятной политической и экономической ситуации в стране, следствием чего является кризисное состояние общественного сознания [6]. Проведя аналогию с теорией Х. де Ландсхеера, мы можем предположить, что бывшие социал-демократы чувствовали себя в сложившемся общественно-политическом климате достаточно комфортно. А это значит, что авторы с удовольствием вспоминали свои революционные подвиги и, исходя из этого, идеализировали прошлое.

Контент-аналитическое исследование доказало предположения, сформулированные в ходе текстологического анализа, о том, что ветераны революции 1905 г. при создании своих воспоминаний действительно руководствовались рекомендациями Истпарта, о чем свидетельствует совпадение целевых установок анкеты и итогового содержания источников. Авторы даже не пытались отойти от заданной схемы, используя, например, эзопов язык либо переносные смыслы и значения. В воспоминаниях отсутствуют критика и объективные оценки мемуаристами деятельности барнаульской организации РСДРП и политической работы их товарищей по партии, которые не предусматривались «планом». Таким образом, данные материалы представляют собой повествования в виде пространных ответов на вопросы анкеты. Говорить о жестком диктате партии в этом случае не совсем верно, скорее этот процесс можно обозначить как своеобразную манипуляцию благими намерениями старых революционеров.

Описание фактов частной жизни, личных «внеуставных» взаимоотношений, а также каких-либо эмоциональных переживаний было для «пятигодников» второстепенной задачей. Главным и единственным назначением

данных материалов являлось воссоздание истории Барнаульской организации РСДРП и социал-демократического движения. Но текстологический анализ показал, что воспоминания не могут быть полноценным источником по данному вопросу из-за наличия в них большого количества фактических ошибок, неточностей и противоречий. В связи с этим мы считаем, что воспоминания участников революционных событий 1905 г. в Барнауле могут являться весьма ценным источником для исследований иного направления, а именно изучения психологических, индивидуальных и личностных характеристик авторов как представителей своего времени. Однако для того, чтобы указанные воспоминания предоставили историку полноценные сведения, необходим более глубокий, нежели наш, лингвистический анализ. Его результаты возможно интерпретировать при помощи психологических и социологических методов. Совокупность этих операций можно отнести к новому направлению в исторической науке – психоистории, изучающей историческую мотивацию общества [7].

Контент-анализ прежде всего помог придать текстологическому исследованию необходимую точность и глубину и тем самым достичь более качественного изучения воспоминаний местных социал-демократов как исторических источников. Таким образом, можно утверждать, что использование совокупности традиционных источниковедческих методов и метода контент-анализа оказалось достаточно эффективным для исследования мемуаристики советского периода.

Литература и источники

1. ЦХАФ АК. Ф. П-1061, оп. 2, д. 7, л. 1 об.
2. Там же. Л. 18–21.
3. Шолохова Л. С. Что такое Истпарт? // Сибирский архив: Архив. док., публикации, факты, комментарии: Науч.-популяр. историко-краевед. сб. / Под ред. Н. К. Шестаковой. Вып. 1. Иркутск: Отгиск, 2000. С. 33.
4. ЦХАФ АК. Ф. П-1061, оп. 1, д. 33, 34, 36, 41, 46–48, 54, 75, 76, 79, 81, 84, 85; оп. 2, д. 10, 32; оп. 3, д. 34, 41.
5. Там же. Оп. 1, д. 32–34, 36, 41, 46–48, 54, 75, 79, 84–86; Оп. 2, д. 32; Оп. 3, д. 34, 41.
6. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 252–254.
7. Де Моз Ллойд. Психоистория. (webhostkemtel.ru/~psynet/Publik/psyhistory.htm).
8. Кирчанов М. В. Психоистория: история и основные направления исследовательской деятельности (pryani.indeep.ru/psychology/psihohistory.html).

5. ШКОЛЬНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ: УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК МЕТОД И ИСТОЧНИК

А. Козлова

Архивная педагогика

Образовательная работа в архивном деле за последние несколько лет выделилась в отдельное развивающееся направление, за которым закрепился устойчивый термин «архивная педагогика». Инициатором этой деятельности можно с полным правом назвать Союз немецких архивистов, который с 2000 г. проводит в Германии конференции, посвященные новым разработкам и направлениям в этой сфере. В рамках этой же организации возникла идея организации европейской конференции по теме архивной педагогики, на которой архивисты-практики из разных стран смогли бы обменяться опытом. Такая конференция состоялась в июне 2003 г. в Европейской государственной академии в г. Бохольте (Германия), в которой приняли участие архивисты из 12 стран Центральной и Восточной Европы.

Целью конференции, с одной стороны, являлось представление развития исторической образовательной деятельности в архивах с учетом национальной специфики, а с другой — построение единой европейской сети в этой области, которая будет способствовать общей дискуссии и обмену новыми предложениями в архивной педагогике.

Опыт в области образовательной работы в архивах стран Европы очень разный, однако везде как центральная задача понимается превращение архивов в еще одно, кроме школы, место учебы, включение архивов как части в общий образовательный процесс, как это сделано, например, во многих землях Германии.

Необходимыми звеньями и движущими силами процесса все участники назвали деятелей архивного, школьного и общеисторического образования, поэтому включению в него учителей уделено основное внимание. Идея «пронизывания» исторической перспективой всех предметов школьной программы приводит к изменениям в педагогическом образовании.

Знание архивов и обязательная подготовка исследовательской работы на архивных материалах в процессе получения педагогического образования, например, вводится в вузах Германии и Швеции. Образовательные архивные семинары, обязательное посещение школьниками архивов вместе с учителем истории, создание педагогических объединений для сотрудничества между школами и местными архивами (Швеция, Латвия) — вот наиболее распространенные формы работы, инициатором которых изначально становится национальная архивная служба. Государственные архивы также вводят в свой штат педагогов архивного образования, советников-архивистов и даже воспитателей для детей младшего возраста (Великобритания), справедливо полагая, что таким образом архивы постепенно получают важную функцию в контексте культурной политики государства.

Декларация публичной открытости архивов расценивается как движение общества от политической демократии через экономику к культурной демократии, принципы которой формулируются как «культура для людей и руками людей» и которые формулировались многими участниками более емко: «сохранять и использовать». Задача привлечения широкой публики к архивам и истории ведет к возникновению разнообразных форм работы государственных архивов.

Задача использования архивов как инструмента культуры для образования молодежи, повышения количества используемых архивных материалов на уроках истории реализуется в тематических интернет-проектах, документальных публикациях, создании специальных «пакетов документов» для школ по региональной истории, выставках в регионах по материалам центральных архивов, ознакомительных и образовательных экскурсиях. Интересный опыт существует в Латвии, когда школьникам предоставляется возможность проследить весь путь архивного документа: как и когда он попадает в архив, как принимается, описывается и хранится. В конце предлагается маленький тест или кроссворд. Тетрадки с кратким сводным материалом раздаются школьникам.

Существуют всевозможные образовательные курсы для взрослых пользователей, например курсы для иностранцев — пользователей госархивов, курсы по политическим темам для журналистов, для пользователей любого возраста, в том числе и для пенсионеров, занимающихся изучением региональной истории и генеалогии. Здесь архивная педагогика приобретает социальный контекст. Современное общество оставляет за бортом занятости все больше людей, что вызывает необходимость делать людей трудоспособными через «социальные включения» путем непрерывного обучения на протяжении всей жизни. В образовательной работе архивы объединяются с библиотеками и местными музеями, предлагая единую программу исторического внешкольного образования (Нидерланды, Швеция).

Наиболее полно большинство из перечисленных приемов работы представлено в Германии. В конце 1960-х гг. в стране возникает ряд общественных движений по изучению прошлого, к этому процессу привлекаются и школьники через исторические конкурсы и проекты. Не случайно инициатором проведения Европейской конференции по архивной педагогике стал Фонд Кербера, который уже более 30 лет проводит в Германии исторический конкурс для школьников. Широкий общественный интерес к истории XX в., к архивным документам вызвал встречное движение государственной архивной службы, способствовал совместному поиску форм взаимодействия обеих сторон.

В области взаимодействия архивов и общества в Германии существует обширная программа, включающая всю сеть архивов страны. Архивисты Великобритании сосредоточили образовательную работу в основном в лондонском Public Record Office. Россию в области архивной педагогики на конгрессе представляла общественная организация «Мемориал», которая проводит, в том числе и на основе собственного архивного собрания, широкую просветительскую работу среди молодежи и последние годы осуществляет образовательные проекты для старших школьников.

Архив организации «Мемориал», собранный за 15 лет деятельности, представляет собой совокупность источников личного происхождения — семейных архивов, которые отражают историю семьи, «живой образ» человека и позволяет не только понимать, но и чувствовать уходящую историю XX в. В настоящее время фонд по истории ГУЛАГа содержит более 50 тыс. личных дел (не путать со следственными делами архива ФСБ), «историй жизни» людей, подвергавшихся политическим репрессиям в период с 1920-х до 1953 гг., около тысячи мемуаров, написанных бывшими политическими заключенными или членами их семей, фотоархив. Отдельный комплекс документов (около 20 тыс. документов) составляет архив истории инакомыслия, т. е. архив диссидентского движения.

Архив открыт для всех пользователей без каких-либо ограничений и является самым значительным альтернативным тематическим собранием по истории репрессий за 1920–1991 г. Ежегодно читальный зал архива принимает около 300 читателей, более 50 различных телепрограмм и кинокомпаний. К сожалению, более половины из них иностранные.

Документы, находящиеся в личных делах, можно условно разделить на три группы.

1. *Материалы доарестного периода, отражающие частную и общественную жизнь советского человека* (метрики, аттестаты, дипломы, послужные списки, наградные листы, письма, фотографии). Образование или работа за рубежом, отклонения от линии партии, служебный рост — в них зачастую и находилась причина последующих репрессий: например, член-

ский билет партии социалистов-революционеров от 14.06.1917; свидетельство об образовании Департамента народного просвещения Особого района Восточных провинций (Харбин); письма министра юстиции своей жене на курорт, отправляемые через секретариат для того, чтобы продемонстрировать полное отсутствие секретов от родного государства даже в личной жизни; здесь же, однако, и грамота сотруднику ОГПУ «За самоотверженную чекистскую работу».

2. *Материалы, непосредственно касающиеся периода репрессий.* Это копии и подлинники официальных документов: протоколы обыска и ареста, свидетельства о смерти, справки об освобождении, жалобы; внутрилагерные документы: личные записи, грамоты за ударный труд, ходатайства о пересмотре дела. Значительная часть этой группы — переписка заключенных с родными, как легальная, с пометками цензуры, так и письма, переданные на волю нелегальным путем, так называемые эшелонные записки, выброшенные на этапе в надежде, что кто-нибудь подберет и не отнесет в органы, а отправит родным. Документы, отражающие творчество в местах заключения: работа театров и агитбригад. Стихотворные рукописные сборники, создаваемые заключенными по памяти, переводы. Сатирические альманахи, как, например, «Кошкин дом», созданный врачами лагерной больницы на Колыме, содержащий стихотворные пародии в стиле Пушкина, Северянина, Маяковского и т. д. Самодельный «учебник» немецкого языка, по которому один заключенный учил другого, — блокнот с записью всех зонгов «Трехгрошовой оперы» Б. Брехта.

3. *Материалы, касающиеся жизни после освобождения.* Здесь особый интерес представляют письма-воспоминания, присланные в «Мемориал», документы, свидетельствующие о многолетней работе членов семей по реабилитации своих родных.

Все сведения, содержащиеся в архивных делах, внесены в «Электронный архив», что дает возможность выполнять запросы пользователей по интересующим их темам. Фрагмент «Электронного архива» размещен на сайте «Мемориала».

Историческая образовательная работа со школьниками — важнейшее направление деятельности «Мемориала». Проводимый «Мемориалом» конкурс исторических исследовательских работ для старшеклассников «Человек в истории. Россия. XX век» стимулирует подростков к исследовательской работе по воссозданию повседневности прошлых лет, восстановлению деталей быта и судеб обыкновенных людей. Подобное исследование заставляет молодых людей обращаться к семейным архивам, записывать воспоминания родных и знакомых, разыскивать участников событий, обращаться в государственные архивы. Несмотря на то, что этот конкурс не исходил от Министерства просвещения, а был объявлен общественной ор-

ганизацией и, следовательно, не нес никаких выгод ни учителям, ни ученикам, в нем участвующим, интерес к нему оказался неожиданно большим.

С 2001 г. (конкурс ежегодный) мы получили около 20 тысяч работ из более чем 1000 городов и населенных пунктов России. Особенность конкурсной работы — в центре исследования должны стоять человеческие судьбы. Работа должна основываться на историческом источнике — устном или архивном — или на семейном архиве. Это первая в России попытка в таком широком масштабе научить школьника работать с архивным и устным источником, привить ему культуру архивной работы, объяснить значение и место архивов в культурной среде, привести к мысли о необходимости сохранения семейных архивов, убедить, что архив — это часть живой жизни семьи, поколения, государства. Тема конкурса звучит очень широко и намеренно не привязана к истории репрессий.

Как мы и ожидали, большую часть работ составили исследования по истории семьи, и именно эта, казалось бы, невинная тема привела к неожиданным для самих участников результатам. История семьи за 70 советских лет стала опасной областью. Все семьи что-то скрывали: родственников за границей, непролетарское происхождение, национальность, репрессированных членов семьи, пребывание в плену или на оккупированной территории. Утратились семейные связи, обрезаны фотографии в альбомах. Детям не рассказывали семейных историй (лучше не знать). История семьи существовала лишь настолько, насколько могла соответствовать официальной версии прошлого.

Работа в конкурсе стала для многих нравственным воспитанием, побудительным мотивом для восстановления разрушенных связей между поколениями, внутрисемейных связей, дала ощущение себя в истории, толчок для развития гражданского и правового сознания.

Конечно, преследуя цели архивного образования и развития школьников, мы понимали, что в первую очередь надо работать с учителями. С этой целью два раза в год оргкомитет школьного конкурса проводит семинары для учителей, активно работающих в проекте. В программе семинара значительное место отводится разъяснению организации государственной и ведомственной архивной системы, архивного законодательства, особенно в части допуска школьников в госархивы и положения с рассекречиванием документов. Читаются лекции по устной истории, о правилах обработки и сохранности семейных архивов, о методах проведения краеведческих исследований, о составе государственного архивного фонда, учителя знакомятся со справочной литературой по архивам. В более сжатой форме подобные рекомендации изложены в методичке «Материалы в помощь участнику конкурса».

Одна из основных проблем, о которых говорят наставники, — проблема допуска школьников в государственные архивы. Несмотря на то, что в законодательстве нет никаких ограничений по возрасту, большинство руководителей госархивов отказывают школьникам в допуске к работе с документами на том основании, что школьники не умеют с ними обращаться. За четыре года конкурса произошел своеобразный обмен опытом среди школьных учителей по преодолению таких запретов. В некоторых случаях архив согласился пускать учеников с наставниками, в других — вопрос решался при личных контактах, в третьих — в наиболее активных регионах работавшие «по договоренности» в архивах школьники не вызвали никаких замечаний у работников читального зала, и школьникам стали доверять. Происходит постепенное «привыкание» госархивов к такому контингенту исследователей.

За эти годы в различных регионах России появились группы учителей, которые поддерживают наши идеи исторического и архивного образования и активно самостоятельно работают со школьниками в этом направлении. Например, в Перми в гимназии № 100 учащихся 5–7-х классов, которые по возрасту еще не принимают участие в конкурсе, учат работать с документами семейных архивов, понимать их значение, организации хранения, обработке, датировке.

Большую роль и поддержку юным исследователям оказывают кураторы школьного конкурса в 15 регионах России. Для консультаций они привлекают преподавателей местных вузов, работников музеев, архивов, краеведов. Еще в 15 регионах на базе местных организаций «Мемориала» созданы просветительские центры для школьников. В центрах размещены историко-правовые библиотеки, видеотеки, переданы созданные научно-просветительским центром «Мемориала» (Москва) выставки «Долгое эхо» и «До твоего рождения».

Выставка «До твоего рождения» охватывает период с начала Гражданской войны до начала перестройки и построена по принципу противопоставления официальной версии советской действительности (например, победные рапорты о завершении строительства в кратчайший срок Беломоро-Балтийского канала), с одной стороны, и реальной цены этой стройки, с другой. Выставка сделана с использованием документов архива «Мемориала», государственных архивов. Большая выставочная работа с привлечением архивных материалов ведется пермским «Мемориалом». Создано 6 выставок, которые с очень востребованы в школах области. При петербургском «Мемориале» создан кружок молодых исследователей, которые проходят также и архивную подготовку.

По нашему глубокому убеждению, архив, государственный или общественный, должен стать звеном в цепи исторического образования. В России

достаточно причин для запаздывания этого движения. Это часто неудовлетворительные условия хранения документов, отсутствие технической базы и финансовых ресурсов, проблемы допуска и рассекречивания документов в государственных архивах, отсутствие в них соответствующих образовательных программ и служб, отсутствие архивной грамотности и технических средств у потенциальных пользователей.

Все же мы находимся только на первой ступени исторической образовательной работы «архив для учителей и школьников». Хотя в некоторых архивах по отдельным направлениям развивается совместная работа, это не происходит регулярно и непрерывно. И, конечно, мы еще очень далеки от призыва, прозвучавшего на 14-м международном архивном конгрессе: «Мы (архивы. — А. К.) должны открывать двери перед населением и стучаться в их двери».

И. А. Комиссарова

Устная история в работах юных исследователей

С конца XX в. и первые годы XXI в. наблюдается оживление в школьном краеведении Ивановской области, что подтверждается увеличением количества участников краеведческих мероприятий, расширением тематики исследований юных краеведов, появлением специальных изданий краеведческого профиля (с 2002 г. вышло 4 сборника краеведческих работ учащихся). В данном сообщении речь пойдет о работах юных краеведов — участников областных краеведческих чтений (далее: Чтения) с 2002 по 2006 г. Именно с 2002 г. Чтения стали проводиться без заранее заданной тематики секций, т. е. у учащихся и их руководителей появилась возможность свободно выбирать тему исследования. Участники Чтений — в основном ученики старших классов (9–11) общеобразовательных школ Ивановской области.

Автор настоящей статьи более десяти лет работает методистом структурного подразделения «Туризм и краеведение» областного государственного образовательного учреждения «Ивановский областной центр дополнительного образования детей» (до 2005 г. — Центр детско-юношеского туризма и экскурсий). Все материалы, использованные в работе (ведомости, доклады участников Чтений, отчеты за 2002–2006 гг.) хранятся в архиве ОГОУ «Центр развития дополнительного образования детей». Задача данного сообщения — обобщить опыт использования юными краеведами устных воспоминаний. Во внимание принимались правильно оформленные доклады, т. е. те, в которых названы информаторы, указаны их возраст, профессия и место хранения записи воспоминаний.

На Чтения поступают и другие доклады, в том числе те, в которых авторы используют устные воспоминания, но при этом всех информаторов объ-

единяют общим названием «старожилы» или «ветераны» и никак не атрибутируют их, т. е. не указывают имен, фамилий, места проживания, возраста и рода занятий. Небольшая часть работ юных краеведов вообще не содержит информации об источниках, поэтому предположить, что использовались устные источники, можно, но данных о них в докладах нет. Эти работы составляют не более 10% от общего количества.

За 2002–2006 гг. на Чтения поступило 539 докладов, из них в 211 устные воспоминания активно использовались авторами как источник, более 100 докладов написаны исключительно на основе воспоминаний. Из всех видов источников именно устные воспоминания чаще других используются юными краеведами.

Статистика докладов участников Чтений

Год	Количество докладов	Доклады с воспоминаниями		Год	Количество докладов	Доклады с воспоминаниями	
		Всего	% от общего числа			Всего	% от общего числа
2002	99	41	41	2005	126	51	40
2003	116	35	30	2006	94	43	45
2004	104	41	39	Всего	539	211	39

Большинство исследовательских краеведческих работ посвящено или полностью, или некоторым аспектам изучения Великой Отечественной войны. Около 8% авторов изучают историю населенных пунктов (городских и сельских) и исчезнувших деревень. Столько же юных краеведов заняты сбором материала по истории школ и системы образования Ивановской области. Популярны темы по составлению родословных и биографий известных земляков. Всего удалось выявить более 50 разных тем, изучаемых юными краеведами, 36 из них основаны на использовании устных воспоминаний.

10 самых популярных тем работ юных краеведов

Тематика	Количество докладов на тему	Из них с воспоминаниями
Великая Отечественная война	76	43
История населенных пунктов	43	25
История школ (образования)	43	31
Родословная	31	7
Литературное краеведение	29	12
Биографии известных земляков	26	12

Есть темы, достаточно популярные среди юных краеведов, но при этом ни один из них при написании работы не использовал устных воспоминаний или других источников устного происхождения — легенд, былин и дру-

гих форм фольклора. К таким темам относятся археология, изучение истории ярмарок, пожарных соединений, гражданской войны, биографии священников и некоторых других. На наш взгляд, причина неиспользования устных источников при изучении некоторых тем кроется в интересах научных руководителей юных краеведов. Часть из них считают этот источник субъективным, другие не владеют методикой сбора устных сведений, поэтому не занимаются этим.

Что касается состава авторов работ, использующих устные воспоминания, то 148 докладов (70%) написаны участниками Чтений из сельской местности. Объяснить это достаточно просто: именно на селе имеется широкое поле для сбора устных свидетельств, более благоприятная, располагающая к общению обстановка; как правило, юный краевед и его информатор знакомы, имеют общих родственников, учились в одной школе. 60% докладов с использованием воспоминаний написаны девочками и только 14% — мальчиками. Среди участников Чтений вообще доминируют девочки: их почти в полтора раза больше. Именно этим, на наш взгляд, объясняется большее количество «дамских» докладов. Около 26% докладов — творческая работа коллектива авторов.

Наиболее часто опрашиваемое поколение — 1920–1930-х гг. р. (260 человек). Предшествующее десятилетие (1900–1910-е гг.) представлено в работах всего 20 респондентами. К сожалению, поколение первых двух десятилетий XX в. уже ушло от нас. Интерес юных краеведов к поколению 1920–1930-х гг. объяснить довольно просто. Во-первых, это советская история (первые пятилетки, коллективизация, Великая Отечественная война и многое другое). Во-вторых, люди этого поколения могут рассказать о так называемых лакунах в истории, т. е. периодах, по которым источники или малочисленны, или малодоступны для исследователей. В-третьих, именно это поколение может рассказать о более раннем периоде начале XX в., так как помнит рассказы своих родственников. Этим обстоятельством часто пользуются юные исследователи при изучении, например, истории комсомола или пионерской организации в 1920-е гг.

Гораздо чаще в последние годы стали встречаться воспоминания поколений 1940–1970-х гг. Необходимо отметить, что чем моложе поколение, тем реже юные краеведы обращаются к нему за воспоминаниями. Однако количество опрашиваемых из поколения 1960-х гг. в 2006 г. в три раза больше, чем в 2002 г. В 2002 г. в работах юных исследователей впервые появились воспоминания поколения 1980-х гг. Юные краеведы включили эти воспоминания в доклады, посвященные истории школ. Следует сказать еще об одной тенденции: вместе с возрастом респондентов сдвигаются и хронологические рамки изучаемых тем. Если исключить доклады, посвященные Великой Отечественной войне как самой популярной теме вообще, в послед-

ние 2 года самые распространенные хронологические рамки – 1950–1960-е гг. До этого чаще поступали доклады по довоенному периоду.

Среди респондентов преобладают жители сельской местности (около 70%), причем к сельским жителям обращаются за устными воспоминаниями краеведы, проживающие как в городе, так и в селе, а с городскими респондентами работают практически исключительно учащиеся городских школ. Это обусловлено тематикой докладов. Юные исследователи городских школ довольно часто обращаются к изучению истории того или иного сельского населенного пункта, топонимики, истории промыслов, фольклора, обрядов. Из сельских школ не было ни одного доклада, посвященного истории города или городского предприятия.

Среди респондентов, как и среди докладчиков, 60% составляют женщины. Это соотношение сохраняется во всех возрастных группах, за исключением поколения 1980-х гг., где мужчины и женщины представлены поровну, и поколения 1920–1930-х гг., где женщины составляют почти 80%. Что касается тематики докладов, то к мужчинам чаще обращаются, изучая темы, связанные с историей предприятий, колхозов (совхозов), с изучением промыслов и ремесел, церквей (монастырей). О Великой Отечественной войне чаще рассказывают женщины, к которым обращаются и как участницам боевых действий, и как к вдовам, и как к труженицам тыла.

Нельзя не сказать и еще об одной замеченной особенности. Краеведы-девочки общаются с респондентами и мужского, и женского пола примерно одинаково часто, мальчики предпочитают обращаться к мужчинам. Возможно, причина в том, что мужчины дают более конкретную информацию; как правило, в докладе она представлена достаточно сухо. Женские воспоминания отличаются эмоциональностью, они более объемны, респонденты часто отвлекаются на другие темы. И, судя по некоторым замечаниям в докладах, респонденты-женщины, особенно старшего возраста, часто плачут. Именно эти обстоятельства, на наш взгляд, объясняют нежелание мальчиков общаться с женщинами старшего возраста. Хотя в случаях, когда опрашиваемыми являются люди 50–60 лет, мальчики и девочки общаются и с мужчинами, и с женщинами одинаково часто.

Юные краеведы Ивановской области в качестве респондентов чаще всего выбирают колхозников и бывших колхозников (разных специальностей), так как среди сельских жителей их больше всего. Учителя, библиотекари, сотрудники музеев, врачи, краеведы-любители также довольно часто рассказывают о событиях, очевидцами которых были. Среди часто встречаемых профессий респондентов можно назвать священников, ткачих (особенность Ивановской области), представителей творческой интеллигенции (как сельской, так и городской), руководителей разного ранга (директора школ, предприятий, чиновники, председатели колхозов и др.). Реже всего

юные исследователи обращались к милиционерам и портным (по 1 разу). Среди респондентов обнаружен один иностранец — француз. На его воспоминания ссылаются краеведы в докладе, посвященном истории эскадрильи «Нормандия-Неман».

Часто исследователи обращаются к одному и тому же респонденту с разными темами. Так, например, один краеведческий коллектив небольшого населенного пункта на основании воспоминаний одних и тех же людей написал исследования по истории пионерского движения, о творчестве местного поэта-самородка, об истории школы.

В среднем на один доклад приходится по 4 респондента. Это говорит о том, что исследователи проводят сравнительный анализ воспоминаний нескольких участников или очевидцев одного события, что позволяет более полно и достоверно реконструировать его. Необходимо отметить, что довольно часто юные краеведы Ивановской области проводят фронтальные тематические опросы определенного поколения того или иного населенного пункта (чаще деревни, поселка). В одной из работ краеведы написали, что включали в работу те или иные факты, только если их подтверждали не менее трех респондентов.

Итак, юные исследователи Ивановской области достаточно активно используют устные воспоминания в своих работах. В краеведении практически нет таких тем, при изучении которых не используются воспоминания населения. Основными респондентами учащихся являются люди поколения 1920–1930-х гг. р., большей частью сельское население женского пола. Они служат источником информации как о событиях, которым были очевидцами, так и о событиях, о которых могут рассказать со слов своих предков. Респонденты рассказывают не только о себе, но и о своих родственниках, друзьях, учителях, соседях. Часто воспоминания содержат общеизвестную, не уникальную информацию, респонденты повторяют ее вслед за газетами, телевизионными и радиопередачами, а юные краеведы выдают ее как особенную.

В целом устная история компенсирует недостаток источников, в том числе источников личного происхождения для исследовательской работы юных краеведов, открывает новые возможности в сборе материала.

Е. К. Лейбова

Сбор и изучение устных исторических источников старшекласниками (из опыта работы)

В образовательном стандарте среднего (полного) общего образования при определении как целей обучения, так и уровня требований к подготовке школьников провозглашается необходимость увеличения практической

направленности обучения истории, особенно на профильном уровне [4, с. 6–7, 11–12]. Необходимость использования исторических источников, в том числе и устных, в школьном обучении истории сегодня не вызывает сомнения, поскольку это основной способ овладения школьниками методами исторического познания, «ремеслом историка».

Осуществление учащимися самостоятельной исследовательской деятельности на основе устных исторических источников будет эффективным только в том случае, если они будут к ней готовы. Обучение старшеклассников сбору и анализу устных источников является предпосылкой для их самостоятельных исследований в области устной истории. В данной статье представлен и обобщен опыт развития комплекса информационных (ориентация в устной исторической информации, ее критика) и интеллектуальных (применение историко-генетического и историко-сравнительного методов исторического познания) умений у старшеклассников при работе с устными историческими источниками, а также специфических умений, связанных с поиском, сбором и фиксацией устных источников. За основу для создания методики сбора исторического материала методом интервью были взяты рекомендации историков [6, 8] и социологов [5, 7], работающих в рамках устной истории.

Старшеклассников необходимо познакомить с различными видами интервью: пилотным, биографическим, историческим (возможны и другие варианты типологии). Учащиеся проводят пилотное интервью, чтобы определить, какого рода информацию они имеют возможность получить и стоит ли проводить подробное историческое интервью с этим конкретным свидетелем или участником событий. Стоит сказать старшеклассникам, что в поиске будущих респондентов (тех, кто дает интервью) могут помочь их родные и знакомые, учителя, а также предыдущие собеседники: главное – вести активный постоянный поиск.

В качестве одного из заданий текущего контроля учитель может предложить учащимся найти потенциального собеседника, который будет готов дать подробную информацию, соответствующую теме урока. На выполнение этого задания может уйти достаточно много времени, поэтому учителю лучше ориентировать старшеклассников на наиболее доступные темы.

Не все люди готовы сотрудничать со школьниками, особенно если речь идет о продолжительном интервью. Выходом из подобной ситуации может быть разработка опросных карточек с небольшим, четко фиксированным количеством вопросов (от 1 до 3). Задача учащихся – опросить не менее трех людей. В нашем опыте старшеклассники выясняли важнейшие событиям XX в. глазами очевидцев и современников. Опросная карточка, которую учащимся необходимо заполнить в ходе пилотного интервью, может выглядеть следующим образом:

Возраст респондента	15–25 лет	26–45 лет	Старше 45 лет
Интерес к истории	Да		Нет
Вопрос: «Какое событие XX века было самым важным для дальнейшего хода истории?»			
Ответ:			
Аргументы в пользу своего мнения:			
Статус респондента по отношению к обозначенному им событию	Свидетель/участник события	Современник события	одожди немного, я быстро вернусь

Учащиеся проводят биографическое интервью, чтобы ориентироваться в основных событиях жизни респондента. Наибольшего эффекта в подобном случае удастся достичь, если рассматривать события, происходившие в семье самих учащихся. Подходящей темой для работы в данном контексте нам кажется тема переселения в Сибирь. По результатам выполнения этого задания учащиеся создали статистическую таблицу, на основе анализа ее количественных показателей выявили пики переселений и прокомментировали их. На основе данных таблицы возможно построение графика «Основные волны переселений в Сибирь в истории XX века».

Годы переезда	Количество семей, переехавших в Сибирь, %	Основные пики переселений
Конец XIX в.	10	
1906	5	1) в ходе столыпинской аграрной реформы
1908	10	
1937	20	2) в процессе коллективизации
1942	5	3) эвакуация во время Великой Отечественной войны
1943		
1957	5	4) с целью освоения целины
1958	5	
1992	20	5) возвращение на родину после распада СССР
1995	10	

Такой метод сбора устной информации, как беседа, является качественно новым уровнем общения людей, отражением равноправных отношений участников свободного общения. В беседе всегда имеют место спонтанные вопросы, не запланированные заранее, поэтому к освоению этого метода следует приступать только после того, как учащиеся будут свободно владеть методом интервью.

Самый распространенный способ фиксации исторического интервью или беседы — аудиозапись, сделать которую можно при помощи магнитофона или диктофона. Много преимуществ дает видеозапись с помощью камеры, так как она помогает последующим слушателям обратить внимание

не только на особенности речи респондента, но и на его мимику и т. п. Однако эти виды записи не всегда доступны учащимся по материальным соображениям или из-за отсутствия необходимых технических навыков. В таком случае интервью необходимо записать от руки, обращая при этом особое внимание на имена, даты и отдельные ключевые слова.

Старшеклассникам бывает трудно оценить свое поведение во время интервью. Нелегко посмотреть на себя со стороны. Поэтому в качестве одного из видов заданий можно предложить одноклассникам прослушать или посмотреть интервью друг друга и высказать мнение о поведении и о том, как интервьюер задает вопросы в ходе интервью.

Учащимся важно помнить, что процесс работы с интервью не заканчивается с завершением опроса респондента. Необходимо записать, не откладывая, собственные комментарии по поводу контекста интервью, характера информанта, его дополнительных замечаний, сделанных при выключенном магнитофоне. Необходимо промаркировать пленку, диск или коробку. Позже прослушать запись еще раз, чтобы проверить, какая информация была получена, а чего еще недостает. В частности, нужно убедиться в том, что взяты базовые сведения об информанте, необходимые для того, чтобы использовать материал как исторический источник, — его возраст, пол, домашний адрес и специальность, а также профессии его или ее родителей [6; с. 302].

В основе сконструированной нами системы аналитических приемов (операций) лежат историко-генетический и историко-сравнительный методы исторического познания. На языке методической науки овладение историко-генетическим методом означает усвоение самой идеи развития мира (прошлое — настоящее — будущее), обращение внимания на детали, подробности и отклонения от основной линии развития, т. е. на все уникальное в истории и овладение умениями устанавливать причины и последствия, историческое значение событий. Овладение историко-сравнительным методом предполагает усвоение идеи о системности мира (понимание общества как системы на всех этапах исторического развития, имеющего свою структуру), овладение умением группировать исторические события и явления по разным признакам, а именно классифицировать (выделять общее и особенное) и типологизировать (сравнивать с «идеальным образом»).

Формирование навыков использования историко-генетического и историко-сравнительного метода при анализе устных исторических источников осуществлялось поэтапно. К тому же учитывалось, что при работе с письменными протоколами интервью учащиеся встречаются только с «немым» словом, анализ которого происходит на рациональном уровне, как и при анализе любого письменного источника. При анализе информации, почерпнутой из непосредственной речи респондента, его «живого» слова, школьни-

ки задействуют и уровень чувств, ведь им становится важным не только то, что сказал им собеседник, но и то, как он это сделал.

Представим систему методических приемов, обеспечивающих освоение старшеклассниками исследовательских процедур, входящих в историко-генетический и историко-сравнительный метод, в рамках тех исторических сюжетов истории России XX в., при которых уместно их применение.

Умение устанавливать причины и последствия исторических событий

В методической науке предложены способы обучения школьников установлению причинно-следственных связей в истории [2]. Однако работа с устными источниками имеет свои особенности. Уникальность устных источников заключается в их вариативности и непредсказуемости (мы не можем заранее предположить, каким образом выстроит свое описание рассказчик). Поэтому сначала важно научить школьников выявлять способ раскрытия причинно-следственных связей, который использовал респондент.

В ходе освоения темы «Жизнь и быт советского народа в городе и деревне в 1950–1960-х гг.» школьникам предлагались графические изображения возможного «рисунка» устного свидетельства. Их задача – соотнести схемы с конкретными свидетельствами и заполнить все элементы рисунка цитатами из устных воспоминаний. Таким образом, старшеклассники смогут сделать вывод не только о том, что автор источника считает причинами изучаемого исторического события или явления, но и какие причинно-следственные связи он при этом использует.

Приводим примеры заполнения учащимися разных видов «рисунков» устных свидетельств при выявлении причин событий или явлений.

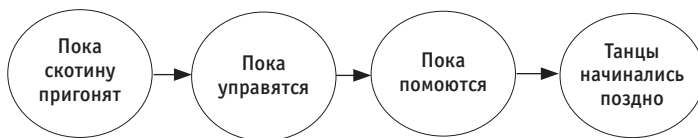
В а р и а н т 1

Из интервью с Голиковой Раисой Александровной, 1950 г. р., из с. Антоновка Кочневского района. Интервьюер – Баталова Н. Время фиксации – 2005 г.

«Танцы начинались в 10.00. до 12.00 где-то. Пока скотину пригонят, пока управятся, помоются, потом уже... Тогда долго гуляли».

Вопрос. Почему танцы начинались так поздно?

Ответ. Респондент раскрывает причинно-следственные связи через показ последовательности развертывания событий во времени – рис. 1.

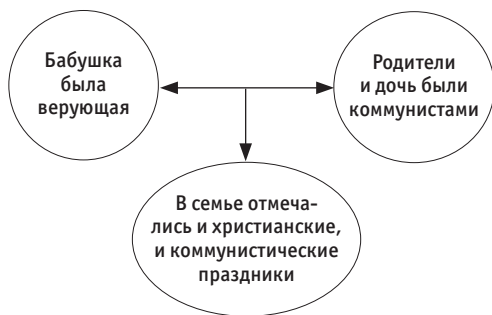
В а р и а н т 2

Из интервью с Букаевой Валентиной Ивановной, 1927 г. р., из пос. Пашинского. Интервьюер — Уварова Ю. Время фиксации — 2005 г.

«Свободного времени было очень мало. Проводили его в огороде. Книжки не покупали, не было денег, некогда было читать, да и продавали их редко. Газеты не читали то же из-за этого».

Вопрос. Почему не покупали книги, не читали ли газеты?

Ответ. Респондент раскрывает причинно-следственные связи через показ взаимообусловленности событий — рис. 2.

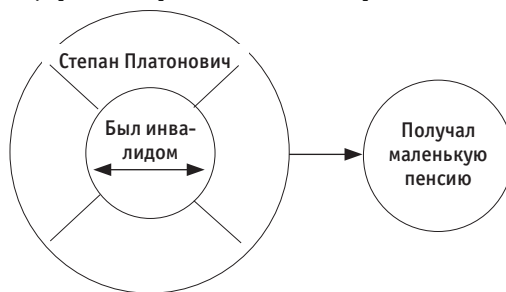
В а р и а н т 3

Из интервью с Самохваловым Степаном Платоновичем, 1924 г. р., из с. Николаевка Татарского района. Интервьюер — Чаплина О. Время фиксации — 2005 г.

«Как инвалиду войны пришлось работать, так как к. группа инвалидности третья, а пенсия была маленькая, на жизнь нехватит. Пенсия была около 300 рублей».

Вопрос. Почему Степан Платонович много работал?

Ответ. Респондент раскрывает причинно-следственные связи через показ внешних и внутренних причин событий — рис. 3.

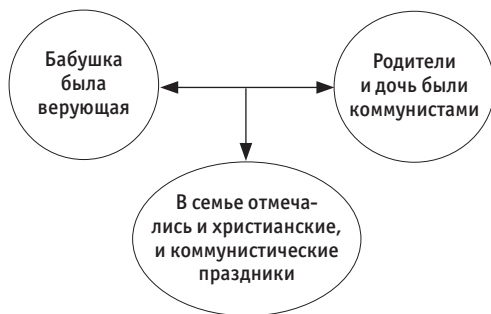
В а р и а н т 4

Из интервью с Потаповой Людмилой Владимировной, 1943 г. р., из Новосибирска. Интервьюер – Групина А., Пузанова Е., Ефременко С. Время фиксации – 2005 г.

«Бабушка верующая была, ходила в церковь, куличи пекла на Пасху. Все родственники собирались по праздникам. Родители не были верующими, отец – коммунист, да и я комсомолкой была. Собирались на все праздники, песни пели».

Вопрос. Почему в семье Людмилы Владимировны отмечались все праздники: и коммунистические, и христианские?

Ответ. Респондент раскрывает причинно-следственные связи через выявление противоречий исторического развития – рис. 4.

В а р и а н т 5

Из интервью с Ерохиной Лидией Ивановной, 1930 г. р., из с. Коноплево Одесской области. Интервьюер – Лерке Д. Время фиксации – 2004 г.

«Маму увезли в Красноярск, репрессировали. Говорили, вроде бы она для колхоза поменяла зерно на лошадей, работать не на чем было. А так-то, на самом деле, ее, конечно, за мужа-немца сослали: враг народа, измена».

Вопрос. Каковы были причины ареста матери Лидии Ивановны?

Ответ. Респондент раскрывает причинно-следственные связи через показ объективных и субъективных причин события – рис. 5.

В ходе знакомства с мнением участников и/или современников исторических событий относительно их последствий школьникам вновь уместно предложить графические изображения возможного «рисунка» устного свидетельства для их соотнесения и последующего заполнения цитатами из устных воспоминаний.

Приведем примеры заполнения учащимися разных видов «рисунков» устных свидетельств при выявлении последствий событий или явлений.

В а р и а н т 1

Из интервью с Самок Валентиной Макаровной, 1939 г. р., из г. Новосибирска. Интервьюер — Шашкова Е., Праско М. Время фиксации — 2005 г.

«Когда узнали, что Сталин умер, поезда — они у нас тут рядом ходят — остановились, начали гудеть, аж волосы дыбом поднимались. Завод тоже остановился, гудел. В школе все вышли, плачем. Такой человек умер! Душевно принимали все. Несколько дней не ходили в школу, даже заводы не работали, папа дома был».

Вопрос. Ка ко вы по следствия смерти И. В. Сталина, по мнению респондента?

Ответ. Респондент описывает, как последствия определенного исторического события отразились на разных сферах жизни общества — рис. 1.

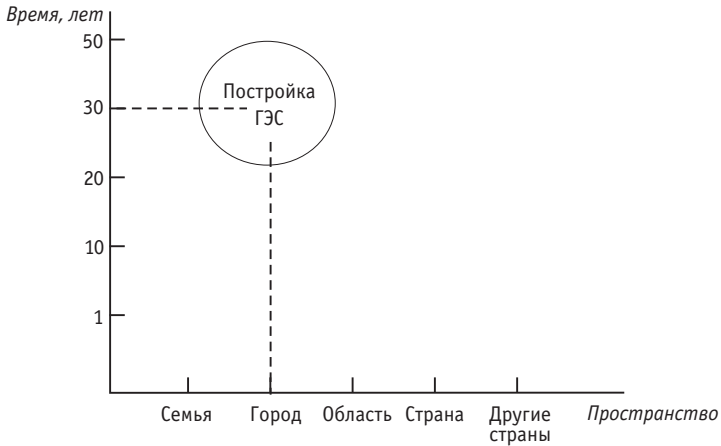
В а р и а н т 2

Из интервью с Гусевой Аллой Федоровной, 1939 г. р., из г. Якутска. Интервьюер — Кудрявцева А. Время фиксации — 2005 г.

«Застройка Бердска началась в конце 1950-х гг. по сле то го, как под нялась плотина, и начали строить ГЭС. Был „старый“ Бердск, его переселили к нам, а там затопили».

Вопрос. Каковы были последствия постройки Новосибирской ГЭС, по мнению респондента?

Ответ. Респондент описывает, как последствия определенного исторического события воздействовали во времени и пространстве — рис. 2.

В а р и а н т 3

Из интервью с Гусевым Владимиром Петровичем, 1937 г. р., из д. Еросимово Клинского района Московской области. Интервьюер – Романов И. Время фиксации – 2003 г.

«Целина оказалась пусть очень строгим, даже суровым, но в высшей степени толковым учителем и для рядовых ее бойцов, и для руководителей. Здесь, как на лакмусовой бумаге, проявлялись скрытые до сих пор качества человека. У истинных бойцов – бойцовские. У некоторых – душевные изъяны».

Вопрос. Каковы были последствия освоения целины для людей, принимавших в этом участие, по мне нию рес пон ден та?

Ответ. Респондент описывает последствия определенного исторического события, выявляя их противоречия и несоответствия в жизни разных людей – рис. 3.

Тем учащимся, кто затруднялся соотнести конкретное устное свидетельство и предложенные учителем схемы, предлагалось создать собственный «рисунок» устного свидетельства и прокомментировать его. Таким

образом, ребята могли убедиться, что устные источники — живы и непредсказуемы. Однако большинство ребят, решивших создать «свою» схему устного свидетельства, шли по пути ее «усложнения», детализации, зачастую излишней. Поэтому учителю необходимо предупредить ребят, что основное внимание они должны сосредоточить на выявлении сути устного свидетельства.

Стоит иметь в виду, что если в процессе установления причин и сущности исторических событий сталкивались позиции современника и потомка (школьника) по отношению к описываемым событиям, то при установлении их последствий ученики переходят на другой этап общения с респондентом. Позиции собеседников на данном этапе уравниваются: оба смотрят на описываемые события как потомки, хотя и воспринимают их по-разному в силу своего возраста и социального опыта.

Для того чтобы услышать мнение респондента о последствиях события, порой необходимо задать ему несколько специальных вопросов, например:

— как случившееся событие отразилось на ваших политических взглядах (материальном положении, отношении с другими людьми, мировоззрении)?

— как последствия этого события отразились на политике нашей страны (на экономике, на социальных отношениях, на культуре)?

— как долго вы наблюдали последствия описываемого события? Проявляются ли они в настоящее время? Каким именно образом?

— определите территориальный масштаб воздействия последствий этого события;

— одинаково ли случившееся событие повлияло на жизнь известных вам людей? Объясните, с чем связаны, на ваш взгляд, несовпадения и противоречия последствий одного и того же события в судьбах разных людей.

Поскольку ребенок сам является потомком современников событий, о которых идет речь, то следующим этапом анализа устной информации может быть сравнение его собственных представлений (своего «идеального образа») с представлениями респондента. Оформить сравнение старшеклассники могут в форме таблицы, выявить по ней общее и особенное в представлениях людей разных поколений и разного социального опыта. Таким образом, при установлении последствий исторических событий и явлений учащиеся задействуют оба метода: на первом этапе анализа — историко-генетический, а на завершающем — историко-сравнительный.

Умение устанавливать сущность событий или явлений

Поскольку правила сбора устных источников предполагают, что интервьюер занимает позицию слушателя и дает высказаться респонденту, не перебивая и не исправляя его, важно научить учащихся стимулировать рас-

сказчика к подробному изложению, которое позволит выявить мнение автора о сущности исторических событий.

Для овладения методом историко-сравнительного анализа — приемами классификации и типологизации — ученикам целесообразно предлагать следующие виды заданий.

1. Выявление ключевых слов, отличительных черт, используемых автором при характеристике события (наиболее часто повторяющихся, интонационно выделенных, сопровождающихся активной жестикуляцией), составление словаря слов-эпитетов, используемых рассказчиком при описании события, маркирование протокола интервью по ключевым словам.

В рамках урока «Повседневная жизнь советских людей в 20–30-е гг. XX в.», учащиеся искали в протоколе интервью ключевые разделы, касающиеся определенных видов досуга советского народа, маркировали их разными цветами и обозначали у себя в тетради. Пример — интервью Марии Григорьевны Давыденко, 1929 г. р., из с. Богатское Алтайского края. Интервьюер — Гаг О. В. Время фиксации — 2004 г.

«1. Молодежь была у нас дружная! Все любили отдохнуть, вечером погулять. Днем-то работали, гуляли только вечером. 2. На гармошке играли, балалайке, в бубен тоже. 3. Пели песни, смеялись. 4. Играли в «разлуки», «второй-третий лишний»... 5. А из праздников больше всего любили Рождество. Как мы тогда гадали! Любили праздники!»

- 1 — общение с друзьями, гуляния.
- 2 — игра на музыкальных инструментах.
- 3 — пение.
- 4 — подвижные игры.
- 5 — отмечание праздников.

Таким образом, старшеклассники имели возможность определить виды досуга жителей деревни 1920–1930-х гг., сравнить их с досугом городских жителей.

2. Выявление ключевых событий определенного исторического периода на основе свидетельств современников. Считается, что люди отчетливо помнят то, что они делали во время переломных исторических событий, как они реагировали на них и выстраивали перспективы относительно будущего.

Задание: проведите опрос и составьте диаграмму на тему «Важнейшие события XX века (Великой Отечественной войны, перестройки и т. п.) глазами очевидцев и современников».

В нашем опыте старшеклассники создали диаграмму под названием «Важнейшие события XX века глазами очевидцев и современников» и предложили собственное обоснование критериев, которыми руководствовались респонденты, выделяя наиболее важные события.

События XX в.	Количество современников, выделившие их как ключевые, %	События XX в.	Количество современников, выделившие их как ключевые, %
Революция 1905 года	2	Кубинская революция	2
Великая Октябрьская революция	16	Изобретение компьютера	2
Победа красных в Гражданской войне	2	Начало перестройки	2
Нападение Германии на СССР	2	Катастрофа в Чернобыле	2
Создание ядерного оружия	2	Разрушение Берлинской стены	2
Победа СССР во Второй мировой войне	26	Распад СССР	18
XX съезд КПСС	2	Распад Югославии	2
Полет Гагарина в космос	16	Дефолт 1998 г.	2

Анализируя данные таблицы, ребята научились не только выделять ключевые события определенного периода (в данном случае: Великая Октябрьская революция, победа СССР во Второй мировой войне, полет Гагарина, распад СССР), но и типологизировать их (выявлять причины, по которым эти события определены как ключевые, на основе собственных знаний).

3) Сравнение описываемых разными рассказчиками событий по предложенным учителем или выбранным самостоятельно основаниям (заполнение сравнительных таблиц, составление графиков и т. д.). Например, учитель приводит примеры, как реагировали на смерть И. В. Сталина люди из разных регионов и социальных слоев, а учащиеся делают выводы о том, что общего и различного в этих реакциях.

1. Из интервью Сорокиной Федоры Евдокимовны, 1920 г. р., из села Зимино Алтайского края, современницы мартовских событий 1953 г. Интервьюер — Пинко Е. П. Время фиксации — 2002 г.

«Мы слышали, целый месяц его передавали, температуру несколько раз в день передавали. Володя говорит, мой сын, в школу учительница вышла вся в слезах, пришла к ним в класс: Сталин умер. Долго передавали сводку его здоровья, какая температура, какой пульс. Это передавали целый день. Хоронили. Тогда телевизоров не было, мы, конечно, не видели похороны Сталина, но слышать слышали. Много народу подавили, говорят там. Так шли много, всё старались увидеть».

2. Из рассказа Гусева Владимира Петровича, 1937 г. р., из д. Еросимово Клинского района Московской области, участника событий 5 марта 1953 г. Интервьюер — Романов И. В. Время фиксации — 2003 г.

«Памятны мартовские дни 1953 года. 9-й класс. Рано утром хозяйка вошла в избу, где мы спали, и сообщила страшную весть – умер Иосиф Виссарионович Сталин. На ходу одевшись, не умываясь, мы поспешили в школу. Там уже у огромного портрета Сталина стояли в почетном карауле учителя. Затем ставили в караул и учащихся. У меня возникла мысль: поехать в Москву, проститься с этим человеком. Добрались до Клина, а затем повисли на окнах вагона (вагоны были переполнены) и в таком положении около 3 часов добирались до Москвы. Благо, что машинист делал остановки не только на станции. Более 10 часов мы пытались добраться до Колонного зала Дома Союзов: под машинами, которые перекрыли улицу, по крышам домов (забирались по водосточным трубам, каким-то лестницам). Пытавшихся присоединиться к официальным делегациям разгоняли на улицах конные милиционеры с плетками, нагайками. После разгона „скорая помощь“ увозила пострадавших. Прощаться со Сталиным не удалось. Пострадала одежда, потерялась галоша с валенка (весна). Но дома мама меня не ругала, когда узнала, при каких обстоятельствах пострадала одежда. Моя мать до конца жизни оставалась почитательницей Сталина».

3. Из интервью с Трусом Леонидом Соломоновичем, арестованным в 1952 г. по ложному обвинению в антисоветских настроениях и намерении убить И. В. Сталина. Интервьюер – Василенко Е. В. Время фиксации – 2005 г.

«Когда Сталин умер, следствие по моему делу еще не закончилось, и я находился во внутренней тюрьме. Мы ничего и знать не могли об этом: ни газет, ни радио – ничего. Я первый в камере (нас было четверо) догадался, что что-то произошло. Кто-то из работников управления Госбезопасности забыл закрыть форточку, и во время прогулки я услышал траурную музыку. Это был день 8 марта, хотя в то время этот праздник не отмечали так, как сегодня, но все же можно было догадаться, что умер кто-то из высокопоставленных людей, иначе – день раньше, день позже... Не стали бы включать в праздничный день такую музыку. Я поделился своими размышлениями с товарищами по камере, но каждый был занят своими делами, и они не обратили на это особого внимания. А вечером, когда нам принесли ужин, я спросил у раздатчика: „Что, кто-то умер?“. Он, как-то по-особому улыбаясь, ответил: „У меня никто не умер“. Ответ был двусмысленным: у него никто не умер, значит, все же у кого-то кто-то умер. Но было понятно, что от него уже ничего не добьешься. А ночью в камеру вернулся один из тех, кого вызывали на ночной допрос... Мы слышим его возбужденный шепот: „Сталин умер“. Это прозвучало, конечно, как антисоветская речь (как – Сталин умер? Не может Сталин умереть!) Мы все поднялись.

– Не может быть!

– Я сам видел! Черные ленты, портрет Сталина в черной рамке.

Не знаю как другие, но я боялся даже подумать о том, что это будет для нас означать. Мне казалось, что какие-то изменения после этой смерти все же должны произойти... Но говорить об этом между собой боялись, страх очень глубоко сидел в каждом советском человеке.

Потом я все больше убеждался, что смерть Сталина произвела на всех совершенно разные впечатления, и далеко не всегда это была всенародная скорбь. Уже после суда меня перевели из внутренней следственной тюрьмы в общую, а через несколько дней туда попал парень, студент, который получил 10 лет за то, что, когда все искренне и неискренне выражали свою скорбь, оплакивали, он сказал: „Ну, умер Сталин, ну и что с того?“.

При выполнении этого задания учащиеся развивали умения сопоставлять устную информацию, даваемую разными категориями населения, и обосновывать различия в их восприятии и эмоциональных переживаниях.

4) Выявление главного признака, объединяющего все черты описываемого события. Формулировка задания: по имеющимся признакам (ключевым словам) определите, о каком событии повествует рассказчик.

Отрывок из протокола интервью Сорокиной Федоры Евдокимовны, 1920 г. р., из с. Зимино Алтайского края, описывающей разные события XX в. Интервьюер – Пинко Е. П. Время фиксации – 2002 г. (учащимся включали аудиозапись интервью):

1. «Младшего брата как забрали, мы его больше не видали. Его жена осталась с тремя детьми. Этот дом у ней отобрали, она из какого-то сарая, из амбара сделала избушку. Стали в избушке в этой жить. Агнюша была старшая дочка. Ей было лет 16–17, около 17. ...Их увозят в Нарым, Нарымский край Томской области. Этого я никогда не забуду, я была маленькой девочкой, почти ребенком. Это всё было на наших глазах. Повезли их весной, но еще был снежок. Повезли на санях. Их сгрузили, а это всё-всё подобрали. И дом сломали, увезли в другой поселок. Все-таки домина красавец был. Увезли в соседний поселок, там коммуна была, в эту коммуна дом дедов увезли».

Правильный ответ: процесс раскулачивания.

2. «В тот день выходной был, **воскресенье**, было гулянье у нас в лесочке. Немножко в степи, там такие околки. Там было хорошее такое гулянье. Празднование какое-то было. И мы все пошли. Все: мать пошла, дядя его семьей пошел. И мы все были на этом гулянье, ребенка с собой взяли. Все было на траве, тряпочку постелем, палаточку. Покупались, поели, выпили. Мы приходим с матерью, коровы пришли уже, стадо уже пришло. Она пошла корову доить. У нас был черный **репродуктор** рань-

ше, он включенный был. Я лежу, маленько придремала. Слышу, объявляют: „Внимание, внимание“, — у нас был диктор Левитан, дикция-то у него была красивая, богатая... Мы **заплакали**».

Правильный ответ: объявление войны с Германией 22 июня 1945 г.

3. **«То миллионы появились, то эти талоны на колбасу, на всё. Никакой 120 р. нашей пенсии уже и нету. То четыреста, то пятьсот рублей, все дорогое. Ко мне приехал Андрюшка жить, учиться. Мы полугодовалые стали, у нас денег-то нету. Что четыреста рублей? Надо за телефон, надо за свет, надо за уголь, купить, и питаться».**

Правильный ответ: реформы периода перестройки.

Практически все старшеклассники (92–100%) уверенно справлялись с этим заданием, так как могли определить ключевые слова (признаки) в описываемом событии (в тексте они выделены). При этом учащиеся получали образное представление о том, как реагировали современники описываемых событий на происходившее в стране в определенный исторический период, могли определить по манере описания, интонациям и оговоркам, как сам респондент относится к определенным событиям, какие из них имели положительные, а какие — отрицательные последствия для его жизни.

5) Сопоставление рассматриваемого события (явления) с аналогичными событиями (явлениями) и выделение его особенных, отличительных черт.

В рамках изучения исторического сюжета «Переселенческий аспект столыпинской аграрной реформы» учащиеся сопоставляли информацию из устного источника (зафиксированного в аудиоформате) и текста учебника по истории Сибири [1, с.101–105]. Выполняя задание, старшеклассники смогли найти в тексте учебника 5 подтверждений рассказу Марии Кондратьевны Кубаревой, 1922 г. р., из с. Калаганово Тогучинского района Новосибирской области (интервьюер — Кубарева Т. Время фиксации — 2003 г.) Таким образом, ученики имели возможность сопоставить текст устного источника и материала учебника и составить суждения о степени их достоверности.

1. С 1908 г. переселенцам стали отводить земельные участки под хутора и отруба.
2. В Сибирь приехало много переселенцев из различных западных губерний нашей страны, в том числе и из Киевской.
3. В основном на родине переселенцы имели 2–3 десятины земли, а в Сибири получали около 45–60 десятин на семью, таким образом, они имели шанс улучшить свое благосостояние.
4. Местные сибиряки называли выходцев с Украины хохлами, с Западной России — расейскими.
5. В Сибири существовали батрацкие семьи, вынужденные работать по найму.

Опыт обучения старшеклассников работе с устными источниками свидетельствует, что они способны освоить методы сбора, поиска и фиксации устной информации, ее критики, а также причинно-следственного и структурно-функционального анализа и эффективно применять их в самостоятельной исследовательской деятельности.

Литература

1. Зверев В. А. История Сибири. Ч. II. Сибирь в составе Российской империи : Учеб. пособие для 8 класса общеобразовательных учреждений / В. А. Зверев, А. С. Зуев, Ф. С. Кузнецова. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 1999. 376 с.
2. Ковалев Е. М. Качественные методы в полевых социологических исследованиях / Е. М. Ковалев, И. Е. Штейнберг. М. : Логос, 1999. 384 с.
3. Кузин Д. В., Лазукова Н. Н. Учимся обретать и осмыслять знания / Д. В. Кузин, Н. Н. Лазукова. СПб. : ООО «КОРОНА принт» 1999. 96 с.
4. Образовательный стандарт среднего (полного) общего образования по истории // Преподавание истории и обществознания в школе. 2002. № 10. С. 2–12.
5. Рефлексивное крестьяноведение : десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др. / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М. : МВШСЭН, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 592 с.
6. Томпсон П. Голос прошлого: устная история / П. Томпсон ; Пер. с англ. М. Л. Коробочкина ; ред. Е. И. Солдаткина. М. : Весь мир, 2003. 368 с.
7. Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г. В. Осипова. Изд. 3-е. М. : Едиториал УРСС, 2003. 480 с.
8. Хоффман А. Достоверность и надежность устной истории // Хоффман А. Биографический метод в социологии. История, методология и практика. М., 1994.

О. А. Любимова

Методика сбора и обработки диалектного материала при организации лингвокраеведческой работы в школе

Лингвокраеведение является составной частью регионального компонента в обучении русскому языку в школе. Изучение русского языка в региональном аспекте может осуществляться разными методами: репродуктивным – через воспроизведение материала в готовом виде и через практические задания по составлению и реконструкции текстов на региональные темы; проблемно-поисковым – через анализ этнографических и фольклорных материалов; коммуникативным, опирающимся на живое общение с носителями диалектов, и исследовательским, включающим целенаправленный сбор и анализ местного языкового материала. Этот метод является основным в 9–11-х классах. В связи с этим в школах, особенно сельских, необходимо создавать кружки лингвистического краеведения, собирать фонды записей речи местных жителей, составлять картотеки и словари местных диалектных слов, которые станут бесценным памятником духовной культу-

ры. Ценность этих материалов с годами будет возрастать, и со временем они станут исторической ценностью, представляющей научный срез с современного состояния русского языка.

Чтобы руководить такой работой учащихся, учителю необходимо владеть методикой сбора и обработки полевого материала, хорошо знать историю своего региона (села) и особенности русских говоров, владеть исследовательскими навыками и вооружать ими своих учеников.

Изучение местных говоров полезно начинать со сбора лексики. Действующие программы предусматривают знакомство учащихся 5-го класса с лексикой русского языка в связи с ее происхождением и употреблением (общенародные слова, профессионализмы, диалектная лексика, жаргонизмы, устаревшие слова, неологизмы). Сбор диалектной лексики целесообразно осуществлять по тематическим группам, расписанным по всем грамматическим темам.

При сборе материала следует предварительно установить типы говоров и четко их разграничивать, так как диалектные особенности в них различны на всех языковых уровнях, в том числе и в лексике. Так, например, слово *пахать* в старожильческих и южнорусских говорах имеет значение «обрабатывать землю плугом», а в севернорусских — «подметать пол»; слово *орать*, как и в литературном языке, в старожильческих говорах имеет значение «громко кричать», а в севернорусских — «обрабатывать землю плугом, пахать».

Учитывая смешанный характер русских говоров на Алтае, очень важно правильно подобрать информаторов (лиц, с которыми предполагается вести беседу по избранной теме), установив, к какой группе населения относится избранное лицо (к старожилам-сибирякам или к поздним переселенцам — «новоселам»). Перед записью речи диалектоносителя необходимо установить его возраст, степень грамотности (умеет ли читать и писать), где родился, откуда родом родители, когда переселились в Сибирь, на Алтай, давно ли сам диалектоноситель проживает в данном населенном пункте, какую работу ему приходилось выполнять раньше, какую выполняет теперь (все это можно узнать, попросив информатора рассказать о себе). Сведения о нем указываются кратко перед записью его речи.

До сбора материала или в процессе сбора необходимо установить историю возникновения населенного пункта (по материалам краеведческого музея, рассказам старожил и по другим источникам). В справке о селе, кроме времени основания, необходимо отразить историю важнейших событий, национальный и диалектный состав населения, число семей старожил, из каких мест и когда прибывали новоселы, что известно об истории названия населенного пункта, какие промыслы были в нем раньше и чем занимается население теперь.

Наиболее достоверный диалектный материал можно извлечь из непосредственных наблюдений над живой разговорной речью неграмотных и малограмотных жителей. Элементы родного говора в речи школьников, молодежи и образованных людей свидетельствуют об устойчивости местных диалектных особенностей и требуют особого внимания со стороны учителя в работе по повышению грамотности и культуры речи учащихся.

Беседу с диалектоносителями необходимо строить таким образом, чтобы больше звучал монолог рассказчика, стараться не перебивать его вопросами, попросив в начале беседы рассказать об интересующем исследователя предмете, событиях, традициях, праздниках, ремеслах и т. д. Попросить информатора исполнить известные ему песни, сказки, поговорки и др. Его речь и исполнение лучше записывать на магнитофон. Над расшифровкой таких записей полезно работать на занятиях кружка лингвистического краеведения. Можно вести записи и от руки, сохраняя характерные особенности диалектной речи. Перед записью необходимо познакомить учащихся с дополнительными значками фонетической транскрипции для отражения диалектных особенностей в произношении: (γ — «г» фрикативный), (Ÿ — «у» неслоговой, билабиальный), с", з", ц" — мягкие шепелявые звуки, ч° — полумягкое ч. Диалектные слова целесообразно сразу после записи разнести на карточки (размером с библиографические). На обороте карточки указываются фамилия, имя, отчество собирателя. Лицевая сторона карточки должна содержать информацию о значении слова, грамматические приметы, паспортизацию.

Например:

Ростань, ж., -и. — развилка дорог.

И меня до росстани проводила мать

Название села и год записи.

Ф. И. О. диалектоносителя, возраст

Чтобы установить областной характер, каждое слово следует проверить по любому толковому словарю литературного языка или словарю В. И. Даля. Для выяснения степени распространенности слова полезно проверить его по имеющимся региональным словарям Алтая и соседних с ним территорий (см. список литературы).

Сбор лексического материала необходимо вести по тематическим вопросам, которые ориентируют собирателя на более полную фиксацию изучаемой тематической группы. В вопросниках обычно даются литературные эквиваленты диалектных слов, употребляемых местным населением, но допустимы и диалектные слова. Приведем примеры вопросников для сбора диалектной лексики, которые учащиеся могут использовать в беседе с диалектоносителями.

I. Лексика природы и погоды

1. Местные названия растений, ягод, грибов, трав, цветов, деревьев, зарослей.

2. Названия погоды: хорошей — плохой, сухой — дождливой, весенней, осенней, зимней.

3. Названия атмосферных явлений: туман, роса, ветры, снег, дождь, тучи, высокое атмосферное давление, низкое давление, буран, снегопад, первый снег, последний снег, не растаявший снег, лед, ледяные корки и др.

II. Рельеф местности

Как называются:

- горы и возвышенности возле населенного пункта;
- отдельные утесы и скалы;
- впадины между горами, возвышенностями, седловины, перевалы, лога, овраги, балки, низины, долины, ущелья?

III. Лес

Как называются:

- отдельные участки леса, тайги;
- группа деревьев в поле (колок, околок или по-другому);
- участки леса по берегу водоема, сторонам дороги, в горах и логах;
- участки погибшего леса (засохшего, сгоревшего, поваленного бурей или снегом);
- места сбора кедровых шишек, ягод, грибов.

IV. Человек и семья

1. Наименование частей тела (спина, плечо, заплечье, лицо, нос, рот, губы, скулы, щеки, подбородок, лопатки, шея и др.)

2. Характеристика человека по физическим и личностным признакам (сильный — слабый, худой — толстый, умный — глупый, хитрый, жадный, вредный, злой, грубый — ласковый и др.).

3. Обозначение родственных отношений (отец, мать, внук, брат, сын, двоюродный брат, племянник, сноха, невестка, тесть, зять, сватья, свояченица и др.).

V. Сельскохозяйственная, животноводческая, промысловая лексика

Как называются:

- поля, пастбища, сенокосные угодья, различные по величине, качеству, характеру обработки;
- процессы обработки земли (пахота, боронованье), орудия обработки земли и уборки урожая;

- овощи, фрукты и другая сельскохозяйственная продукция;
- лица, занимающиеся коллективным и частным полеводством и хлебопашеством по выполняемой ими работе: тот, кто пашет, боронит, сеет, вяжет снопы, молотит, мелет муку, привозит сено на мельницу, печет хлеб;
- лица, занимающиеся животноводством по характеру труда и виду деятельности: пастух в зависимости от вида стада (лошади, коровы и телята, овцы, козы, свиньи и др.); гуртовщик, гоняющий животных на убой, ветеринар;
- домашние животные и птицы (по возрасту, полу, величине); наименование охотника в зависимости от того, на кого он охотится, каким способом, какие орудия использует, какие функции выполняет на охоте; название рыболова в зависимости от времени и орудий лова;
- лица, связанные с заготовкой и обработкой древесины;
- лица, занимающиеся гончарным производством;
- лица, связанные с обработкой кожи, пушнины, шерсти;
- мастера строительных работ;
- люди, занимающиеся торговлей (общее название и название по виду и способу торговли);
- лица, связанные с отоплением и заготовкой топлива.

VI. Названия водоемов (гидронимы)

1. Как называется большая река возле вашего населенного пункта? Если есть несколько названий, то какое чаще употребляется?
2. Как называются участки реки от озера до озера?
3. Как называются источники, которые питают малые притоки?
4. Как называют место впадения одной реки в другую и место, откуда река берет начало?
5. Как называются заливы (курья) на большой реке, рукава (протоки), старицы, мыс, коса по берегам реки, мели, перекаты, пороги, плесы, острова на реке?
6. Как называются места с быстрым течением, водовороты, ямы, впадины на дне водоемов?
7. Названия берега реки, осыпи, обрыва, отдельных скал вдоль реки, оползней, пещер.
8. Названия озер, болот, топких мест (зыбун), родников, ручьев, разных видов озер (сточные, бессточные, проточные).
9. Известны ли места старых русел рек, ручьев, других водоемов? Как они называются, что собой представляют в настоящее время? Как называются огороды и луга на их месте?

VII. Бытовая лексика

1. Названия предметов домашней обстановки и утвари, посуды для приготовления пищи, хранения продуктов и т. д.

2. Названия пищи по ее видам, по времени приема (завтрак, обед, ужин), по характеру (горячая – холодная, жидкая – густая), старинных блюд и способов их приготовления.

3. Названия одежды (мужская – женская, верхняя – нижняя, праздничная – будничная, зимняя – летняя), головных уборов, обуви, украшений.

VIII. Лексика домашнего прядения и ткачества

Как называются:

- лен после его расчесывания железной или щетинной щеткой;
- отходы после чесания и трепания льна;
- предмет для сматывания пряжи с веретена;
- твердая часть льняного стебля;
- место, где стелили лен, где его мочили;
- мера пряжи из трех нитей, из 90 нитей;
- мера льна в пять, шесть и десять горстей;
- катушка для наматывания пряжи;
- часть ручного ткацкого станка, на которую наматывают нити основы;
- приспособление для разматывания пряжи в виде вращающихся крестообразных плашек;
- задний вал ручного ткацкого станка, на который сматывается основа;
- дощечка или веревочка, разделяющая нити основы пополам;
- нитяные петли, в которые вставляются нити основы в ткацком станке;
- передний вал ткацкого станка, на который наматывается полотно;
- приспособление, на которое сновали пряжу, прежде чем ткать;
- зубчатое деревянное приспособление для трепания льна.

IX. Лексика свадебного обряда

Как называются:

- распорядитель свадебного обряда со стороны жениха; главный распорядитель свадьбы; участники свадебного обряда; помощник «дружки» на свадьбе;
- первый этап свадебного обряда, когда родители приходят в дом посмотреть на будущую невестку, и второй, когда приходят сватать;
- этап свадебного обряда, когда родители дают свое согласие на брак детей;
- плата за невесту для покупки ей подарков;
- вечерки невесты с подругами и жениха с друзьями;

- этап свадебного обряда, когда невесте заплетали две косы и надевали головной убор женщины;
- обряд угощения участников свадебного обряда, поднесения подарков молодым на второй день свадьбы;
- визиты молодых к ближайшим родственникам во время третьего, заключительного, цикла свадебного обряда.

И. Л. Щербакова, А. Г. Козлова

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшекласников «Человек в истории. Россия — XX век»

XX век, один из самых драматических в истории России, закончился. Казалось бы, это — прошлое. Но оно живет в сегодняшнем дне, в памяти взрослых людей, оно во многом определяет наше настоящее, а в чем-то и наше будущее. И эту неразрывную связь времен должны почувствовать те, кто будет творить историю века XXI, — наши дети и внуки.

Чтобы чувство истории стало неотъемлемой частью мировоззрения молодых россиян, недостаточно учебников и фильмов, романов и документальных публикаций, музеев и памятников. Ощутить историю непосредственно можно только одним способом — прикоснуться к живой памяти поколений, которую хранят родители, деды, соседи, учителя, которую можно найти с помощью семейных и государственных архивов. Но при этом мало быть только пассивным слушателем или читателем, надо попытаться самому воссоздать хотя бы крохотный эпизод родной истории.

Семь лет назад международный «Мемориал» вместе с Союзом краеведов России и Российским государственным гуманитарным университетом решили проводить среди российских школьников конкурс исторических исследовательских работ «Человек в истории. Россия — XX век». Организаторы стремились побудить старшекласников заняться самостоятельной собирательской и исследовательской работой, и, вопреки первоначальному скепсису многих историков и педагогов, это начинание оказалось успешным. С тех пор каждый год объявлялся новый конкурс. В мае 2006 г. были вручены награды победителям седьмого конкурса и объявлен следующий, восьмой.

Всего на конкурс за семь лет было прислано более 18 000 работ, в создание которых так или иначе были вовлечены около 40 000 человек, включая родственников, учителей, добровольных помощников. Участниками собраны уникальные документы, пылившиеся в местных архивах или чудом сохраненные в семьях. Записаны тысячи и тысячи страниц живых воспоминаний бывших кулаков и членов их семей, заключенных и ссыльных, солдат Великой Отечественной, афганской и чеченской войн и многих, многих других свидетелей и участников исторических событий.

Примечательно, как распределяются темы школьных исследований по карте страны. У каждого региона свои болевые точки и своя культурная память. На примере конкурсных работ можно проследить, как переплетается общая национальная память с памятью региональной. Сквозная тема школьных работ – судьба человека, судьба семьи на фоне двадцатого столетия, и это, прежде всего, постоянные перемещения и скитания – по своей, но гораздо чаще по чужой воле, по необъятным российским пространствам. Много работ посвящено истории крестьянской России, и таких работ меньше не становится.

Благодаря конкурсу мы в какой-то мере можем понять, каким образом функционирует историческая память в разных поколениях россиян, насколько сохранилась связь между этими поколениями; как локализуется память и существует ли коллективная память, что стало фактом культурной памяти, что не стало, каковы основные мифы, которые повторяют дети, каковы их представления о будущем, о патриотизме, о том, что такое свое и чужое, национальное и интернациональное.

Пристальный взгляд в прошлое меняет отношение школьников к настоящему, к тому, что происходит вокруг, и пробуждает желание действовать, что-то изменить к лучшему. Нам кажется, что это и есть гражданское воспитание – главная цель нашего конкурса.

С 2001 г. наш конкурс включен в сеть европейских исторических конкурсов «ЕВРОСТОРИ» (EUSTORY), объединяющую 18 стран. Благодаря этой сети у нас возникла связь с аналогичными конкурсами, которые проводятся общественными организациями Германии и Польши, Белоруссии и Украины. Это дает в будущем много возможностей – и объявление совместных конкурсов, и организация общих семинаров. Наши победители регулярно принимают участие в летних международных школах, которые организует Фонд Кербера в Берлине и в странах, входящих в сеть «Евростори» (Италии, Латвии, Румынии, Болгарии и других).

За последние годы сформировалась целая группа учителей, ученых, работников библиотек и музеев, которые активно сотрудничают с нашим конкурсом. Одна из удачных форм общения с ними – организация научно-просветительских семинаров, посвященных проблемам преподавания российской истории в школе и организации исследовательской работы с учениками. Огромную помощь в проведении конкурса нам оказывают наши региональные координаторы, которые не только распространяют информацию о конкурсе, но создают в некоторых регионах консультативные центры. Расширение таких центров, наша постоянная информационная и методическая помощь – это одно из направлений нашей работы в будущем.

В некоторых городах после всероссийского проводятся теперь собственные региональные исторические конкурсы (в Воронеже, Ростове-на-Дону,

Пензе, Туле, Перми, Красноярске и некоторых других местах). Это и увеличивает шансы участников победить если не в Москве, то в родном городе или в области, это привлекает внимание к конкурсу региональных СМИ.

Конкурс стал той базой, тем общим делом, благодаря которому мы стали активно сотрудничать со многими российскими и зарубежными общественными организациями и образовательными учреждениями – обмениваться опытом, вместе организовывать выставки, дискуссии, семинары, летние школы.

Ежегодно с 2000 г. в мае в Москве проходят торжественные церемонии награждения победителей Всероссийского исторического конкурса. Москве для вручения премий за эти годы побывали более 450 авторов лучших работ, которых наградили ценными призами – компьютерами, видеоманускриптами, фотоаппаратами. Победителей поздравляли члены жюри, видные историки, писатели, представители московской общественности.

Лучшие работы прошедших исторических конкурсов вошли в пять сборников «Человек в истории. Россия – XX век», выпущенных издательством «Звенья», выпущены четыре тематических сборника: в 2004 г. опубликован сборник работ чеченских школьников «Быть чеченцем»; в 2005 г. – сборник «Цена победы», в который вошли работы, посвященные Отечественной войне; в 2006 г. – сборники «Мы все с одной деревни... Школьники села Новый Курлак Воронежской области о судьбах своих земляков» и «Полустертые следы. Российские школьники о еврейских судьбах». В 2006 г. в Германии на немецком языке опубликованы сборники «Zu wissen, dass du noch lebst» («Знать, что ты еще жив», название книги в русскоязычном издании – «Быть чеченцем») и «Unruhige Zeiten» – Неспokoйные времена. Истории из России и Германии (Edition Koerber-Stiftung).

В связи с тем, что 2005 г. был отмечен важнейшей в истории России датой – 60-летней годовщиной победы в Великой Отечественной войне, главной темой VI конкурса (2004–2005 гг.) стала тема «Человек и война. Цена победы». Из работ, присланных на конкурс, был собран сборник, вероятно представляющий наибольший интерес для внешних читателей.

Более 1,5 тысяч работ из 3,5 тысяч пришедших на VI конкурс рисуют картину Отечественной войны глазами нынешних 15–20-летних. Они – реально последнее поколение, у которого еще есть возможность соприкоснуться с живыми носителями коммуникативной памяти. Осуществляется ли сегодня, и в какой мере, передача памяти, хотя бы на семейном уровне, или война уже полностью ушла в область мифов, превратилась в нечто застывшее и помпезное, присутствующее в жизни молодых в виде повсеместно возникших в брежневскую эпоху однотипных мемориальных комплексов, вечных огней и заученных формул?

Другая — неофициальная, не казенная, народная память о войне возникает в их сознании в основном через призму семейной истории. Большинство участников конкурса — школьники из небольших российских городков, поселков, деревень. Их деды и прадеды — в основном те самые рядовые, из которых сложились миллионные цифры военных потерь. Но даже этих «семейных» цифр достаточно, чтобы увидеть масштаб. И места гибели, если известны, тоже повторяются: Ельня и Вязьма, Сталинград и Курск, Кенигсберг и Будапешт... В сотнях работ приводятся многостраничные списки ушедших из их родных мест на фронт и не вернувшихся с войны. Даже простое перечисление имен и фамилий — это тоже элементы живой памяти.

Сотни и сотни раз воспроизводят школьники в своих работах схожие истории крестьянских семей — пережили 1929–1932 гг. (если хозяйство было покрепче, то раскулачили), к концу 1930-х гг. немного оправились, как-то попривыкли к колхозам, а тут сразу и война. Призвали — и пошел прадед выполнять тяжелый долг. Хорошо, если успел написать одно-два торопливых письма, — и погиб.

В подавляющем большинстве память о войне нашим подросткам передают женщины — прабабушки и бабушки. Память о войне проясняет состав российских семей, где целые поколения фактически воспитывались только женщинами, — понятно, какие это имело последствия.

Большинство историй, которые они слышат, рассказывают о жизни в тылу, в оккупации, об эвакуации, о бегстве, о разбомбленных эшелонах, о потопленных баржах. Это истории пленных и угнанных в Германию, это крайне тяжелая правда о партизанском движении, рассказать которую не берутся сегодня и взрослые историки, это картины непосильного, фактически принудительного труда и постоянных репрессий в тылу — то есть все то, что жило в народной памяти, хотя и скрывалось, вытеснялось из официальной памяти вплоть до 1990-х гг.

Когда подростки передают эти истории, происходит важная вещь, идущая вразрез с канонизированным советским образом войны, который сегодня насаждается гораздо активнее, чем это было еще несколько лет назад. Происходит несомненная деидеологизация этого образа, а патриотическая риторика, в которую иногда впадают школьники, звучит на уровне лишь заученного языка, но не нравственных оценок. Нет работ, где звучало бы осуждение прадеда, сдавшегося в плен, и для ребят не имеет значения, был ли он при этом тяжело ранен или просто оказался в безвыходном положении; главное — тяжесть перенесенных испытаний. Их нисколько не удивляют истории прабабушек и бабушек, угнанных в Германию, когда те рассказывают о том, что они все эти годы скрывали; например, о возникавших порой человеческих отношениях с хозяевами-немцами. А вот реакция «своих» вызывает непонимание и возмущение. Такая же оценка звучит у них, когда

речь заходит о бессмысленных жестокостях в нашей армии, о расстрелах так называемых дезертиров, о штрафбатах.

Острый интерес к еще недавно запретным темам, к тому, что и поныне не вписывается в официальную память, в той или иной степени чувствуется едва ли не во всех работах о войне, просто нашим школьникам трудно прорваться к хорошим и правдивым источникам. Ведь военные архивы до сих пор остаются наиболее закрытыми, поэтому, в отличие от работ, посвященных репрессиям, в работах о войне главный источник — по-прежнему память, в лучшем случае — фронтовые письма, а если уж очень повезет — дневники. Тем не менее в сотнях записанных рассказов подростки воссоздают совершенно уникальную по количеству ярких подробностей историю — прежде всего, тыловой повседневности. Тут как ветром сдувает всю казенную патриотическую риторику, и возникают картины тяжелой тыловой жизни. Голод и холод, непосильный 12–14-часовой труд подростков на военных заводах (где награда — стахановские сто граммов хлеба, прибавка к пайку), и никуда не уйти, не убежать, вернут с милиционером и еще посадят на полгода, на год...

Война оставила следы повсюду, и сейчас, спустя многие десятилетия, чрезвычайно интересно увидеть их глазами нынешних подростков.

Конечно, работы школьников из Санкт-Петербурга главным образом посвящены блокаде, а если о войне пишут подростки из Сибири, с Урала, это фактически история эвакуации (очень сильно изменившей жизнь этих регионов), или тяжелейшего труда — то, что на официальном советском языке называлось подвигом тружеников тыла.

В советской мифологии подразумевалось, что память о войне — это то, что объединяет все советское многонациональное пространство. Но наш конкурс отчетливо показал, как память о войне разделяет. Если работа, например, написана школьниками из Калмыкии или Ингушетии, то в их памяти война — это прежде всего история депортации. Истории российских немцев — это тоже депортация и трудовая армия, которая мало чем отличалась от ГУЛАГа. А в Карелии память о войне — это память о финской оккупации, и как показывают приходящие оттуда работы — эта память не просто жива, она возрождается. В Коми — это ГУЛАГ, работающий на победу из последних эзковских сил, в Татарстане — эвакуация...

Возможно, такое оживление памяти о войне объясняется и тем, что для тех носителей памяти, которые еще доступны нашим конкурсантам, наступил, наконец, «момент истины», когда они готовы поделиться устными рассказами и записями, которыми прежде ни с кем не делились. Возможно, что им легче рассказывать тем, кто свободен от предвзятого отношения к событиям Отечественной войны, то есть внукам и правнукам. Может быть, прислушиваясь к этим рассказам, наши конкурсанты начнут

осознавать и ценность этой семейной памяти, потому что сохранить что-либо другое было чрезвычайно трудно. Что можно было взять с собой на память о прошлом депортированным, узникам ГУЛАГа и эвакуированным, попавшим под бомбежку и угнанным в Германию, кроме чудом уцелевших фотографий и документов? Какие семейные реликвии хранятся у миллионов российских семей, когда «24 часа на сборы — и эшеленом в Сибирь», какие ценности — разве что машинку «Зингер» (главная семейная реликвия, объединяющая наше постсоветское пространство)? Их разглядывают, их описывают наши авторы. Но главная и на самом деле настоящая ценность для всех нас — только память... К этой памяти они и обращаются.

Реальная цена победы на фоне собственной семейной истории кажется такой непомерной, что это может рождать (и, как мы видим на многих примерах, безусловно рождает) чувство причастности и семейного вклада — и тут есть о чем вспоминать и думать. Даже спустя 60 лет.

Новый VIII Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» 2006/2007 гг. предлагает школьникам выбрать одно из следующих направлений исследовательской работы.

«Социальная жизнь семьи на фоне советской эпохи». Изучение истории семьи или какой-либо человеческой судьбы через биографии, через свидетельства близких людей поможет конкурсантам понять и представить себе прошлое своей страны, от которого нынешних школьников отделяют многие десятилетия. В рамках этой темы для восьмого конкурса предложено приоритетное направление исследований: «Российская повседневная жизнь 1945–1965 гг.»; «Личность — общество — государство». Изучение взаимоотношения человека и общества, человека и государства позволит конкурсантам понять ценности свободы и демократии, важность гражданской позиции личности, опасности государственного диктата.

«Свои — чужие. Другая национальность, другая религия, другие убеждения». Рядом с нашими конкурсантами живут люди, которые принадлежат к другой национальности, другой религии, придерживаются других взглядов. Какова степень понимания и терпимости по отношению к этим людям — вот одна из наиболее важных тем нынешнего конкурса.

«Человек и малая родина». Удачной и интересной может также стать работа, в которой прослеживается история какого-либо здания, памятника, улицы или, например, экспоната краеведческого музея. Предметом исследования может стать и какое-либо значимое событие из прошлого вашего города, поселка или деревни, представленное в рассказах очевидцев, дополненных архивными документами и публикациями. Однако и в подобных работах должно быть выполнено главное условие конкурса — эти улицы, эти

здания, эти памятники должны быть связаны с конкретными человеческими судьбами.

Главной темой по-прежнему остается судьба человека в российской истории XX в. Исследовательская работа участников конкурса может быть оформлена как научная статья или записанный и прокомментированный участником конкурса рассказ свидетеля исторического события. Это может быть история чьей-либо жизни или история семьи, основанная на воспоминаниях, семейных документах, фотографиях.

Исторические источники могут быть самыми разными: устные свидетельства, материалы домашних и государственных архивов (в том числе кино- и фотодокументы), дневники, воспоминания, статьи, подшивки старых газет и т. д. Все документы должны быть тщательно прокомментированы и подвергнуты критическому анализу. Это, собственно, и есть главный критерий оценки работы, хотя жюри, без сомнения, отметит найденный новый ценный исторический материал и умение участника конкурса излагать свои мысли.

Организаторы конкурса: Международное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал», Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева, Союз краеведов России, Российский государственный гуманитарный университет (кафедра региональной истории и краеведения).

6. УСТНАЯ ИСТОРИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

М. В. Блощицына

Устный опрос в процессе изучения традиционной культуры питания русских Сибири: этика взаимоотношений интервьюера и респондента

Питание является одной из тем, которую информаторы обсуждают достаточно охотно: описывают наиболее часто приготовляемые в их семьях блюда повседневной и обрядовой кухни, делятся разнообразными рецептами. Но и в проведении устного опроса по данной теме есть некоторые этические моменты, которые необходимо принимать во внимание. Так, например, безусловно следует учитывать этноконфессиональную принадлежность респондентов (являются ли они старожилами или переселенцами, верующими или атеистами, придерживаются ли старообрядческой веры и т. д.). В ходе полевых экспедиций нами замечено, что зачастую у неверующих информаторов пожилого возраста (1915–1925 г. р.), детство которых пришлось на атеистическое советское время, вопросы относительно приготовления обрядовых блюд на календарные праздники (Вознесение, Троицу и т. д.), соблюдения постов вызывают раздражение и негативные эмоции.

При проведении устного опроса по теме питания со старообрядцами необходимо обладать информацией о том, какие календарные праздники, принятые в православии, староверами не отмечаются, какие православные традиции не поддерживаются и почему, приготовление каких обрядовых блюд они считают язычеством. Так, например, летом 2004 г., в самом начале работы автора по этой теме при сборе полевого материала в старообрядческих селах Сизим и Эржей в Ка-Хемском районе Республики Тыва вопрос о приготовлении куличей на Пасху и выпечке непосредственно самой пасхи очень удивил респондента (пожилую женщину), которая ответила, что выпечку этих изделий они считают язычеством.

Информаторы, считающие себя старожилами, очень часто демонстрируют свою хозяйственность и кулинарные способности, сравнивая себя с пе-

реселенцами, которых считают ленивыми и недомовитыми. «В нашей семье готовили много, выпечка все время на столе была разная... Мама очень вкусно готовила и нас с сестрой с детства приучала...» [ПМА, 2006, Степанова].

Основная трудность, возникающая при беседе с людьми, пережившими голод 1930-х гг. и в военное время, — это то, что вопросы о питании в эти годы вызывают у них тяжелые воспоминания, негативную реакцию. Самые распространенные ответы: «Ничего мы не готовили, очень плохо жили, голодали, есть было совсем нечего...» и т. д. Такая же реакция возникает у информаторов, выросших в малообеспеченных семьях. Им неприятно вспоминать о плохом и однообразном питании, недоедании в детские годы. «Ели мы одну картошку. Бедно мы жили» [ПМА, 2005, Мануйлова].

Иногда, узнав, что темой устного опроса будет питание, информаторы заявляют: «Эта тема примитивная, глупая: нашли что спрашивать!» [ПМА, 2006, Братенкова]

В процессе устных опросов нами замечено, что живущие в сельской местности, ведущие собственное хозяйство пожилые женщины выглядят более счастливыми и оптимистичными, охотнее идут на контакт по сравнению с проживающими в городе женщинами пожилого возраста. Сельских жителей поддерживают ежедневные хлопоты по хозяйству, приготовлению пищи и домашним заготовкам.

У сельских жителей зачастую вызывает раздражение неосведомленность городских жителей, интервьюеров, о таких, казалось бы, очевидных вещах, как технология выпечки хлеба, замешивания теста, то, как парят ягоды и овощи. «Вы, городские, все покупаете... И выпечка у вас покупная. Не умеете сами готовить» [ПМА, 2004, Бартунова]. Некоторым радушным хозяевам непременно хочется угостить интервьюеров чем-нибудь вкусным со своего стола, дать с собой угощение в дорогу. «В городе вы всего этого не попробуете! Что о питании так просто говорить — тут пробовать надо!» [ПМА, 2005, Белоусова]. Очень часто, чтобы не обидеть хозяев, приходится пробовать угощения даже без особого желания.

Таким образом, даже в такой, казалось бы, нейтральной и легкой для проведения устного опроса теме, как питание, есть свои трудности и этические тонкости, которые необходимо учитывать. Исследователь, интервьюер в процессе устного опроса должен стремиться к тому, чтобы узнать максимум информации в атмосфере доброжелательности и доверия, воспринимать респондента не как материал или инструмент для получения необходимых сведений, а как живого человека.

Источники

ПМА — Полевые материалы автора, 2004–2006.

Информаторы:

1. Бартунова Л. И., 1909 г. р., с. Сорочий Лог Первомайского района Алтайского края.
2. Братенкова А. А., 1924 г. р., с. Тогул, Тогульского района Алтайского края.
3. Белоусова Е. В., 1926 г. р., с. Болотное Болотнинского района Новосибирской обл.
4. Мануйлова А. В., 1924 г. р., с. Болотное Болотнинского района Новосибирской обл.
5. Степанова А. С., 1920 г. р., с. Маслянино Маслянинского района Новосибирской обл.

Е. А. Болотова

Опыт исследования образа женщины у русских старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX — первой половине XX в.

Целью данного сообщения является анализ опыта работы с устными источниками, накопленного автором в ходе исследования представлений, связанных с женщиной у русских крестьян Алтая во второй половине XIX — первой половине XX вв.

Современные гуманитарные науки переживают гендерный бум. Этнография не стала исключением. Гендерный подход подразумевает изучение истории создания и функционирования системы отношений и взаимодействий в обществе, стратифицирующих его по признаку пола [15, с. 29]. Согласно гендерной методологии, социальные различия между мужчиной и женщиной не столько определяются их физиологией, сколько конструируются обществом. В число данных конструкторов входят представления о сущности мужского и женского, распространенные в каждой культуре [2, с. 17]. Исходя из этого, целью исследования автора стала реконструкция комплекса представлений, связанных с женщиной, в картине мира русских старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX — первой половине XX вв.

В задачи исследования входит выявление комплекса представлений о женщине, исходя из трех синтагм (определяющих понятий): «мать», «жена» и «хозяйка»; определение генезиса образа женщины; выделение общностей и особенностей образа в различных этнокультурных группах. Главными аспектами исследования стали стереотипы, связанные с тремя основными сферами жизни женщины: **рекреационной**, личной и хозяйственной. Хронологические рамки работы охватывают вторую половину XIX — первую половину XX вв. Большой временной отрезок диктует сочетание источников различного характера, но нас будут интересовать в первую очередь устные источники и их использование. В первую очередь исследование образа женщины основано на интервью, собранных в ходе этнографических экспедиций Бийского педагогического государственного университета в Красногорском (1999 г.), Петропавловском и Солонешенском (2000 г.), Алтайском и Целинном (2002 г.) районах Алтайского края, полевых материалах, записанных автором в составе историко-этнографических экспедиций Барнауль-

ского государственного педагогического университета в Кытмановском (2001 г.), Бийском (2003 г.), Чарышском (2004 г.), Шелаболихинском (2005 г.) и Тогульском (2006 г.) районах, а также интервью, полученные в ходе самостоятельных поездок автора в Солтонский район Алтайского края (2005 г.) и Шемонаихинский район Восточно-Казахстанской области (2006 г.), ранее входивший в Змеиногорский уезд Алтайского горного округа. Здесь же следует отметить как значимый источник записи интервью, хранящиеся в фондах Шемонаихинского краеведческого музея. Этот комплекс источников дает информацию о гендерных стереотипах первой половины XX в.

При реконструкции представлений о женщине русских крестьян Алтая второй половины XIX — начала XX вв. используются нарративы данного периода, созданные с использованием метода устного опроса. Они содержат в себе как наблюдения, замечания исследователей, так и сообщения респондентов. К ним можно отнести опубликованные работы С. И. Гуляева [5, 6], Г. Н. Потанина [14], М. В. Швецово́й [22], Г. Д. Гребенщикова [4] и т. д. Большой интерес представляют заметки участников «Общества любителей исследования Алтая», функционировавшего в это время [23]. В последней трети XX — начала XXI вв. появилось множество работ по материальной и духовной культуре русских Алтая изучаемого периода, например исследования В. А. Липинской [11], А. В. Сафьяновой [17, 18], Е. Ф. Фурсовой [19], Г. В. Любимовой [12], Золотовой [8], Л. А. Явновой [24], Т. Н. Золотовой, А. В. Курсаковой [10], И. В. Куприяновой [9] и других исследователей. Работы этих авторов также основаны на полевом материале устных опросов.

Еще одной важной группой источников являются тексты заговоров [3], похоронных причитаний [16], свадебных песен [21], загадки, пословицы, поговорки, приметы [1], т. е. произведения фольклора, как уже опубликованные, так и содержащиеся в полевом материале автора и архивных фондах [23].

Первоначально в работе над темой использовались материалы опросов, собранные по традиционным этнографическим темам: одежда, пища, жилище, обряды жизненного цикла, верования, фольклор. Респондентами становились в основном женщины и мужчины 1900–1910-х, реже 1920-х гг. рождения, проживающие в селах Алтайского края и знакомые с традиционной культурой русских. Интервью фиксировались в полевом дневнике. В процессе методика работы была пересмотрена. Поскольку жизнь не стоит на месте, респонденты стареют, умирают, меняется характер информации. Все реже стали встречаться респонденты 1900-х гг. рождения, являющиеся носителями еще традиционной культуры. Но при этом сохранилось самое главное — наличие у человека истории его жизни, воспоминания об окружавшей его действительности. Автором были составлены вопросник и анкета по теме с учетом личного опыта респондентов, стал применяться биогра-

фический метод опроса. Он помогает реконструировать опыт материнства и детства, брачного выбора, интимных переживаний, семейной жизни респондента и т. д., а соответственно и стереотипы, с ними связанные. В рассказах респондентов содержится и традиционный этнографический материал, описания народного быта, обычаев, и описания различных исторических эпох, событий. Как оказалось, подобная методика сбора полевого материала не нова. Например, финские исследователи вынуждены были обратиться к ней еще в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Развитие общества, утрата традиционных нарративов и песенной традиции заставили ученых обратиться в начале к собиранию контекстуальной информации, а затем «коллективной памяти». При фиксации биографии респондента встречались различные стороны традиционной жизни, фольклорный материал [2, с. 87]. Таким образом, на исследовании автора отразилась современная тенденция сближения или даже смешения этнографии и устной истории. Современные отечественные историки, изучающие XX век, все чаще стали обращаться к устным источникам, в том числе и в исторической феминологии [2, 7, 13].

Возвращаясь к методике полевого исследования образа женщины у русских Алтая, нужно добавить, что в процессе работы возрастные границы респондентов были расширены до 1930-х, а в исключительных случаях — и до начала 1940-х гг. рождения, что позволило проследить степень сохранности и утраты традиционных стереотипов в отношении женщины у русских Алтая в 1930–1940-е гг. Изменились и методы фиксации устных источников, записи в полевых дневниках были дополнены записями на аудио носители, т. е. на диктофон. Это позволило анализировать не только вербальное, но и невербальное содержание интервью, его эмоциональную окраску. В ходе работы над темой автором используются как общенаучные методы, так и семиотический анализ обрядов и повседневности, семантический анализ языка, а также контент-анализ.

В заключение нужно отметить, что устные источники и письменные, созданные на их основе, дают основную информацию о содержании представлений русских крестьян Алтая. Их сочетание с нарративными и статистическими материалами дают более полную картину причин их возникновения и угасания.

Литература и источники

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки. М. 1997.
2. Барсукова Н. В. Женщины в Вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1941 гг.: По материалам Красноярского края: Дис. ... канд. ист. наук, 07.00.02. Красноярск, 2005.
3. Бирюков Я. Сибирские заговоры // Алтайский сборник. Т. 11. Барнаул, 1912.

4. Гребенщиков Г. Д. Река Ульба и ульбинские люди (литературно-этнографический очерк) // Алтайский сборник. Барнаул, 1912.
5. Гуляев С. И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 21–28.
6. Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения, Т. 90, Отд. 3, СПб., 1848.
7. Денисова Л. Н. Женщины русских селений, трудовые будни. М.: Изд. дом «Мир истории», 2003.
8. Золотова Т. Н. Масленичные обряды сибирских казаков // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунаrod. Науч.-практ. конф. Вып. 5 / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003.
9. Куприянова И. В. Некоторые моменты родильно-крестильной обрядности в сёлах Алтайского края // Этнография Алтая. Барнаул: БГПУ и АК ИПК РО, 1996.
10. Курсакова А. В. Родильно-крестильная обрядность Бийского района // Бийский район: История и современность / Отв. ред. Т. К. Щеглова: В 2 т. Т. 1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005.
11. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XIX вв. М., 1996.
12. Любимова Г. В. Возрастная символика в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX–XX века. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2004.
13. Мутиева О. С. Роль женщины-казачки в жизни населения Терека в XIX – начале XX вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук, 07.00.02, 07.00.07. – Махачкала, 2004.
14. Потанин Г. И. Полгода на Алтае // Русское слово. СПб. 1859. № 9, 12.
15. Пушкарева Н. Л. Женская история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. / под. ред. Н. Л. Пушкаревой. М., 2003.
16. Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: свадебная поэзия, похоронная причеть. / Сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова. Новосибирск: Наука, 2002.
17. Сафьянова А. В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во половине XIX – начале XX вв. // Русские: Семейный и общественный быт. М. Наука, 1989.
18. Сафьянова А. В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX – XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук, 07.00.07. М., 1973.
19. Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Изд-во Сиб. отделения РАН, 1997.
20. Хаккамес П. Устная история – новая парадигма в финской фольклористике // Народные культуры Русского Севера. Вып. 2: Материалы финско-русского симпозиума (Архангельск, 20–22 ноября 2003 г.) / Отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский ун-т, 2004.
21. Шарбарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004.
22. Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Зап. – Сиб. Отдела ИРГО. 1899.
23. ЦХАФ АК. Ф. 81, оп. 1, д. 4. Заметки «Общества любителей исследования Алтая» о природе и населении Алтая.

24. Явнова Л. А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX вв. Дис. ... канд. ист. наук, 07.00.07. Новосибирск. 2002.

К. И. Бринев

Лингвистика и устная история: проблемы и перспективы взаимодействия

Настоящая статья возникла в результате решения конкретной лингвистической проблемы: перевода «аудиотекстов» (текстов, записанных на магнитную ленту) в письменную форму. В ходе работы над текстами встал вопрос о глубине, характере и уровне точности перевода: какие признаки (элементы) исходного текста обязательно должны отражаться в тексте переводном, а какие представляют собой своего рода «помехи», не несущие никакой ценной информации с точки зрения поставленной задачи и могут быть опущены при переводе. Например, значима ли для исторического исследования передача окружающего произношения и, шире, диалектных черт речи?

С точки зрения лингвистики названная проблема представляет интерес прежде всего в связи с тем, что в теоретическую и прикладную лингвистику входит «новая» проблематика, а взаимодействие с новым является одним из ведущих факторов развития любой науки (в данном случае языкознания). Тезис требует пояснения: слово «новый», употребленное по отношению к истории, может вызвать некоторое недоумение. Лингвистика и история располагают богатыми традициями взаимодействия. Достаточно вспомнить о роли исторических фактов в реконструкции истории языка и наоборот. Хорошо известна также связь истории с топонимикой и диалектологией. Более того, отдельное направление в языкознании напрямую связано с историей – это сравнительно-историческое языкознание.

Слово «новый» в данном случае относится именно к устной истории. С появлением концепции устной истории лингвистика и история получают новую энергию и новые направления взаимодействия, которые заключаются уже не столько в прикладных аспектах взаимодействия (что, по нашему мнению, являлось ведущей тенденцией до появления устной истории), но могут, как кажется, перейти на уровень теоретического взаимодействия.

Оговоримся, что данное утверждение является всего лишь гипотезой, причем высказанной лишь одной стороной – лингвистом; без профессионального исторического сознания такая гипотеза рискует остаться не более чем декларацией. При этом мы полагаем, что двустороннее (лингвистическое и историческое) обсуждение взаимодействия лингвистики и истории впоследствии может существенно видоизменить форму и содержание гипотезы о возможности методологического диалога двух наук. В данном случае, вероятно, более уместным является слово «должно», так как лин-

гвист — не профессиональный историк (верно и обратное), а потому органический синтез возможен только при наличии коммуникативных контактов, а коммуникация, как известно, — череда пониманий и непониманий друг друга общающимися, в данном случае — специалистами названных областей знания.

Возможности теоретического взаимодействия лингвистики и истории определяются, по нашему мнению, прежде всего тем фактом, что в основании лингвистики и устной истории лежит единый материал исследования — текст, а также фактом «превращения» устной истории в своего рода семиотическую дисциплину: история в концепции «устной истории» начинает опредмечиваться не только в событиях, но и в знаках.

Поворот к знаковому характеру истории особенно рельефно проявляет себя на фоне обсуждения проблемы исторических источников, а именно в идее источников, альтернативных официальным. Сюда относят устную традицию, обыденное сознание (индивидуальное и коллективное) людей, опредмечивающееся в интервью, к таковым, вероятно, можно также отнести и культурно-знаковое пространство (обряды, обычаи, сказки и даже слухи). Семиотический взгляд на нарратив как источник ярко проявляется у А. Портелли, который, пытается истолковать (выполнить, по сути, герменевтическую процедуру) причины перехода с диалекта на литературный язык и наоборот¹ (см. также [4]).

Здесь мы получаем ответ на вопрос, поставленный нами в начале статьи: «Что должно переводиться»? Ответ, очевидно, следующий: то, что несет исторически значимую информацию, то, что является знаком, отображающим историческую информацию.

---

¹«Очень часто встречается такая модель повествования, где, как правило, используется стандартный литературный язык, в то время как диалект „просачивается“ в отступлениях, отдельных эпизодах. Это может указывать либо на то, что рассказчик сильнее ощущает свою причастность к описываемым событиям, либо на вмешательство коллективной памяти (как это бывает в тех случаях, когда появление диалекта совпадает с определенными языковыми формулами). В то же время стандартный литературный язык может появиться в рассказе, который ведется на диалекте, когда речь заходит о вещах, более тесно связанных с общественной жизнью, например с политикой. Со своей стороны это может означать как более или менее сознательное стремление рассказчика отстраниться от описываемых событий, так и вторжение в рассказ более „образованной“ манеры изъясняться, к которой человек приобщается, начав участвовать в политике. Наоборот, использование диалекта для обозначения технических терминов может быть как признаком живучести традиционной речи, так и показателем того, что рассказчик стремится расширить выразительные возможности своего повествования» [3]. И далее — программный для знаковой концепции истории тезис: «Итак, первая особенность устных источников заключается в том, что они доносят до нас информацию не столько о самих событиях прошлого, сколько о смысле этих событий» [3].

Знаковая гипотеза, лежащая в основании концепции устной истории, порождает определенные методологические следствия как онтологического, так и методологического плана, и здесь уместным, по нашему мнению, оказывается диалог истории с лингвистикой, проделавшей достаточно большой путь развития в знаковых исследованиях. Так, например, полемика вокруг авторитетности источников — не более чем полемика, обусловленная знаковыми традициями той или иной науки, с точки же зрения языка науки принципиальным оказывается не вопрос о том, что является правильным, а что неправильным источником информации — поставщиком фактов для проверки гипотез, но вопрос об умении конкретной науки извлекать из того или иного источника (в идеале из любого!) нужную информацию [2]. Такое представление, как нам кажется, созвучно концепции устной истории: логически последовательным развитием этой концепции является признание официальной, письменной истории в качестве лишь одного из источников исторической информации. Более того, как официальные, так и нарративные (да и все названные выше знаки) являются равноправными (равноценными) знаками истории. Именно этот факт обуславливает невозможность оценочного подхода к нарративам как источникам исторического исследования, их оценки как источников «второго сорта», источников, лишь добавляющих какую-то информацию к официальным.

В гносеологическом аспекте взаимодействие лингвистики и истории основывается, по нашему мнению, на том, что устная история — вид герменевтической деятельности, деятельности по толкованию текстов обычных людей — носителей устной истории. Эти факты — проявление более глубокой связи: с точки зрения концепции устной истории, история фиксируется в национальном языке, и знаковом пространстве национальной культуры, следовательно, язык, устные тексты и знаки культуры суть одна из форм бытия истории. Отсюда, в свою очередь, следует, что толкование как метод начинает занимать одно из ведущих мест в историческом исследовании.

Лингвистика и лингвосомиотика (наука о знаковых системах) обладают огромным опытом в толковании любого рода текстов, и лингвистическое (семиотическое) исследование становится необходимым компонентом исторического исследования. Текст для истории является источником информации, а лингвистическое толкование — одним из способов извлечения информации из этого источника. Мы можем себе позволить утверждать, что ощущения естественности (простоты) толкования текста (как, впрочем и любого семиотического кода культуры) является своего рода иллюзией, порожденной тем фактом, что каждый носитель языка в определенной мере владеет родным языком. Толкование, преследующее научные цели, — непростая техническая процедура и требует определенной квалификации. Этот факт многочисленно подтвержден практикой юридико лингвистиче-

ских экспертиз, проводимых в данное время лингвистами по заказу частных лиц и правоохранительных органов. Факт неочевидности процедуры толкования, мы уверены, найдет свое подтверждение и при толковании обыденных текстов в историческом аспекте¹. Для включения лингвистического толкования как одного из способов получения исторической информации лингвисту необходимо знать, какие смыслы текста имеют для историка ценность. В историческом же аспекте вопрос ставится, по нашему мнению, иначе: какие исторические категории мы хотим обнаружить в тексте (описательный вариант исследования) или какую историческую концепцию мы хотим подтвердить фактическим материалом, находящимся в обыденном тексте (объяснительный вариант исследования).

В онтологическом аспекте следствием из знаковой гипотезы является признание наличия форм движения истории, которые характерны для естественных знаковых систем, основной из которых является язык. В частности, «знаковость» влечет за собой принятие тезиса о том, что одной из форм существования истории является сознание простого человека, обывателя² (в индивидуальном и коллективном вариантах). Примечательно, что в этом аспекте лингвистика и история идут параллельными путями: лингвистика относительно недавно пришла к мысли о том, что обыденное сознание является одной из ведущих форм существования языка. Названный факт необходимо динамизирует историю, она приобретает качества, присущие естественным знаковым системам: история при таком подходе не только «то, что сделано», но и «то, что делается», как следствие, история переносится и в настоящее, а именно: становится не «тем, что было», но «тем,

---

¹ Проиллюстрируем данный тезис примером «из устной истории»: «Так, например, в некоторых рассказах заметны значительные изменения в „скорости“ повествования, т. е. в соотношении между тем, сколько длились описанные события в реальности, и временем, которое занимает сам рассказ о них. Информант может пересказать в нескольких словах свой жизненный опыт, на приобретение которого ушло много лет, или описывать во всех деталях короткий эпизод. Эти перепады имеют большое значение, хотя мы и не можем вывести общее правило для их интерпретации: детальное изложение всех подробностей события может означать желание рассказчика как подчеркнуть его значимость, так и отвлечь внимание слушателя от других, более щекотливых моментов. Во всех случаях, однако, есть некоторая зависимость между скоростью повествования и тем смыслом, который придает ему рассказчик» [3]. Остается добавить, что с лингвистической точки зрения выявление коммуникативного намерения говорящего представляет достаточно сложную процедуру.

² Ср.: «Субъективное восприятие событий в такой же мере входит в сферу компетенции историка, как и сами события материального мира. То, во что верят информанты, в той же мере составляет исторический факт (факт того, что люди в это верят), что и реально случившиеся события» [3].

что есть». Историческое сознание (ментальность) при этом выступает и как носитель истории, и как ее творец.

Приведем конкретный пример, иллюстрирующий данные положения. В обыденном языковом сознании и научной лингвистике в настоящее время обсуждается вопрос о судьбе русского языка. Процесс расшатывания коммуникативных речевых и письменных норм, поток заимствований, ослабление позиций рафинированного литературного языка во всех сферах — от речи простого носителя языка до речи авторитетных политиков (напомним о «мочить в сортире») — вызывают неоднозначную оценку: один из полюсов этой оценки связан с негативным отношением к названному явлению, другой с нейтральным (отметим, что последних меньшинство). Негативный тип оценки — это тип кризисного сознания, он, в свою очередь, расщепляется на две части: первая апеллирует к прошлому, трактуя настоящее как результат вырождения ценностей прошлого, другая видит «спасение» в будущем. Не являются ли данные общественные ощущения отражением исторического сознания или лингво-исторической ментальности нашей эпохи? Безусловно, для ответа на этот вопрос нужно провести не одно лингвистическое и историческое исследование. С нашей точки зрения, целесообразность изучения таких ментальных образований очевидна: политические решения принимают и законодательную базу создают вполне конкретные люди и группы людей, обладающие тем или иным типом исторической ментальности. Думаем, никто не будет отрицать, что в каком-то отношении от этой ментальности зависит и будущая история.

Литература

1. Лоскутова М. В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. 396 с.
2. Поппер К. Предположение и опровержение, М., 2002
3. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. 396 с.
4. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. 396 с.

Н. Г. Воронова, С. С. Фомина

Из опыта перевода обыденных устных текстов в письменную форму

Устная форма бытования текста существенно отличается от письменной, поэтому перевод в письменную форму устных текстов в ряде случаев может потребовать корректировки последних, а именно частичного пере-

структурирования устного текста в соответствии с законами письменной речи.

В процессе устной коммуникации передача информации осуществляется по нескольким каналам одновременно (вербальный, мелодический, визуальный), каждый из которых играет роль смыслообразующего фактора, и «конечный результат достигается их совмещением и взаимным наложением» [1]. Если устная речь «всегда строится в виде совмещения нескольких (...по крайней мере двух) каналов передачи», то в письменной передаче информации происходит «по одному постоянно действующему каналу» [1]. Таким образом, в результате перевода устного текста в письменную форму невербальная часть информации может быть утрачена.

Устный и письменный текст имеют специфику построения. Как отмечает Б. М. Гаспаров, «в письменном тексте связность, а следовательно, и цельность, реализуются путем построения текста в соответствии с определенными правилами логики линейного развертывания информации», в устном же тексте «смысл ощущается как „нелинейный“ — он организуется произвольными перестановками блоков так, чтобы были получены все полезные сопоставления частей» [1]. Это значит, что перевод устного текста в письменную форму означает переход от нелинейной организации смысла к линейной, что также может обернуться частичной потерей теперь уже вербальной информации.

Задача «переводчика» (как мы ее себе представляем) заключается в том, чтобы при письменной фиксации устного текста сохранить в нем актуальную для профессиональной сферы деятельности «заказчика» систему значимостей. В условиях неизбежной потери в результате перевода некоторой части информации данная задача может быть решена только при условии внесения коррективов в запись устного текста, частичного его реструктурирования. В нашем случае решение задачи перевода устных текстов в письменную форму предполагало также их перевод из диалогической формы в монологическую¹.

Нами были выявлены два вида текстов. Одни требовали значительного изменения при переводе, другие нуждались лишь в незначительной корректировке. Полагаем, что причинами различия текстов являются характер взаимодействия интервьюера и интервьюируемого, а также особенности языковых личностей респондентов. В случае, когда интервьюер занимает не активную позицию, а интервьюируемый — активную, текст интервью при переводе его в монологическую форму не требует значительных изменений, так как подобного рода тексты изначально тяготеют к монологу.

---

¹ Тексты, перевод которых мы делали, представляют собой магнитофонные записи интервью, взятых во время ИЭЭ студентами исторического факультета.

Роль интервьюера при создании подобных текстов сводится лишь к стимулированию речи рассказчика. Вопросы, задаваемые им по ходу рассказа респондента, расцениваются интервьюируемым как проявление интереса к рассказываемому, самому рассказчику, побуждают его выговориться. Однако именно эти тексты в силу структурных особенностей устной речи нуждаются в серьезной корректировке при их письменной фиксации. В качестве примера рассмотрим интервью с Иваном Макаровичем Сорокиным¹.

Представим сюжетную организацию текста интервью, перевод которого мы делали, в виде краткого пересказа. Римскими цифрами в скобках обозначим по порядку их появления в тексте его тематические линии, а арабскими — смысловые блоки в соответствии с их хронологической или логической последовательностью.

Интервью с И. М. Сорокиным начинается с вопросов интервьюера о родителях респондента, о родителях родителей, их приезде в Сибирь.

Отвечая на вопросы интервьюера, И. М. Сорокин рассказывает о том, как (I/1) дед по отцовской линии привез (I/2) своих детей из Курской губернии в с. Мамонтово и оставил их там, а сам вернулся назад. Затем он рассказывает о (II) жизни своего отца. (II/1) Отец респондента вырос в семье (I/3) своей старшей сестры. (II/2) В 1914 г. был призван в армию, воевал. (II/3) Встретил революцию, (II/4) демобилизовался, (II/5) вернулся в семью своей сестры. (II/6) Во время гражданской войны ушел в партизаны вместе с младшим братом и с родственниками. (II/9) В Отечественную войну вновь был призван, но по состоянию здоровья работал на заводе в Барнауле. (III) Респондент вспоминает, (III/9) как раненый «в 42-м... в 43-м году 2 мая» вернулся домой, (III/10) лежал в госпитале в Новосибирске. (III/11) А после того, как поправился, (II/10) привез отца, который «в тяжелом состоянии был», домой. (II/12) Отмечает, что его отец «жил до конца своих дней в девках». (IV) Вспоминает о матери, (IV/1) как она в гражданскую потеряла мужа и (IV/2) при каких обстоятельствах вновь вышла замуж. (III/1) Рассказывает о своем рождении. (V) Попутно вспоминает о том, что Бутырский район, в котором он родился, в 1924 г. был переименован в Мамонтовский «в честь главнокомандующего Алтайской партизанской армии Мамонтова Ефима Федоровича». (III/1) Возвращается к рассказу о себе: «Родился я в большой крестьянской семье курских крестьян, приехавших из Курской губернии Щербининых». (VI) Далее следует рассказ о семействе Щербининых: (VI/1) деде по материнской линии, (VI/2) его братьях и (VI/3) их детях. (VII) О роде Ковалевых: (VII/1) бабушке по материнской линии и (VII/2) ее братьях, (III/2) в честь одного из них «по велению деда» его «назвали Иваном Мака-

---

¹ Материалы ИЭЭ. Кассета № 53, запись 2000 г. Мамонтовский район, с. Мамонтово. Опрос провели студенты ИФ БГПУ Баландин Антон, Удушев Роман

рычем». (VII/4) Об отношениях родственников по бабушкиной линии. (VI/1) Вновь возвращается к рассказу о своем деде по материнской линии, (VI/2) его братьях и (VI/3) детях. (VII/3) Называет детей бабушки Тани (Ковалевой). (IV) Возвращается к рассказу о матери: рассказывает о том, (IV/1) как она овдовела и (IV/2) вновь вышла замуж за Сорокина Михаила Егорыча (отца респондента), (II/6) «красного партизана, (II/1) который вырос без отца и матери у чужих людей». (VIII) Рассказывает о доме, в котором жила семья его родителей вместе с родственниками. Возвращается к рассказу об отце: (I/1) истории переезда семейства Сорокиных, (I/2) о своих родственниках по отцовской линии, (II/1) о том, что отец вместе с братом жил до женитьбы в семье старшей своей сестры, (I/3) о семье сестры. (II/2) Вновь, более подробно, рассказывает об участии отца в Первой мировой войне, (II/3–5) возвращении домой после революции, (II/6) участии в гражданской войне.

Интерес интервьюера вызывают слова И. М. Сорокина о том, что на гражданскую войну с его отцом ушли сыновья хозяина, у которого он работал. Иван Макарович объясняет, (IX) почему богатые тоже шли воевать за советскую власть. После ответа на вопрос интервьюера респондент вновь возвращается к рассказу о семье своих родителей: (II/6) рассказывает о возвращении отца с гражданской войны, (II/7) об обстоятельствах женитьбы отца, (I/2) о судьбе некоторых родственников.

Интервьюер спрашивает о том, как респондент приехал в Мамонтово. И. М. Сорокин рассказывает о (III) своей жизни: (III/3) об учебе в школе, (II/8) увечье отца, (III/4) учебе в школе механизации в Камне, (III/5) работе в МТС в Мамонтово, (III/6) призыве в армию в 1941 г., о том, (III/7) как воевал, (III/8) был ранен, (III/10) лечился в госпитале, (III/11) был зачислен «в комитет госбезопасности», (III/13) о выходе на пенсию, (III/12) о том, где и кем работал до выхода на пенсию, (III/14) о своих детях и внуках.

Интервьюер просит рассказать о причинах переезда отца респондента из центра России в Сибирь. И. М. Сорокин рассказывает (X/1) о заселении новых земель, (X/2) описывает жизнь переселенцев, (X/3) особенности быта приезжих из разных губерний.

Интервьюер просит рассказать (X/4) об отношениях старожилов и переселенцев. Отвечая на вопрос, респондент рассказывает также (IX/5) об отличиях в образе жизни местных и приезжих.

Интервьюер интересуется, чем еще отличались сибиряки от приезжих. Отвечая на вопрос, респондент рассказывает о (X/6) разнице в «наречиях», (X/7) развлечениях молодежи, игрищах, гуляньях.

Интервьюер просит подробнее рассказать об игрищах. И. М. Сорокин вспоминает, (X/8) как проводили время в молодости, сравнивает себя с современной молодежью, рассказывает, как живет сейчас.

Интервьюер спрашивает, было ли принято угощение на игрищах. Респондент отвечает, что (X/9) угощали лишь квасом. (X/10) Самыми культурными в плане быта и развлечений называет выходцев из Саратова.

Интервьюер спрашивает о кержаках, их отличиях от всех остальных. Респондент рассказывает, (X/11) кто такие кержаки, чем отличались, где жили.

Интервьюер спрашивает о происхождении названия села Бутырки. Респондент рассказывает, (X/12) почему село назвали именно так, (X/13) о первых поселенцах-каторжниках.

Интервьюер спрашивает о церкви. Респондент рассказывает (X/14) о церкви, ее сносе, судьбе священника и его семьи.

Используя введенные нами условные обозначения, представим сюжетную организацию текста в виде схемы, обозначив в ней стрелками переход от одного смыслового блока к другому и выделив нарушения «линейной» формы: (I/1) → (I/2) → (II) → (II/1) → (I/3) → (II/2) → (II/3) → (II/4) → (II/5) → (II/6) → (II/9) → (III) → (III/9) → (III/10) → (III/11) → (II/10) → (II/12) → (IV/1) → (IV/2) → (III/1) → (V) → (III/1) → (VI/1) → (VI/2) → (VI/3) → (VII/1) → (VII/2) → (III/2) → (VII/4) → (VI/1) → (VI/2) → (VI/3) → (VII/3) → (IV/1) → (IV/2) → (II/6) → (II/1) → (VIII) → (I/1) → (I/2) → (II/1) → (I/3) → (II/2) → (II/3–5) → (II/6) → (IX) → (II/6) → (II/7) → (I/2) → (III/3) → (II/8) → (III/4) → (III/5) → (III/6) → (III/7) → (III/8) → (III/10) → (III/11) → (III/13) → (III/12) → (III/14) → (X/1) → (X/2) → (X/3) → (X/4) → (X/5) → (X/6) → (X/7) → (X/8) → (X/9) → (X/10) → (X/11) → (X/12) → (X/13) → (X/14).

Представленная нами в пересказе сюжетная организации исходного устного текста позволяет увидеть, что одним из принципов структурирования устной связной речи являются многочисленные повторения, «возвращения (в варьированном виде) предыдущих разделов», в результате которых «создаются многочисленные тематические пересечения: мысль дробится, тематическая линия обрывается незаконченной в связи с возвращением более ранних мотивов, чтобы затем вновь вернуться после некоторого перерыва и, в свою очередь, разорвать при своем возвращении текущее построение» [1]. По этой причине «превосходное устное изложение при *слишком близкой письменной передаче* (выделено нами. — Н. Г., С. С.)» может оставить «впечатление хаотичности, несвязности и назойливой повторяемости» [1].

Полагаем, что «исправить положение» возможно путем реструктурирования устного текста, а именно перестановкой смысловых частей, которую следует произвести таким образом, чтобы каждый последующий содержательный блок находился в определенных связях с предыдущими и в свою очередь детерминировал дальнейшее развертывание текста также определенным образом.

Перестановку содержательных блоков можно производить с опорой на выделенные тематические линии: (I/1–2) родственники по отцовской линии, (VI/1–3; VII/1–4) родственники по материнской линии, (II/1–12) обстоятельства жизни отца, (IV/1–2) обстоятельства жизни матери, (III/1–14) рассказ о собственной жизни, (X/1–14) рассказ о жизни переселенцев; хронологическую последовательность реальных событий, логику вопросов интервьюера, а также логику самого респондента.

В письменной передаче текст может быть начат с рассказа о переезде семейства Сорокиных в Сибирь: (I/1) дед по отцовской линии привез (I/2) своих детей в с. Мамонтово и оставил их там, а сам вернулся назад; (I/2) о родственниках по отцовской линии.

(VI) Далее может следовать рассказ о семействе Щербининых: (VI/1) дед по материнской линии, (VI/2) его братьях и (VI/3) их детях. (VII); о роде Ковалевых: (VII/1) бабушке по материнской линии (VII/2), ее братьях, (III/2) в честь одного из них *«по велению деда»* респондента *«назвали Иваном Макарычем»* (VII/3), детях бабушки Тани (Ковалевой), (VII/4) об отношениях родственников по бабушкиной линии.

Рассказ о родственниках по материнской линии логично может быть продолжен (IV) воспоминаниями о матери, (IV/1) как она в гражданскую потеряла мужа и (IV/2) при каких обстоятельствах вновь вышла замуж – за Михаила Егорыча Сорокина (отца респондента), (II/6) *«красного партизана, (II/1) который вырос без отца и матери у чужих людей»*.

Рассказ о матери детерминирует дальнейшее развертывание текста: это рассказ об (II) отце, который (II/1) вырос в семье своей старшей сестры, где он вместе с братом жил до женитьбы, (I/3) о семье сестры. (II/2) Об участии отца в первой мировой войне: в 14-м году был призван в армию, (II/3) о революционных событиях, свидетелем которых отец был, (II/4-5) о демобилизации и возвращении домой после революции вновь в семью сестры, (II/6) участии в гражданской войне, на которую он ушел в партизаны вместе с младшим братом и сродственниками – сыновьями хозяина, у которого он работал. Объясняет, (IX) почему богатые тоже шли воевать за советскую власть: *«После революции мой отец возвратился в дом Кузнецовых в 19-м году вступил в отряд красных партизан. Полк Каширова вместе с Александром Дмитриевичем и Виссарионом Дмитриевичем Кузнецовыми, несмотря на то, что богато жили, а пошли в партизаны. Почему пошли? А потому что крестьянскому люду жить очень тяжело было. Тяжело от власти. От Колчака тяжело – это одно, и вообще от царской власти, потому что жизнь была тяжелая невыносимо»*. Вновь возвращается к рассказу о семье своих родителей: (II/6) рассказывает о возвращении отца с гражданской войны, (II/7) об обстоятельствах женитьбы отца, (I/2) о судьбе некоторых родственников. (II/9) Рассказывает о том, что его отец в

Отечественную войну вновь был призван, но по состоянию здоровья работал на заводе в Барнауле: «В Отечественную войну его тоже призывали и по состоянию здоровья он, его оставили на заводе... в Барнауле. И я уже был раненый, пришел домой в 42-м... в 43-м году 2 мая. Потом немного тут я... со спиной плохо стало, отправили в Новосибирск, я там в госпитале лежал... в клинике. Поправился, меня комиссовали, и я приехал домой, потом съездил, отец в тяжелом состоянии был, я его привез домой. Опухший был. Ну и вот так он жил до конца своих дней в девках. В войну еще тут с женщинами бригадирил, а потом кончилась война, он повесил до самой смерти».

По-видимому, следующим в структуре повествования должен быть блок (III) воспоминаний респондента о самом себе. И. М. Сорокин (III/1) рассказывает о своем рождении. (V) Попутно вспоминает о том, что Бутырский район, в котором он родился, в 1924 г. был переименован в Мамонтовский «в честь главнокомандующего Алтайской партизанской армии Мамонтова Ефима Федоровича». (III/1) Возвращается к рассказу о себе: «Родился я в большой крестьянской семье Курских крестьян, приехавших их Курской губернии Щербининых». (VIII) Рассказывает о доме, в котором жила семья его родителей вместе с родственниками, (III/3) об учебе в школе, (II/8) увещье отца, (III/4) учебе в школе механизации в Камне, (III/5) работе в МТС в Мамонтово, (III/6) призыве в армию в 1941 г., о том, (III/7) как воевал, (III/8) был ранен, (III/10) лечился в госпитале, после войны (III/11) был зачислен «в комитет госбезопасности», (III/13) о выходе на пенсию, (III/12) о том, где и кем работал до выхода на пенсию, (III/14) о своих детях и внуках.

Интервьюер просит рассказать о причинах переезда отца респондента из центра России в Сибирь. И. М. Сорокин рассказывает (X/1) о заселении новых земель, (X/2) описывает жизнь переселенцев, (X/3) особенности быта приезжих из разных губерний, (X/4) об отношениях старожилов и переселенцев, (X/5) о различиях в образе жизни местных и приезжих, о (X/6) разнице в «наречиях», (X/7) развлечениях молодежи, игрищах, гуляньях. Вспоминает, (X/8-11) как проводили время в молодости, сравнивает себя с современной молодежью, рассказывает, как живет сейчас. Рассказывает, (X/12) почему село назвали Бутырки, (X/13) о первых поселенцах-каторжниках, (X/14) о церкви, ее сносе, судьбе священника и его семьи.

В тексте интервью при письменной его фиксации могут быть оставлены вопросы интервьюера: «Родителей своих вы хорошо помните? / Расскажите о себе»; «А можно вернуться назад? Вы говорили, что отец ваш приехал из центра России. А не знаете, почему?» Их удаление может потребовать нового переструктурирования текста.

Заслуживающим интереса представляется нам тот факт, что И. М. Сорокин самостоятельно записал историю своей семьи и во время интервью пользовался своими записями: он не рассказывал, а читал написанное ра-

нее. Полагаем, что написанный респондентом текст все-таки является не письменной, а записанной устной речью. Возможно, респондент не владеет навыками создания письменного текста и потому пишет, как говорит. В то же время данный факт объясняет сравнительное небольшое для устной речи число повторов в его рассказе: повторяются блоки (I/1), (I/3), (II/2–5), (III/1), (III/10–11), (IV/1–2), (VI/1–3) – 2 раза; (I/2), (II/1) – три раза, (II/6) – 4 раза. Частота повторов этих смысловых блоков может свидетельствовать о субъективной значимости событий личной жизни.

Во втором виде текстов, выделенном нами, интервьюер занимает ведущую, активную позицию, т. е. строит диалог в соответствии с выбранной темой, заранее подготовленными вопросами, целью которых является сбор материала, подтверждающего или опровергающего имеющуюся у интервьюера информацию (ранее известные факты). Интервьюируемый ограничен рамками тем, интересующих интервьюера, который принимает активное участие в диалоге, направляя беседу в нужное ему русло. Перевод устных текстов такого рода в монологическую форму может быть затруднен по ряду причин.

В случае, когда респондент, отвечая на вопрос интервьюера, не воспроизводит вопрос хотя бы частично, удаление при письменной фиксации из записанного на пленку текста вопросов интервьюера может привести к потере связности текста. Интересующие интервьюера факты, подтверждения или опровержения которых он ожидает от респондента, могут носить разнородный характер, в силу чего удаление вопросов интервьюера из записанного на пленку текста при письменной фиксации также может привести к потере связности и цельности текста.

И в том, и в другом случае структурирующее устный текст взаимодействие интервьюера и рассказчика препятствует его переводу в монологическую письменную форму. При необходимости перевода текстов такого рода в монологическую письменную форму для сохранения логики повествования, цельности и связности текста мы вынуждены вопросам интервьюера придавать вид утвердительных предложений и *приписывать* их интервьюируемому, что, в свою очередь, влечет изменение стиля речи интервьюируемого: она утрачивает идиолектный характер, приближается к литературной. Кроме того, она воспринимается как монологическая речь респондента. В результате полученный текст может дать превратное представление о личности интервьюируемого, об отношении его к теме интервью.

В качестве примера приведем фрагменты интервью со Стрелковой Таисией Алексеевной¹. Для наглядности в исходном тексте выделены вопросы

---

¹ Материалы ИЭЭ. Кассета № 163, запись 200? г. Бийский район, с. Мало-Енисейское. Опрос провела М. Овчарова??.

интервьюера (И), а в тексте после его перевода в письменную форму – их корреляты, введенные «переводчиком».

Исходный текст

И: Скажите, как вас зовут и какого вы года рождения.

Р: Стрелкова Таисья Алексеевна, 1930 года рождения.

И: А по национальности вы кто?

Р: Бог теперь знает. Русские, наверное. Родители мордвы были, а мы теперь какие мордвы. Русские, наверное.

И: А почему вы себя относите к русским, если родители мордва по национальности?

Р: Раз с русскими живем, мы еще маленькие на русском говорили. Да и родители в последнее время на русском говорить стали.

И: А раньше?

Р: А раньше разговаривали по-мордовски. <...>

И: А дедушку с бабушкой помните?

Р: Помню. А как? Дедушка Василий Артемович Кривых, бабушка Ольга Андреевна Кривых. Они чисто мордвы были, но по-русски говорили. Хотя больше по-мордовски между собой. А с нами по-русски говорили.

И: А родители ваши?

Р: Они тоже по-мордовски разговаривали между собой, а с нами по-русски.

И: А Вы совсем не знаете мордовский язык?

Р: Если говорить слова какие-то, можем. А если вообще разговаривать, то уже не можем. <...>

И: Когда переехали, остались какие-то свои традиции, может, праздники праздновали по-мордовски, песни пели мордовские?

Р: Собирались, праздновали. Они, старики, между собой, а мы, молодежь, отдельно. Песни пели иногда, если в шутку. Мама моя пела, так начнут по-мордовски, и я ей маленькая подпевала.

И: А Вы знаете, что по-мордовски значит «верява»?

Текст перевода

И: Расскажите о себе.

Р: Стрелкова Таисья Алексеевна, 1930 года рождения. А по национальности, бог теперь знает, русские, наверное. Родители мордвы были, а мы теперь какие мордвы. Русские, наверное, **потому что с русскими живем.**

Мы еще маленькими на русском говорили. И родители в последнее время на русском говорить стали, **а раньше** разговаривали по-мордовски. <...>

И дедушку с бабушкой своих помню. Дедушка Василий Артемович Кривых, бабушка Ольга Андреевна Кривых. Они чисто мордвы были, но по-русски говорили. Хотя между собой больше по-мордовски, а с нами – по-русски. **Родители** между собой тоже по-мордовски разговаривали, а с нами – по-русски.

Мы, если по-мордовски, слова какие-то говорить можем, а если совсем разговаривать, то уже не можем. <...> **А праздники** свои праздновали по-мордовски. Собирались старики между собой, мы, молодежь, отдельно. Песни пели иногда, в шутку. Мама моя пела, а я, маленькая, подпевала.

Я, когда сюда приехала, вообще русский не знала, а сейчас мордовский вспомнить не могу. **Но отдельные слова помню:** «**верява**» – это «лесная баба», «высокая». Вот, например, идет женщина, скажешь: «высокая, как верява», значит, большая, как лес или как лесное дерево. «**Ава**» – это «женщина», «мать». «**Ведь**» вроде как «вода», «огонь» – «толава».

Р: Это 'лесная баба', 'высокая'. Вот, например, идет женщина, так скажешь «высокая, как верява», как вроде большая, как лес, или большая, как лесное дерево. «Ава» — это 'женщина'. Я, когда сюда приехала, вообще русский не знала, а сейчас мордовский вспомнить не могу.

И: А что значит «ведь-ава»?

Р: «Ава» — это 'мать', а «ведь» вроде как 'вода, 'огонь' — "тол-ава". <...>

И: Если бы Вы встретили в магазине человека, который тоже говорил на мордовском, вы бы с ним на каком языке стали разговаривать?

Р: Наверное, на русском. Но если крадучи надо что-то сказать, секретное, то мы говорим, понимаем друг друга.

<...>

Если бы я сейчас встретила человека, который тоже говорит по-мордовски, я, наверное, говорила бы с ним на русском. Но если крадучи надо что-то сказать, секретное, то мы говорим по-мордовски.

Сопоставление исходных и обработанных текстов показывает, что любая обработка устного текста при его письменной фиксации может рассматриваться как его интерпретация, а ее результат — как созданный интерпретатором на основе исходного вторичный текст.

Чтобы избежать искажения смысла устного текста при переводе его в письменную форму, необходимо учитывать принципы создания письменного текста на этапе подготовки и проведения интервью. В этом случае необходимость существенной трансформации устного текста при его письменной фиксации автоматически отпадает.

Литература

1. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика.
<http://www.ruthenia.ru/folklore/gasparov1.htm>

О. А. Гончарова

Народная медицина в Горном Алтае по рассказам знахарей и целителей

Вместе с хозяйственными традициями русские крестьяне, переселявшиеся на Алтай, привезли с собой знания о здоровье, гигиене, способах лечения и предупреждения болезней. Вместе с новыми видами жизнедеятельности русские в Горный Алтай принесли свои нормы и навыки гигиены, народную медицину. Медицинские нужды русского населения Горного Алтая удовлетворялись, как правило, лекарями-самоучками. «Медобслуживание»

сельского населения России, как отмечала исследователь Л. В. Островская, характеризовалось резким недостатком квалифицированных медицинских кадров, и это особенно относилось к Сибири в силу отсутствия там земских врачебных учреждений. По расчетам Л. В. Островской, выполненным на основе всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Томской губернии на 1 927 786 душ обоего пола зафиксировано 1 089 лиц, занимавшихся врачеванием, в том числе 781 легально. Первой всеобщей переписью населения знахари учитывались как особая группа населения, выделенная по видам занятий. Надо полагать, что число знахарей несколько превышало данные государственной статистики. Таким образом, в Сибири существовал свой институт медиков-знахарей, повитух, лекарей. Для многих из них эта деятельность являлась основной, дающей средства к существованию. Устойчивость института знахарства объясняется тем, что знахарь был «свой», психологически совместимый с крестьянской средой. Методы его были проверены практикой и часто оправдывали себя.

Познания профессионального знахаря бывали действительно обширны. Настоящий знахарь сам серьезно изучал лечебные свойства трав, затрачивая на это немало времени. Это было недоступно занятому хозяйством крестьянину. Багаж знахаря часто составляли медицинские сведения, ценность которых несомненна. Лечение знахаря включало несколько компонентов: собственно лечебные средства (травы и т. п.), магические приемы, словесные формулы. Эти компоненты в каждом конкретном случае создавали некую систему, выстраиваясь особым образом, или использовались автономно в зависимости от причин и характера болезни.

По современным данным полевых исследований, русское население Горного Алтая, и не только отдаленных районов, продолжает объяснять причины болезней видимыми естественными причинами («надсадой», «озноблением», ушибом и пр.). В таких случаях обращаются к знахарям, лекарям. Лекарями чаще всего сегодня выступают уже немолодые женщины, которые переняли свои знания от «бабушек» или «научились по спискам». Списки — это записи заговоров, приговоров и магических действий, которые и сейчас имеются почти в каждой деревенской семье. Передаются они младшим дочерям или «тем, кто может».

Понятие «порча», или, как чаще говорили и говорят в Горном Алтае, «уроки», продолжает бытовать и лечится заговорами с магическими обрядами. «Структура» лечения во многом сохранена и сегодня. Обычно перед лечением знахарка произносит молитву «Отче наш», накладывает крест на воду и начинает лечение. На все основные заболевания имеются свои заговоры и молитвы.

Огонь и вода присутствуют так или иначе во всех видах лечения. Лекарь «умывает», «отливают», «окупывают» и т. п. Огонь и вода присутствуют

при лечении с помощью отливания воском. Эта практика процветает. Однако медиками не выяснена эффективность отливания. Как правило, больного усаживают под «матку» в доме или в дверной проем. После чтения молитвы в чашу с водой у него над головой льют растопленный воск. Когда он застывает, его вынимают из воды и рассматривают. На воске можно увидеть (при богатом воображении) причину болезни, испуга или недомогания. Считается, что если в течение нескольких сеансов больному становится лучше или он выздоравливает, то, как доказательство, на воске не остается никаких «картинок», воск в чаше становится гладким.

Одной из специализаций лекарей было и остается лечение детей, преимущественно новорожденных. Особенно часто лечат детскую грыжу. Вполне распространенная практика детских поликлиник посылать молодых мамаш с детьми «к бабушке», особенно если дети «плаксивы», «гнут спинку» и т. п. Для избавления от этих недугов знахарки применяют заговоры, магические действия, питье «святой» воды. Некоторые знахари вылечивали эту неприятность у детей с одного прикусывания у пупка. У беспокойных, плаксивых детей часто знахари находят «щетинку» на спине. Во время сна эта «щетинка» мешает детям спать. Для лечения младенца носят в баню и, распарив и намазав спинку медом или грудным молоком, выдергивают щетинку.

За лечение чаще всего, как и ранее, не платят деньгами, берут полотенце, ткань, пищу, платки и т. п. За лечение тяжелобольных и умирающих не берут даже подарков.

Из лечебных средств в народной медицине главное место продолжает занимать физио- и фармакотерапия. Траволечение приобрело в Горном Алтае широкое применение. В деревнях пользуют не только традиционные рецепты, но и особые травы, распространенные лишь в отдельных местностях. Особенности применения отдельных способов и методов лечения зависят от того, в какой местности проживает население (горы, долины), то куда пришло русское население и насколько оно было подвержено алтайскому или русскому влиянию.

Е. Ф. Дмитриева

Письмо как лингвистический источник

Народная культура является альтернативой культуре элитарной, официальной, академической. Профессиональному искусству, литературе составляет оппозицию «наивная живопись», «наивное письмо».

Традиционно признается, что достоверностью и объективностью в изучении исторического процесса, причинно-следственных связей в этом процессе обладают документальные акты, делопроизводственная документация в виде докладов, выписок, жалоб; нарративные источники, представ-

ленные летописями, воспоминаниями авторитетных политических, общественных деятелей. Однако и в этом перечне источников степень достоверности будет различной, поскольку любой текст характеризуется важным признаком — авторизацией, наличием субъективно-модального слоя в тексте, поэтому не исключена тенденциозность в отчетах государственных чиновников, которые подбирают факты, цифры, смягчающие их вину или, наоборот, преувеличивающие их заслуги.

Быт, повседневная жизнь людей как основная сфера жизни общества запечатлена в семейных архивах — дневниках, письмах, мемуарах, в различных речевых жанрах, отражающих разные сферы жизни. Этот пласт источников существовал издавна, но не был объектом научного исследования, не воспринимался как объективный источник, достойный изучения.

В последние 2–3 десятилетия в научной среде изменилось отношение к понятию «повседневность», которая противопоставляется бытию как высшей форме человеческого самовыражения. В связи с этим категория повседневности оказалась в центре внимания философов [1], социологов [2], культурологов. Открываются центры документации типа «Народного архива». В Алтайском краеведческом музее создается архив фронтовых писем, который пополняется в настоящее время письмами из семейных архивов. Готовится издание «Письма с фронта любимым».

Фраза «народ — создатель языка» не должна быть лишь афоризмом. Интерес к «бытовым» текстам, исследование подобного материала меняет стереотипы сознания, отношение к тому, что считать документом. История жизни «низов» создает специфическую картину мира, которая не идентична официальной.

На филологическом факультете в лаборатории народной письменной культуры в течение нескольких лет создается текстотека различных речевых жанров, среди которых дневники, записки, открытки, письма и т. д. Этот разнородный в жанровом отношении материал, отразивший особенности естественной письменной речи простого носителя языка, стал объектом научного исследования. Идея настоящей статьи — в признании частного письма одним из жанров естественной письменной речи, документом жизни простого носителя языка, его речевой культуры, дополнительным источником письменной официальной документации. При этом необходимо учитывать, что в исследовании текстового источника задачи историка и лингвиста не тождественны. Лингвисту важно исследовать структуру текста, текстовое содержание и языковые средства его реализации, жанрово-стилистические признаки, речевую культуру рядового носителя языка или отдельной социальной группы.

Частные письма простых носителей языка различны по тематике, социальному статусу и возрасту пишущего, коммуникативной интенции, месту

отправления и получения, и это определяет их жанровую разновидность: среди них — частно-деловые, семейные, дружеские, любовные, армейские, тюремные, письма в редакцию или администрацию и т. д.

В текстотеке лаборатории народной письменной культуры представлено более двух тысяч писем из разных сел и районов Алтайского края (Краснощековский, Каменский, Завьяловский и др.), содержание которых воссоздает объективную картину общественной жизни в разное время, не только в крае, но и за его пределами, потому что жизнь авторов писем разными «нитями» связана с жизнью всей страны, в них отражается речевая культура носителей языка.

Судьба, жизнь «маленького» человека, оказывается, зависит не только от местных событий и местной власти; крупномасштабные события также резко меняют его жизнь, планы.

В процессе распада Советского Союза прервались родственные, социальные связи, люди по разным причинам оказались в разных местах постсоветского пространства. География проживания авторов писем в администрацию села Краснощековского района Алтайского края обширна. Письма имеют деловую направленность: в них изложены просьбы подтвердить стаж работы для начисления пенсии, указать род занятий, место работы в бывшем колхозе или совхозе. Это письма-запросы, однако часто деловой текст сменяется нарративным, описанием того, как работали, не жалея сил, времени, оставляя маленьких детей одних дома, как голодали в военное и послевоенное время, как ждали достойной жизни. Через призму восприятия прошлого одним человеком воссоздается история целого поколения.

В письмах делового назначения доминирующей авторской коммуникативной стратегией является желание получить положительный ответ на свой запрос, поэтому просьба сопровождается неоднократными этикетными формулами благодарности, извинений за беспокойство.

Письма в редакцию по коммуникативной целеустановке пишущего можно условно квалифицировать как письмо-благодарность, письмо-воспоминание, письмо-поздравление, письмо-просьба, письмо, в котором ярко выражена социальная оценка действительности. Активными авторами подобных писем являются пенсионеры, представляющие сельскую интеллигенцию. Критически оценивая работу местных руководителей, авторы отмечают их равнодушие, безответственность, необязательность. Вот фрагменты из писем в редакцию районной газеты «Вперед» Тюменцевского района¹: «...Я как инвалидка, ужасно возмущилась и возмущаюсь работой автотранспортных предприятий села Тюменцева. Что хотят, то и делают на местах работники... Начальство не следит нормально за работой их... Почему

---

¹ Здесь и далее авторский текст приводится без изменений.

должны страдать люди преклонного возраста, больные. Спокойно нельзя съездить никуда, по-человечески не хотят работать... грубят, оскорбляют...». Или: «Дорогая редакция! Подходит к концу месячник пожилых людей. Читая вашу газету, завидовала таким жителям, где администрация помогла подготовиться к зиме. А вот наше село, вернее глава администрации таким вниманием не блещет. Я пенсионерка, ветеран труда, проработала в библиотеке 34 года. Сами знаете, какая зарплата была тогда у нас, соответственно пенсия сейчас не блещет...».

Подобные эпистолярные тексты отличаются открытой авторской позицией, непосредственностью, эмоциональной насыщенностью, которая создается лексикой, фразами с отрицательной коннотацией, лексикой, выражающей внутреннее состояние пишущего: «ужасно возмутилась и возмущаюсь»; «что хотят, то и делают»; «по-человечески не хотят работать»; «вниманием не блещет»; «Где же на свете справедливость? Где же Бог. И никому не пожалуешься... Нет больше сил терпеть»; «Вот уже 6 месяцев у нас нет воды, хотя живем в центре села... Внимания никакого...»; «...очень обидно, когда были здоровы работали все было хорошо, а сейчас на одни лекарства уходит почти полпенсии, да те заработанные крохи, что положено привезти, без напоминаний не можешь выходить годами» и др.

В текстах возникает оппозиция «представитель власти – простой человек». Власть может быть представлена в лице конкретного номинированного руководителя, а может иметь имплицитно обобщенное лицо («что хотят, то и делают»; «внимания никакого»).

История жизни конкретного человека не изолирована от жизни общества, она вписывается в историю страны, является частью ее.

Общегосударственная проблема армии, служба в ней коснулась в той или иной мере каждой семьи. Авторы не только описывают историю отдельного человека, но проявляют социальную активность, предлагают, что нужно сделать, чтобы быть нормальным членом общества и жить в нормальных условиях: «Солдатские матери, помогите! Отец Никитин Николай Яковлевич, проживающий в с. Тюменцево по улице Столбовой, 6 кв. 5 получил от своего сына-солдата тревожное письмо: хочу домой, хлопочи в районкомате, заberi меня из этой „чертовой армии“...». Далее в письме изложены предложения, которые, по мнению автора, изменяют ситуацию армейской службы.

Другой тип писем содержит благодарность за помощь, отзывчивость, внимание: «Приятно сознавать, что в такое тяжелое время наши люди сумели сохранить добрые нравственные качества души: благородство, гуманность, память о прошлом, заботу о ближнем. Мне хочется высказать слова сердечной благодарности учителям начальных классов Тюменцевской средней школы и их завучу Сапрыкиной Г. Н. за праздник души, который

они организовали к 8 марта для учителей-пенсионеров, работавших в начальных классах...».

Благодарственные письма характеризуются словесно-фразеологическим однообразием, клише типа «забота о ближнем», «праздник души», «сердечная благодарность», «безупречный труд», «теплое отношение», «люди в белых халатах», «всплеск эмоций и чувств», «теплая беседа», «трудиться на благо людей» и др. Специализированные клише типичны и для фронтовых писем-воспоминаний: «успешно развивая наступление»; «атаки не увенчались успехом»; «принято оперативное решение»; «прицельный огонь»; «занять оборону» и т. д.

Несмотря на имена конкретных событий, названия населенных пунктов боевых действий, из-за временной дистанции, отделяющей эти события от сегодняшнего дня, содержание писем несколько условно. Человеческая память не всегда может удержать детали, важные подробности, настроение участников событий и их отношение к ним, собственную оценку того, что видел, пережил, прочувствовал.

В целом проанализированные письма, разнообразные по тематике и жанру, отражают традиционно сложившуюся трехчастную структуру; на уровнях лексики, синтаксиса — особенности разговорного языка; представляют уникальный материал для дальнейшего исследования.

Литература

1. Кнабе Г. С. Диалектика повседневности // ВФ. 1989. № 5.
2. Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. Наивное письмо: опыт лингвосоциологического чтения. М., 1996.

Л. М. Дмитриева

Тексты воспоминаний старожилов как источник для изучения региональной языковой системы и истории Алтая

Публицистика — это активное отношение к действительности, когда автор не скрывает своей позиции, а выдвигает ее на первый план, не боясь прямых выходов. Еще совсем недавно было справедливо воспевать героику поступков. Но не надо забывать, что высказанная мысль — это тоже поступок. Ставшие уже классическими примеры общественной публицистики — это героика мышления, перерастающая в действие. Каждый человек, особенно личность, на том или ином этапе жизни становится перед выбором: совершить поступок и остаться в истории или рассыпать оставшееся время на «многозначительные» мелочи, принять реальный ход истории или сделать все, чтобы направить историю в нужном ему направлении. И тогда он задает себе вопрос, и каждый пишущий, в зависимости от того, какой он внутри, кто он — находит и ответ, и выход. Панорама исследования истории

чрезвычайно широка: история — это, во-первых, совокупность конкретных исторических фактов; во-вторых, степень осведомленности конкретного человека об этих фактах и его ориентация в исторических событиях. Соотношение истории и личности имеет целью показать, что за разнообразными «ликами культуры и истории» существует реальный человек: человек как общественный деятель, как исторический деятель, как имеющий власть или приближенный к власти, обычный человек с его способностями, потребностями, целями. Общественная, историческая, социальная жизнь людей тесно связана с особенностями конкретного человека, и эта жизнь, в свою очередь, отражается на всей истории региона. Совершенно очевидно, что глубинное изучение истории и культуры возможно только при условии обращения к человеку, поскольку каждый человек является в большей или меньшей степени творцом истории живущей в регионе нации.

Так, мы привыкли говорить, что Барнаул имеет свою специфику, вызванную историей заселения, природными условиями. В то же время личностная история Барнаула как репрезентант региональной культуры и истории изучена еще слабо. В текстах «Воспоминаний жителей Барнаула» (отв. ред. Л. М. Дмитриева) представлены особенности восприятия и осмысления мира жителями Сибирского региона, что дает возможность выявить несущие смысловые компоненты истории, структурирующие фрагменты языкового сознания, определяемые географическими, культурными, социальными условиями жизни. Высказывания, понимаемые нами как языковое отображение когнитивной картины мира, ценны прежде всего своими пояснительными контекстами, информативность которых достаточно высока. Та или иная лексическая единица всегда окружена ассоциативным фоном, несущим информацию об окружающем лингво- и историко-культурном пространстве города.

В устной истории Барнаула, истории повседневности отражаются особенности регионального менталитета и сохраняются фрагменты исторического сознания жителей города. Именно воспоминания старожилов являются той сокровищницей, которая сохраняет региональную историю, язык и культуру в современных условиях. Необходимость фиксации подобного материала совершенно очевидна: бурно развивается жизнь, и с уходом из нее старшего поколения, естественно, забываются исторические факты, памятные места и слова, их обозначающие. Нельзя не считаться с тем, что многие события, сохранившиеся в народной памяти, не зафиксированы ни в каких исторических документах.

Воспоминание, с нашей точки зрения, — это речевое произведение, отражающее особенности восприятия и осмысления жизни (истории, экономики, политики) жителями сибирского города, что дает возможность посмотреть на реальные события, определяемые географическими, культур-

ными, социальными условиями жизни, сквозь проекцию восприятия отдельными людьми, имевшими в свое время самое прямое отношение к формированию этих событий.

В воспоминаниях старожилов, как правило, отражены наиболее значимые составляющие картины мира, наиболее ценные фрагменты пространства и наиболее памятные события, происходившие в городе в XX в. Антропоцентрическое направление науки диктует обращение к подобным материалам, их анализ позволит выявить всесторонние особенности личности и государства. Эти воспоминания отражают и наиболее значимые составляющие языковой картины мира носителей диалекта, и исторические события, быт.

Издание различных воспоминаний сейчас стало очень модным, в том числе издаются диалектные тексты; апробация такого издания осуществлена нами в многотомном сборнике «Барнаул в воспоминаниях старожилов» и вызвала огромный интерес не только у жителей нашего города, но и других регионов, причем многоаспектно: не только в плане языка.

Изучение воспоминаний будущими поколениями позволит понять, как воспринимали и осмысливали мир жители сибирского села, какие географические, культурные, социальные условия жизни их окружали «З'де'сь, и родиґтели з'де'сь. П'ятаму' он н'зываетица Змеинаго'рск, здесь силна' мно'га был'г з'ме'й. И ево' так назва'ли. З'де'сь был' тако'й ле'с, нипраха - ди'мый. З'де сь мно'га дамо'ф састро'ена с э'т'ва ле'су. З'де'сь бы ли озе'ра нивынаси'мая и вот е'во з'вали'ли висно'й. Фсеуда з'де'сь как бало'ть, идёшь, зим'л'я качаица. Я ть ни по'мно. Кагда н'чала'сь к'ликтиза'сыя, кулако'ф поубра'ли и калхо'с ста'ла. Я ф прислу'зах снач'а'ла жы'ла, сирато'й была, он рабо'тл н' прызво'утви, а с'вёкър хади'л ф калхо'с». (Ступак А. Я., г. Змеиногорск). Как видим, в данном тексте зафиксированы все языковые особенности информанта (фонетика, морфология, лексика), а также некоторые исторические факты.

Следует отметить высокую познавательную ценность подобных материалов: они дают возможность узнать много нового о жизни народа в прошлом (а без знания прошлого, как известно, невозможно в полной мере понять и оценить настоящее), почувствовать «дыхание» жизни в начале — середине и конце XX в.

Человек живет во времени, и то, что делает человека полноценным, — это прошлое в широком смысле этого слова. Прошлое — это отрезок времени, о котором знает человек и которое принадлежит ему, это сохраненное и «накопленное» им время, события, предметы, явления, элементы пространства. Образ Барнаула в середине XX в. представляется в воспоминаниях старожилов таким: «Автобус спускался с Горы и у сада делал круг, потом опять поднимался, доезжал до кинотеатра «Алтай» и там поворачивал об-

ратно. Вот и весь его маршрут... Раньше, помню, спускаясь с горы, я видела сплошной деревянный город, состоящий из маленьких домов-опят, не выше трех этажей».

Понятие «прошлое» мы наделяем множеством значений: это и просто время, и старое, и безвозвратно ушедшее и утратившее значение для жизни и дела нечто и т. д. Прошлое сохраняется в настоящем, существует в памяти жителей и их сознании, памяти о событиях, сегментируемых хронологическими символами. Большая трагедия личного плана представлена в воспоминаниях А. Кашириной (Солтонский район): «Ночью всех разбудили, а у меня уже было трое, погодки, старшему еще четырех не было. Мужики – кто куда успел убежать, кого потом поймали и в Нарым сослали, а мужа моего соседи не дали тронуть, встали стеной, детишек расхватили и спрятали. На наших глазах все, что было в доме, абсолютно все увезли неизвестно куда. Дом раскатали по бревнышкам, погрузили и тоже увезли. Даже одежды никакой не разрешили взять, даже для детей. Утром на месте нашего дома уже было пусто и гоняли лошадей, так и стала тут конюшня. В чем мы виноваты, я так в свои 90 лет и не понимаю. Приютили нас соседи, выкопали землянку, кто чем мог, тем и помогли. У самих семеро по лавкам. А ведь тятя мой в колхоз чуть ли не первый пошел. А сыновья потом партийными были, за справедливость. Нет, видно, ее, нет справедливости в России».

Не уходит из памяти старожилы, передается из поколения в поколение воспоминание о пожаре 1917 г. в Барнауле, нанесшем колоссальный ущерб всему будущему развитию города. (Фрагмент рассказа Ф. Лаулина, старожил Барнаула, ныне покойного, публикуется впервые. Полный текст будет опубликован во 2-й части книги «Барнаул в воспоминаниях старожилы». – Л. Д.): «Наступил 1917 год. Я начал делать грабли. У деда рядом с кузницей была теплая мастерская, где он делал деревянные седла, оковывал и сдавал в лавку торгашам. Я привез воз лесу на черешки для граблей. К апрелю я сделал 100 штук и сдал их в лавку купцу Радецкому по 40 коп. за штуку. Пошли с матерью, купили мне пальто, а я уже работал на дробном заводе у Шмурыгина на углу М.-Тобольской и Мостового (сейчас ул. М. Горького). 2 мая работаем, сортировали и полировали дробь, в мастерской было подвешено 9 сит.

И вот с утра начался пожар между улицами Никитинской и Короленко на Соборном переулке. Ветер был сильный, западный, потом переменялся, подул южный. Пожар дошел до 3-й Алтайской, до церковной площади, и сразу налетел северо-западный ветер и погнал вдоль Оби до самой Барнаулки. После обеда хозяин пришел к нам в мастерскую и сказал, что давайте перетаскаем готовую продукцию в каменный склад. Все перетаскали, он снова пришел и говорит, что нужно из дома все вывезти. Дворник запрят

двух лошадей. Нагрузили, что самое ценное, и повезли на Гору, где у него была дроболитейка, свалили все там, хозяйка осталась, а мы снова поехали.

Когда приехали, дом и мастерская горят, хозяин куда-то убежал. Смотрю: в переулке мечутся две женщины с чемоданами, я понужнул лошадь и проскочил к ним, посадил их и выскочил из огня. Отдал лошадь кучеру, он и погнал на Гору, а эти мать с дочкой спросили мою фамилию и где я живу. Мы с другом пошли домой, видим, что из магазинов все вытаскивают, грузят на телеги, и мы начали помогать, ломовые извозчики увозят на Соборную площадь (где сейчас ставят елку). Некоторые наложат воз кожевенного товара и домой. Таких тушильщиков задерживали. Потом везде были патрули.

Мы поднялись на второй этаж Второвского магазина на ул. Л. Толстого. Начали выбрасывать в окна пальто и обувь. С меня сбили шляпу, она улетела вниз. Я увидел – лежат женские гребенки. Я взял две штуки, приколот ими волосы. Когда стали выходить, мне друг говорит: «Смотри, сколько шляп!» Я надел на себя, и мы пошли домой. Было уже темно, пока мы дошли до дому на 5-й Прудской, несколько раз нас останавливали и обыскивали, но у нас ничего не было. Когда сели ужинать, смотрим, приехал отец с фронта, сколько было радости. Он стал спрашивать, отчего сделался пожар. А дедушка ему рассказал, что купчишка Зыков или Быков торговал дегтем и смолой. У него была лавка на базаре, а дома склад на задах, на усадьбе. Он вздумал смолить лодку. Когда разогревал смолу в котле, она вспыхнула, загорелась баня, а потом склад, и пошло дальше, а его дом цел остался.

3 мая мы с другом пошли посмотреть, где что погорело. Дошли до 3-й Алтайской, где стояла церковь. Пожар дошел до площади, ветер переменился на западный и погнал к Оби. Когда дошел до яра, ветер повернул на северо-запад и погнал пожар от 3-й Алтайской до самой Барнаулки. Все было сожжено, даже каменные дома все обвалились, железные балки искорежены, свисали со стен. Когда мы подошли ближе к берегу Оби, увидели то, на что страшно смотреть. Везде лежали обгорелые лошади, коровы и люди. Их собирали и увозили: людей в морг, а скот закапывали на месте. Подняли одну женщину, она вся сверху обгорела, а под ней маленький грудной ребенок, он не обгорел. Вторую женщину подмяли, сверху вся обгорела, а правая рука при падении ушла в песок, только рука осталась не обгоревшая. В руке у ней нашли сторублевую «катеринку». Дальше пошли. Видим, у забора лежит женщина и трое детей в возрасте 4, 7 и 10 лет, они не обгорели, но задохнулись от жары и дыма. И еще одну женщину перевернули, а под ней самовар. Она не сильно обгорела, но правая рука ее была в самоваре. Вероятно, самовар накалился, она его продавила рукой и тут и умерла. А сколько собак, кур и индюков валялось по улицам. А вещей нигде не было, все огонь прибрал. Характерно, что все люди лежали головой к Оби, все

бежали, думали там найти спасение. Но и у Оби спасения не было. Которые спустились к Оби, курались все время. Ветер был такой сильный, что в воде не было спасения. Некоторые садились в лодки, чтобы переехать через Обь, но их переворачивало, и они тонули. Которым удалось в выбраться из пекла, многие сходили с ума, потому что не было ничего: ни денег, ни вещей, ни детей».

Вряд ли какой-либо документ сможет так эмоционально и в то же время точно описать одну из исторических трагедий города. Языковые символы сохраняют прошлое в сознании, даже если оно само не сохраняется в предметной форме, без них невозможна передача действия и предметности от одного времени другому. Яркими являются воспоминания о том, что вся территория, прилегающая к городу, была засажена картофелем: «Картошку сажали везде: по Анатолия, по Партизанской...»; «Трамвай ходил до выемки, где делал разворот — это была конечная. За выемкой сажали картофель даже после войны»; «...Да и там не было города, там вообще ничего не было — поле одно, где картошку сажали. Транспорта еще не было, и я помню, как увозили картошку: клубни укладывали в огромные железные тележки и везли их на себе до самого дома, иногда километров 5–6»; «Дом напротив магазина «Океан», там, где сейчас находится машиностроительный техникум, это был «конец света». Все, дальше была заснеженная, голая-преголая, ровная, как скатерть, белая степь. Летом там сажали картошку, а зимой там было по пояс снега».

Языковые символы — сохранение не только реального прошлого в виде демонстрации принадлежности к какому-либо сообществу, движению, местности, событию и т. д. Например, некоторые городские топонимы сами выступают как символ прошлой жизни, за ними скрывается прошлое в качестве уже несуществующих образов. Самым частотным топонимом, зафиксированным нами в воспоминаниях старожилов, является Дунькина роща. О названии этого места существует много разных легенд, однако ни одна из них не имеет документального подтверждения. На картах города это место обозначается как Городская роща. Для старожилов города Дунькина роща — это: «глыбы песка», «сугробы снега», «высокие сосны», «катание на санках»: «Уже при нас построили памятник Ползунову. А сначала там был песок, Дунькина роща. Ту часть проспекта, на которой сейчас находится Политехнический институт, искусственно вырывали, раньше тут было ровное место»; «Дунькина роща была где библиотека Шишкова — в стороне. Ее название связано с преданием. Она неудачно любила парня и покончила с собой в этой роще. Сейчас там ничего нет, и только старые люди помнят, что была Дунькина роща, потому что для молодых людей это уже история»; «Легенды здесь не очень красивые... А из исторических событий известно, что там в период 17 года происходили некоторые политические события, даже

расстреляны были кто-то из революционеров по пути с юга на восток... Хотя я не очень в это верю, но, возможно, действительно была какая-то несчастная любовь и кто-то завершил там свой жизненный путь. По имени, как называется роща. Ну, вообще это было любимое место отдыха»; «Там, где сейчас горбольница и Политехнический университет, была Дунькина роща. Потом ее, видимо, уничтожили во время войны на дрова, к тому же здесь запроектировали дома, и надо было сносить деревья»; «С Дунькиной рощей я сразу вспоминаю кустарники и огромные глыбы песка»; «В середине города возвышались Красные казармы — военный городок, к нему прилегала обширная сосновая роща (Дунькина роща, как её тогда называли). С другой стороны рощи уже построили городскую больницу, вдали возвышался элеватор»; «Там, где сейчас политехнический институт, была сосновая роща, там были такие толстые высокие сосны. Они сами там росли, их не сажали. А почему эта роща называлась Дунькиной, я не знаю. Во время войны там был песок»; «На месте сегодняшнего политеха была Дунькина роща, очень интересное место, по щиколотку песок. Там сейчас осталась одна-единственная сосна (перед горбольницей) в районе стеклянного продуктового магазинчика. Там раньше была густая сосновая роща, был такой смолистый запах, а дальше был сплошной частный сектор вплоть до Оби. Название — Дунькина — было связано с преданием. ...Видите, политех стоит как бы в низине, а тогда ведь этого котлована не было, видимо, когда строили, его выкопали (вырыли). Это было ровное место, песок, дюны настоящие, и на дюнах росли сосны, очень красивое было местечко»; «Вот эта часть бора была рощей, где отдыхали горожане, потом эта роща была прозвана Дунькиной рощей, после убийства в этой роще дочери городского головы Дуни. К большому сожалению, после Отечественной войны окончательно уничтожили чудную сосновую рощу. Сперва построили хирургическое отделение городской больницы, еще до Отечественной войны, а после войны построили политехнический институт и другие строения. После этой стройки Дунькина роща окончательно исчезла, осталась одинокая сосна, которая как бы напоминает о знаменитой роще. Нужно было, на мой взгляд, убрать все старые строения и не строить новых, подлечить израненную Дунькину рощу, то есть произвести посадку новых деревьев на оголенных местах рощи, возродить рощу для отдыха трудящихся города Барнаула».

Человек имеет будущее в форме целей и планов, которые определяют его настоящее, будущее, определяющие его деятельность: «Жить бы и жить, современная молодежь должна любить свой город и ценить его», — отмечают старожилы. Именно из прошлого черпает человек свои способы и цели, которые формируют и даже определяют будущее. Настоящее, вычеркивающее прошлое, включает в себя хаос, причем в той же мере, в какой теряется прошлое. Если человек создает нечто, что относит к творчест-

ву будущего, то достигает он этого, мобилизуя, оживляя весь свой опыт, знания и ценности, унаследованные от прошлого. Прошлое мстит тем, кто разрушает его, необходимо сохранять все ценное, что у нас было, и передавать его потомкам.

Подводя итог сказанному, повторимся, что в настоящее время публикации, отразившие живую устную историю региона, существуют в весьма небольшом количестве, поэтому издания такого характера необходимы во всех видах. Желательно только, чтобы они были записаны у самих старожилов, а не по памяти у родственников или из уже существующих письменных источников.

Н. А. Моторина

Речевой портрет автора устного текста

В последние годы исследователей все больше интересует проблема языковой (и речевой) личности, ее типология и отражение индивидуальных особенностей автора текста в создаваемом им творении.

С профессиональной точки зрения и в личных интересах нами были рассмотрены синтаксические особенности предоставленных текстов, в частности один из признаков текста — его связность. Связность (наряду с цельностью) — это основной конструктивный признак текста, отражающий его содержательную и структурную сущность. Несвязных текстов не существует: потеря связности разрушает текст. Отсутствие связности является одним из показателей некоторых тяжелых болезней, например шизофрении и т. п. Кроме того, связность текста может быть искусственно разрушена, например, в художественном произведении, в этом случае отсутствие связности текста выступает в роли стилистического приема.

Связность текста выступает как результат взаимодействия нескольких факторов: логики изложения; особой организации языковых средств; коммуникативной направленности; композиционной структуры; и, наконец, самого содержания текста, его смысла. Связность заключается в сцеплении элементов текста между собой, причем элементов, следующих в тексте не только друг за другом, но и на некоторой дистанции. Типологические особенности этого признака текста, на наш взгляд, напрямую связаны с особенностями языковой личности, создающей текст, что позволяет рассматривать связность текста как один из параметров описания языковой личности его автора.

Что может стоять за связностью? Интеллектуальные способности, психические, ментальные особенности, природное качество языковой способности личности и т. п. Если историк избирает метод сбора информации, который ограничивает биографа определенными рамками (темой, датой, на-

водящими вопросами), то знание категории связности и специфики проявления данного (важнейшего) признака текста поможет интервьюеру контурно определить тип речевой личности рассказчика и позволит вступить в разговор с интервьюируемым на его языке. Нужно помнить, что качество и количество собранного материала зависит от интервьюера, от его умения задать вовремя нужный и понятный собеседнику вопрос, который подтолкнет биографа к дальнейшему подробному рассказу.

На материале трех имеющихся затранскрибированных текстов нами выделено два типа речевой личности. У первого типа личности преобладает ассоциативное мышление. Начав отвечать на заданный вопрос, такой тип рассказчика увлекается воспоминаниями и может уйти от сути события далеко в сторону (*«И жили с им [мужем], они [дети] приезжали, все помогли, все делали. В потом, в конце концов, он вот в 96-м году умер. Осталась я одна. Дети... живут. Я вот сейчас одна проживаю, пенсионерка. А до этого, когда маму-то схоронила, я, я ее схоронила в 47-м году, то жили очень плохо. Кушали мы бобы и брюкву...»*), то есть происходит совмещение временных пластов, хронология событий рассказчика не совпадает с реальной, постоянно переходит от одного времени воспоминаний к другому, следуя собственной логике. При этом упоминается множество деталей (*«Есть было нечего. Мать говорит, чтобы я брал отцовские выходные сапоги и шел на базар. Сапоги поменял на картошку. Мне дали 40 ведер крупной картошки и 5 ведер мелкой...»*), а реальные события смешиваются с когда-либо услышанными слухами, домыслами и т. п. (*«Как познакомились? Ну, как познакомились? Я его сильно не знаю, я жила там, вон на горе, а он здесь жил. Ну, не здесь жил, а за стенкой жил. Говорят, убили потом этого»*). Это тип «художника», или, скорее, «акына», которому важен сам процесс рассказывания. Наводящий вопрос может вернуть такого биографа к первоначальной теме, но он вновь увлечется новыми деталями и подробностями. Зато такой тип личности очень контактен, он стремится сам непосредственно участвовать в разговоре, часто обращается к собеседнику с вопросами, чтобы видеть его заинтересованность (*«А че, пойду... нарву, в яму спущу мешок, положе, чтобы он пока до среды не завял, и на горбушке и в Сорокину. Знаете Сорокину?»*; *«Если десятка в доме есть, дак это же богатый человек, если десятка в доме, а на десятку мало ли наберешь. Вот. А сейчас, и десятка-то. Две булки хлеба возьмешь по 4 рубля. У вас по 4, нет? Хлеб?»*).

Рассказчик этого типа можно быстро вывести на интересующую интервьюера тему, достаточно проявить интерес к определенному событию. Собеседник такому рассказчику нужен, как актеру, разучивающему роль, необходим человек, который подавал бы ему реплики (*«В общем, тяжкую жизнь всю пережила. И кормила я и ухаживала за братом. Так что моя*

жизнь очень сложная и тяжелая. Ну, еще чего вам рассказать?»). Как правило, этот тип личности внимателен к мимике и выражению лица собеседника, и он может даже предугадывать вопросы интервьюера. Если такой рассказчик не ограничивается темой или наводящими вопросами (иногда они могут раздражать его, но чаще воспринимаются как повод поговорить о чем-либо интересном для него самого), то историку достаточно участвовать в диалоге, невербально подтверждая свою заинтересованность.

Второй тип речевой личности условно назван нами «логиком». Такому рассказчику довольно трудно вести длинный монологический рассказ, на вопрос он отвечает обычно коротко и по существу («*И сколько Вы там прожили?*» — «*31–32 года с сентября*»; «*А отношение там к русским?*» — «*Нормальное отношение*»; «*А кем Вы там работали?*» — «*В детском саду*»), прежде чем ответить на вопрос, предпочитает сам уточнить, правильно ли он понял, что от него хотят услышать (Например, вопрос: «*Какие там были элементы, казавшиеся Вам нерусскими?*» уточняется интервьюируемым: «*На свадьбе?*»; «*А чисто татарские обычаи?*» также следует уточнение: «*Т. е. отличия от мусульман?*»; «*А отношения в семье у них?*» переспрашивает: «*Между собой?*»). Даже если при ответе биограф увлекается деталями и немного уходит в сторону, он всегда помнит об интересующем интервьюера предмете и возвращается к нему (например, при ответе на вопрос «*А отец и мать у него татары?*» следует развернутый ответ, но респондент вновь возвращается к первоначальной теме: «*Нет, у него мать татарка, а отец — русский. Они тоже сами переехали, они были татары, высланные из Крыма. Во время войны были они, по-моему, высланы в Пермскую область, Усть-Косинский район: Ну, мать у него чисто татарка, конечно, настоящая...*»). Создается впечатление, что интервьюируемый держит в голове логику рассказа, в отличие от «художника». С таким типом сложнее работать. У интервьюера всегда должен быть наготове очередной наводящий вопрос. Если удастся эмоционально «зажечь» личность подобного типа, то можно получить довольно объемный связный ответ.

Во время анализа данного материала нами была замечена любопытная особенность. Оказалось, что для первого типа речевой личности («художника» или «акына») не важен уровень языковой компетенции. Такой респондент в состоянии вести длительный монолог с подробным описанием, детализацией и т. п., независимо от уровня его образования и степени владения языковыми средствами. Для второго же типа языковая компетенция очень важна. Если языковой уровень интервьюируемого невысок, то ему очень сложно вести длительный рассказ. Он отвечает на вопрос четко, конкретно и даже отрывисто. Но если степень языковой компетенции повышается, то повышается и способность связного повествования.

Таким образом, на основе анализа категории связности текста нами выделены два типа речевой личности. Если специалист по устной истории, собирая материал для исследования, ставит целью вывести респондента на непосредственную монологическую речь и не ограничивает определенными рамками, то тогда рекомендуется работать с типом «художника», поскольку именно этот тип способен легко контактировать с интервьюером, выстраивать длительную речь, увлекаться деталями и подробностями. Рассказ же речевой личности второго типа будет полностью подчинен логике интервьюера, поскольку респондент будет следовать за вопросами собеседника, и говорить в таком случае о субъективном повествовании биографа не приходится.

С. В. Сарапулова

Праздничная культура сельских жителей Среднего и Нижнего Приангарья

Советский народ, перенесший тяготы военного лихолетья (1941–1945 гг.) надеялся на быстрое преодоление временных трудностей, связанных с восстановлением народного хозяйства страны, однако ежедневное решение насущных проблем, зачастую физиологического выживания не значит, что люди жили, погруженные только в эти проблемы, и не умели радоваться жизни. В современной исследовательской практике тематика праздничной культуры интересна для рассмотрения сквозь призму семьи, местного сообщества и государства. В этом контексте заслуживает внимания проблема места и роли отдельных исторических общностей, изучение своеобразия культурного облика отдельных групп сибирского населения. Наша публикация основана на материалах экспедиций лаборатории гуманитарных исследований Братского государственного университета. Следует отметить, что многих деревень Среднего Приангарья уже не существует, они попали в зону затопления Братской и Усть-Илимской ГЭС, а в настоящее время идет переселение жителей сел Нижнего Приангарья, попадающих в зону затопления Богучанской ГЭС. Хозяйственное освоение региона, миграционные процессы, естественная убыль населения, безусловно, оказали влияние на состояние информационной среды. Наибольшее количество интервьюеров родились в 1930-е гг., более старшее поколение крайне мало численно. Опрошенные жители Среднего Приангарья в данный момент проживают преимущественно в городах, где их культурные традиции относительно востребованы.

В работе использованы данные Государственного архива новейшей истории Иркутской области, архивного отдела Кежемской районной администрации Красноярского края. Исследованные архивные документы показы-

вают, что социально-культурная политика в качестве самостоятельного направления в деятельности органов власти не рассматривалась, и зачастую информация по данному направлению шла в контексте решения хозяйственных вопросов.

В нашем исследовании понятие «„праздник“» рассматривается как символическое выражение коллективной солидарности, единения с той или иной общностью (сообществом)... игровой „реставрацией“ подобной общности. Это предполагает, во-первых, совместное, хотя бы условно, проведение некоего времени в одном пространстве, как правило, особо выделенном именно для праздника... во-вторых — исключительность происходящего и, вместе с тем, в-третьих, его регулярность, институционализированную, более того — жестко предписанную форму» [8, с. 131–132].

Сообщение об окончании войны, возвращение с фронта родных и близких были одними из первых праздников, которых были лишены люди долгие военные годы. М. А. Рукосуева вспоминает, что в деревне Бидея 9 мая 1945 г. все взрослое население занималось пахотой на дальних заимках; узнав о Победе, распрягли коней, украсили гривы цветами и поехали домой, в этот день никто не работал, все радовались, обнимались, плакали и смеялись [4, д. 1.]. Особым событием для всей деревни было возвращение фронтовиков. И. М. Московских (д. Московская, Средняя Ангара) рассказывает, о том, что в дом, куда вернулся солдат, приходили все, «...в 1945–1946 гг. жили очень бедно, одна картошка и была, ею и встречали, не до гулянок было», только к 1947 году стали праздники отмечать, собираться. [5, д. 1]. В деревне Яркино Кежемского района Красноярского края «9 мая перед сельсоветом ставили большие столы, все несли, у кого что было... Фронтовики рассказывали о войне, я была маленькой, но до сих пор помню их рассказы...Каждый год баба Сюна (Ксения) сочиняла стихи к Дню Победы... Все на 9 Мая приходили на бугорок, откуда наших мужиков увозили на войну, многие не вернулись...» (М. И. Кулакова [4, д. 1]). Подобные традиции, посвященные Дню Победы, мы встречаем в большинстве обследуемых деревень Нижнего Приангарья, однако у респондентов Среднего Приангарья сведений о коллективном торжестве всей деревни мы не обнаруживаем.

В некоторых селах появляются традиции проведения митингов и торжественных собраний в честь празднования 1 Мая, 7 Ноября. Н. В. Дубровин сообщает, что демонстрации проходили на 1 Мая у райкома партии в селе Братское. «Однажды, когда я учился в выпускном классе, за отличную учебу и активную работу в комсомоле мне доверили держать знамя. Это было большой честью» [6, д. 1]. Изучение фотографии, сделанной 1 Мая 1949 г. в с. Братское, позволяет «не только воспроизвести внешний вид человека, но и более наглядно представить образ той эпохи, которой он принадлежит:

мелочи быта, одежду, настроение, дух времени» [9, с. 2]. Внимание фотографа привлекло построение колонны демонстрантов для проведения торжества. Можно увидеть небольшую площадку, являющуюся одной из улиц села; дома разделяет грунтовая дорога, деревянное одноэтажное здание государственного учреждения украшено флагами и лозунгами. Фотография сделана с возвышения: вероятно, фотограф находился на трибуне для выступающих. Собравшиеся люди ожидают начала торжества, они разбиты на группы и построились в форме квадрата. Некоторые взрослые ведут неспешную беседу. Одеты празднично: мужчины и учащиеся старших классов в костюмах, женщины в одной из колонн в легких пальто, некоторые в шляпках. Колонна школьников построена в соответствии с возрастом учащихся, впереди стоят пионеры, в руках они держат украшенные хвойными веточками и самодельными бумажными цветами портреты Ленина, Сталина. На мальчиках – костюмчики и кепки. Наряды стоящих впереди девочек очень различаются; можно предположить, что в первом ряду обычно находились отличники учебы. Одна из четырех пионерок одета крайне бедно, что особенно бросается в глаза на фоне ее нарядных подруг: на ней темная, вероятно, перешитая мамой кофточка, цветная ситцевая юбка, на голове темная косынка, от объектива фотокамеры она прикрывает лицо древком флажка, другие же ребята реагируют на фотографа более позитивно. Некоторые из женщин привели с собой детей дошкольного возраста, немного поодаль от демонстрантов стоит молодая супружеская пара, мужчина держит на руках грудного ребенка, они не принимают участие в происходящем, но одеты празднично и внимательно наблюдают за действиями других.

Безусловно, реквизит, необходимый для демонстрации 1 Мая, был изготовлен в соответствии с государственными требованиями и, вероятно, государственными или партийными организациями района, творческое начало в оформлении можно наблюдать в колонне школьников (самодельные цветы, хвойные веточки). Отметим наличие праздничной одежды, лучшей из имеющейся, что является одним из обязательных реквизитов праздника, готовности индивида к восприятию происходящего и участию в нем. Строгая нарядная одежда, лишенная ярких красок и значительно отличающаяся от повседневной крестьянской одежды, является подтверждением торжественности и официальности происходящего, готовности каждого участника, от ребенка до взрослого, соответствовать событию: не выделяться простотой наряда, по возможности скрыть ветхость обуви и платья. В приангарской деревне, как и во всей стране, происходит постепенное возвращение к довоенному быту, на смену военной форме приходит костюм, уделяется внимание одежде, прическам, моде и вкусу. Первомайская демонстрация была одним из способов коллективного самоотжествления рефе-

рентной общности (в данном случае жителей села Братское, в то время бывшего районным центром) с государством. Однако в большинстве деревень Среднего и Нижнего Приангарья в указанный период демонстрации не проводились, официальные праздничные мероприятия ограничивались торжественным собранием в клубе, иногда лекцией приезжего инструктора райкома партии, зачастую концертом местной художественной самодеятельности. Устные воспоминания свидетельствуют, что другие общегосударственные праздники: 8 марта, 23 февраля, День Конституции – в послевоенный период не являлись сколько-нибудь значимыми для жителей ангарских деревень и получили признание позже.

Имеет смысл обратить внимание на то, что большинство советских праздников являлись коммеморациями, т. е. празднованием исторических событий, направленным на формирование массовых представлений о прошлом [10, л. 13]. Отметим, что в силу удаленности и труднодоступности исследуемого региона особую роль в коммеморативном процессе должны были сыграть доступные сельским жителям средства массовой информации: кино, радио, книги, газеты и журналы. Однако опрошенные респонденты с трудом вспоминают названия просмотренных кинолент тех лет, не могут сказать, где и когда видели послевоенные фильмы. Сельские жители Нижнего Приангарья вспоминают, что и после войны показывали черно-белые, немые кинофильмы. Судя по протоколам заседаний Братского райкома партии, вопросы культурно-массовой работы рассматривались в свете борьбы за урожай, однако в выступлениях председателей колхозов встречаются эмоциональные доклады о невнимательности властей к формированию культуры на селе. Один из председателей колхоза на заседании (1949 г.) с горечью говорил: «Работники кинофикации – и те говорят, что не поедем в тайгу мошек кормить» [1, л. 106]. Больше внимание идеологическому влиянию кино на население уделялось Иркутским обкомом партии, но представители партийной номенклатуры обычно ограничивались заслушиванием отчетов о выполненной работе; конкретные меры по устранению недостатков не упоминаются: «Ряд районов систематически не выполняют план по обслуживанию зрителя...Братский из месяца в месяц не обслуживают до 20 населенных пунктов...А в Н.-Илимском районе колхозы, которые находятся на реке Илим, уже второй год не обслуживаются кино»; «Совершенно не используется в массово-политической работе радио, кино, работа вокруг газетного материала...Об этом свидетельствуют такие цифры: на село Долоново, Долгий луг, Б.-Окинск идет по 1 экземпляру газеты „Советская молодежь“, а Ник-завод не идет ни одного экземпляра, более того, много подписанных номеров отпадает с полугодия» [6, л. 144]; «У нас же только в двух селах: Шаманово и Красном Яре – построены радиопузлы, и то в последнем он не работает» [2, л. 32]. Вопросы праздничного досуга кре-

стьянского населения руководство страны интересовали лишь в контексте идеологической работы с массами и как часть социальной политики в деревни.

Что касается празднования Нового года, то можно обратить внимание на восприятие ангарцами этого события как времени подведения итогов работы колхозников. В конце декабря в деревнях проходили общие собрания, на которых с колхозниками рассчитывались по заработанным трудодням. Как правило, официальная часть заканчивалась общим застольем, которое иногда оплачивалось за счет колхоза. Массовых праздничных мероприятий, свойственных городской субкультуре, в деревнях не проводилось. Напомним, что ритуалы празднования Нового года возвращаются в советский обиход с конца 1935 г.

Ангарским старожилам наиболее памятно празднование Рождества Христова; этот религиозный праздник в приангарских деревнях был наиболее популярен и имел наиболее древние традиции и атрибуты среди всех возрастных категорий крестьян. Постепенно, как и ранее в городах, в праздничной культуре сельских жителей сначала устанавливаются ритуалы празднования Нового года для детей. В школе наряжали елку, украшения делали сами ученики, детям вручали подарки. «Каждый колхоз Прокопьевского сельского совета выделил по 500 рублей деньгами, а рабочие и служащие — однодневный заработок. На эти средства детям куплены новогодние подарки» [3, л. 1]. В большинстве семей в послевоенное время елки не ставились, и особых традиций, кроме праздничной еды, респонденты не отмечают.

Основная масса «гулянок» приходилась на окончание тех или иных видов сельскохозяйственных работ, к которым приурочивались семейные торжества (дни рождения, свадьбы). Так, в деревне Московская Братского района Иркутской области одним из самых «отмечаемых» праздников была «годовщина» — окончание сева. Интересно, что в Нижнем Приангарье подобный праздник не встречается, а воспоминания об истории этого события у интервьюеров расходятся: «наверно, наш колхоз образовался тогда», «всегда его отмечали, еще деды». Распространена была «годовщина» не на всей Средней Ангаре — только там, «где колхозы побогаче были». А. В. Московских рассказывает: «На общем собрании колхоза определяли, сколько дней выходных, в какие из них собирается молодежь, «старики». Решали вопросы о месте проведения (клуб, школа), кто какие блюда готовит на общий стол, наиболее искусным хозяйкам доверялось приготовление пива (одного из популярных напитков Среднего Приангарья)» [5, д. 1]. Интересно, что протоколы с подобной тематикой собраний в архивных документах не встречаются, и этот социальный феномен описывают бывшие жители д. Московская.

Традиции праздничной культуры оставались неизменными на протяжении длительного времени в деревнях Среднего Приангарья вплоть до момента затопления, а на Нижней Ангаре — до перестроечного времени. По воспоминаниям Н. В. Рукосуева, в д. Яркино было пять «кумпаний», во время «гулянки» танцы под гармонь продолжались до тех пор, пока все не перепляшут друг с другом по нескольку раз [4, д. 1]. «Гостьба по праздникам было важнейшим развлечением для всех деревенских жителей, в особенности для людей среднего и старшего возраста. Большие праздники в пределах деревни праздновались по очереди во всех домах». Такой «обход» домов длился, по свидетельству И. И. Исакова, «почти до середины ночи» [7, д. 1]. Готовясь к празднику, каждая хозяйка за неделю и более начинает белить дом, «выгоняет» бражку, стряпает пироги: сладкие, рыбные, мясные. Заметим, что семейные праздники, не выпадающие на окончание полевых работ, зачастую не отмечались или переносились на другое время, а дни рождения детей отмечались в семьях крайне редко. Во время присутствия гостей в доме дети к общему столу не подходили и не участвовали в праздничном действе.

Религиозные праздники, отмечаемые в деревнях послевоенного периода (Пасха, Масленица, Рождество, Троица и некоторые другие), памятны в основном приготовлением и употреблением обрядовой пищи, поводом для взрослых собраться вместе, традиционными массовыми играми. Одним из наиболее любимых развлечений молодежи были рождественские гадания. С особой теплотой старожилы деревни Бурнино (Средняя Ангара) вспоминали хождение ряжеными на Святки и ворожбу (гадания с зеркалом на перекрестке, девушки на выданье бросали валенок за ворота и т. д.). Посещение домов ряжеными было событием праздничного досуга во время Святки. Валентина Михайловна Володина так описывает поведение ряженых на Святки: «...человек 5–7, „ряженые“, уже у ворот колядовали, а потом входили в горницу и начали петь и плясать под гармошку. Кончив одну пляску, хозяин дома угощал их разными закусками, но они большей частью не ели, а складывали в свои карманы». «Молодые девушки переодеваются в мужские платья, а парни — в женские, а то наряжаются цыганами, бродягами...» [7, д. 1].

Еще более популярным народным праздником была Масленица. Катались на лошадях в санях, молодежь упражнялась в верховой езде. Горы устранивали вдоль реки Ангары. Катались практически все без исключения.

Перед Пасхой Великий пост иногда соблюдали лишь старушки, которые свое отношение к религии явно не демонстрировали, однако общественные увеселения запрещались стариками деревни, и эти запреты строго соблюдались. В то же время Пасху праздновали в течение недели. Все доставали самую нарядную и новую одежду и веселились. Характерной чертой

праздничной одежды, кроме верхней, является универсальность — ее носят во все сезоны. Для праздничной одежды предпочитались яркие тона, особенно популярна была у ангарцев красно-розовая гамма. Праздничный костюм дополнял шелковый или кашемировый платок.

Одной из любимых пасхальных забав в деревне Бурнино было катание яиц. Яйца катали с бугорка или делали специальные лотки. Другая пасхальная игра, распространенная в то время, называлась «биться яйцами» [7, д.1]. К числу забав, которые начинались с Пасхи в деревне, старожилы относили городки, лапту. В этих играх участвовали молодежь и люди среднего возраста. К развлечениям относились хороводы, круговые песни, подвижные игры. По рассказу Е. М. Слободчиковой, они детьми в деревне Проспихино на Троицу наряжали березки во дворах; в чем значение данного обряда, бабушка, у которой они воспитывались вместе с сестрой, им никогда не объясняла [4, д. 1].

Любое проявление религиозности вызывало тревогу в партийных и комсомольских организациях: «...Процветают посиделки, куда молодежь должна собираться за отсутствием клуба и где долгой зимней ночью люди нагоняют друг на друга тихий ужас бреднями о чертях и колдунах, которые якобы проживают в окрестностях деревни Антоново» [2, л. 49–50]. В то же время в архивных документах не встречается осуждения народных гуляний, традиционных игрищ по поводу церковных праздников; председатели сельских советов, руководители парторганизаций проживающие в селе сами являлись участниками, а иногда и организаторами коллективных праздников. Интересен рассказ И. М. Московских: «На Рождество из райкома партии прислали за нашим председателем, прошлись по дворам, проверяли, нет ли самогона, а если находили, то выливали. Всю ночь председателя не было, нам уже не до праздника, решили, что его арестовали. А на следующий день его вместе с другими председателями колхозов выпустили, чуть партбилет не забрали за то, что в деревне Рождество собирались отмечать. Со следующего года уже боялись Рождество отмечать, думали арестуют, так и прекратили его праздновать» [5, д. 1]. Это свидетельство заставляет нас обратиться к поиску архивных документов, объясняющих действие районной парторганизации. Во второй половине 1940-х гг. в деревнях Приангарья обрядовые, православные традиции праздников постепенно утрачиваются.

Таким образом, в послевоенной (1945–1953 гг.) деревенской повседневности появляются новые и видоизменяются старые традиции праздничной культуры. Устные воспоминания в совокупности с архивными документами свидетельствуют о том, насколько непростым был процесс трансформации культурных традиций, какие факторы были значимыми для ангарцев в принятии новых праздничных обрядов. Обратим внимание на влияние

географического положения региона, значительно удаленного от городов, как центров советской праздничной культуры, что нашло отражение в принятии только тех праздников, которые вписывались в сложившиеся ментальные нормы и ритм повседневного крестьянского быта. Наше исследование позволяет указать на два таких праздника: 7 Ноября и 1 Мая, которые невольно оказались связаны с традиционным циклом сельскохозяйственных работ: в первом случае — забой скота на зиму, во втором — начало пахоты. Устные свидетельства показывают, что идеологическая окраска данных коммемораций была крайне незначительна.

В силу замкнутости сельского сообщества Средней и Нижней Ангары религиозные праздники долго не утрачивают свое обрядовое значение (несмотря на атеистическую пропаганду), но и в них постепенно на первый план выходят светские традиции, связанные с православными торжествами. Однако постепенно на смену религиозным и семейным праздникам и обрядам приходят новые — советские. Происходит повышение значимости общегосударственных праздников, формируются традиции их празднования. Особо имеет смысл отметить День Победы — один из первых советских праздников, который получил не только общую идеологическую значимость, но и широкое индивидуальное признание и соединил значения общегосударственного и семейного, поскольку с ним были связаны личные воспоминания каждого о перенесенных тяготах, личном горе.

Значение микроисторического анализа, который стал возможен благодаря широкому привлечению устных источников, в том, что он позволил проследить, какие традиции сельского сообщества и почему были и остаются значимыми для старожильческого населения и их потомков. Более того, исследователь избавляется от унифицированного подхода в оценке такого социального феномена, как праздничная культура.

Литература и источники

1. ГАИНИО. Ф. 185, оп. 9, д. 308.
2. ГАИНИО. Ф. 31, оп. 5, д. 7.
3. Архивный отдел Кежемской районной администрации Красноярского края Ф. Р-11, оп. 1, д. 21; Газета «Колхозник», 1949 г.
4. Архив НИЛ Ги ГОУ ВПО «БрГУ». Ф. 1, оп. 1 Ангарская деревня. Нижняя Ангара, оп. 1. Материалы историко-этнографической экспедиции в зону затопления Богучанской ГЭС (2005 г.).
5. Архив НИЛ Ги ГОУ ВПО «БрГУ». Ф. 2, оп. 1 — Ангарская деревня. Средняя Ангара.
6. Архив НИЛ Ги ГОУ ВПО «БрГУ». Ф. 2, оп. 2 — Ангарская деревня. Средняя Ангара.
7. Архив НИЛ Ги ГОУ ВПО «БрГУ». Ф. 2, оп. 5 — Ангарская деревня. Средняя Ангара.
8. Дубровин Б. Объять обыкновенное: Повседневность как текст по-американски и по-русски // Материалы VI Фулбрайтовской гуманитарной летней школы / Под ред. Т. Д. Венедиктовой. М. : Изд-во МГУ, 2004. 260 с.

9. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации // Препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 52 с.
10. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 113 с.

С. А. Соловьева

Из истории заречной части г. Бийска (по материалам полевых исследований 2004 г.)

При исследовании современного города в настоящее время все чаще используются различные методы исследования данного явления для создания его общей картины. Среди исторических исследований г. Бийска следует отметить краеведческие работы последних десятилетий, принадлежащие Б. Х. Кадикову, Э. П. Шмойлову, С. Ю. Исупову, В. Н. Шипилову, Л. А. Мальцеву и др., которые рассматривали вопросы возникновения города, развития городской структуры, особенности формирования отдельных социальных групп населения как в дореволюционный, так и в советский период. В последние годы проводится работа по фиксированию устной истории в некоторых районах Бийска. В рамках устной истории большое место занимают вопросы идентификации человека в истории, представление истории города через мировоззрение его рядовых жителей. По словам Т. К. Щегловой, «устная история позволяет через анализ интерпретации респондентом прошлой жизни исследовать менталитет, мировоззрение, жизненные установки народа как этнического сообщества» [4, с. 257]. В соответствии с методами устной истории сохраняются свидетельства непосредственных участников исторических событий, «маленьких людей», которые в официальных источниках фигурируют только в качестве статистических единиц, а часто и вообще забыты.

Автор данного материала принимала участие в работе по исследованию истории Заречья (левобережья г. Бийска) в 2004 г. В ходе работы были использованы устные методы: интервью и опрос преимущественно старожилов данного района, а также классические методы фиксации памятников материальной культуры. Устные источники работы носят меморатный характер и представляют собой воспоминания очевидцев или участников недавнего прошлого района.

Район Заречья является одним из старейших районов Бийска. В работе В. Штейнфельда отмечено, что «до 1901 г. заречная часть принадлежала Кабинету и жители ее строили свои дома на арендованных у них участках, после указа 27 января 1901 г. вся эта земля, как выгонная, отошла в собственность города и бывшие Кабинетские арендаторы очутились на городских землях»; он пишет также, что заречная часть, как удаленная от города, носит название «Амур» [3, с. 25]. Много позднее в своей публикации о зареч-

ной части в 1972 г. краевед Л. А. Мальцев относит к «Амуру» только восточную часть левобережья города [1, с. 3].

По материалам многих исследователей, активное хозяйственное и промышленное освоение левобережья г. Бийска началось во второй половине XIX в., с ним связано и начало жилой застройки этого района. С конца XIX в. Заречье было известно как дачная зона отдыха бийского купечества. Позднее активный рост населения города был связан с развитием промышленности во второй половине XX в., и ускоряющиеся процессы урбанизации впоследствии привели к тому, что этнический и социальный состав городского населения стал более сложным. В воспоминаниях старожилов района существуют названия некоторых частей заречной части: «Кожзавод», «Воробьевка», «Кабинет», «Покровка», «Татарский край», «Амур», «Текстилка» и др. До настоящего времени сохраняется строгое территориальное разделение заречной части и самоопределение по месту проживания (например, «мы – из Кабинета, а кожзаводские – они дальше»).

Описанный ранее район «Амур», в настоящее время, по словам респондентов, обрел территориальные границы на восточной части – улицы Андреевская, Лермонтовская, Пушкинская, Садовая, и, следовательно, «сузился» с начала XX в. Название района сохранилось до настоящего времени, по-видимому, имеет древнее происхождение и связано с более ранней историей заселения данной территории.

Район Кожзавода оформился в начале XX в. в западной части Заречья на берегу реки Бии и связан с организацией кожевенного производства. Как отмечают респонденты, до середины 1950-х гг. все жилые постройки поселка представляли собой невысокие «землянки», верхняя часть которых была сложена из пластов земли, на месте которых затем построены небольшие срубные дома. До второй половины 1950-х гг. располагался в границах улицы Кожзаводская, Дубильная, Раздольная.

Район «Воробьевка» развился в начале XX в. вокруг небольшого кожзавода в западной части Заречья, организованного зажиточным крестьянином Воробьевым между районами «Кабинета» и «Кожзавода» на берегу Бии. В настоящее время на его месте находится современный коттеджный поселок.

«Кабинет» располагается на западной стороне заречной части города, его граница проходит по пер. Межевому, название которого происходит от старой границы арендных земель. На его месте в начале XX в. находился кожевенный завод наследников купчихи Морозовой – одно из крупнейших промышленных заведений города. Вокруг сложился небольшой жилой поселок, заселенный рабочими этого предприятия. В настоящее время на его месте существуют промышленные предприятия, хотя старожилы прежде всего связывают «Кабинет» с именем Морозовых и деятельностью «Механлита».

Одним из значительных районов в восточной части являлась «Покровка», название связано с возведением деревянной Покровской церкви в конце XIX в. Впоследствии он долгое время считался неофициальным центром левобережной части города.

Ярким событием в воспоминаниях многих респондентов явилось разрушение Покровской церкви в 1961 г. Многие с сожалением вспоминают о ней, рефлексируют о ее деятельности, при этом интерпретации разнообразны: «Церковь Покровскую в 60-м году убрали, она была небольшая, но красивая, кругом могилами окружена. Дом священника рядом стоял. Последний священник — отец Михаил. Работал в последние годы до разрушения церкви на заводе Механлите» (Записано от Грошевой С. П., 1923 г. р.), «Церковь ломали, обшивку сняли, она вся целенькая, даже не изменился цвет древесины, желтая-желтая. Потом ее разобрали. Сделали какой-то пристрой к шестой школе. Была срублена из лиственницы, обшита. Объясняли, что ветхое строение», «Покровская церковь большая была. Бульдозером разбирали. Иконы свозили в ремзавод. Потом сожгли» (Записано от Казариной С. И., 1932 г. р.) «Церковь такая прочная была, трактором не сломать. Быстро убрали за одну ночь. Жалко было, до сих пор жалеем, народу много ходило» (записано от Мизгиревой Р. И., 1940 г. р.)

Название «Татарский край» связано с местом компактного проживания поволжских татар, заселявших данный район в конце XIX — начале XX вв., в границах улиц Центральная, Амурская, Лермонтова и Московская. В настоящее время идет размывание населения данного локуса, изменение границ, представители татарского этноса проживают в разных частях города.

Развитие района «Текстилки» связано с возникновением льнопрядильной фабрики Бородиных в начале XX в. на восточной стороне, вокруг которого оформился поселок работников. Территория «Текстилки» слилась с другими жилыми районами только во второй половине XX в. Старожилы говорили, что ранее район окружал густой лес, ходить через который было довольно опасно.

Очевидно, что у каждого из районов своя история, связанная с конкретными событиями, определенными группами населения, заселяющих город. Эти группы могут быть дифференцированы как по социальным, так и по этническим признакам.

Респонденты вспоминали о представителях определенных этнических и социальных групп, которые проживали в доминирующей этнокультурной среде (среди русских) — о высланных немцах из Поволжья в начале Великой Отечественной войны, многих монахинях из расформированного в 1929 г. Тихвинского монастыря, который располагался недалеко от г. Бийска. Монахини проживали в 1930–1950-е гг. на старых улицах Заречья (ул. Горького, Гражданская, Амурская и др.). В целом формирование данного го-

родского района происходило хронологически неравномерно. По словам старожилов, наиболее старые части улиц Заречья сформировались в начале XX в. в районе современной ул. Шишкова (по обе стороны от Коммунального моста) и впоследствии расширились в противоположных направлениях — на восток и запад вдоль берега реки. Более близкие к реке улицы Речные (первая, вторая, третья, четвертая, пятая) были застроены уже в 1950-е гг., так называемыми «самозастройщиками».

В целом все отмечают активный рост населения в 1950–1960 гг., когда произошли значительные изменения в структуре района, упорядочивание и уплотнение застройки улиц, а также в домовом строительстве. «Здесь начинался лес, в огороде сосны, березы росли. Мало домов было, маленькое население было. После войны все расстроилось и народу стало много. На улице всякие домики были. Раньше заборов не было, сейчас закрываем» (Записано от Грошевой С. П., 1923 г. р.).

Материалы о заречной части Бийска показывают в целом промышленный характер освоения этого района в конце XIX — начале XX вв. Закономерно, что исследование данного района оказалось связанным с историей других частей города. Одновременно с застройкой формировалась и топонимическая система района, которая оказалась достаточно устойчивой во времени.

Литература и источники

1. Мальцев Л. «Амур» // Бийский рабочий. 1972. 22 сент.
2. Шипилов В. Заречье // Бийский рабочий. 1993. 25 сент.
3. Штейнфельд В. П. Бийский уезд Томской губернии (топографический, экономический и этнографический очерк уезда). Бийск: Тип. «Товарищество», 1911. 183 с.
4. Щеглова Т. К. Устная история в этнографических исследованиях: лингвистический дискурс. С. 256–266 // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы Науч.-практ. конф. Вып. 6 / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2005. 289 с.

Э. П. Хомич

Фольклорный палимпсест детской литературы (к интерпретации понятия)

В дискуссиях о специфике детской литературы и, в частности о литературной сказке, есть две тенденции: ее рассматривают в контексте общей «взрослой» литературы либо как самостоятельное явление культуры. Разделяя первую позицию, уточним вопрос о специфике литературы для детей. На наш взгляд, главное отличие детской литературы от взрослой, как это ни странно прозвучит, ее дидактическое целеполагание, так называемый психолого-педагогический компонент. Допускаем, что этот компонент и су-

ществует благодаря тому, что литературу для детей пишут, как правило, взрослые, считающие в этом случае главной задачей задачу дидактическую. Таким образом, текст детской литературы имеет прежде всего педагогическую стратегию. По этому поводу один из персонажей детской литературы остроумно заметил, что детская литература «не для того, чтобы детей перевоспитывать во взрослых, а для того, чтобы взрослых перевоспитывать в людей». Таким образом, по детской логике, есть две детских литературы: детская литература для детей и детская литература для взрослых. С точки зрения упомянутого персонажа, нужна литература не такая, «которая интересна только детям, а такая, которая интересна даже детям». Так или иначе, но дидактизм детской литературы — факт реальный, как реально то, что есть определенный адресат: читатели-дети.

Первое знакомство с литературой для каждого читателя начинается с устных историй, которые он слышал в детстве: ему рассказывали, пересказывали или читали вслух. Детская литература — это литература взрослых о том, как они помнят, какими они были в детстве, т. е. в то время, «когда деревья были большими». Здесь «память сердца» хранит «вкус слова», музыку пестования, звуковые образы. Первый этап «детского чтения» закладывается на стадии знакомства с устной формой литературы — формой устных историй. Первое знакомство с литературой для каждого из нас — форма естественного коммуникативного общения: мы слышим и слушаем. Кстати, не случайно, что сегодня появилась интернетная детская литература — новая коммуникативная форма современной детской литературы как результат поиска новых форм общения. Главное положение детской литературы Интернета о том, что «искусство должно встраивать реальность в себя, чтобы изменить ее к лучшему», дополняет в некотором роде тезис Белинского: литература отображает жизнь в художественных образах — и подчеркивает конструктивный принцип литературы для детей, а также ее преобразовательную функцию. Все это успешно реализуется уже на устной стадии развития литературы.

Устная стадия детского литературного образования начинается для юного читателя с фольклорного освоения литературы — это потешки, считалки, загадки, дразнилки и другой детский игровой фольклор; поэзия пестования, материнское пестование. Таким образом, «первый слой» детской литературы — фольклорный палимпсест — формирует ее художественную специфику (фольклорный фон, ритмические образы, музыкальность и т. п.), уровень читательского восприятия и определяет тактику чтения.

Современная словарно-энциклопедическая литература не имеет однозначного описания палимпсеста. Палимпсест (с греческого: «снова стираю») обычно связывают с изучением древних рукописей (этим занимается палеография). В большинстве случаев палимпсест трактуют как древ-

ную рукопись, с которой стерт текст и на его месте написан новый. Однако древний текст в полном объеме не исчезает, он как бы «оставляет за собой право» проявляться в новом тексте. Зачастую речь в этом случае ведут о «чужом сюжете». Под «чужим сюжетом» понимается сознательно введенная в контекст произведения некогда созданная народом (или другим художником) история героев и обстоятельств их жизни, в которой отразился соответствующий той эпохе уровень (противоречия) действительности. Так, например, в разговоре о творчестве такого сказочника, как Евгений Шварц, говорят о «чужих сюжетах», выделяя, в частности, сюжеты Андерсена или Перро. «Чужой сюжет» ориентирует восприятие происходящего, например, в сказках Шварца «Гольый король», «Золушка» с учетом уже когда-то созданных представлений в сказке аналогичного сюжета Андерсена и Перро. В «Голом короле», как и в «Золушке», таких «чужих сюжетов» несколько, они обладают разной степенью распространенности. О «чужом сюжете» толкуют на основании узнаваемых деталей, обстоятельств, персонажей или их группировки, даже цитат. Между тем, свойство «проявляться» – имманентное свойство уже нового текста, а значит, и нового сюжета. Перефразируя Р. Барта, теоретика интертекста, можно сказать: предыдущий автор умер («Смерть автора»), но текст его в новом варианте другого текста живет. Все «узнаваемое» по-своему переосмыслено в новом событийном ряду, однако в воспринимающем сознании «чужой сюжет» продолжает существовать и как некая, прежде созданная, целостность. По существу, мы имеем дело с литературой «второй степени».

В социально-гуманитарных теориях термин «палимпсест» зачастую используется в качестве метафоры или образа-концепта. В литературе, например, это понятие означает, что новое произведение может содержать в себе черты уже ранее написанных, то есть текст хранит способную материализоваться «память» предыдущих текстов. Таким образом, сохраняя первоначальное содержание, палимпсест становится символом взаимодействия (интеграции) между текстами и используется для обозначения «литературы второй степени». Все это, в свою очередь, позволило составить типологию текстового взаимодействия: интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитектурность.

В случае, который мы рассматриваем, палимпсест имеет преемственную связь с изначальной трактовкой, но при этом проявляет себя как код литературы, даже более чем литературы «второй степени» (т. е. степеней больше, чем две). Именно к такой литературе может быть отнесен один из наиболее динамичных и продуктивных жанров детской литературы – литературная сказка. В русской литературе этот палимпсест представлен достаточно широко, наука тоже не обошла его вниманием. Однако существует ряд проблем, в решении которых исследователи не находят согласия. Так,

до сих пор в справочной и научной литературе нет общепринятого определения жанра литературной сказки. Путаются определения «жанр» и «жанровое образование», не всегда выделяется жанровая доминанта, а также не всегда называются ее главные жанровые признаки. Есть и другой вопрос: насколько синонимичны и синонимичны ли определения, употребляемые по отношению к сказке: авторская, писательская, литературная, при том, что во всех исследованиях подчеркивается архетипическая связь литературной сказки с фольклорной. О любой и каждой литературной сказке исследователь обязательно скажет, что она сочетает в себе «разные особенности фольклорной и литературной сказки» или в другой формулировке — «литературная сказка имеет фольклорные истоки». Не оспаривая это в принципе, мы будем говорить не столько об особенностях и традициях литературной сказки, сколько о многослойности ее текста, где первичен фольклорный слой, то есть вариант или источник «устной истории». Следует заметить, что фольклорный палимпсест в жанрах литературной сказки имеет несколько уровней. Скажем об этом пока только в постановочной форме.

Во-первых, общеизвестна связь сказочного фольклора в целом с детской литературой. Влияние фольклорной сказки на поэтику жанров детской литературы отмечают многие исследователи литературы для детей. Как известно и то, что почти все русские писатели обращались к фольклору и к жанру литературной сказки (народной, в том числе переводной).

Рассмотрение палимпсеста в литературных текстах требует учитывать все контексты произведения. Как правило, контексты литературной сказки всегда прозрачны.

По типам взаимодействия с фольклором литературные сказки нуждаются в классификации, давно назрела также необходимость создания жанровой карты литературной сказки и словаря, отражающего динамику ее жанрового развития и читательского восприятия. Сказки можно группировать по принципу доминанты.

Есть группа сказок, которая представляет вольные авторские переложения (обработки) известных русских сказок, архетипичных по отношению к литературной. К примеру, сказки Л. Н. Толстого («Маша и медведь» — аналог народной сказки) и С. Т. Аксакова («Аленький цветочек» — фольклорная версия «Красавица и чудовище»). Такие сказки отличает жанровая креативность. Следует заметить, что внутри группы может существовать своя градация и примеры индивидуального авторского решения жанровой креативности. В качестве примера можно привести сказки А. Н. Толстого (сам писатель называл их русскими народными сказками), в которых автор противопоставлял литературной обработке «реставрацию» и теорию «жеста» (жестуляция, интонация, мимика, стихотворные вставки и др.). Авторские оп-

ределения «реставрации», теории «жеста», и это очевидно, восходят к фольклорному палимпсесту. Писатель (или издатель) сам дает к названию такого произведения подзаголовок «в литературной обработке». Здесь палимпсест, как видим, «налицо».

Во вторую группу «просятся» сказки двойственной жанровой природы, их тексты более многослойны. Например, сказки-были М. Пришвина, «Страшные» сказки К. Чуковского, «романтические» сказки М. Гаршина, «Машины сказки» Софьи Прокофьевой, «интеллектуальные» сказки Евгения Шварца и др. Но как бы ни были многослойны тексты сказок, фольклорный палимпсест в них первичен, поскольку сказки прежде всего сказываются... и не случайно за ними закрепляется фольклорное имя жанра — сказка. В каждом отдельном авторском варианте устная версия трансформирована по-своему функционально и оригинально. Жанровый критерий авторской сказки — ее оригинальность, аутентичность текста, жанровая эксклюзивность. Однако и первая группа сказок, и вторая (поскольку в обеих группах наличествует палимпсест) по отношению к фольклорной являются жанровыми образованиями. Активность жанрового поиска литературной сказки (поскольку сказка — жанр исходно фольклорный) в каждом конкретном случае «диктует» ее фольклорный палимпсест.

Литература и источники

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. 391 с.
2. Литературная сказка. История, теория, поэтика: Сб. ст. и материалов / Отв. ред. И. Г. Минералова. М., 1996. 113 с.
3. Палимпсест: Сб. науч. ст. / Под ред. О. П. Шушариной. М., 2002. 241 с.
4. Теория литературы и практика читательской деятельности: Учеб.-метод. пособие для студентов фак. начальных классов / Авт.-сост. О. И. Плешкова. Барнаул, 2006. 76 с.

Т. К. Щеглова, Л. М. Дмитриева

Лингво-этнографический словарь Алтая как тип принципиально нового словаря (к разработке методики)

Основной предмет изучения лингвоэтнографической энциклопедии Алтая — регионально-национальное своеобразие народной картины мира края. Проект предполагает координированную совместную работу алтайских ученых в области лингвистики, истории и этнографии, искусства и регионального медиапространства. Комплексное лингвоэтнографическое исследование региона призвано зафиксировать и представить общественности культурно-языковые факты прошлого, современное состояние и тенденции развития духовной культуры русских жителей Алтая. Изданный на кафедре общего языкознания Алтайского госуниверситета Словарь рус-

ских говоров Алтая может быть использован для выявления народной картины мира в ее регионально-национальном своеобразии, для решения фундаментальных вопросов формирования вторичных говоров, их лексической и словообразовательной системы, а также для изучения истории русских слов, их этимологизации и деэтимологизации. Однако в связи с идеологическими ограничениями, свойственными прошлому периоду жизни общества, в словаре не получили отражение многие факты как духовной, так и материальной жизни жителей Алтая.

Результат исследования – первое в Сибири справочное энциклопедическое издание такого рода – будет иметь прикладное значение для преподавателей и студентов гуманитарных специальностей вузов и специальных учебных заведений, а также вызовет интерес широкого круга читателей. Диалектный, топонимический, исторический и этнографический материал может быть использован писателями, журналистами, учителями школ и лицеев. Проект направлен на изучение, описание и сохранение регионально-национального своеобразия народной картины мира и культуры Алтая в условиях интенсивной глобализации и экспансии универсальной массовой культуры.

Планируемое комплексное исследование предполагает несколько направлений реализации программы: история, этнография, лингвистика и топонимика, региональное медиапространство. Фактором, объединяющим эти сферы знания, позволяющим определить регионально-национальный культурный колорит Алтая, является этнолингвокультурный подход. Он складывается из синтеза двух теоретико-методологических направлений, объединенных представлением о культуре как закрепленной в языке части картины мира, – этнолингвистики и лингвокультурологии. Этнолингвистические исследования осуществляются в исторической ретроспективе на материале фольклорных и мифологических текстов и ритуалов с целью реконструкции этноса и языковой картины мира на основании выявленных народных стереотипов, символов, мифологем. Лингвокультурологическое направление ориентировано на современное состояние и функционирование языка и культуры, описание корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии. Предметом лингвокультурологического анализа являются прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа (идеи А. А. Потебни, М. М. Покровского, В. В. Виноградова, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, Н. И. Толстого). Источником фактического материала в этом случае выступает анализ национально-культурного своеобразия культурно обусловленных явлений, культурно связанных единиц.

Для нас принципиально важен не иллюстративный подход, а целостное, системное представление единиц языка и культуры в их корреляции и

взаимодействии. Кроме того, специфика предлагаемого исследования состоит и в определении региональных особенностей лингвокультурной ситуации Алтая, динамического взаимодействия русской национальной и региональной культуры.

Еще одной гранью является описание обыденной картины мира в том виде, как она представлена в повседневной речи носителей языка, в различных дискурсах и разных текстах (вербальных и невербальных) культуры. Её материал — живые коммуникативные процессы, исторический, бытовой, фольклорный и другие дискурсы как источники культурной информации. С целью ретроспективного этнокультурного описания региона предполагается запись и анализ рассказов старожилов об истории, языке и традициях Алтая (в Барнаульской, Рубцовой, Бийской зоне и др.), сбор материала в виде исторических очерков и биографических данных. Особое внимание будет уделено российской интеллигенции, представителям российской духовной культуры, переселившимся на Алтай и внесшим вклад в развитие русской культуры (К. Л. К. Сухоцкий, О. М. Чекалина, Б. Н. Пивень и др.).

Для анализа разнообразного диалектного, топонимического и речевого материала в рамках представленного проекта целесообразно последовательно воспользоваться терминологией и методами таких этнолингвокультурологических направлений, как фразеологически ориентированное, логико-лингвистическое, или концептологическое, и лексикографическое. Так, анализируя живой язык в его функционировании в дискурсах разных типов, можно выявить «повседневную» культурно-языковую компетенцию субъектов регионального лингвокультурного сообщества на основе описания культурных коннотаций. Именно эта компетенция служит фактором сохранения и укрепления культурно-языковой идентичности народа. Операциональными единицами этого уровня анализа является лингвокультурологическое поле и лингвокультурема. На основе системы ценностей, закрепленных в языке и культуре, становится возможной реконструкция ценностной модели мира, которая существует в рамках языковой картины мира. Ключевым понятием этой системы являются ценностные доминанты, совокупность которых образует определенный тип культуры, сохраняемый в языке.

С другой стороны, предметом изучения должны стать лингвокультурные концепты, в которых присутствуют личностные и социальные, национально и регионально специфичные и общечеловеческие смыслы. На основе выделения лингвопрагматических факторов можно выявить характерологические черты языка Алтая и регионального менталитета.

На заключительном этапе необходимо обратиться к главному — лингвокультурной лексикографии. До настоящего времени существовали только философско-культурологические, лингвострановедческие (учебно-справоч-

ные и специальные) и толково-энциклопедические словари, несущие лингвокультуроведческую информацию. При этом подобные издания не фиксировали регионального колорита. В данном проекте существенное место должна занять этнографическая информация, поскольку изучая региональное лингвокультурное сообщество во всей совокупности, подчеркивая связь истории с социальными процессами, рассматривая изменения во всех сферах материальной и духовной культуры, этнография даст незаменимый материал для характеристики регионально-национальной специфики языка и менталитета Алтая.

Принцип построения статей лингвоэтнографической энциклопедии Алтая будет соответствовать конкретным лингвокультурным концептам и культурным доминантам, занимающим ключевые и периферийные позиции в картине мира жителей региона. В связи с этим целесообразно разработать и применить интегральную модель описания единиц культурно-информационного поля, включающую в качестве необходимых элементов ценности, концептуальные установки, стереотипы, личностные и общекультурные смыслы. Эти элементы, в свою очередь, связаны с внеязыковой деятельностью человека. Поэтому предпринимаемое комплексное исследование призвано также установить связи языковой картины мира с фактами истории и этнографии Алтая, которые являются динамическим основанием региональной культуры. В качестве одной из своих необходимых составных частей проект предполагает рассмотрение истории заселения региона, демографических процессов, хозяйственного освоения, общественно-политической жизни и т. п. Кроме того, выступая в роли социальных и духовных ориентиров, культурные установки обнаруживают связи с рефлексамис художественно-эстетического познания мира, что делает необходимым исследование искусства (фольклора, изобразительного искусства, архитектуры и т. д.) Алтая.

Следуя тенденции стирания грани между языковым значением и экстралингвистическим знанием, стабильными национально-культурными и подвижными личностными смыслами, мы предлагаем создать лингвоэтнографическую энциклопедию (словарь) Алтая, объединяющую все эти компоненты и позволяющую сохранить изначальное единство глубинных смысловых и эмоциональных связей элементов духовной культуры и языка.

Издаваемые в последнее время в большом количестве региональные диалектные словари, казалось бы, целиком заполнили ментально-языковой вакуум, который долгое время существовал в культурно-языковом информационном пространстве (в том числе лингвистике, этнографии и т. д.). Дальнейшее развитие, углубление исследований имеет потенциально два направления: тематическое дробление (например, лексика земледельческая, животноводства, пчеловодства и т. д.), что в прагматическом плане, ко-

нечно, может быть признано имеющим смысл, но в плане представления региональной языковой системы, картины мира, описания ментально-языковой ситуации бесперспективно. Второе направление — соединение диалектного материала и современной лингвистической парадигмы (в лексикографическом ракурсе) — более жизненно. Это направление выбрано, отработано и обосновано в некоторых работах, в частности в ключе соединения идеографической проблематики и диалектного материала. Представляемый тип лингво-этнографического словаря не имеет аналогов среди этнографических, диалектных и этнолингвистических описаний, энциклопедий и толковых словарей.

К сожалению, многие современные словари (а также статьи), претендующие на то, чтобы называться этнолингвистическими, при ближайшем рассмотрении таковыми не являются (по сути, изменены только термины: например, «этнография» на «этнолингвистика» и т. п.).

Всеобщий (глобальный) интерес к описанию картины мира порой на деле реализуется в описании отдельных лексических фрагментов, иногда системно не связанных друг с другом. Одной из насущных задач лингвоэтнографического словаря является также отражение языковой картины мира. Однако представляемая работа дает иной аспект исследования, иные принципы подачи материала. В работе находит отражение полинаучность — характерная черта современной лингвистики в подходе к описанию языковой картины мира.

Очевидным представляется и значение данного словаря для изучения духовной культуры, мысль о единстве языка и культуры должна пройти через всю работу: словарь такого типа, способ подачи информации в словаре позволит увидеть мир традиционной культуры человека, каким он предстает в сознании носителей этой культуры. Основной задачей лингвоэтнографического словаря будет системное отражение языковой картины мира в структуре словаря, а системное привлечение этнографических сведений о материальной и духовной культуре диалектоносителей позволяет именовать данный диалектный словарь и этноидеографическим. Не является случайным, что диалектный идеографический словарь получил статус этноидеографического словаря, наполнившись этнографической информацией, более того — это вполне логично после долгого периода самостоятельного развития идеографии, с одной стороны, диалектных словарей и описаний — с другой. Это и есть завершение того процесса, когда диалектология не может существовать без этнографии, а этнография — без лингвистической поддержки. Попытки соединить этнографические и диалектологические исследования предпринимались неоднократно, но системного соединения, какковым и является планируемая работа, до настоящего времени не было, в то время как существенным признаком научного исследования является

именно его системность. Известно, что совокупность разрозненных фактов, не объединенных в систему, еще не образует науки. Знания превращаются в научные, когда целенаправленное собирание фактов, их описание и обобщение доводится до уровня их включения в систему понятий, в состав теории. Такая теория и будет конечным результатом той работы, в которой и теоретически, и на практическом материале будет показано, что язык и этнография вступили в иные, ранее не свойственные им отношения. Любые этнографические описания, даже выполненные на самом высоком уровне, не могут заменить лингвистического анализа материала. Планируемая работа — один из вариантов решения проблемы разобщенности этнографических, этнолингвистических и лингвистических исследований — с одной стороны, и разобщенности теории и практического материала — с другой.

Существующие работы — только самый первый шаг в освещении вопроса, ибо русский лексический материал, конечно же, значительно шире, объемнее, и многие пласты лексики, даже литературной, не вписываются в парадигму существующих этнолингвистических положений. Что касается диалектного материала, то, по сути, здесь ново все — это особый пласт лексики (и культуры).

Предварительно нами рассмотрены лингвистические и «нелингвистические» линии в теории идеографии, проработаны многие идеографические, тематические словари и этнографические описания литературного языка и диалектов с точки зрения способа организации в них диалектного и этнографического материала (Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкина, О. С. Баранова). Мы учитываем, что любая схема диалектной, этнографической и идеографической классификации не является универсальной, трудно предполагать существование не только универсальной схемы для многих языков, но и схемы, однозначно трактующей какой-то один язык.

На первом этапе для исследования будет выбрана «бытовая» тематика, что представляется весьма удачной, и не только потому, что «она обширна», «хорошо сохранилась», но и потому, что данный пласт лексики напрямую связан с человеком (что уже само по себе вписывает этот материал в современную антропоцентрическую парадигму), а потому, наверное, и является одной из наиболее полно сохранившихся, причем этот пласт лексики, как нам представляется, полно представлен и в других региональных диалектных словарях (Томском, Новосибирском, Алтайском, Красноярском), но, в отличие от обычных диалектных словарей, лингвоэтнографический словарь представляет собой комплексную классификацию, отражающую устройство человеческой жизни, культуры, интерпретацию ее «изнутри», с точки зрения существующего в ней человека.

Теоретические положения представленной работы могут быть использованы при составлении диалектных словарей такого типа в любом регионе.

В этом перспективность исследования. Словарь послужит реальной базой для представления и описания региональной картины мира. Особо следует отметить наличие в работе рисунков и фотографий.

Будучи объединенными и дополненными, данные исследования получат развитие в лингвоэтнографической энциклопедии Алтая, где духовное богатство края убедительно предстанет как уникальный компонент культурного наследия России.

СЕМЬЯ *(пробный образец словарной статьи)*

Простейший социальный организм, участвующий в процессах формирования, хранения и передачи трудовых традиций крестьянства, — семья. Семья, включавшая три, а то и четыре поколения, располагала естественными возможностями для передачи эмпирических знаний и трудовых навыков от старших к младшим. Семейно-производственный коллектив включал работников от подросткового возраста до стариков 70–90 лет.

Весь образ жизни крестьянина, его знания и представления были тесно связаны с основными сельскохозяйственными занятиями. В силу эмпирического характера знаний и примитивности орудий труда процесс производства был возможен только благодаря закреплению и передаче опыта традицией. Русские крестьяне в Сибири приспособивали многовековой опыт земледелия к новым сложным природным условиям, вырабатывая агротехнические нормы в зависимости от географических особенностей района. Крестьянские трудовые традиции, разумеется, не ограничивались сферой производства, они проникали в области семьи и быта, накладывая отпечаток на весь образ жизни крестьянства. Складывались четко выраженные традиции, например, в выборе строительного материала для избы и приемах постройки, в дифференциации рабочей и праздничной одежды и сезонном подборе ее, в составе и сроках приема пищи и пр. Все перечисленные особенности зафиксированы языковой системой региона и сохранились в языковом сознании старожилы Алтая до настоящего времени. Крестьянские трудовые традиции, разумеется, не ограничивались сферой производства, они проникали в области семьи и быта, накладывая отпечаток на весь образ жизни крестьянства.

Производственные процессы переплетались с домашней семейной жизнью у крестьянства особенно тесно в силу полунатурального характера хозяйства и в связи с ролью семьи как трудового коллектива. Складывались четко выраженные традиции в выборе строительного материала для избы и приемах постройки, в дифференциации рабочей и праздничной одежды и сезонном подборе ее, в составе и сроках приема пищи и пр.

Большой интерес представляет на Алтае описание и изучение устной речи носителей народных говоров небольших языковых коллективов. Здесь прослеживается глубокая связь с сознанием народа, и она может быть выявлена прежде всего при изучении языкового пространства отдельной микросистемы. Для сельской местности такой микросистемой является, как правило, один населенный пункт. В течение продолжительного времени нами, однако, такой микросистемой являлась семья.

Нами было исследовано около 500 микросистем (разное географическое положение, разное время возникновения), входящих в русскую региональную языковую систему Алтая. Картину мира сельских жителей характеризует прежде всего любовь к семье, родным, близким, матери, к природе, к малой родине, к своему селу. Это и семейные отношения, сохраняющиеся в памяти и указывающие на патриархальный в прошлом уклад жизни, где главенствовал отец, это и слова, относящиеся к женщине, и слова, определяющие разные качественные характеристики человека и семьи.

В научной литературе уже устоялся подход к тому, что для русского сознания доминирующим является рассмотрение человека как члена определенной социальной группы. Концепт «семья» в языковой системе региона занимает одно из важных мест, так как семья, по мнению старожилов, — основополагающая категория человеческого существования. Семья, включавшая в прошлом три, а то и четыре поколения, располагала естественными возможностями для передачи эмпирических знаний и трудовых навыков от старших к младшим. Семейно-производственный коллектив включал работников от подросткового возраста до стариков 70–90 лет.

Исходя из тезиса об антропоцентрическом устройстве языкового пространства, будем придерживаться точки зрения, согласно которой «пространственные номинации образуют четыре концентрических расширяющихся круга, происходя от понятий: человек — дом — страна — мир», гдеядро общеупотребительной лексики составляют лексические единицы, характеризующие человека — семью.

В теме «семья» старожилы актуализируют следующие явления окружающей действительности: прежде всего, когда информант описывает свою семью, он указывает количество ее членов: «Семьи-то раньше большие были»: «...У нашей мамы было 12 ребятишек...»; «...У нас в семье было 5 детей: 3 наших брата и мы с сестрой, две девочки»; «...всего нас было 4 сестры и три брата...»; «...нас было 6 братьев...»

Следующее, что актуализируется в связи с данной темой, — это обязательное наличие в селе церкви: «...Я в семье двенадцатая была. Муж у меня с Украины, а жили мы тут, в Алтае, в Черемшанке. И церква у нас была большая...»; «...жили мы там в Коробейникове. А церковь там такая была большая, потом разорили и построили школу».

Очень важно, что всегда идёт речь о родителях, особенно об отце: «...отец был партизан, больной, на фронт его не брали... Мама, она не работала, нас было четверо, и мама домохозяйкой была...»; «...Семья большая была, семь братьев, сестра, отец грозный шибко был, как скажет, так и было — замуж за Чемросова меня отдал...»; «...У нас в семье было 5 детей. Родители у нас набожные были, все старинные праздники отмечали... отец во главе...»

Вероятно, что такое обилие воспоминаний и суждений о родителях демонстрирует постоянное обращение информантов к прошлому. Важным оказывается дом, усадьба, хозяйство: «...Была у нас горница в подполье, продукты хранились. Зерно в амбарах хранилось, потому что у нас были амбары ...»; «...У нас большой, красивый был дом, все в деревне завидовали, а сколько труда на него уходило, никто не спрашивал...»

Важной темой для старожилов являются внуки. Традиционная их характеристика: «...Внуку 13 лет, внучка уже взрослая, окончила юридический институт с красными корочками, правнучке полгода скоро...»; «...Вот так смотришь на детей, ну на правнуков теперь, сидят вон, играют и не надо им ничего. Так хорошо, спокойно делается на душе...»

Подобное отношение к внукам характерно для русского человека. Существует даже убеждение, что внуков любят больше, чем детей.

Однако характерным для лексики родственных отношений является то, что традиционные наименования (кум, сват, сватья, шурин, золовка, свояк, свояченица и др.) незнакомы молодому поколению, т. е. наблюдается тенденция превращения этих единиц в слова, значение которых неизвестно носителям языка. Вместо таких наименований молодое поколение использует другие: *сеструха*: «У меня сеструха без всякого образования нормальные деньги зашибает плюс муж нормально получает», *сестрениця*, *бра-тельник* и др.

Из поколения в поколение в семье передавались и духовные традиции. В научной литературе общепринято мнение, что особенность русского менталитета – коллективизм. Восприятие окружающего мира жителями Алтая через призму коллективизма отчетливо прослеживается в текстах: «Веселей была жизнь почему-то, чем сейчас, и роскошно не ходили. Мы компаниями большими гуляли»; «На работу сообща, не ругались как-то все вместе». Такое восприятие находит отражение и в лексике: мир (народ), артель, деревня (компания) и др.

Отношения человека к религии и Богу в сознании жителей Алтая не столь однозначны: Бог, церковь все чаще (особенно молодым поколением) воспринимается как элемент культуры: «Хотя в бога не верю, но религиозные праздники почитаю. Это ведь культура. Традиции передаются от старых людей, от отца к сыну, от матери – детям».

Вера в Бога, стремление передать детям веру в добрые, светлые чувства было характерно для сибирской семьи, передавалось из поколения в поколение. Старожилы в своих воспоминаниях сожалеют об ушедшем укладе жизни и образе мыслей: «Кто помнит, как раньше жили в семье, так сожалеет, как сейчас живут. Молодежь перестала почитать отца с матерью, а ведь семья – основа общества... Надо возрождать уважение прежде всего к родным... сохранять надо, что деды советовали».

Как показывают фрагменты представленного материала по теме «семья», полный его сбор и анализ позволят глубже посмотреть на проблемы семьи, семейных традиций, сохранения этих традиций и передачи их из поколения в поколение, более четко структурировать словарный блок, заполнить его дополнительной информацией. Поэтому необходимо разрабатывать научные программы по разноаспектному культурологическому исследованию семьи и семейных традиций в Сибири и продолжать сбор полевого материала.

Устная история в отечественной практике: метод, источник, научная интерпретация

Об «устном историческом источнике» и его особенностях

М. Л. Бережнова. Необходимо определить понятие «устноисторический источник» или хотя бы указать на некоторые особенности, которые бы позволили выделить его в самостоятельный вид источников. По-моему, главная особенность этого источника заключается в том, что он представляет собой личное мнение человека, с которым мы ведем беседу. Желательно, чтобы это мнение базировалось на личном опыте, непосредственных наблюдениях респондента, но оно может быть и усвоено в семье, получено от товарищей, сослуживцев и даже случайных знакомых. Собственно, подобные суждения постоянно встречаются в нашей жизни, касаются практически всех сторон нашего бытия. Помню, моя бабушка, родом из города Среднеколымска, говорила: «Что придумали, какие у нас лагеря (о сталинских лагерях. — М. Б.)? Я ни одного не видела. А ведь мы и рыбачили, мой брат на заимках сколько жил... Как же они были, если их никто не видел?»

С точки зрения современной истории, сомнения нет, что лагеря были: есть документы, свидетельства очевидцев, карты, наконец. Но это высказывание тоже имеет право на существование и, вероятно, будет интересно тем, кто изучает историческую психологию, историю повседневности и т. п. Ученые исследуют, как адаптировались люди к условиям существования в условиях тоталитаризма. Вот устноисторический источник, и он открывает путь для решения этого вопроса: да просто ничего не замечали, если была такая возможность.

Исходя из этого, я считаю, что любое высказывание должно быть учтено. Методика требует, чтобы все сказанное было зафиксировано. Когда мы слышим что-то укладывающееся в наши представления, то так и происходит. «У атамана нашего жена больных ребятишек рожала, все умерли. А он ее любил... Так завел себе на заимке девушку, сиротка тут была, она ему деток рожала. И ее он любил, а деток так вообще... Построил большой дом в поселке на две половины: неделю там поживет, с одной то есть, неделю — с

другой. И знали все, а что скажешь?» (Записано в д. Урлютюб Железинского района Павлодарской области в 1991 г., говорят, что было это «до революции»). Ничего необычного, правда? Пикантная история, но абсолютно ясно, как ее можно использовать.

Но вот информаторы начинают говорить, что челдоны и кержаки — это одно и то же. По всей современной литературе — это не так. Благо мы проводили массовый опрос по этническому самосознанию русских, информация была подтверждена неоднократно, определили ареал распространения этого мнения, кто (в этногрупповом отношении) говорит, вроде бы стали ясны причины таких высказываний. А если бы не массовый опрос? Заложили бы в папке на дно 2–3 свидетельства и забыли. Получается, что ученый выступает как цензор, судит респондента исходя из собственных знаний и жизненного опыта. Вместе с тем следует, конечно, выделять однозначно фальсифицированные суждения (случаи, когда респондент смеется над собирателем, специально путает или обманывает его), но все остальные суждения, сколь бы неверными нам они ни казались, следует учитывать.

В. А. Зверев. Какими методами можно работать с такими источниками?

М. Л. Бережнова. Вопрос не в методах (то есть не в процедуре, не в последовательности действий по изучению источника), а в подходе — методологии. Устноисторический источник сложно использовать в позитивистском исследовании, все в нем субъективно, зыбко — «одна бабка сказала». В то же время в постмодернистских исследованиях аргументация на уровне примеров нормальна, из этого делается масса выводов, но характер их иной — они ближе к области исторической и социальной психологии, а в конкретных исследованиях свойственны работам по культуре повседневности, исторической и культурной антропологии и т. д. Хотя, как мне кажется, фокусирование внимания на выявлении и описании методологии собственной работы — особенность отечественных историков.

Необходимо также определить понятие «устноисторический источник» или хотя бы указать на некоторые особенности, которые позволили бы выделить его в самостоятельный вид источников. В. А. Зверев спросил меня, какими методами можно работать с такими источниками. Полагаю, что вопрос не в методах (то есть не в процедуре, не в последовательности действий по изучению источника), а в подходе — методологии.

Устная история как самостоятельная дисциплина: проблемы интерпретации

В. А. Зверев. Есть такая часть истории, которая базируется на устных рассказах, то, стало быть, должны быть какие-то собственно исторические, субдисциплинарные методы интерпретации практического материала. Любой специалист, в том числе и устный историк, использует при интерпрета-

ции общенаучные методы, например, в одном случае сравнения и обобщения, в другом моделирования, в третьем индукции, дедукции и так далее. А дальше возникает вопрос: а есть ли, собственно, в этой субдисциплине свои выработанные методы интерпретации? Я пока не столь опытный специалист в устноисторической интерпретации, хотя в этой области мы что-то находили, что-то рекомендовали, что-то апробировали. Связана такая ситуация с тем, что серьезный статус устная история не обретет, пока не появятся собственно устноисторические, этой субдисциплиной выработанные методы интерпретации. Конечно, будут использоваться и общеисторические методы: и историко-сравнительные, и ретроспективные, и культурологические, и метод фактического моделирования. Но если будут только общеисторические, то полноценной субдисциплиной устная история не станет.

Половина дипломированных историков, по моим наблюдениям, не знают вообще ни одного собственно исторического метода, при этом они пишут дипломные работы, защищают кандидатские диссертации. Но я думаю, что это все-таки уходит в прошлое. Серьезная историческая наука очень глубоко рефлексировала по поводу методов интерпретации, потому что историк — не обязательно устный, но и традиционный — может исходить из принципа объективности, тогда он будет стараться встать над своими групповыми и индивидуальными предпочтениями, пристрастиями. Но разве в современной науке редко встречается принцип субъективности в исследовании? Вчера одна докладчица говорила, что она принципиально не хочет высказывать своего мнения. Значит, она исповедует принцип объективности. Кто-то из историков исповедует принцип субъективности, и даже есть очень хорошие авторские школьные учебники, например учебник Ионова «Российская цивилизация». Автор во введении говорит, что это заблуждение, будто можно написать один учебник, правильный на все времена. Автор любого учебника в определенном смысле субъективен, например описывает русскую историю через призму либеральной системы ценностей. Почему только устный историк может это делать? Это может делать и автор школьного учебника. И это хорошо. Современная историческая наука позволяет это.

Вместе с тем для устной истории есть определенная опасность — описательство в худшем варианте: что мы когда-то услышали, то и перескажем. Важно, как мы это будем интерпретировать, иначе получается, что мы расскажем о юных годах деда. Это можно делать бесконечно — но так мы создаем еще один источник, а не пишем исследовательскую работу.

В нашей практике устной истории мы уделяем большое внимание методологии не только сбора материала и частичной обработки, но и методов интерпретации. У нас есть предложения, которые прозвучали вчера в вы-

ступлениях Е. Косяковой и Е. Лейбовой. С нашей точки зрения, все-таки есть три способа создания устных источников: беседа, интервью и наблюдение. Беседа принципиально от интервью отличается тем, что есть два равноценных, равноправных собеседника, которые в равной степени заинтересованы в этом общении. Примером является то, что делают наши коллеги из «Мемориала». Их способ общения с респондентами нельзя назвать интервью, это беседа, которая нужна и сотрудникам «Мемориала», и, думаю, в равной степени тем людям, с которыми они работают. Субъект-субъектное отношение — другой смысл процедуры опроса, стало быть, то, что будет зафиксировано, нужно будет по-другому интерпретировать. А интервью — гораздо более формализованный вариант, когда вопросы намечаются заранее, их последовательность все-таки выстраивается более или менее заранее, отклонения в сторону допускаются только минимальные, субъект-объектные отношения подразумевают, что ты знаешь то, чего я не знаю, и мне хочется твою информацию каким-то образом мобилизовать.

Что касается наблюдения, то я помню, старые этнографы писали, например Мария **Красноженова**: «Подслушанные мною разговоры крестьянок позволили мне представить, как они там относились к... беременности и так далее». «Подслушанные разговоры». Значит, здесь не было целенаправленной и преднамеренной работы этнографа, как и собственно информанта. Он просто эту среду наблюдал и слышал нечто, что мог зафиксировать в разной форме — в письменном виде, как это делала Красноженова в 1920-е гг. Смог это записать. Можно попытаться снять на камеру, есть же метод скрытой съемки. Значит, наблюдение — тоже метод создания устного источника.

Д. А. Дрожецкий. А если человек надиктовал на диктофон свои воспоминания, это будет мемуаром, устным источником или чем-то еще?

В. А. Зверев. Это устные мемуары. Мемуары — это не обязательно письменный текст. Мемуары — это некоторое отражение человеческой памяти, в какой форме эта память представлена: в письменной, устной, видеоформате, — это уже другой вопрос.

Д. А. Дрожецкий. Тогда какое место устный источник займет в системе этих источников? Потому что своей ниши у него нет: он может быть одновременно и письменным источником, если его не перевести в письменный формат, может остаться устным источником; если он надиктован без участия интервьюера, то это уже мемуары. Если это записано с анкетой в руках на диктофон, то это уже анкетирование, то есть я не вижу места устного источника в классификации источников.

В. А. Зверев. Е. Косякова вчера рассказывала, как она использовала устные источники вместе с письменными в конкретном историческом исследовании по истории повседневности. В идеале она могла бы еще привлечь,

например, вещественные источники, что было бы это очень уместно. Но там дело обстоит еще хуже, чем с устной историей. Вещественную историю изучают археологи на своих материалах. А применительно к современности есть исследования по традициям, есть современные археологи, которые раскапывают городские свалки или целенаправленно изучают городскую застройку. У нас в стране есть только самые дальние подступы к этому. То же происходит и в среде устной истории.

О характере устного исторического источника

Е. И. Косякова. Мне кажется, что когда мы говорим об устном источнике и о письменном источнике, о визуальном источнике, то подразумеваем некий тип, и этот тип определяется способом хранения информации, вне зависимости от того, какая именно это информация. Так, мы говорим о мемуарах, о государственно-статистических материалах, и это уже классификация, которая исходит не из способа хранения информации, а из жанра источника, из его внутреннего содержания. Поэтому устный источник может быть разных жанров: мемуары, вольная беседа, какая-то песня, а может быть и все вместе, потому что, когда мы с человеком разговариваем, он может где-то и наговорить монологом, а если мы начнем часто задавать ему вопросы, это может превратиться чуть ли не в допрос, где он может песню вспомнить и тут же ее пропеть, и все это в устной форме изложить. Я думаю, тут выделить жанры будет очень трудно. Другое дело, что Татьяна Юрьевна Воронина только что сказала, что в классификации источников по Ленинграду они выбирали грамотно записанные. И этот критерий оценки — грамотно ли создан источник — в чем-то соответствует методу биографического интервью. Но, с другой стороны, а что делать с теми источниками, которые получаются недостаточно грамотными?

Т. Ю. Воронина. С такими источниками просто сложнее работать. Это, пожалуй, их единственное отличие.

В. А. Зверев. Это проблема и письменных источников. Есть письмо, написанное с датой, с подписью, со всякими подробностями, а есть письма, которые трудно датировать.

Т. Ю. Воронина. При том, что у нас, когда мы только начинали заниматься проектом (блокада Ленинграда), были идеи, и мы даже публиковали часть наших интервью, исключая ту информацию, которая не касалась блокады, оставляли только кусок интервью, где люди рассказывают о начале блокады и описывают себя в этих обстоятельствах. Но спустя какое-то время, когда мы стали рефлексировать по поводу сделанного, мы поняли, что такой подход в принципе неверен: мы реализовали свои задачи и получили ответ на вопрос, как по-разному люди жили в блокаду, но упускали ответы на те вопросы, которые мы не ставили. А нас интересовала не столь-

ко история повседневности блокадного Ленинграда, сколько, например, влияние официального искусства на личные воспоминания и на личный рассказ о себе и о блокаде. То есть у нас были совсем другие цели.

Я не считаю устную историю самостоятельной дисциплиной, которая уже сложилась. Устная история — это все, что связано с методом интервью и с устной речью. Устных историков множество, и у них совершенно разные способы работы: есть историки, которые занимаются конструированием памяти, например, есть исследования, посвященные анализу интервью для того, чтобы понять степень влияния исторического события на конкретного человека. Есть интервью, призванные узнать, что же было на самом деле, потому что это не отразилось в письменных источниках. Сколько целей, столько и разных интервью, и столько разных работ людей, которые работают с интервью. То есть устные историки — это те, кто пытается анализировать устную речь в транскрибированном виде или слушая кассету.

А. Г. Козлова. То есть устная — это прежде всего типологическая принадлежность источника.

Т. Ю. Воронина. Да, это, прежде всего, его внешняя форма.

Д. А. Дрожецкий. Скажите, зачем тогда термин «устный источник», если его можно заменить термином «фонодокументы», если имеется в виду только форма фиксации этой информации?

Т. Ю. Воронина. Звучит красивее

В. А. Зверев. Это документ, зафиксированный в устной форме. И звучащая речь. В западной традиции все звучащее — это устные источники; запись на радио — это устные источники. Можно записать выступления на митингах, и это тоже будет устный источник, но не по истории повседневности, а по политической истории; все равно это будет устная история.

Устная история как метод исследования

Т. Ю. Воронина. По-моему, человек, который начинает работу с устными источниками, так или иначе наступает на одни и те же грабли. И ведь мы точно так же начинаем проект; что же нам делать с теми интервью, которые мы взяли? Потом выяснилось, что интервью не отвечают требованиям, которые мы к ним предъявляем. Мне кажется, что все или очень многое определяется логикой исследования: какова логика, таков и ответ.

Мне думается, что можно найти три основных направления в этом направлении. Практическая работа с интервью — это *статистический принцип*, когда делают опросник, опрашивают людей, как правило, общаются с большим количеством людей. После этого делают выборку, а затем суммируют ответы. При этом опять теряются некие индивидуальные начала, потому что человек, рассказывая о чем-то, даже отвечая на вопросы, исходит из неких внутренних посылок. Конкретный человек будет слабо отражен

в своих ответах и в результате суммирования всех ответов в конечном счете выпадает за пределы анализируемого поля. В конечном счете метод устной истории ведет к попыткам избежать статистического исключения. Второй вариант — когда интересуются тем, какие различные варианты в интересующих случаях выступают и как они образуют комплекс возможностей. Например, нас интересует ответ, как люди становятся наркоманами. Опрашиваются, например 20–30 человек. Им задают вопросы и соответственно получают ответы: «Становятся наркоманами для того, чтобы... то-то и то-то». Собирается некая выборка, прописывают эти варианты. Третий вариант — когда изучается отдельный случай на примере единичной биографии. И такое исследование не претендует на обобщение, с одной стороны, но такое исследование может дать выводы для подтверждения или опровержения гипотезы или суммирование результатов каких-нибудь личных ответов, которые могут перекрыть собой колоссальное построение теоретиков и сказать, что все ехали на БАМ, потому что они были под воздействием советской идеологии. А если брать интервью, то человек скажет, что он ехал, например, «за длинным рублем»; тем самым высказываются определенные представления. В исследованиях возможна квотная выборка, когда отбирают опрашиваемого с определенным внешним признаком (пол, возраст, профессия), поскольку эти внешние признаки могут иметь влияние на биографию.

Второе направление связано с методом, который В. Шнайдер назвал «методом снежного кома», или «методом теоретического насыщения». Нужно выбрать такого информанта, чтобы его случай был иным, нежели у предыдущего информанта. В нашем проекте по блокаде бывали встречи с людьми, которые входят в общество блокадников. С другой стороны, активно принимала участие в конструировании образа блокады группа баптистов, которые рассказывают совсем по-другому.

На практике тип интервью очень часто зависит от цели исследования. Говоря о классификации, я могу сказать, что есть систематические интервью («А что вы думаете по этому поводу? Расскажите, пожалуйста, о таком-то...»), когда интересует не сам человек, а его мнение. И собственно биографическое интервью, которое, в свою очередь, делится на интерактивное и нарративное. Биографическое интервью мне представляется в конечном счете результатом того, что нас интересует и то, что человек говорит, и то, почему он это говорит. Нужно понять, что человек имел в виду, а для этого — попытаться понять, как он конструирует свою биографию. А чтобы понять, как он конструирует свою биографию, нужно задать «волшебный вопрос»: «Расскажите, пожалуйста, о вашей жизни от начала и до сегодняшнего дня». И далее интервьюер переходит к нарративной части интервью.

Итак, интерактивное и нарративное интервью. В *интерактивном* все опрашиваемые высказываются на определенные интересующие исследователя вопросы и темы, что дает точку для содержательного сравнения. Например, в нашем проекте меня интересует Байкало-Амурская магистраль. Понятно, что я буду в этом интервью педалировать тему БАМа. Я пришла к человеку не из-за того, что меня интересует его биография, а из-за того, что это биография человека, который побывал на БАМе. Понятно, что в этом смысле оно может стать интерактивным интервью. С другой стороны, биографическое интервью часто проводится с вопросником, то есть было бы здорово знать, как люди реагируют на те или иные вещи или события, на которые, я знаю, не реагировать они не могли. Хотя они могут об этом молчать, потому что для них это не значимо, и без вопросов интервьюера рассказывать не будут. Однако для биографических исследований такое интерактивное интервью может стать препятствием к самоизлиянию. Интерактивные интервью хороши в том смысле, что есть определенные точки, по которым можно сравнивать, то есть опять-таки это набор определенных вариантов. Например, «я поехал на БАМ, потому что...» Я могу для себя уже определить мотивы, причтны, обстоятельства. Люди, наверно, из Сталинграда ехали на БАМ по разным причинам. И среди прочих они могут называть и то, и то, и то. Меня интересовало только это.

Широкое *нарративное* интервью, или нарративные биографические интервью. Их разработчиками становились немецкие социологи. Они интересовались воздействием нацизма на людей, ныне живущих в Германии. Как они рассказывают, как они вспоминают себя, свое детство, свою юность в прошлом и настоящем. Значит, для нарративного интервью первая посылка — человека просят рассказать о жизни по его критериям. Первый шаг в нарративном интервью состоит в том, чтобы расположить к себе информанта и не демонстрировать тот тематический кусок, который тебя на самом деле интересует. Поэтому основная посылка — задать общий вопрос и дальше не мешать человеку рассказывать; минимизировать тем самым мое влияние как интервьюера на рассказ моего информанта. Поэтому нарративное биографическое интервью — очень серьезная техника придержания рассказа, но со стремлением минимизировать влияние. В том числе нельзя переспрашивать, например; можно кивать, но не говорить. Нельзя говорить «я понимаю», потому что человек это может превратно истолковать. Как ты можешь понять, если ты не голодал, например. Итак, первая часть интервью — это так называемый интерактивный рассказ информанта, интерактивное повествование. Смысл состоит в том, чтобы человек, исходя из своих внутренних убеждений, мог рассказывать о себе. Во-первых, он пользуется собственно своей биографией, как бы хронологией. Для кого-то важно рождение детей. Или женщина будет рассказывать о том, как

она вышла замуж, например, кем работают ее дети, и т. д. Мужчина, например, рассказывая о своей жизни, может говорить о своем профессиональном становлении, уделяют большое внимание биографии, карьерному росту и т. д. Понятно, жизненные истории бывают разные, поэтому рассказы о собственной жизни будут разными. Интерактивное интервью – продолжительные. После того, как человек заканчивает свой рассказ, следует пауза. После этого информанту начинают задавать уточняющие вопросы.

Вторая часть интервью – нарративное повествование. В этой же части интервьюер, когда респондент заканчивает свою речь, просит его продолжить рассказ, например, он может сказать: «А что было дальше?», подталкивая тем самым не анализировать, а пересказывать собственную жизнь. Человек начинает структурировать свою жизнь, задавать себе вопросы. Если вас просят: «Скажите о вашей жизни», – неизбежно надо будет рассказывать. О чем, собственно, рассказывать? Происходит отбор важных для вас вещей, о которых вы думаете, что важно было бы вам узнать. Идея такая. Человек рассказывает, то есть упоминает какие-то факты, которые вменяются в его жизни. Моя роль как интервьюера – дать человеку возможность поэтапно, с чувством, комплексно рассказать о себе. Обычно эта часть занимает два с половиной – три часа.

Итак, после того, как создан уже определенный источник, его текст нужно интерпретировать. Что там происходит? Здесь можно воспользоваться методикой анализа интервью, предложенной немецкими социологами Г. Розенталем и Ф. Шузером. Исследование рассказов о жизни по методике Розенталя происходит на двух уровнях. Первый уровень – это анализ жизненного опыта человека. Розенталь называет это политическим анализом. Второй уровень – это анализ самого повествования истории жизни. Розенталь разводит здесь также два понятия. *Life story* – это непосредственно история, то есть там, родился тогда-то, женился тогда-то, учился там-то. **Лабистры** *life story* – это то, как я рассказываю о своей истории. То есть я-то могу рассказать большой кусок про свое детство, потому что я считаю, что этот момент был лучшим периодом. Например, в БАМовском проекте многие рассказали о том, как и почему приехали из Крыма. Мне очень важны эти воспоминания, и мне думается, что это интересно – история, рассказанная про себя. Значит, целью генетического анализа, то есть анализа жизненного опыта, является воссоздание биографического смысла, который имели для человека пережитые им события. именно в тот момент, когда они происходили. То есть для нас важна хронологическая последовательность этих событий в том порядке, в каком они происходили. Здесь нас интересует механизм отбора жизненных ситуаций, которым руководствовался биограф, когда он включал или не включал те или иные события в свою жизнь, о каких-то событиях человек считает важным упомянуть, а о ка-

ких-то — нет. Поэтому когда я анализирую интервью, первое, что я делаю, — внимательно прочитываю интервью, во-вторых пишу реальную биографию этого человека: родился в деревне такой-то, потом поехал туда-то. После этого я рассказываю биографию — о чем он мне рассказывал. Например, в нарративном интервью, в первой части, где человек рассказывает о себе, он не говорит, например, о том, что вступил в партию в 1965 г. Однако в последующей части, в период интерактивного интервью (с наводящими вопросами), он об этом рассказывает. При сопоставлении этих частей меня заинтересовало, почему он не сказал о вступлении в партию без наводящих вопросов. Я начинаю строить гипотезу на этот счет. Вариантов может быть несколько. С одной стороны, он может мне не рассказать об этом потому, что он пытается абстрагироваться, ему чужда, например, коммунистическая идеология. С другой стороны, человек мог не говорить мне об этом, потому что он не считает этот опыт для себя социально значимым. Таким образом, биографическое интервью является реконструкцией истории жизни, то есть это события отдельной жизни в том виде, в каком они были пережиты и прочувствованы. Таким образом, биографическое и нарративное интервью являются реконструкцией рассказа (то есть то, как они рассказывают) и повествованием о жизни (то есть то, что они рассказывают). Нужно сказать также, что они неизбежно связаны друг с другом, и даже если нас в интервью больше интересует тот или иной отрезок жизни, например биография человека или то, как он рассказывает о своей биографии, в любом случае интерпретировать интервью нужно во взаимосвязи.

Важным моментом Розенталь считает анализ тематического хода, то есть определенных смыслов, которые человек имеет в виду, говоря о чем-либо. Анализ тематического отбор рассказчика включает в себя воссоздание всего мировосприятия человека и той системы, которой он актуализирует свои послания. Это, собственно, его интерпретация жизни, его классификация своего опыта в рамках определенного тематического поля. В этой связи задача исследователя — воссоздать смысл действий и поступков человека, то есть предполагать, почему человек поступил именно таким образом, а не другим, понять логику человека, который поступал так или иначе. Это, в конечном счете, поможет нам в какой-то момент ухватить главную мысль этого интервью. Почему человек так нам об этом говорил? Рассказ о жизни отражает то, как человек в целом конструирует свое прошлое и предполагаемое будущее, и при этом события объединяются и выстраиваются в определенную временную или тематическую схему.

Рассказы, которые биограф отбирает, чтобы представлять слушателям историю своей жизни, нельзя рассматривать как отдельные эпизоды. В опыт отдельного пережитого события всегда встроены общий контекст и определен общий смысл, проявляющийся в биографической конструкции.

Таким образом, процесс отбора, который производит биограф, не случаен и не произволен, и он тем самым отражает мнения многих рассказчиков. Иногда это проявляется в виде общих суждений, оценок, которые человек может сказать в конце интервью. Логика может быть в тех вещах, о которых человек рассказывал и в самом начале. В рассказе о жизни это последовательность взаимосвязанных тем, и тематическое поле определяется как совокупность ситуаций, которые в рассказе образуют задний план, но в ходе которого ясно выделяется та или иная тема, находящаяся в центре повествования. И реконструкция этих полей служит анализом тематического поля. Таким образом, первый шаг в анализе интервью — это анализ общей биографической конструкции, то есть сопоставление отдельных кусочков, о которых будет рассказываться в контексте жизненной биографии. И для того, чтобы понять, а зачем человек об этом нам говорит, какую мысль он несет. В методологическом плане это значит, что исследователь должен воссоздать принцип отбора и структуры текста, лежащего в основе повествования, прежде чем приступить к анализу самого биографического опыта.

В заключение хочется сказать о технике биографического интервью. Во-первых, как мне думается, что в ходе интервью респонденту принадлежит выбор тем и последовательность их презентации, то есть надо дать информанту возможность самому рассказать о своей биографии, не прерывать его вопросами и не наводить на каждую мысль. Пусть он сначала сам расскажет свою биографию. Во-вторых, использовать технику анализа интервьюирования, с помощью которой минимизируются тематическое и психологическое влияние интервьюера на содержание интервью. Поэтому необходимо рассматривать текст интервью не только на уровне фактических событий и обстоятельств. Центральный вопрос анализа — в каком смысловом контексте респондент видит данные события и какое значение для него имеют то или другое событие. Следующий момент — иметь в виду, что рассказ о жизни является конструктом, и пытаться понимать, по каким правилам он создан, усматривать общественный, экскурсивный, семейный и личный контекст всего интервью, в каком контексте человек об этом говорит, какую социальную роль он имеет в виду, может говорить как мать, как дочь, как патриот и т. д. Последний момент: при анализе необходимо видеть интервью как единое целое и рассматривать каждую его часть именно по отношению ко всему целому, какой смысл вкладывается в него информантом.

***Устная история (Oral history) как источник:
проблемы документирования и презентации***

Т. К. Щеглова. В споре исследователей о природе и сущности устной истории неоспоримым является источниковое значение продукта, созданным

го исследователем путем расспроса очевидцев, свидетелей и участников и зафиксированного определенным образом. С формальной точки зрения, устная история возникла в США благодаря проекту Аллана Невиса по политической и дипломатической истории, который предполагал сбор информации путем интервьюирования «выдающихся деятелей» современности, пока они еще не «перешли в лучший мир». Это позволило историкам говорить, что устная история возникла как своеобразная отрасль «документалистики», — с помощью интервью расширялся фонд документов личного происхождения, который традиционно ограничивался мемуарами, воспоминаниями, дневниками, письмами. В этом смысле первый проект носил ярко выраженный архивный, информационный и элитарный характер. Однако многие историки не связывают с этим проектом основание нового направления исторических исследований — устной истории, они склонны видеть причины ее развития в тех последствиях, которые вызвала публикация полученных А. Нэвисом материалов. В определенной степени, устная история родилась из протеста части историков против подхода Невиса к выбору носителей информации, ограниченных видными политиками и представителями элитарной части общества. Его стали упрекать в проявлении «традиционной предрасположенности истории в пользу сильных мира сего», а историков призвали «преодолеть тенденциозность источников, описывающих события с позиции элиты общества»¹. Фактически сплочение критиков А. Невиса привело к своеобразному движению по созданию новой адекватной прошлому источниковой базе как основе альтернативной истории, которая была бы взглядом на прошлое «снизу вверх», в форме «устной истории» как «истории снизу вверх», базирующейся на рассказах рядовых участников или очевидцев событий.

Выход на принципиально иной уровень исследования, предполагающий изучение индивидуального и коллективного жизненного опыта простых людей в повседневной жизни, а не только «отдельных выдающихся деятелей в исключительные моменты прошлого», привел к бурному развитию устной истории как самостоятельного направления исторических исследований по изучению прошлого путем взаимодействия расспросчика и рассказчика. В этом узком значении устной истории как метода получения информации (событийной и эмоциональной) и созданного в ходе этого взаимодействия устного источника, содержащего и фактологический, и эмпирический материал, она используется с момента ее самостоятельного оформления. Уже позже устная история как самостоятельное направление исто-

---

¹ Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ.ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 57.

рических исследований в ее широком значении стала развиваться традиционным образом с анализом полученных источников, историческими обобщениями и научно-историческими повествованиями. т. е. привело, как и в других направлениях исторических исследований, базирующихся на иных источниках, к таким же проблемам и недостаткам, какие присущи любым авторским научным повествованиям. Среди них — издержки авторских «интерпретаций прошлого историками-профессионалами» с опорой на устные источники, «проблемы элитарности исторических знаний и неизбежного привнесения современного контекста» исследователем.

В развитии устной истории и в узком, и в широком смысле есть свои результаты. Вместе с тем необходимо признать, что главное назначение устной истории состоит в том, что она «позволяет непосредственно общаться с прошлым», а простая публикация устных исторических источников «вносит меньше искажений» в образ прошлого, чем традиционное использование устного источника как кладеза исторической информации, изымаемой для «расширения границы исторического повествования». В этом смысле полезно отстраниться от традиционного исторического подхода и подготовиться к публикации устные исторические источники, полученные «расспросчиками» от представителей тех общественных групп и классов, «чья взгляды и жизненный опыт не находят достаточного выражения в традиционных источниках», что позволяет «высветить из тьмы забвения ту часть нашего прошлого... которой ранее пренебрегали исследователи из-за ее полной недоступности». Достигается это в том числе сбором, организаций архивного хранения и, конечно, публикацией или презентацией устных свидетельств о прошлом, что в целом представляет собой процесс документирования устного исторического источника. И в отечественной, и особенно в зарубежной практике разработан значительный методический арсенал по созданию устных исторических источников, включающих как сбор устных свидетельств, так и их документирование (оформление) с целью их архивирования или подготовки к публикации или презентации.

Публикация устных исторических источников как документированного результата взаимодействия расспросчика и рассказчика имеет определенные трудности и отличается от традиционного издания сборника документов. Одна из причин состоит в особенностях самого устного исторического источника, в котором содержится и историческая информация (событийная и фактологическая) и субъективная оценка событий. Наибольшие проблемы создает форма информации, полученная путем опроса, — устный рассказ, который облекается в письменную оболочку. Среди них и содержащиеся в диалоге расспросчика и рассказчика отступления от обсуждаемой проблемы, и фрагментарность воспоминаний о прошлом, многословность или немногословность (лаконичность) ответов на вопросы, неуклюжее

оформление мыслей, неграмотность речи, использование слов-паразитов, междометий и нецензурных выражений, постоянные блуждания во время беседы в прошлом от одного события к другому, колебания во времени — от воспоминаний о прошлом к проблемам современности и т. д. Поэтому большинство устных исторических источников при первом их восприятии внешне имеют загроможденный и засоренный, непрезентабельный вид, местами переходящий в форму «вопрос — ответ». Лишь при встрече с хорошим рассказчиком рассказчик получает в ответ на вопрос полноценный рассказ.

Все названные «неудобства» устного исторического источника, с одной стороны, можно условно назвать «сорностью» устного исторического источника, с другой стороны, все эти видимые недостатки сами по себе служат закодированной информацией, которая может много сказать как о самом информаторе — участнике исторического прошлого, так и о том времени или событии, о котором идет речь. Обусловлены эти «недостатки» устного источника особенностями метода получения информации о прошлом — путем расспроса (интервью, опроса, беседы) и особенностями индивидуальной памяти рассказчика.

Существенное влияние на форму и содержание устного исторического источника оказывают внешние условия расспроса — влияние современного общественного мнения, средств массовой информации и т. д., а также внутренние условия — позиция и поведение расспросчика, которые могут существенно повлиять на содержание и характер рассказа. При работе с традиционными источниками в государственных архивах эти недостатки вполне понимаются и принимаются исследователями. Поэтому при формировании архивов устных исторических источников, создании и подготовке документов к хранению необходимо соблюдать требование скрупулезной фиксации всего звукового ряда. А вот при подготовке источника к изданию необходимо найти способы уменьшения трудности восприятия источника без потери информации, которая может содержаться в трудно воспринимаемых «недостатках». Это необходимо для того, чтобы учитывать назначение публикации устных источников не только для исследователей, но и рядовых читателей. Издание устных исторических источников дает возможность «вернуть» простым людям их прошлое, «отнятое» у них профессиональными историками, сделать его доступным. Но одновременно должны быть сформированы способы передачи той информации, с которой нужно работать исследователю, использующему устные исторические источники в своих исторических обобщениях и созданиях исторических повествований.

Сложности подготовки устных исторических источников к публикации начинаются уже на этапе транскрибирования — перевода устного диалога

или рассказа в письменную форму. Надо сказать, что метод опроса широко используют журналисты. Но их жанр — газетная публикация — имеет не источниковедческую цель, а узкоинформативную, в рамках заданной газетной публикации. Поэтому их отношение к полученной информации очень вольное. Они редактируют и шлифуют полученный рассказ и вольно его интерпретируют. Именно поэтому газетный материал не входит в группу устных источников, хотя некоторые исследователи ошибочно включают их в эту группу (Е. Мещерякова). Вместе с тем, к сожалению, в устноисторической практике нет методики оформления устных исторических источников при подготовке их к изданию. Речь здесь идет не об оформлении источника для хранения в архивах, а его публикация. При подготовке источника к архивированию есть свои проблемы: например, как отразить на бумаге жесты, мимику, телодвижения, выражение лица, междометия, относящиеся к выражению позиции, отношения, оценке рассказчика. В отечественной практике отсутствует единая методика оформления устных исторических источников, несмотря на то, что в фондах и государственных архивов, и государственных музеев хранятся источники личного происхождения (фонды красных партизан, фонды истории фабрик и заводов и др.), при создании которых использовались методы устной истории. Опрос и интервьюирование используется и в современной практике музейных и архивных работников, но отсутствие методики оформления и презентации материалов опроса ведет к потере всех характеристик чувств, отношений, мнений рассказчика — информации, которая отражает его рефлексии.

При подготовке устного источника к презентации добавляется проблема, связанная с самим характером источника, обусловленным условиями его создания (вопрос — ответ, взаимодействие респондента и рассказчика), внешней «неряшливостью», часто — алогичностью повествования. Вместе с тем сами эти особенности являются источником информации не столько для историков, сколько для лингвистов, этнографов, этнопсихологов, психологов. Эта полинасыщенность делает устный исторический источник важным для междисциплинарных исследований и ставит проблему кодировки этой информации при их подготовке к публикации. Поэтому в условиях отсутствия единой методики презентации устных исторических источников были проанализированы и привлечены лингвистический и археографический опыт. И у лингвистов (диалектологов, фольклористов) есть своя система обозначений особенностей устной речи и письменной документалистики (паузы, междометия, диалекты, человеческая реакция и т. д.) своя кодировка звуковой и незвуковой информации. У археографов также есть своя знаковая система при публикации документов разного рода, в том числе обозначения сокращений, пропусков и т. д.

Сложным является и вопрос о применении лингвистами редактирования. Редактирование облегчает восприятие устного источника рядовым читателем, но ведет к потере важной информации, маркированной фразами, междометиями, нелитературными выражениями, чаще всего и отражающими эмпирический опыт рассказчика, ментальную характеристику, жизненные установки, политические пристрастия и т. д. Неоднозначным является и прием сокращения текста интервью (вопрос—ответ) в случаях отвлечения от темы расспроса, отступления от интерпретируемых событий, экскурсы в современность.

В связи с этим публикация устных исторических источников является новым и пока непонятным делом для отечественной практики. Попытки опереться на зарубежный опыт, представленный презентацией устных исторических источников в Интернете, выявили значительные языковые трудности, в частности игру слов в устной речи и т. п.

Некоторые сомнения вызывает и тематическая пестрота устных исторических источников, коллекции которых могут быть опубликованы. Например, для нас они обусловлены направлением и характером работы кафедры отечественной истории и лаборатории исторического краеведения БГПУ. В нашем арсенале имеется несколько исследовательских проектов, связанных с изучением деревенской информационной среды, этнической истории и др. В известных российских центрах устной истории обычно проводятся тематические исследования (например, голод на Кубани в 1933 г.). Стационарная работа также проводится по определенным темам: так, в известном проекте «Человек в истории» общества «Мемориал» была проведена кампания по сбору устных исторических источников на тему «Человек на войне», приуроченная к 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Но сохранение публикаций в рамках темы требует определенной цензуры и изъятия «личных» материалов. Любое же вмешательство человека в подготавливаемый к публикации источник субъективно и искажает то, что хотел сказать сам интервьюируемый.

Поэтому историкам необходимо договориться о том, как подготовит устные исторические источники к публикации, чтобы сохранить всю их полноту и вместе с тем сделать их презентабельными не только для исследователя, но и для рядового читателя.

Методические рекомендации к интервьюированию старообрядцев

И. В. Куприянова. Кроме обычных такта и корректности, обязательных в обращении с информаторами в условиях сбора устного материала, при работе со староверами исследователю необходимо быть особенно внимательным, так как в ряде случаев неверно и не к месту заданный вопрос может привести к срыву интервью. Как правило, информаторы — старожилы

алтайских сел — люди чрезвычайно ответственные и воспитанные, они редко напрямую отказываются отвечать на такие вопросы, если уже вступили с вами в психологический контакт: например, разрешили войти в дом или в усадьбу, приняли ваши объяснения о целях интервью, согласились уделить вам время. Тем не менее, если заданные вопросы им не понравятся, они замкнутся, будут отвечать односложно, отговариваться незнанием или постараются перевести разговор в другое русло. Так или иначе, нужной информации полевой исследователь не получит.

При интервьюировании староверов многое зависит от того, в какой мере исследователю удастся установить с ними психологический контакт и вызвать доверие. Нельзя допустить, чтобы они расценили задаваемые вопросы как проявление праздного любопытства и вмешательство в их личную жизнь. Поэтому надо сразу же как можно убедительнее, понятно и в то же время немногословно объяснить цель своих расспросов. Иногда информаторы выказывают подозрение и настороженность, если исследователь по ходу интервью ведет запись в полевом дневнике. Порой люди настойчиво спрашивают, зачем и для чего это делается, и, если объяснения исследователя не покажутся им убедительными, они ведут себя более скованно. Иногда, как бы в шутку, спрашивают, не пришли ли их арестовывать. При этом реакция на технические средства записи совершенно иная: порой информаторы просто не замечают камер и диктофонов, в других случаях им кажется занятным послушать запись собственного голоса и посмотреть свое изображение на цифровой технике. Таким образом, они не связывают данный способ фиксирования с «протоколом», «арестом», как это бывает при записывании от руки.

Причины этого порой настороженного отношения к исследователям нужно искать в традиционном недоверии староверов к «чужим» — посторонним, неизвестным людям. Кроме того, в период коллективизации алтайское старообрядчество, как никакое другое в Сибири, подверглось наиболее жестоким репрессиям, память о которых сохраняется до сих пор. Этим объясняются опасения людей, которые не очень хорошо представляют, что может выйти из этих разговоров в дальнейшем, какие они могут иметь последствия. Таким образом, они не хотят раскрывать себя не потому, что не доверяют конкретным исследователям, а просто на всякий случай: так им спокойнее. Исследователи старообрядчества Сибири отмечают, что на Алтае работать намного труднее, чем где-либо: люди слишком замкнуты, слишком настороже, и лишь с большим трудом, и то не всегда, удастся вызвать их на контакт.

Согласие старообрядцев на интервью само по себе можно считать исследовательской удачей. Теперь необходимо правильно построить разговор. Главное правило здесь — ничего не навязывать. Нужно позволить чело-

веку самому выбрать характер общения и манеру разговора; при этом, однако, исследователь должен по мере возможности не упускать из виду свои научные задачи, осторожно направляя разговор в нужное ему русло.

Иногда информаторы — хотя и пожилые, но часто еще сильные, активные, яркие и интересные люди — не хотят играть пассивную роль, только отвечая на задаваемые вопросы: они стараются создать комфортную для себя атмосферу, чтобы получить удовольствие от беседы и от процесса общения с исследователями. Например, иногда они идут на контакт избирательно: из группы исследователей выбирают кого-то одного, чье поведение, манеры или просто наружность им больше понравятся, вызовут у них наибольшее доверие, и в дальнейшем обращаются только к нему. В таких случаях требуется положиться на информатора, уступить ему инициативу — не нужно заставлять его переключать внимание на кого-то другого, даже если, как это часто бывает, выбранное им лицо не сведуще в этом материале. Тем не менее нужно препоручить этому лицу поддержание контакта и дальнейшее интервью. Специалист может помочь ему, по ходу интервью осторожно подсказывая уточняющие вопросы, которые необходимо задать.

Особенностью интервьюирования старообрядцев является то обстоятельство, что многие из них, порой не отказываясь от беседы с исследователем, в то же время скрывают свою принадлежность к староверию, при этом исследователь ясно видит присутствие в их рассказах старообрядческой специфики. Известно, что информаторы всегда описывают тот вариант традиционной культуры, в котором они родились, воспитывались и жили, и только те ее формы, которые они наблюдали лично. Если они не сталкивались с какими-то явлениями в своей жизни, то обычно говорят: «У нас этого не было». Таким образом, у исследователя не остается сомнений, что перед ним — выходец из старообрядческой среды, однако сам человек это категорически отрицает.

Чтобы правильно скорректировать манеру беседы, для исследователя чрезвычайно важно еще до начала интервью понять, с кем он имеет дело. На принадлежность данного информатора к староверию могут указать жители села, соседи, работники домов культуры и сельсоветов, к помощи которых иногда целесообразно прибегать. На принадлежность к старообрядческой среде могут указывать редкие имена, такие как Милодора, Секлетинья, Павлинья, Пестимея, Лифантий, Логгин, Лазарь, Феопен, Филарет, Викула, Ивойло и др., а также соответствующие отчества. Кроме того, выходцев из старообрядческих семей можно определить по фамилиям, особым для каждого района компактного проживания староверов: например, в Солонешенском районе это Архиповы, Черепановы, Ломакины, Типикины, Мокрушины; в Алтайском, Смоленском и др. — Рехтины, Абабковы, Худяковы, в Красногорском — Санниковы, Долговы, повсеместно — Фефеловы и др. Име-

ются и другие признаки: внешний облик, убранство жилища — характерные детали интерьера и одежды, порой сохраняемые до сегодняшнего дня. Наконец, большую роль играет интуиция исследователя.

Для начала целесообразно задать ряд нейтральных вопросов — о селе, занятиях населения и т. д., затем можно поинтересоваться, жили ли здесь кержаки. Если информатор ответит, что, например, он сам кержак или его родители были кержаками, дальше можно вести интервью относительно свободно: расспрашивать об особенностях религиозно-общественной жизни, специфике старообрядческого уклада, трактовках информаторами различий старой и новой вер и др. Если же информатор не признается в принадлежности к старообрядчеству, но вы видите, что он кержак, то незачем уточнять этот вопрос, лучше дать понять, что вы верите ему, — это сразу его успокоит, — и расспрашивать о староверах в третьем лице, то есть позволить ему сохранить инкогнито.

Если информатор категорически утверждает, что никаких кержаков здесь не было, а у исследователя есть противоположные сведения, то нужно вести интервью, не упоминая о кержаках, но строить вопросы так, чтобы осветить особенности старообрядческой культуры. Если информатор почувствует, что исследователь слишком близко подошел к проблемам, о которых он говорить не хочет, и начнет проявлять беспокойство, то нужно немедленно переключиться на другие вопросы, а затем осторожно вернуться к обсуждению интересующих аспектов. Если беседа складывается в психологическом плане сложно, ни в коем случае нельзя задавать прямые вопросы. Причины этой сложности кроются обычно в противоречивости чувств информатора, когда он видит себя обязанным помочь исследователю, но при этом не желает говорить о слишком важных для себя вещах и старается обойтись менее значимыми темами, в то время как логика беседы постепенно влечет его ко все большей откровенности. Прямой вопрос он воспринимает как повод прекратить разговор.

Несколько лет назад в литературе обсуждалась такая этическая проблема, как допустимость фиксирования рассказов и богослужений старообрядцев вопреки их желанию, то есть скрытым диктофоном. Говорилось, в частности, что проблема неоднозначна. С одной стороны, является безусловно аморальным обманывать людей, хотя бы и в интересах науки; с другой стороны, речь может идти об уникальных материалах, имеющих чрезвычайную научную ценность, потеря которых для науки может оказаться невосполнимой и потому непростительной. Ученые приходят к выводу, что каждый исследователь должен решать этот вопрос сам и нести ответственность за последствия своего решения. В качестве компромисса можно сделать то, что в обычных ситуациях делать недопустимо: позднее записать в дневнике или наговорить на диктофон ту информацию, которую удается

восстановить по памяти. Для того, чтобы точнее воспроизвести по памяти материал, необходимо, чтобы его слушали несколько исследователей, если позволяют обстоятельства.

Сведения о жизни старообрядческих общин предпочтительнее получать от выходцев из данной среды, однако это не всегда возможно. Еще одним источником такой информации, хотя и менее достоверным, являются рассказы соседей староверов — никониан, имевших возможность наблюдать эту жизнь со стороны. Чтобы правильно оценить подобный материал, исследователь должен уяснить характер отношения этих людей к староверам. Не секрет, что в большинстве случаев оно носит негативный характер, что объясняется поведением самих кержаков. В частности, ни один человек, чуждый мировоззренческими установкам староверов, не в состоянии понять смысл соблюдения ими «чашки». Факт выбрасывания кружки после того, как из нее дадут напиться посторонним, или «мирским», до такой степени противоречит представлениям русских крестьян о традициях гостеприимства и общения, что он не только наиболее ярко врезался в память людей, но и сам по себе является для них главной и порой исчерпывающей характеристикой староверов. Всегда и везде в ответ на вопрос о кержаках исследователю приходится прежде всего слышать, что они «выбрасывали кружку».

Вступая в контакты с кержаками, мирские постоянно наталкивались на подобные запреты и представления, смысл которых был для них темен и потому оскорбителен. Вытирание хозяйками дверных ручек, за которые брались мирские, и лавок, на которых они сидели при посещении кержаков, приход их в гости к мирским со своей посудой, осознание ими себя как «чистых», а всех остальных — как «поганых» и др., конечно, в подавляющем большинстве случаев не способствовали формированию в сознании мирских положительного образа кержаков. Как следствие, порой приходится слышать явные небылицы вроде женитьбы староверов на родных сестрах и приверженности их к пьянству и кутежам. Бывают, однако, и исключения: достаточно редко, но все же приходится наблюдать и другие, более положительные представления о кержаках, вызванные близким знакомством с их жизнью и уважением, внушенным их невероятным даже для крестьян трудолюбием, набожностью, преданностью своей вере.

Таким образом, «мирские» наблюдатели жизни староверов рассказывают о ней чрезвычайно охотно, но к этим рассказам следует относиться критично.

Подводя итог, следует отметить, что исследователь, желающий продуктивно работать со старообрядцами, обязан учитывать ряд специфических особенностей, присущих этой категории носителей информации, и быть готовым преодолеть возможные проистекающие из этих особенностей психологические и технические проблемы.

Информант и ученый: этика взаимоотношений

Л. М. Дмитриева. 1. Историко-лингвистическая ценность русской разговорной речи в современных условиях очень велика, поэтому следует считать дальнейшее развитие исследований в этой области — сбор фактов, их систематизацию и интерпретацию — весьма желательным, хотя в свое время фонетический и грамматический материал на территории первичного заселения уже был собран в связи с работой по составлению диалектологического атласа русского языка. Территория вторичного заселения в этом плане отстает.

2. Теория языковой личности на территории вторичного заселения также не может считаться разработанной до конца, хотя в настоящее время в общем плане идея языковой личности для общей лингвистики новой не является. Осмысление ее весьма разноаспектно и многомерно: от абстрактной языковой личности, от стремления обобщить глубинные языковые представления до анализа языковых способностей конкретного носителя языка. Конкретная языковая личность может быть представлена несколькими типами — в том числе определенные единицы языка могут выражать региональные типы языковой личности, например диалектную языковую личность, просторечный тип русской языковой личности и т. д. Значительность отдельной диалектной языковой личности — не только в ее индивидуальности-речевой неповторимости, но и в том, насколько широко и полно представлена в ней исторически сложившаяся региональная языковая картина мира, насколько зримо представлены в ней особенности культуры данного народа, отражены такие виды обыденного сознания, как нравственное, эстетическое, политическое, этническое, религиозное.

3. Обычно информант, объект описания, — типичная региональная языковая личность, типичный житель села, носитель одной из основных форм существования национального языка. Он обладает своеобразной выразительной речью, поэтому интересен и как типичный, и как ярко индивидуальный носитель языка.

4. Путь от фиксации слова в речи к анализу его употребления, от последнего — к определению значения, после чего — установление возможных корреляций данного слова с другими — одинаков для любого исследования. Эта последовательность не случайна, опреться на собственное языковое сознание исследователь может далеко не всегда. Здесь незаменима помощь собеседника — студента, аспиранта — одним словом, будущего ученого. Его задача состоит в организации контекста, способствующего пониманию смысла имени, порождению нужных ассоциаций. Контексты, получаемые исследователями, могут быть информативными, малоинформативными и неинформативными. Насыщенность контекстов становится выше, если исследователь постоянно обращается к языковому соз-

нению говорящих для выявления информации, которую несет та или иная лексическая единица: «А петрушка – это что такое? – Ну петрушка и петрушка, и имя такое есть. – А если в огороде растет? – Так это разве петрушка? Это так, зелень какая-то. – А вы ее используете в еде-то? – Так я-то нет, у нас все сама готовит» (из записи 2004 г.). Очевидно, что более корректная постановка вопросов способствовала бы получению большей информации.

С лингвистической точки зрения, это обобщение целого ряда контекстуальных смыслов, обогащение определенными ассоциативными значениями, приобретенными словом в процессе его функционирования в тексте, способствует закреплению за данным именем в конкретном тексте индивидуального значения.

5. Методическая четкость, достаточный объем проанализированного материала всегда обеспечивают, на наш взгляд, необходимую достоверность выводов. Записи речи информанта, сделанные в условиях естественного, непринужденного общения, сбор материала методом включения в языковое существование говорящего и долговременность сроков наблюдения также способствуют достоверности.

6. Такое исследование, проведенное в ситуации взаимного понимания, может не только служить источником изучения лексики и других ярусов языковой системы и фундаментальных проблем лингвистики (устройство лексикона, связь языка личности и коллектива, языковая картина мира и др.), но и дать важный объективный материал для социологии, соционики, истории. Результаты такого исследования будут способствовать комплексному изучению духовной картины в современном обществе.

7. Конечно, большой интерес для науки по-прежнему представляет прежде всего описание и изучение устной речи носителей народных говоров небольших языковых коллективов. Народные говоры, как и всякий язык вообще, являются средством общения между членами определенного исторически сложившегося коллектива на определенной части территории. Они первичны по отношению к литературному языку и глубоко коренятся в сознании народа. Они создают свой «микромир», в котором имеется особое отношение к разным событиям «там вверху», по-своему оценивают поведение каждого жителя, иначе видят историческое развитие современного общества и даже историю древнего мира. Исследованием их исторического сознания опять же должны заняться студенты и аспиранты, прежде всего те, которые являются не только участниками научных полевых экспедиций, но и непосредственными исполнителями научно-поисковых работ в архивах, библиотеках и лабораториях. Если считать, что народная речь в основном диалогична, то очевидно, что диалог должен вести человек знающий, мыслящий.

8. В итоге могут быть привлечены магнитофонные записи, как можно точнее отражающие ход беседы между двумя или несколькими членами данного языкового коллектива в форме вопросов и ответов. Однако, как показывает многолетняя практика, диктофон лучше скрывать от информанта, чтобы тот не чувствовал себя скованно.

Методическая четкость беседы, максимальная готовность исследователя к любым встречным вопросам, естественность, непринужденность общения, достаточный объем проанализированного материала обеспечат, на наш взгляд, необходимую достоверность научных выводов.

Сбор материала методом «включения в языковое существование говорящего», базирующемся на двух основаниях: психологической контактности между исследователем и говорящим и долговременности сроков наблюдения также способствует достоверности.

Интервью в социогуманитарных исследованиях

Л. М. Растова. Уважаемые участники «круглого стола»! Тема, которую мы запланировали для обсуждения, сформулирована следующим образом: «Интервью в социогуманитарных исследованиях». Учебно-научно-исследовательская лаборатория «Социология образования» и кафедра социологии и политологии проводят прежде всего социологические исследования, но не только. Мы реализуем и социально-психологические, социально-педагогические исследования. Я думаю, что мы построим наш разговор не только на предмете социологии, но и попытаемся внедриться в области других дисциплин, которые так или иначе используют метод интервью применительно к своему объекту и предмету исследования. Поэтому я хотела бы предложить начать «круглый стол» с обсуждения вопроса «Социально-исторические условия актуализации метода интервью в социогуманитарных исследованиях», а затем рассмотреть и другие вопросы. Мы уже имеем опыт проведения круглых столов, все желающие могут участвовать в обсуждении каждого вопроса. Итак, в каких случаях метод интервью актуален и в каких социально-исторических условиях?

Н. А. Матвеева. В современном обществе потребность исследовать мнение отдельного человека по конкретной социальной проблеме становится все более актуальной. Актуальность использования интервью в социогуманитарных исследованиях я усматриваю в нескольких чертах современного общества, которые требуют индивидуального подхода к человеку. Современное общество характеризуется таким явлением, как индивидуализация общественной жизни. Сегодня человек находится в ситуации, когда прошлый опыт, накопленный другими поколениями или им самим на протяжении его индивидуальной жизни, все меньше пригождается для принятия жизненно важных решений. Человек вынужден постоянно накапливать и изменять свой индивидуальный опыт и по-своему его проявлять в различных сферах общественной жизни: в образовании, труде, семье. Выявить индивидуальность жизненного опыта человека и позволяет метод интервью.

Еще одним моментом, который актуализирует метод интервью в социогуманитарных исследованиях, является травматичность социальных изме-

нений. Глобальные социальные изменения в любых сферах общественной жизни: экономике, политике, культуре напрямую влияют на жизнь человека. Это влияние не всегда носит прогрессивный, позитивный характер. Определить, насколько связаны направленность и скорость общественного развития и течение индивидуальной жизни человека, во многом позволяет метод интервью. Таким образом, индивидуализацию формирования и использования жизненного опыта человека и травматичность социальных изменений я бы выделила как важнейшие социальные факторы актуализации применения интервью в социогуманитарных исследованиях.

Н. А. Еньшина. Наталья Александровна, в этой связи возникает вопрос: не будет ли индивидуализация общественной жизни создавать определенные препятствия для проведения интервью, поскольку может порождать некоторую закрытость и отчужденность потенциальных респондентов?

Н. А. Матвеева. Известны различные виды интервью, и форма его проведения во многом зависит от того, кем является респондент. Начиная исследование, важно знать, в каком социальном контексте находится участник интервью, каково его социальное положение, его потребности, возможности решать социальные проблемы, которые предполагается с ним обсудить.

Г. Е. Дудинский. Я считаю, что в процессе индивидуализации человек саморазвивается, самоформируется. Он старается не только сохранить имеющуюся информацию, но и проанализировать ее. И я считаю, что такая информация исследователю очень важна, так как человек передает с ней свою оценку происходящих событий. Я считаю, что индивидуализация общества — это форма самосохранения личности, т. е. это не отрешение от общества, это постоянное аккумуляирование внутри себя «силы», чтобы в какой-то определенной ситуации воспользоваться этими силами и занять свое место в обществе.

С. Г. Абрамкина. По отношению к предмету социологии мне понятно использование этого метода. Мы изучаем субъективное мнение каждого респондента и получаем объективные данные. Если говорить об историческом исследовании, то я считаю, что мы не получим объективные знания, если будем опрашивать каждого. Каждый видит историю по-своему, оценивает по-своему свою жизнь и те события, которые происходили в жизни. Кроме того, ошибки памяти, возможное приукрашивание собственного вклада в повествовании неизбежны. Поэтому здесь стоит вопрос об очень хорошей подготовке интервьюеров, чтобы они направили этот разговор, получили истинную оценку, а такой школы в историческом образовании практически нет. Поскольку устная история — это сейчас актуальное и перспективное направление в изучении истории, то и нужно предлагать для подготовки будущих историков учебные курсы, которые смогут научить специалистов методике проведения интервью.

Н. А. Матвеева. Согласно, есть некоторые сложности в получении достоверных результатов интервью в социально-исторических и социально-политических исследованиях. Когда мы напрямую спрашиваем людей об оценке политических событий, о рейтинге какого-либо политического лидера, есть опасность, что социолог не получит искреннего, открытого ответа. Чтобы ее избежать, важно использовать различные виды вопросов, овладеть техникой косвенных вопросов, прежде всего.

Г. Е. Дудинский. Многое зависит от конкретных исторических условий, где и когда собрана информация, насколько система прав и обязанностей гражданина работает в конкретных нормативных актах. Человек должен быть ответствен за свои слова, за ту информацию, которую он дает. В России еще не готовы использовать метод интервью в полном объеме.

С. Г. Абрамкина. Например, мы получаем одни данные о предвыборной кампании при опросе, а при голосовании — совсем другие: люди в кабинках голосуют совсем по-другому.

Н. А. Матвеева. Востребованность результатов интервью связана с уровнем их достоверности. Например, недавно мы закончили полевой этап мониторинга оценки доступности качественного полного среднего образования и последствий образовательных реформ для учителей в Алтайском крае. Одним из методов сбора социальной информации было индивидуальное стандартизированное интервью с учителями и директорами школ. Получены данные, имеющие в существенной степени научную новизну и практическую значимость для принятия управленческих решений в региональной системе образования. Данные оказались востребованы на различных уровнях управления во многом потому, что была реализована актуальная тема исследования, предложены пути решения социальной проблемы, основанные на результатах, полученных с помощью качественного инструментария. Бланк интервью, прежде чем мы начали работать с респондентами, прошел профессиональную экспертизу практикующих социологов на региональном и федеральном уровне.

Г. Е. Дудинский. Одно дело — инструмент исследования, другое дело — сам человек в ситуации интервью.

Н. А. Матвеева. Начиная интервью, нужно понимать, что респондент вольно или невольно будет заранее прогнозировать, моделировать ситуации, в которых могут проявиться последствия его участия в исследовании. Здесь очень важен психологический настрой на открытое общение. Успех интервью во многом зависит от профессионализма исследователя, его психологических знаний и умений их применять.

Н. А. Еньшина. Я хотела обратить ваше внимание на то, что в условиях реализации метода интервью проявляется определенное противоречие. С одной стороны, мы видим факторы, которые актуализируют этот метод в

современных условиях. С другой стороны, мы знаем о неготовности отдельных людей сотрудничать с интервьюером, открыто высказываться по тем или иным вопросам.

Г. Е. Дудинский. В понятиях «интервью» и «гласность» есть общее, но это не синонимы.

Л. М. Растова. Я считаю, что расширение возможностей использования метода интервью в социогуманитарных исследованиях связано с повышением личностного фактора в различных направлениях жизнедеятельности общества. Технические возможности провести интервью сегодня более благоприятны, нежели ранее. В современных условиях возросло участие граждан в политической жизни. И пусть пока неоднозначно, но дорогу прокладывает тенденция обращения к мнению человека по политическим, культурным и другим проблемам общественного развития.

Мы знаем, что метод интервью используют не только в социологии или политологии. К этому методу обращаются историки, музейные работники, филологи, журналисты и др. Оценка возможностей междисциплинарного подхода и выявление общих моментов и различий в реализации интервью представителями социогуманитарных наук — это очень важные вопросы. Согласна с тем, что нужна основательная профессиональная подготовка интервьюеров и всего, что связано с грамотным проведением интервью.

Опираясь на свой исследовательский опыт, могу сказать, что с помощью интервью можно получить информацию, которую путем анкетирования собрать нельзя. Интервью помогает накопить материал, который важен для качественного анализа, понимания того, что происходит в внутреннем мире человека. Интервью богато психологическими, эмоциональными составляющими получаемой информации.

Что касается сферы образования, то, конечно, учителя — зачастую достаточно сдержанные в высказываниях люди. Но очень важны условия проведения интервью. Например, на факультете повышения квалификации, подготовки и переподготовки работников образования при проведении «круглых столов» с использованием метода интервью степень доверия социолога и респондента достаточно высока, в итоге накапливается важный материал для анализа образовательной ситуации. Условия применения этого метода сейчас более благоприятны, чем раньше.

Г. Е. Дудинский. Я считаю, что интервью — это еще и двигатель естественной науки.

Н. А. Матвеева. Согласна, с помощью интервью можно параллельно с исследованием конкретной социальной проблемы выявить видение современным человеком картины мира как на уровне его знаний о мире, так и на уровне его ценностных ориентаций и эмоциональных оценок природы и общества. Проведение интервью имеет множество смысловых и содержатель-

ных планов. Что является результатом интервью? Что мы получаем, когда берем интервью? Это знания о социальном явлении, которое мы изучаем, или это знания о респонденте, перед которым стоит исследуемая социальная проблема. Может, мы получаем только текст, содержание которого потом анализируем. От того, как мы представляем себе результат интервью, во многом зависят анализ и интерпретация полученных данных.

Л. М. Рагова. Я думаю, что у интервью очень много результатов. Интервью дает возможность накопить знания разного плана. Если проводить множество интервью по конкретной теме, то накапливается большой объем информации. Все, что нетипично, отдельные сюжеты жизни, мнения отдельных людей — это остается в сознании, архиве исследователей как наиболее яркие моменты определенных социальных фактов. И кристаллизуется типичное. Думается, что важен эмоциональный момент, он тоже всегда должен анализироваться. Журналисты активно используют интервью, и это не случайно, так как «очеловечивается» сам процесс получения информации.

Н. А. Матвеева. То есть результат интервью — это не только информация, но и эмоциональный фон развития обсуждаемой социальной проблемы?

Л. М. Рагова. Я бы сказала, что это даже более точные знания, когда исследователь приближается к тому, что он узнает — о людях, о работе, об условиях этой работы, почему они так думают, почему они так судят. Исследователь во время проведения интервью не должен выражать своей позиции, но предварительные знания о том, что он исследует (например, знание о профессии учителя или рабочего и т. п.), должен иметь. Журналисты берут интервью с места событий, т. е. вводят зрителя, читателя в ситуацию, о которой дается информация. Но журналист, как правило, интервьюирует одного или нескольких людей, для социолога же массив респондентов должен быть гораздо большим.

Г. Е. Дудинский. Здесь возникает вопрос: считаю ли я получаемую информацию целью или средством? Результат может быть достоверным, законченным знанием, если интервью является единственным источником информации. В случае научных исследований, тем более, если исследование касается общественной жизни, интервью — это все-таки средство достижения цели исследования.

С. Г. Абрамкина. Здесь встает вопрос о форме проведения интервью. Если мы ставим целью получить знания о социальной проблеме, то проводим формализованное интервью и анализируем количественные результаты, полученные на репрезентативной выборке.

Л. М. Рагова. В процессе изучения социальной адаптации молодежи на промышленных предприятиях я использовала формализованное интервью. Я брала 10–15 вопросов и не могла от них отступить, так как матери-

ал обрабатывался математическими методами. Но помимо этого накапливалась обширная информация, позволявшая судить о качестве исследуемого процесса. Проводя интервью, ты отвечаешь за качество исследования сам как исследователь.

С. Г. Абрамкина. Из своего опыта могу сказать, что очень важна подготовка к проведению исследования. Я брала интервью в сварочном цехе, где работали одни мужчины. «Разговорить» их было очень сложно. Ведь для получения более точного результата по правилам проведения интервью необходимо, чтобы интервьюер был из той же социальной среды, что и респонденты.

Л. М. Растова. Конечно, этот момент важен, но далеко не всегда возможно найти интервьюера из той же социальной среды, что и респонденты, а в целом ряде случаев это делать и нецелесообразно.

Ю. Н. Кондакова. Действительно, чтобы получить необходимую информацию, например от учителей и директоров школ, необходимо расположить их к себе, настроить на откровенную беседу. В ходе проведения мониторинга некоторые директора выражали недовольство «вторжением» социологов в их школу и очень строго контролировали процесс опроса. Интервьюеру необходимо было предоставить соответствующее распоряжение от вышестоящих органов управления образованием о том, что именно их школа участвует в исследовании. Довольно часто при интервьюировании учителя отклонялись от заданной темы и выражали свои эмоции по наболевшим вопросам. В таких случаях от интервьюера требуются терпение, доброжелательность, умение вести беседу в нужном направлении.

Л. В. Рыжикова. Основой интервью является социально-психологическое взаимодействие респондента и социолога. Я беседовала с родителями детей, которые имеют отклонения в развитии. Были некоторые трудности при поиске людей, которые согласились бы дать интервью. У родителей, когда я к ним обращалась, возникало напряжение, их смущало опасение относительно возможности разглашения ответов и, соответственно, возможных негативных последствий для них. Задача интервьюера в таких случаях состоит в том, чтобы уловить нежелание отвечать на вопросы и настойчивой, но доброжелательной просьбой убедить респондента, что он может без стеснения и страха выражать свое мнение. В связи с этим я объясняла родителям, с какой целью это исследование проводится, зачитывала вопросы. В беседе я еще раз гарантировала, что их имена нигде не прозвучат, информация будет использована социологами в обобщенном виде.

Несмотря на возникающие при интервьюировании трудности, например такие, как установление психологического контакта с респондентом, значительные затраты времени, считаю, что метод интервью очень эффективен в сочетании с анкетированием при изучении жизненных планов мо-

лодежи. Его эффективность можно объяснить тем, что интервью позволяет получить более полную информацию о планах выпускников школ, мотивах получения ими профессионального образования, выбора профессии, средствах достижения жизненных целей. Кроме этого, интервью дает возможность наблюдения за реакциями, эмоциями респондента, а личный контакт настраивает учащихся на более серьезное отношение к опросу. В ходе интервью можно попросить учащегося уточнить свой ответ, задать дополнительные вопросы, чего нельзя сделать во время анкетирования.

Ю. Н. Кондакова. Метод интервью может быть использован и при изучении ценностных ориентаций старшеклассников школ. В данном случае к преимуществам этого метода можно отнести возможность получения достаточно полной, достоверной информации о ценностях, интересах респондентов и дополнительных сведений, важных для исследования; снижение количества пропусков в ответах.

Н. А. Еньшина. Но психологическая составляющая проведения интервью одновременно создает и трудности, сужает возможности применения интервью. Когда мы проводим групповое анкетирование в классе или студенческой группе, то все друг друга морально поддерживают, и коллективное участие снижает боязнь ответственности за возможные отрицательные последствия для респондентов. А индивидуальное интервью может создавать психологический барьер. Когда вы как интервьюер встречаетесь с респондентами, то являетесь для них незнакомым человеком, и они должны поверить вам на слово, что их фамилии нигде не прозвучат, что интервью будет анонимным. Вы как профессионал должны их в этом сначала убедить.

Н. В. Тумбаева. По своему опыту проведения интервью знаю, что учителя все-таки боятся, что некоторую информацию получит директор школы, но несмотря на это они ищут пути решения своих проблем, и это заставляет их отвечать на вопросы. От интервьюера требуется не только умение сохранить информацию, но и убедить опрашиваемого, что это интервью изменит его положение. Организуя такие опросы, лучше использовать официальные документы, т. е. разрешение директора или районной администрации. Очень важно умение интервьюера расположить к себе респондента, дающего информацию, и человека, который потом будет ее использовать. Интервьюер работает на «два фронта» — чтобы не было проблем с учителями и с администрацией и чтобы не возник конфликт между ними.

Н. А. Еньшина. То есть, как я поняла, чтобы убедить человека принять участие в определенном исследовании, нужно заручиться поддержкой органов управления?

Н. В. Тумбаева. Да, потому что, в этом случае я могу сказать участнику интервью, что это будет не просто статья в газете или журнале, а этой ин-

формацией воспользуются управленцы, чтобы решить его проблему. Но многие по-прежнему боятся говорить о своих трудностях, так как понимают, что руководящие органы не всегда могут изменить ситуацию, но могут применить результаты, полученные интервьюером, в целях, направленных против респондента.

Н. А. Матвеева. Для проведения мониторинга по оценке последствий образовательных реформ для учителей в Алтайском крае потребовалось специально разработать нормативно-правовую базу исследования. В нее вошли приказ Управления по образованию и делам молодежи администрации края, приказы муниципальных органов управления образованием, обращение к директорам школ, удостоверение интервьюеров и другие документы. В современных условиях нормативно-правовое обеспечение социологического исследования является необходимым условием его успешного проведения.

С. Г. Абрамкина. Для подготовки и проведения интервью требуется очень много специфических усилий. Новая техника, которая приходит на помощь интервьюеру, не всегда положительно действует на респондента. Респонденту может быть страшно говорить в камеру или на магнитофон, если он не знает, где будет использоваться эта информация и как истолкуют его речь. Поэтому, по моему мнению, для фиксации материала интервьюеру нужно использовать только свою память и только потом, после окончания разговора, все это воспроизводить документально. Конечно, это большой труд, ответственность и за себя, и за другого. Для проведения интервью необходимо, конечно, обладать психологическими знаниями, обладать еще и каким-то шармом, чтобы человек тебя слушал. Многое зависит от того, в какой предметной области мы работаем.

Н. В. Тумбаева. Интервью – это метод, который наиболее располагает опрашиваемого к исследователю, так как каждый человек чувствует свою индивидуальность, может высказаться и предложить свой способ решения проблем. Разнообразие вариантов ответа на вопрос исследователь не всегда может представить себе, и разместить их все в анкете технически невозможно.

Л. М. Растова. Только в открытом вопросе.

Н. В. Тумбаева. Да, но не каждый респондент найдет время для подробного ответа на открытый вопрос анкеты. В интервью можно выбрать и уточнить последовательность вопросов и вариантов ответа, определить темп беседы, объем информации.

Н. А. Матвеева. Я бы хотела обратить внимание на соотношение методов, которые мы используем для сбора информации в социогуманитарных исследованиях. Существуют разные способы сочетания количественных и качественных методов. Чаще всего они дополняют друг друга. Глубинное

интервью относится к качественным методам, обычно его сопровождает анкетирование, количественный метод, позволяющий собрать значительный объем первичной информации. Или, наоборот, первоначально проводят анкетирование, но для углубления анализа дополнительно используют результаты интервью. В выборе метода важен отправной принцип, по которому будет проводиться сбор информации. По моему мнению, прежде всего нужно хорошо представлять себе предмет исследования и гипотезы, которые планируется проверить.

Л. М. Рацова. Я уже приводила пример своей практики. Для исследования процесса адаптации лучше использовать интервью. Из анкеты такого богатого материала я бы не получила. Мы с Натальей Викторовной тоже не случайно выбрали метод интервью для исследования социально-психологического состояния учителя. Но мы использовали и анкетирование. Эти методы друг друга дополняют. Я думаю, что все зависит от темы исследования, состава респондентов.

Контингент респондентов важно учитывать и при выборе вида интервью. Когда мы проводили интервью с работниками детских дошкольных учреждений, мы выбрали коллективное интервью, и это было правильно. Когда респонденты отвечали на вопросы вместе, то они сразу же сопоставляли ситуации, как у одной и как у другой. Управлять интервью в этом случае сложно. Мне приходилось специально готовиться, но результаты такого коллективного интервью очень высокие.

Н. А. Матвеева. Важнее все-таки выбрать основной метод и дополнительные для проведения исследования, а не пытаться обязательно использовать одновременно и количественные и качественные методы сбора информации.

Л. М. Рацова. Да, тем более что материалы интервью тоже можно обрабатывать количественными методами, если оно стандартизировано. Я бы хотела еще добавить, что интервью лучше проводить социологам, так как методика и техника в этой науке достаточно хорошо разработаны. Многие в междисциплинарных исследованиях зависят от того, что связано с выполнением социологических требований. Мы должны знать психологию, без этого не обойтись.

С. Г. Абрамкина. Возвращаясь к теме семинара, посвященного методу устной истории, хочу заметить, что в социально-исторических исследованиях интервью может сопровождаться контент-анализом, одним из видов анализа документов.

Н. А. Матвеева. Я считаю, что метод устной истории в строгом методологическом смысле нельзя назвать интервью. В действительности, анализируя устную и записанную речь респондента, мы работаем с социальным документом, фонетическим и грамматическим. Исследование текста имеет

свои особенности, которые описаны в методике анализа документов. Интервью и анализ документов — это разные методы по своей организации и эвристическим возможностям. Метод устной истории — это, если быть методологически точным, метод анализа различных социальных документов.

Л. М. Растова. В социогуманитарных исследованиях точек соприкосновения по методу интервью много, и, наверное, представители разных наук могут принести друг другу пользу, если будут работать в плане углубления общих подходов в междисциплинарных исследованиях.

Н. А. Матвеева. Для проведения качественных междисциплинарных исследований и междисциплинарных заимствований отдельных методов, в частности интервью, необходима предварительная научная экспертиза инструментария. Сегодня проводится множество социально-педагогических, социально-психологических, психолого-педагогических, социально-исторических, историко-психологических, историко-педагогических исследований. Иногда, кроме желания поговорить на определенную тему, начинающий исследователь ничем больше не владеет — ни методикой создания инструментария, ни методикой организации интервью. Возникает иллюзия «легкости» метода. Но мы знаем, что за кажущейся легкостью стоит большая методическая работа, которую нужно делать профессионально.

М. Черкасова. Интервью — трудный для реализации метод. Под руководством д-ра социол. наук, профессора Н. А. Матвеевой мы исследуем проблему формирования стереотипа платности образования у учащихся различных классов. Исследование проводится методом глубинного группового и индивидуального интервью. Я старалась использовать более свободный разговорный язык при общении с учащимися, так, чтобы войти к ним в доверие, расположить их к себе, так, чтобы они дали мне более полную информацию, которую я могла бы в дальнейшем анализировать. Я проводила интервью с учащимися 10, 8, 5 и 2-го классов. С учащимися 2-го класса было разговаривать очень интересно, но трудно. Им приходилось объяснять суть вопросов, на которые им нужно было отвечать. Например, на вопрос «что такое хорошее высшее образование?» они отвечали, что это «человек, который все знает. Я думаю, что люди, которые все знают, могут устроиться на любую работу. Высшее образование — это когда хорошо учишься, все четверки, на одни пятерки». Я спрашивала, например, «для кого доступно высшее образование?». В основном были ответы — «для тех, кто хорошо учится». Но было высказано и мнение, что доступно только платное высшее образование. Это прозвучало даже во 2-м классе.

Н. А. Матвеева. Начиная исследование, я сомневалась, брать ли в качестве респондентов второклассников. Казалось бы, что они могут знать о платности образования? Но исследование показало, что определенные представления об этом явлении есть и у младших школьников.

М. Черкасова. Мы зафиксировали, что существует устоявшийся стереотип платности образования у отдельных групп школьников. По крайней мере, мы можем сделать этот вывод относительно учащихся нашего лицея. Я помню, что некоторые дети и подростки отвечали, что «если у родителей есть деньги, то я могу поступить. Лучше я буду поступать на платный факультет, потому что там лучше учат». Хотя в основном были ответы, что «нужно хорошо учиться».

Н. А. Еньшина. Были ли трудности в фиксации материала?

М. Черкасова. Я записывала интервью на магнитофон. Учащиеся не выказывали испуга или неудовольствия. Наоборот, им было интересно давать интервью таким способом и по такой теме.

Л. М. Растова. Говоря о языке интервью, я считаю, что нужно еще работать над тем, чтобы соблюдать грамотность языка, и над тем, чтобы те слова, которые ты используешь, были адекватно восприняты респондентом. Это очень серьезная проблема. Все, что говорится интервьюером, должно адекватно восприниматься респондентом. Если интервьюером употребляются термины, непонятные респонденту, последний может сделать вид, что все понял, но ответит не по сути вопроса. Чтобы интервьюеру точно вести направление интервью, ему нужно хорошо продумывать, какими терминами пользоваться во время интервью, учитывать уровень образования респондента, его профессию, нужно предварительно подбирать такие слова, которые помогут установить нужный контакт с респондентами, в ходе интервью нужно уметь установить необходимое социально-психологическое взаимодействие.

Я думаю, что материалы нашего «круглого стола» вносят определенный вклад в развитие междисциплинарного подхода к современным социогуманитарным исследованиям. Благодарю всех за активное участие.

Н. А. Матвеева. Я тоже хотела бы поблагодарить коллег. Важно, что в обсуждении проблемы приняли участие социологи, политологи. Особенно ценно, что за «круглым столом» обсуждение вели и опытные, и молодые, и начинающие исследователи.

Материалы «круглого стола» подготовили
Н. А. Матвеева, Ю. Н. Кондакова, О. А. Кобзева

Авторы

- Абрамкина С. Г.** — канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и политологии БГПУ
- Антоненко Вероника Витальевна** — зам. начальника управления архивного дела Алтайского края
- Банников Д. В.** — аспирант кафедры истории России Горно-Алтайского государственного университета
- Бердинских Виктор Аркадьевич** — д-р ист. наук, профессор, кафедра истории и краеведения Вятского государственного гуманитарного университета
- Бережнова Марина Леонидовна** — канд. ист. наук доцент, кафедра этнографии и музееведения Омского государственного университета
- Блощицына Мария Викторовна** — аспирант ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск
- Болотова Елена Александровна** — аспирант, кафедра отечественной истории Бийского педагогического государственного университета им. В. М. Шукшина
- Бринёв Константин Иванович** — канд. филол. наук, доцент, кафедра общего и русского языкознания Барнаульского государственного педагогического университета
- Воронина Татьяна Юрьевна** — канд. ист. наук, сотрудник центра устной истории Европейского университета Санкт-Петербурга
- Воронова Надежда Геннадьевна** — канд. филол. наук, доцент, кафедра общего и русского языкознания Барнаульского государственного педагогического университета
- Гончарова Ольга Александровна** — д-р ист. наук, профессор, кафедра истории России, Горно-Алтайский государственный университет
- Гришанин Петр Иванович** — канд. ист. наук, доцент, кафедра отечественной и зарубежной истории Пятигорского государственного лингвистического университета
- Дмитриева Елена Федоровна** — канд. филол. наук, доцент, кафедра общего и русского языкознания Барнаульского государственного педагогического университета
- Дмитриева Лидия Михайловна** — д-р филол. наук, профессор, Алтайский государственный университет
- Дрожецкий Дмитрий Анатольевич** — аспирант кафедры отечественной истории Барнаульского государственного педагогического университета
- Дударева Ольга Николаевна** — начальник отдела информации и публикации документов управления архивного дела Алтайского края
- Дудинский Г. Е.** — канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и политологии Барнаульского государственного педагогического университета
- Еньшина Н. А.** — канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и политологии БГПУ
- Жданова Галина Дмитриевна** — начальник отдела специальной документации Управления архивного дела Алтайского края
- Занданова Лариса Викторовна** — д-р ист. наук, профессор, кафедра политической истории Иркутского государственного педагогического университета
- Зверев Владимир Александрович** — д-р ист. наук, профессор, кафедра отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета
- Козлова Алена Геннадьевна** — научный сотрудник историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»
- Комиссарова Ирина Анатольевна** — канд. ист. наук, доцент, кафедра новейшей отечественной истории исторического факультета Ивановского государственного университета, методист структурного подразделения «туризм и краеведение» об-

- ластного государственного образовательного учреждения «Ивановский областной центр развития дополнительного образования детей» (по совместительству)
- Кондакова Ю. Н.** — аспирант
- Коскова Екатерина Ивановна** — канд. ист. наук, кафедра отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета
- Куприянова Ирина Васильевна** — канд. ист. наук, Алтайская государственная академия культуры
- Лейбова Екатерина Константиновна** — аспирант кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета
- Лоскутова Марина Викторовна** — Ph. D., Академия гуманитарного образования Санкт-Петербурга,
- Любимова Ольга Алексеевна** — канд. филол. наук, профессор, кафедра гуманитарного образования Алтайского краевого института повышения квалификации работников образования
- Мальцева Татьяна Геннадьевна** — ведущий специалист отдела информации и публикации документов управления архивного дела Алтайского края
- Матвеева Н. А.** — д-р социол. наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии Барнаульского государственного педагогического университета
- Небольсина Марина Сергеевна** — канд. филол. наук, кафедра общего и русского языкознания БГПУ
- Осипов Александр Юрьевич** — канд. ист. наук, кафедра истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, сотрудник центра устной истории
- Островская Ирина Степановна** — научный сотрудник историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»
- Охотников Андриан Юрьевич** — научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск
- Растова Л. М.** — канд. филос. наук, профессор кафедры социологии и политологии Барнаульского государственного педагогического университета, заведующая УНИЛ «Социология образования» БГПУ;
- Реброва Ирина Викторовна** — канд. ист. наук, доцент — Социально-гуманитарный факультет Кубанского государственного технологического университета
- Ромадина Татьяна Ильинична** — кафедра истории и политологии Братского государственного университета
- Рыжикова Л. В.** — старший преподаватель кафедры социологии и политологии Барнаульского государственного педагогического университета
- Салахова Лариса Марсовна** — канд. ист. наук, кафедра истории и политологии Братского государственного университета
- Сарапулова Снежанна Валерьевна** — аспирант Иркутского государственного педагогического университета
- Свешникова Ольга Сергеевна** — канд. ист. наук, кафедра социологии Омского государственного университета
- Соловьева Светлана Анатольевна** — научный сотрудник Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки
- Стрекалова Елена Николаевна** — канд. ист. наук, доцент, кафедра истории России исторического факультета Ставропольского государственного университета, сотрудник Центра новой локальной истории, г. Ставрополь
- Сухотерина Татьяна Павловна** — кафедра общего и русского языкознания Барнаульского государственного педагогического университета

Тумбаева Н. В. — аспирант

Усатая Оксана Владимировна — аспирант кафедры новейшей истории отечества, Алтайский государственный университет

Фадеев Константин Викторович — ассистент кафедры истории России и политологии, Томский государственный архитектурно-строительный университет

Фетисов А. С. — аспирант кафедры истории России, Горно-Алтайский государственный университет

Хомич Эмилия Петровна — канд. филол. наук, профессор, кафедра теории и русской литературы XX в. Барнаульского государственного педагогического университета

Хубова Дарья Никитична — канд. ист. наук, руководитель центра визуальной антропологии и устной истории Российского государственного гуманитарного университета

Черкасова М. — ученица 11-го класса лицея № 101 г. Барнаула

Шилова Ирина Сергеевна — студентка Пермского государственного педагогического университета

Щеглова Татьяна Кирилловна — д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Барнаульского государственного педагогического университета

Щербакowa Ирина Лазаревна — научный сотрудник историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»

Abolfazl Hassanabady — manager of oral history archives of organizations of libraries, museums, and documentation centers [Аболфазл Хазанабади — менеджер архива устной истории при организации библиотечного, музейного и документоведческого центра]

Содержание

1. Центры и проекты устной истории в России

Е. Мельникова

Центр устной истории. Европейский университет в Санкт-Петербурге . . . 3

Л. В. Занданова

Социокультурная история Байкальской Сибири в исторической памяти народа (опыт деятельности НИИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ») 5

А. Козлова

«Узницы АЛЖИРа» и «Дочки АЛЖИРа»: проекты НИПЦ «Мемориал». . . . 8

И. Р. Такала, А. В. Голубев, А. Ю. Осипов

Российско-белорусский научно-исследовательский проект «Предвоенное и послевоенное десятилетия: трансформация культуры сквозь призму повседневных адаптивных практик (БССР, КФССР)» 13

Т. К. Щеглова

Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа, документирование устных исторических источников и их интерпретация 16

2. Устная история в России: результаты и перспективы

Д. В. Банников

Молодежная политика в Горном Алтае: взгляды участников 23

В. А. Бердинских

Проблемы устной истории и русское крестьянство в XX в. 25

М. Л. Бережнова

Неустные формы устной истории 27

П. И. Гришанин

Устная история Гражданской войны: объективная необходимость или дань моде? 40

В. А. Зверев, Е. И. Косякова

Услышанное прошлое. Опыт создания и использования историко-биографической коллекции в педагогическом университете . 43

Е. И. Косякова

Городская повседневность межвоенных лет глазами очевидцев: специфика письменных и устных воспоминаний 54

И. В. Куприянова

Роль устных источников в изучении старообрядчества XX в. 64

<i>А. В. Голубев, А. Ю. Осипов, А. А. Савицкий</i> Региональная и этническая идентичность населения Карелии в первое послевоенное десятилетие (1945–1956 гг.)	68
<i>И. Островская, И. Щербакова</i> Опыт принудительного труда в устных свидетельствах бывших остарбайтеров	75
<i>А. Ю. Охотников, Н. Г. Попова</i> Ссылные предки в культурной памяти сибиряков: кулацкая ссылка, депортация немцев Поволжья, репатриация в семейных историях студентов ХГФ ИИ НГПУ	84
<i>И. В. Реброва</i> Устные воспоминания о Второй мировой войне: обзор некоторых новых отечественных публикаций	86
<i>Л. М. Салахова, Т. И. Ромадина</i> Микроисторический анализ социокультурной истории Приангарья и возможности устной истории (опыт изучения мемуаристики)	91
<i>Е. Н. Стрекалова</i> Опыт применения методов устной истории для изучения исторической памяти о XX в. (на материалах интервью ветеранов Великой Отечественной войны)	103
<i>А. С. Фетисов</i> Социальные процессы и религиозная ситуация в Республике Алтай	109
<i>И. С. Шилова</i> Женщина в войне	111
<i>Т. К. Щеглова</i> Социальные отношения в советской деревне (1930–1950-е гг.): вызов устной истории.	114
<i>И. Л. Щербакова</i> Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников	132

3. Зарубежный опыт устноисторических исследований

<i>Abolfazl Hassanabady</i> The Contribution of Oral History in the Preservation of local historical identities of Older Cities	154
<i>Аболфазл Хазанабади</i> Роль устной истории в сохранении локальной исторической индивидуальности древних городов	159

<i>Д. А. Дрожецкий</i> Понятие «устная история» в международной практике (по материалам ресурсов Интернета)	160
<i>Ф. Жутар</i> Региональный проект по исследованию этнических текстов	167
<i>М. В. Лоскутова</i> Устная история в Великобритании и США в 1990-х – начале 2000-х гг.: обзор основных тенденций и исследований, посвященных истории России и СССР	176
<i>Д. Н. Хубова</i> «Устный архив»: технология документирования в устной истории	197

4. Устная история и документалистика: из опыта работы архивов

<i>В. В. Антоненко</i> Проблемы и практика комплектования архивных учреждений Алтайского края аудиовизуальными документами	202
<i>Н. С. Грибанова</i> Создание и организация системы хранения архива устной истории лаборатории исторического краеведения БГПУ	207
<i>О. Н. Дударева</i> Методика работы архивных учреждений Алтайского края по комплектованию документами личного происхождения	211
<i>Г. Д. Жданова</i> Из опыта работы отдела спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края по сбору воспоминаний и документов репрессированных	215
<i>Т. Г. Мальцева</i> Фонды личного происхождения в Центре хранения архивного фонда Алтайского края как источники по изучению истории, науки и культуры Сибири	221
<i>О. В. Усатая</i> Воспоминания социал-демократов о революционных событиях 1905 г. в Барнауле как исторический источник. Опыт исследования	226

5. Школьное историческое краеведение: устная история как метод и источник

<i>А. Козлова</i> Архивная педагогика	233
--	-----

<i>И. А. Комиссарова</i>	
Устная история в работах юных исследователей	239
<i>Е. К. Лейбова</i>	
Сбор и изучение устных исторических источников старшекласниками (из опыта работы)	243
<i>О. А. Любимова</i>	
Методика сбора и обработки диалектного материала при организации лингвокраеведческой работы в школе	258
<i>И. Л. Щербакова, А. Г. Козлова</i>	
Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшекласников «Человек в истории. Россия — XX век»	264
6. Устная история в системе современного гуманитарного знания	
<i>М. В. Блощицына</i>	
Устный опрос в процессе изучения традиционной культуры питания русских Сибири: этика взаимоотношений интервьюера и респондента	271
<i>Е. А. Болотова</i>	
Опыт исследования образа женщины у русских старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX — первой половине XX в.	273
<i>К. И. Бринев</i>	
Лингвистика и устная история: проблемы и перспективы взаимодействия	277
<i>Н. Г. Воронова, С. С. Фомина</i>	
Из опыта перевода обыденных устных текстов в письменную форму	281
<i>О. А. Гончарова</i>	
Народная медицина в Горном Алтае по рассказам знахарей и целителей	290
<i>Е. Ф. Дмитриева</i>	
Письмо как лингвоисторический источник	292
<i>Л. М. Дмитриева</i>	
Тексты воспоминаний старожилов как источник для изучения региональной языковой системы и истории Алтая	296
<i>Н. А. Моторина</i>	
Речевой портрет автора устного текста	303
<i>С. В. Сарапулова</i>	
Праздничная культура сельских жителей Среднего и Нижнего Приангарья	306

<i>С. А. Соловьева</i>	
Из истории заречной части г. Бийска (по материалам полевых исследований 2004 г.)	314
<i>Э. П. Хомич</i>	
Фольклорный палимпсест детской литературы (к интерпретации понятия).	317
<i>Т. К. Щеглова, Л. М. Дмитриева</i>	
Лингво-этнографический словарь Алтая как тип принципиально нового словаря (к разработке методики)	321

Круглый стол

Устная история в отечественной практике: метод, источник, научная интерпретация	331
---	-----

Круглый стол

Интервью в социогуманитарных исследованиях	354
Авторы	365

Научное издание

Устная история
(Oral History):
теория и практика

Материалы всероссийского
научного семинара
25–26 сентября 2006 г.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Тираж ... экз. Заказ № 66.
Отпечатано в ООО «Полиграфсервис»: Барнаул, ул. Космонавтов, 65а.